

К И Р Б У Л Ы Ч Е В

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

ЛОКИД

К И Р Б У Л Ы Ч Е В

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

1

К И Р Б У Л Ы Ч Е В

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ
НА ПОЛПУТИ С ОБРЫВА

ЛОКИД МОСКВА 1995

**ББК 84Р7-4
Б907**

**Серия основана в 1995 году
Составитель серии Георгий Хубларов**

**Серийное оформление Анатолия Гусева
Обложка Александра Яцкевича
Иллюстрации Андрея Разумова**

Булычев Кир

Б907 Галактическая полиция: В 3 кн. Кн. 1. На полпути с обрыва /Сер. оформл. А. Гусева; обл. А. Яцкевича; ил. А. Разумова. — М.: Локид, 1995. — 557 с. — («Современная российская фантастика»).

ISBN 5-320-00023-5 (Кн. 1)

ISBN 5-320-00022-7

Эта книга — первый том из новой фантастической трилогии Кира Булычева, повествующей о невероятных, забавных, драматических приключениях агента ИнтерГалактической полиции XXI века Коры Орват. Мы знакомимся с Корой, когда она, юная девушка, пытается вырваться из специального приюта для сирот, чье происхождение окутано тайной. Здесь она впервые встречается со своим наставником комиссаром Милодаром и обнаруживает удивительные способности детектива. Эти способности помогают ей спасти Землю от нашествия из параллельного мира.

ББК 84Р7-4

**ISBN 5-320-00023-5 (Кн. 1)
ISBN 5-320-00022-7**

© Издательство «Локид», 1995

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ

Зловещий сентябрьский ветер, разбушевавшись по взволнованной глади громадного озера, бросался на остров, бился о круглобные валуны, утопленные в прибрежной гальке, карабкался на песчаный обрыв и принимался гнуть, терзать, вырывать из каменистой почвы изогнутые бурями сосны. Но сосны привыкли к подобным испытаниям и, поддаваясь насилию, склоняясь перед ним, лишь крепче смыкали ряды, и стоило ветру, утомившись, ослабить написк, как они тут же распрымлялись и весело шумели ветвями, отгоняя уставшего воителя.

Ветер, не сладив с соснами, рвался вверх, где легкие облака не могли ему сопротивляться и бежали от него, неслась, порой закрывая узкий серп луны, порой обнажая великолепие звездного неба.

В такие моменты воронам, поднятым яростным порывом ветра из безопасности гнезд, была видна тонкая фигурка в длинном белом одеянии, которая брела по тропинке, перекрытой аркой сосновых ветвей, выставив вперед хрупкие руки, чтобы защитить глаза от сучка или иного опасного предмета.

Казалось, эта фигурка невесома. Порой, когда напор ветра раздвигал очередную сосновую преграду и врывался внутрь леса, девушка была вынуждена замирать и даже отступать под ударами массы воздуха, но стоило ветру немного стихнуть, как девушка упрямо распрымлялась и возобновляла свое загадочное путешествие, ибо никто по доброй воле не покинул бы в столь поздний и неуютный час надежный уют

замка, немые темные башни которого возвышались над лесом, неподвластные бешенству бурь и ливней.

Тропинка, по которой спешила девушка в белом, причудливо вилась между деревьями и скалами; порой девушке приходилось склонять голову в низком тоннеле зелени, а порой она оказывалась на открытом пространстве.

На берегу озера стояла полуразрушенная сторожка, от которой тянулся давно не пользуемый причал для прогулочных лодок. Причал кое-где провалился, а две или три лодки, что были забыты возле него, погрузились в воду, и лишь цепи, прикрепленные концами к настилу, удерживали на плаву их узкие носы.

Неведомая сила вывела девушку к причалу. Обернувшись, проверяя, нет ли за ней погони, она обрастила свой взор к сторожке, за окном которой уловила некое смутное движение. Там мелькнул красный огонек и пропал. Девушка неуверенно ступила на причал. Доски заскрипели под ее легкими шагами, звякнула ржавая цепь, и по замершей, словно ледяной, глади воды разбежалась мелкая рябь.

Глаза, которые следили за девушкой из сторожки, были не единственными, что наблюдали за ее ночным путешествием. Еще в те мгновения, когда девушка в белом спустилась по лестнице в холл замка и, стараясь не шуметь, открыла тяжелую боковую дверь, что вела из библиотеки к оранжерее, некто, старавшийся остаться невидимым, следил за каждым ее шагом. И когда девушка в белом очутилась в ветреной лесной ночи, следом за ней замок покинул некто. В отличие от первой девушки ее преследовательница была подготовлена к ночному путешествию по лесу и закутана в серый плащ и черный платок, отчего она была почти не видна как в лесу, так и на поляне.

Проледив за движением девушки в белом к берегу, преследовательница замерла на опушке леса, но не покинула сени деревьев, понимая, что девушка в белом уже достигла своей цели.

И на самом деле та остановилась, ступив на причал, и стала оглядываться, будто неожиданно для себя проснулась в неизвестном месте.

— Вероника, — послышался низкий прерывающийся голос. — Вероника, я здесь, я жду тебя, я томлюсь в нетерпении...

— О нет! — воскликнула девушка, и в голосе ее был слышен ужас.

— Ты принадлежишь мне, — прошелестел голос.

— Отпусти меня на свободу, — умоляла девушка в белом. Дверь сторожки распахнулась, за ней стоял мужчина.

— Я ждал тебя, — произнес он. — Меня комары зажрали.

Он сделал шаг вперед, и стало видно, что он почти обнажен, если не считать шортов, легких туфель и черной маски, скрывавшей верхнюю часть лица.

— Ты — мой сон, — произнесла девушка в белом. — Ты мой кошмар. Я не могу от тебя избавиться.

— Я — твое сладкое видение, — откликнулся молодой человек.

Он раскрыл руки, и девушка в белом, словно притянутая сильным магнитом, сделала два шага на встречу мужчине, пока не оказалась в досягаемости его рук.

Он привлек ее к своей груди.

— О нет! — повторила девушка в белом.

Молодой человек, прижимая девушку к себе, покрывал ее лицо и шею жаркими лобзаниями. Девушка дрожала от страсти и нетерпения, но в то же время продолжала сопротивляться.

Ее преследовательница в сером плаще стояла неподалеку на краю леса и разрывалась между желанием выбежать на открытое место и помочь девушке в белом или не вмешиваться в сцену и узнать о намерениях ее участников как можно больше. Большой жизненный опыт поведал женщине в сером плаще, что крики и жалобы, которые издает девица, оказавшись в руках молодого мужчины, не следует принимать всерьез. Порой губы девушки щепчат и воскликнают одно, тогда как ее истинные чувства означают нечто противоположное.

Вот сильные обнаженные руки молодого человека гладят длинную шею девушки в белом, опускаются ниже, ласкают высокую грудь, и она негромко умоляет отпустить ее, но сама не предпринимает никаких усилий для того, чтобы вырваться.

— Иди ко мне, — уговаривает свою жертву молодой человек, стараясь увлечь ее в темноту сторожки.

— О нет! — в последнем усилии воскликнула девушка в белом и добавила от всего сердца: — Неужели не найдется ни одной живой души на свете, которая увидела бы мои терзания и пришла бы ко мне на помощь? Ведь я сама бессильна себя спасти!

Но этот возглас пропал в новом напоре дикого ветра, налетевшего с бескрайнего водного пространства. Со страшной зловещей силой ветер ударил в спину девушки и буквально кинул ее в объятия странного человека в маске. Тот сразу же обхватил девушку могучими руками и скрылся с ней в темноте сторожки.

Женщина в сером плаще не сразу нашла в себе силы последовать внутрь домика. Она прижала к груди руки, и ее скуластое бледное лицо, скрытое в тени серого капюшона, исказила гримаса отчаяния.

Изнутри домика доносились стоны и неясные мольбы несчастной девушки в белом. Но когда женщина в сером плаще услышала отчаянный приглушенный крик:

— Только не торопи события, мой мучитель! — она не выдержала.

Она в отчаянии окинула взором берег и увидела валявшийся неподалеку багор, которым некогда подтягивали к причалу прогулочные лодки. Подобрав багор, она ринулась к сторожке, держа его наперевес, и ударила им в дверь сторожки с такой силой, что дверь слетела с петель и упала внутрь помещения.

Грохот и последовавший затем грозный крик:

— Сдавайся, несчастный насильник! — произвели желаемое действие.

Молодой человек в шортах потерял присутствие духа и кинулся в сторону, противоположную той, от-

куда надвигалась опасность. Тонкая старая дощатая стена не выдержала удара его мощного тела и рассыпалась, отчего вся сторожка опасно накренилась.

Женщина бросила багор и наклонилась над распростертой на деревянном полу бесчувственной девицей в белом пеньюаре.

Ветер, вновь налетевший с водного простора, угрожающе пошатнул сторожку.

— Вероника! — позвала девушку женщина в сером плаще. — Очнись, простудишься! Он не успел надругаться над тобой?

Но ни единая мышца не дрогнула на лице несчастной жертвы насилия.

Еще более грозный порыв бури заставил сторожку содрогнуться.

Не оставалось ни секунды.

Скинув с себя серый плащ, женщина закутала в него Веронику и, перекинув ее через плечо, вынесла на берег.

В следующий момент, не выдержав напора стихии, сторожка сломалась подобно карточному домику. Но, почувствовав приближение катастрофы, женщина отпрыгнула в сторону, уронила на гальку несчастную Веронику и упала рядом с ней на мокрую от водяных брызг траву.

У девушки хватило сил приподняться на локте, чтобы кинуть взгляд в сторону причала, словно она опасалась, что страшный насильник находится где-то поблизости и, прийдя в себя, может повторить нападение.

И тут она увидела, как из-под причала вырвалась небольшая лодка, снабженная мощным мотором. Обнаженный молодой человек сидел на корме, управляя лодкой.

Сделав широкую дугу, лодка удалилась в сторону открытой воды, вздыбленной крутыми, бешено рвущимися к берегу волнами. Она опасно накренилась, и девушка даже попыталась встать, уже не опасаясь того, что насильник возвратится. Ей хотелось увидеть, куда же уносится открытая лодочка. Но на горизонте, скрытом в тумане водяных брызг и дождя,

не было видно ни одного крупного судна, тогда как лишь безумец мог решиться уходить далеко в открытое бурное водное пространство.

И опасность такого рода стала действительностью: не завершив поворота, лодка зачерпнула бортом воды и опрокинулась — скорость ее была столь велика, что молодой человек в маске взлетел высоко в воздух и упал в воду, подняв фонтан брызг.

Женщина в сером стояла у воды, стараясь увидеть среди волн человеческую голову или хотя бы днище лодки... но волнистая поверхность воды была чиста от посторонних предметов.

— Вероника, — позвала она громко. — Вероника, очнись!

Вероника отвернулась — ее душа сопротивлялась возвращению в трезвую действительность.

— Вероника, — сказала женщина, — я из-за тебя совсем простужусь. Это бесчеловечно.

И действительно, холодный порывистый ветер заставил дрожать полную немолодую женщину, отдавшую свой плащ несчастной Веронике, которая была облачена лишь в белый шелковый пеньюар и тапочки на босу ногу.

— Что с ним? — прошептали губы Вероники. — Он не утонул?

— Открой глаза, — приказала женщина. Говорить ей было трудно, зуб на зуб не попадал. Ветер застил облаками луну, и на пляже стало темно.

— Это вы, госпожа Аалтонен? — спросила Вероника.

— Да, это я. Ты сможешь подняться?

— Я не знаю, — ответила Вероника, и вновь открывшаяся луна бросила свой холодный свет на ее прелестное лицо, по которому текли прозрачные слезы.

— Немедленно поднимись, Вероника, — приказала госпожа Аалтонен, имевшая привычку вставлять финские слова в русскую речь. — Я не хочу оставлять тебя на баскери. Я не уверена в твоих истинных намерениях. Что может заставить нормальную девицу, которой не исполнилось и семнадцати лет, кра-

стся ночью на берег на свидание с незнакомым молодым человеком?

— Только бы он не утонул! — прошептала Вероника.

— Что ты сказала? — спросила госпожа Аалтонен, не расслышав слов девушки из-за воя ветра.

— Я сказала... я сказала, что ничего не понимаю. Что ничего не помню.

Она зажмурилась и принялась тереть глаза.

— Вероника, немедленно прекрати притворяться, — рассердилась госпожа Аалтонен. — Ты хочешь сказать, что пришла сюда не по доброй воле?

— Не помню. Честное слово, я ничего не помню, госпожа директриса, — простонала Вероника. — Какая-то неведомая сила подняла меня с постели, и дальше... дальше у меня произошел провал в памяти. Здесь был кто-то еще? Кто?

— К сожалению, Вероника, я не могу тебе поверить. Твоя речь представляется мне обычной девичьей ложью. Ты отлично знала, с кем у тебя свидание ночью на берегу. И скажи спасибо, что я выследила тебя и спасла твою девичью честь.

— Что вы говорите! — воскликнула девица. — Неужели моей чести что-то угрожало? Неужели он хотел воспользоваться моим лунатизмом?

— Чем? — спросила директриса.

— Я думаю, — сказала Вероника, — что в моем случае мы имели дело с приступом лунатизма. Я только сейчас проснулась.

— Я хотела бы поверить тебе, — ответила госпожа Аалтонен, — но весь мой жизненный опыт противится этому. Ты знала, на что идешь. Но я должна тебе сказать, что во вверенном мне детском доме связи несовершеннолетних воспитанниц с мужчинами не поощряются.

— Так вы его не узнали? — спросила Вероника с надеждой в голосе.

— Я его обязательно найду. Хотя ты сама виновата: ты сама прибежала на свидание, то есть соблазнила слабого мужчину.

— Это немыслимо, госпожа директриса, — возразила Вероника. — Я не помню, чтобы мне хоть когда-нибудь в жизни приходила такая дикая мысль — в бурю, ночью отправиться на берег. Это же верное воспаление легких!

— Ты не совсем точна, — ответила директриса. — Воспаление грозит мне, а наказание тебе будет объявлено особо.

— О! — воскликнула Вероника. — Это так несправедливо!

Она попыталась упасть в обморок, но госпожа Аалтонен категорически запретила ей оставаться на берегу. Вероника вынуждена была подняться и, обливаясь слезами, последовать вверх по тропинке.

К счастью, ветер теперь помогал идти, энергично подталкивая сзади так, что порой им приходилось переходить на бег, чтобы удержать равновесие.

Наконец, когда они совсем уже выбились из сил, лес кончился и перед ними открылась широкая поляна, в дальнем конце которой возвышался замок.

* * *

Островок Кууси, мирно спящий в северной части Ладожского озера, имеет в длину около трех километров, в ширину — менее километра. Он покрыт редким сосновым лесом. Сосны поднимаются среди огромных валунов, и от частых ветров, сильных морозов и перепадов температуры они вырастают кряжистыми, корявыми, упрямыми, как старые морские волки. На южной оконечности острова поднимается пологий холм, почти лишенный растительности. Лишь полосы травы и лишайников покрывают низинки между серыми лбами покатых скал. Вершину холма венчает массивный замок, сложенный из грубо отесанных каменных блоков. По углам его поднимаются четыре круглые башни с зубчатыми вершинами. Пятая башня, донjon, квадратная и просторная, поднимается в центре замка и ее коническая медная крыша, позеленевшая от сурого климата, видна за много километров, словно маяк.

На вершине ее с наступлением темноты зажигают яркий белый огонь, который медленно вращается, бросая сильный узкий луч света на воды озера, окружающие остров Кууси.

В замок ведут железные ворота, которые закрываются с темнотой. Говорят, правда, что из него к берегу, к маленькой подводной пещере ведет подземный ход. Но весьма возможно, что подземный ход — лишь выдумка романтически настроенных обитателей замка.

Кажется, что замок возвышается здесь вечно, он словно вырос из серых скал и поседел, покрылся лишайниками вместе с ними.

Но когда утренний туман уползает по поверхности холодной ладожской воды, замок, кажущийся притягательной немой скалой, оживает от звуков голосистых труб, играющих бодрую мелодию. Над одной из башен медленно поднимается голубой с белым флаг Всеменской лиги защиты детей, и вскоре вся местность вокруг оживает от веселых звонких голосов.

Широко раскрываются ворота замка, и из него на скалы выбегают легко одетые юноши и девушки. Невзирая на погоду и температуру воздуха, они резвятся на скалах, бегут вниз, окунаются в воду и даже плавают у берега, ныряя, чтобы поднять со дна понравившийся камешек или сорвать волосы водорослей для урока ботаники.

В действительности замок вовсе не стар, он построен на рубеже XX века одним из петербургских чудаков, разбогатевшим на изготовлении чудесной ветчины, изменившим фамилию Галкин на фон Грааль и вообразившим себя одним из рыцарей короля Артура. Он откупил у казны остров, на котором тогда обитали две семьи финских рыбаков, давших острову финское имя Кууси, обозначающее нечто связанное с хвойным лесом, и воздвиг на нем замок Грааль. После чего началась революция 1917 года, и фон Грааль разорился. Скрываясь от большевиков, он убежал на свой заветный остров и приближении к нему катера Ладожской флотилии под коман-

дованием матроса Медника бросился вниз с башни и разбился о камни.

В последующие сто лет замок неоднократно менял хозяев, обитателей и назначение. В истории его были страницы драматические, трагические и потешные, но в конце концов его совсем забросили, и долгие годы он стоял нем и пуст, подобно каменной скале. Лишь во второй половине XXI века он вновь ожил, так как некто в Галактическом центре решил расположить в замке детский дом.

Это был странный детский дом, единственный подобный детский дом на Земле.

Как известно, рождаемость на Земле в течение XXI века неуклонно падала, и потому на каждого ребенка, сданного в детский дом, выстраивалась очередь из родителей. Устраивали даже конкурсы родителей на любовь к детям. И не было смысла создавать детские дома.

Но один детский дом сохранился.

Этот дом состоял в ведении не ведомства Социальной защиты и даже не в ведомствах Здравоохранения или Просвещения, а подчинялся ИнтерГполу — то есть судьбами дома и его обитателей распоряжалось управление под именем ИнтерГалактическая полиция.

Нет, вы ошиблись! Там жили не малолетние преступники. Дело обстояло куда хуже: в доме содержались лишь те дети, подростки, юноши и девушки, судьба которых была окутана тайной. А так как на шестьсот восемь миллиардов жителей Галактической Федерации насчитывается немало тысяч различного рода тайн, то и детей, происхождение которых не разгадано, существует немало, по крайней мере достаточно для того, чтобы организовать специальный детский дом, причем расположенный таким образом, чтобы случайный прохожий не мог туда попасть.

Все эти предосторожности диктовались здравым смыслом и несладким опытом, имевшимся в прошлом детского дома, который и в официальных документах, и в обыденной речи посвященных назывался Детским островом.

Кто эти дети, оказавшиеся без родителей и родственников? Что таинственного в их судьбе?

Можно привести несколько примеров, чтобы пояснить, что имеется в виду.

В спальне номер три, которая расположена в здании, примыкающем изнутри к восточной стене замка, между башнями Птичьей и Кривой, стоят кровати трех девушек. Всем им приблизительно по шестнадцать-семнадцать лет, все они ходят в десятый класс расположенной на Детском острове школы. Все они ничего не знают о своих родителях и даже Центральный компьютер в Галактическом центре не может с уверенностью сказать, откуда они родом.

...Девушку по имени Ко обнаружили геологи на планете Зрофилла, населенной мирными зеленоноогими дикарями. Однажды утром, выйдя из своего бунгало, геолог Картье де Кутурье увидел на ступеньках завернутого в розовое одеяльце младенца, как потом оказалось, женского пола. Младенец, которому от роду было семь месяцев, был сыт, пребывал в отличном настроении, шевелил пальчиками, норовя сбросить шелковое одеяльце, и гугукал. При обследовании девочки обнаружилось, что она относится к виду Гомо сапиенс, белокура, голубоглаза, на правой ножке шесть пальчиков. На одеяльце, простынке и даже пеленке, в которую была завернута девочка, были вышиты буквы К и О. Отчего впоследствии девочку и стали звать Ко.

Все попытки выяснить у мирных аборигенов планеты, не знавших еще ни одеял, ни грамотности, откуда могла взяться девочка Ко на пороге геологического бунгало, не дали результатов. Когда же девочку привезли на Паталиптуре и тщательно генетически обследовали там, то выяснилось, что вернее всего родиной ее является планета Земля, там же изготовлены одеяло и пеленки. Известно также, что до геологов ни один земной корабль не причаливал к планете Зрофилла.

Судьба соседки и подруги Ко по спальне десятиклассниц была не менее загадочна. В двухлетнем возрасте ее нашли на покинутом космическом кораб-

ле, который вернее всего стартовал с Плутона. Однако этот корабль не был приписан к космопорту этой малопривлекательной планеты и был неизвестен в иных космопортах. На груди малышки на золотой цепочке висел золотой медальон, внутри которого находилась старая почтовая марка с островов Зеленого Мыса.

Девочку условно называли Вероникой, потому что так звали мать капитана патрульного корабля, который наткнулся в космосе на покинутое судно.

Третью девочку в той спальне прозвали Саломеей. У руководителей ИнтерГпола были некоторые подозрения по поводу ее происхождения, но наверняка утверждать что-либо было невозможно. Девочку обнаружили в подвале Института времени в Бейруте. Судя по обрывкам ткани, в которую была завернута трехлетняя девочка, она происходила из древнего финикийского города Библа, однако уверенности в том не было. Высказывались подозрения, что девочку подкинули в машину времени в древней Финикии во время какого-то очередного социального катаклизма. Но как это могло произойти без помощи сотрудников Института времени, непонятно. Ни один сотрудник в таком поступке не признался. Да и некого было подозревать. Девочку называли Саломеей в память героини романа Флобера.

Можно еще долго продолжать рассказ об обитателях других спален и боксов замка на Детском острове, но ничего нового вы не узнаете — имеющихся примеров достаточно, чтобы понять, почему место для детского дома было выбрано в исключительно удаленном и отдаленном от человеческих маршрутов месте. И поэтому замок Граала как нельзя лучше подходил к этой цели.

По здравом размышлении создатели этого необычного детского дома решили как можно тщательнее изолировать несчастных сирот, потому что понимали, какую страшную опасность для Земли и всего человечества могут таить эти дети. Ведь Галактика — это не только полигон, на котором проверяются способности цивилизаций к дружбе и сотрудничеству.

ству. Та же Галактика давала, к сожалению, жизнь страшным тиранам и агрессивным замыслам, ставившим под угрозу само существование разумной жизни во Вселенной. И нет никаких гарантий, что рок в будущем не предпримет новых попыток подобного рода. Для того, чтобы уменьшить опасность появления и торжества злобных сил, и существует Галактическая служба безопасности, а также соперничающий с ней ИнтерГпол. Если первая взяла на себя охрану Федерации от космических заговоров и вторжений, то ИнтерГпол занимается локальными, большей частью уголовными проблемами, разыскивая и нейтрализуя преступников и преступные замыслы. Но кто может сказать, где проходит черта между вселенским вторжением и его зародышем — одним убийством на отдаленной планете?

ИнтерГпол взял шефство над Детским островом, ибо каждый его обитатель, неся в себе загадку, смысла и значения которой не осознавал и сам, мог в любой момент превратиться в угрозу для людей. Почему и как — это мог решить лишь ИнтерГпол, если вовремя принимал меры.

А ведь примеры тому уже были...

Поначалу еще маленький, уютный Галактический Детский Домик построили под Лондоном в поселке Бромли, и сиротки свободно общались со своими сверстниками из окружающих кварталов, играли с ними в крокет и гуляли под замшелыми вязами поселкового парка.

Через некоторое время на окрестных фермах начался падеж домашнего скота. Коровы и овцы были фактически обескровлены. Ветеринары ломали себе головы, что же могло произойти. Но ответа не нашли. И вот случилась настоящая трагедия: в поле, возле изгороди, возведенной еще в пятнадцатом веке, было найдено тело сержанта Бейлиза, ветерана ряда космических экспедиций, отважного воина и доброго прадедушки. Белое, словно из мрамора, тело, облаченное в бархатный ночной халат, лежало навзничь. Широко открытые водянистые глаза вете-

рана были устремлены к звездам. Ни единой капли крови не осталось в его кровеносной системе.

На этот раз проводившему расследование этой трагедии инспектору бромлеевской полиции У.Э.Хелмсу повезло: возле тела ветерана он обнаружил во влажной почве дренажной канавы отпечаток маленького детского следа. По слепку со следа был изготовлен башмачок, который У.Э.Хелмс в течение нескольких суток примерял всем детям в окрестностях. Под подозрение попали даже лилипуты из бродячего цирка, который приходил в те дни из Лондона в Брайтон и ночевал в окрестностях Бромли. Паника охватила жителей местечка. Матери боялись выпускать детей в школу, взрослые мужчины вооружались бластерами и лучеметами, выходя ночью на прогулку с собакой. Поиски были безрезультатны до тех пор, пока интуиция не привела инспектора к тихому детскому дому. И оказалось, что миниатюрный башмачок как раз пришелся по ноге девочке по имени Мисс, трехлетнему карапузу, которая единственным образом была обнаружена в мешке с морковью на военном космическом тральщике «Орион», что особенно удивительно, потому что команда тральщика состояла исключительно из мужчин, ненавидевших морковь.

В детском доме девочка Мисс вела себя тихо, скромно, улыбчиво, постепенно научилась говорить по-английски, лишь ночной сон ее вызывал опасения у лечащего врача: порой целую ночь девочка могла провести сидя на кроватке, обхватив коленки тонкими ручонками и мерно раскачиваясь. Глазки девочки загорались зловещим оранжевым пламенем, которое, правда, гасло, стоило подойти воспитателю или врачу. Соседки по комнате боялись ее и отказывались с ней жить.

Когда оказалось, что башмачок точно подходит девочке Мисс, инспектор У.Э.Хелмс был в полной растерянности. Как могла такая малютка совершить злодейское преступление, да и ряд других, которые ей приписывали?

Пока суд да дело, крошку поместили в отдельную палату психиатрической больницы, а общество защи-

ты детей подало в суд на инспектора У.Э.Хелмса за особую жестокость по отношению к сиротке.

На третий день сиротка исчезла из палаты. Зато сторож психиатрической больницы был обнаружен под столом в своей сторожке, совершенно обескровленный, со следами укусов на шее.

Только тогда за дело взялись всерьез. Инспектора У.Э.Хелмса заменили комиссар Милодар из ИнтерГ-пола и несколько экспертов по переселению тел и душ. Малютку Мисс удалось отыскать в брянских лесах, а когда ее подвергли тщательному обследованию, то оказалось, что в ее теле находится переселившийся туда опасный шпион империи Кралаждале, он же жестокий вампир, просыпавшийся по ночам и питавшийся кровью своих жертв.

Разумеется, при таком кратком пересказе многие яркие детали выпадают. Можно было бы подробнее и драматичнее поведать о хроническом малокровии, которое обнаружилось у половины обитателей детского дома, и о крови, запекшейся на устах маленькой хрупкой девочки. Когда ее отыскали, она досасывала жизненные силы заповедного зубробизона. Важно, чтобы читатель понял, насколько опасными могли быть воспитанники детского дома, если позволить им свободно общаться со сверстниками. И надеюсь, достаточно сказать, что случай с девочкой Мисс оказался не единственным в истории Особого Детского дома.

Непросто было превратить гуманное учреждение, центр любви и заботы о неизвестных сиротках, в заведение высокой секретности. Порой, как говорил комиссар Милодар, ему так хотелось махнуть рукой на это предприятие и вообще закрыть Детский дом для космических сирот, раздать их по желающим, и пускай малютки взрывают кого и когда хотят. А ведь это тоже были не пустые слова: среди воспитанников как-то обнаружился подросток, зараженный редчайшим вирусом пиromании, который, прежде чем его смогли спрятать в особую асбестовую больницу, умудрился сжечь половину города Цинциннати, так как этот вирус позволяет без вреда для его носителя

поднимать температуру пальцев до семисот градусов. А вы представляете, что случится с вашим домом, если его погладить пальцем, раскаленным, как расплавленный свинец?

Наконец после долгих споров, в основном негласных, после возмущенных статей в газетах, которые большей частью оставались без ответа, решено было перевести Детский дом на выбранный для этой цели остров Кууси, лежащий в стороне от туристических маршрутов и населенных пунктов. Остров облегчал охрану Детского дома, замок давал возможность оборонояться, если кому-то вздумается похитить или уничтожить кого-то из воспитанников, не допускать к детям людей, которые могли бы принести им вред.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что вскоре после завтрака над башнями замка сделал круг личный вертолет командующего силами ИнтерГ-пола в Северном полушарии комиссара Милодара. Комиссар, почитавший Детский остров своим подопечным хозяйством, примчался туда, бросив все дела, как только получил известия о ночном происшествии на причале.

Комиссар Милодар любил детей. У комиссара Милодара было сильно развито чувство долга. Комиссар Милодар считал Детский остров своим детищем, которое он обязан защищать от всех злодеев Галактики и от которого он обязан был защищать саму Галактику.

Вертолет комиссара Милодара опустился на площадке перед входом в замок. Ворота тут же гостеприимно раскрылись. В них стояла доктор наук Роза Аалтонен, полная, скучающая, добродушная дама с золотым лорнетом, который ей достался от дедушки.

— О, комиссари! — воскликнула финка, выбегая из железных ворот замка. — Какой кауху!

— Да, я с вами согласен, — устало ответил комиссар, который не спал три ночи подряд, выслеживая межпланетную банду, спекулировавшую мамонтовыми бивнями. Лишь таинственное происшествие на Детском острове смогло вырвать его из редких и долгожданных объятий Морфея.

Директриса Аалтонен смахнула набежавшую слезу.

— Вероника... очень войн пахойн, понимаешь?

— Плохо себя чувствует? Ну хорошо, я все равно должен буду поговорить с ней.

Комиссар Милодар почти не знал финского языка, директриса Аалтонен в стрессовые минуты забывала все остальные языки, кроме финского.

Милодар быстрыми шагами направился внутрь замка. Директриса гулко шагала сзади и громко переживала на смеси финского и прочих языков.

Уверенными шагами комиссар пересек двор замка и вошел в учебный корпус, который примыкал к восточной стене. По узкой лестнице (ее ступени были выточены из гранита) Милодар вбежал на второй этаж, проследовал узким коридором к кабинету директрисы и возле него замер, словно налетел на препятствие, и вытянулся как матадор, пропуская вперед величественную даму.

Затем быстро обернулся — конечно же все двери из классов в коридор были приоткрыты и в них замерли многочисленные любопытные детские рожицы. Комиссар Милодар отдал честь сиротам, и все двери в классы тут же захлопнулись.

Директриса уже уселась за свой стол, на котором стояло лишь пресс-папье в виде бронзового медведя, придавившее стопку листков и фотографий. Она указала Милодару на удобное кресло. Затем по просьбе высокого гостя поведала ему такую странную историю.

Некоторое время назад директриса обратила внимание на то, что воспитанница Вероника ведет себя нервно, плохо спит, видит во сне кошмары. Она стала невнимательной на уроках и даже начала грубить преподавателям и своим подругам. Налицо был тяжелый клинический случай влюблённости, возможно неудачной. Следовало проверить, в кого влюбилась Вероника. Сначала директриса спросила об этом соседок Вероники по комнате. Правда, она не ожидала, что те легко сознаются и выдадут сердечные тайны подруги товарки. Но иритис — не пытка. Так что директриса под разными предлогами вызвала к

себе всех трех девушек. Первой Ко, потому что она была ближе других к Веронике. К удивлению директрисы, Ко не стала отрицать влюбленности Вероники, но уклонилась от ответа на вопрос — кто объект ее страсти. «Подумай, — говорила директриса, — это может быть опасной болезнью. Вдруг молодой человек не может ответить взаимностью? Вдруг у него уже есть семья?» После этих провокационных слов директриса замерла, ожидая, что, возражая, Ко проговорится. Но Ко совершенно спокойно ответила, что Веронике ничего подобного не угрожает. Ее возлюбленный доступен только ей одной и ни с кем ее не делит. «Как его зовут?» — спросила директриса, не надеясь на положительный ответ. Но Ко спокойно ответила, что зовут его Джон Грибкофф. Такого персонажа на острове и даже среди тех людей, которые время от времени по делам посещали остров, директриса не обнаружила и сочла ответ Ко лукавством. Несколько расстроенная таким поведением Ко, директриса вызвала к себе другую соседку Вероники — Саломею.

— Саломея, друг мой, — обратилась к девушке директриса. — Скажи мне, не влюбилась ли в кого-нибудь Вероника?

— О да, — сразу согласилась Саломея. — И это прекрасно!

— Как есть его имя? — спросила директриса.

— Его зовут Джон Грибкофф, — ответила Саломея, потупя глаза, потому что она была моложе своих соседок и еще ни разу не влюблялась.

— Где он живет? — спросила директриса.

— Я полагаю, что в своем дворце, — сказала Саломея.

— Далеко ли его дворец от нашего Детского острова? — спросила директриса.

— О да! — искренне откликнулась Саломея.

Но более ничего конкретного ответить директрисе не смогла.

Слушая директрису, Милодар тосковал, потому что время утекало между пальцев, а широколицая директриса рассказывала крайне обстоятельно. В то же

время он был убежден в том, что, не прояви директриса такой педагогической активности, вернее всего, роман Вероники и таинственного поклонника не принял бы драматических форм. Но что делать — директриса всегда действовала строго по инструкции. А инструкция требовала расследовать любое необычное явление в жизни Детского острова.

Убедившись в том, что Вероника влюблена, директриса решилась на разговор с самой ослушницей. По правде говоря, никакого преступления в любви нет, и сама госпожа Аалтонен роковым образом влюблялась, о чем старалась даже не вспоминать. Но память о том трагическом увлечении осталась в ненависти директрисы к сахару, компотам, варенью — всему сладкому. Из-за чего страдали дети, потому что в детдоме даже чай был несладким.

Директриса прямо спросила Веронику, что с ней происходит. И Вероника ответила директрисе, что она влюбилась. В кого, спросила директриса. И Вероника ответила, что она влюбилась в Джона Грибкоффа, вполне достойного человека, холостого и добродорядочного. «Кто же он по специальности?» — спросила директриса, но Вероника отказалась ответить на этот вопрос, заявив, что директриса, наверное, шутит, потому что Веронике кажется странным, что на свете есть человек, незнакомый с Джоном Грибкоффом.

Директриса сделала вид, что удовлетворена объяснениями девушек, но заподозрила, что стала объектом какой-то шутки или даже заговора. Поэтому она тут же направилась в учительскую и спросила там у своих коллег, не слышал ли там кто-нибудь такого имени: Джон Грибкофф.

В большинстве своем преподаватели, воспитатели, охранники Детского острова были молодыми людьми, и все они восхлинули буквально хором:

— О, несчастный Джон Грибкофф!

После ряда расспросов директрисе удалось выяснить, что Джоном Грибкоффом называли идола молодежи, авангардистского певца и танцора родом из Мелитополя. Его хиты, такие, как «Не казни меня

живого» и «Чашка кофе в моем кармане», запали в душу миллионам его почитателей...

— Как он проник на наш саари? — строго спросила директриса.

— Ах, он не проникал, — с сожалением воскликнула преподавательница латыни Ларисочка Катулл. — Он погиб, прыгнув с парашютом на вершину Эвереста ровно три года назад.

— Погиб? — ахнула директриса.

И, не откликнувшись на удивленные возгласы в учительской, она немедленно покинула комнату и уединилась в своем маленьком кабинете.

Случилось то, чего она боялась все годы своего правления на Детском острове: в его мирную разменную жизнь вмешалась мистика. Каждый преподаватель понимает, насколько мир живых и мир мертвых близко соприкасаются в сознании ребенка. Ребенок же, заточенный злой волей судьбы на Детском острове, тем более может оказаться игрушкой в лапах злобных сил, которые тянутся с того света. Директриса надеялась, что остров хорошо защищен от гномов, троллей и злых эльфов. Но на деле обнаружилось, что это не так. Вот она, чернокудрая Вероника, — кто мог подумать, что у нее в семнадцать лет уже наметилась связь с инкубом? Или, может быть, эти полумертвцы зовутся иначе?

Перед директрисой встала задача всерьез разобраться в этой страшной истории. И как ни тяжело было ее деликатной натуре беседовать с воспитанницей о неприятных вещах, долг приказывал ей продолжить беседу.

Директриса подстерегла Веронику, побледневшую, похудевшую и похорошевшую, у входа из столовой и попросила уделить ей несколько минут для секретного разговора.

Для этой цели на Детском острове использовали розарий, разведенный как раз за южной башней.

Вероника покорно пошла за директрисой, ничем не выказывая страха или смущения. И вот, собрав в кулак свою волю и знание русского языка, директри-

са сказала, глядя на воспитанницу внезапно запотевшими очками:

— Твой роман с одним молодым... киолют...

— С мертвцом, — улыбнувшись подсказала ей Вероника.

— Вот именно, киолют — представляет большую тревогу для воспитательского корпуса нашей коулу.

— Получается школа мертвцев, — пошутила Вероника, чем вызвала в глазах доброй директрисы неподдельный ужас.

— О нет! — ахнула директриса. — Я спрашиваю о самом настоящем! Неужели ты полюбила мертвого человека?

— Мне трудно поверить в то, что он мертвый, — произнесла Вероника. — В моей памяти он навсегда останется живым. Вы знаете, что он разబился вдребезги о вершину Эвереста, но в тот момент он продолжал петь свой последний хит.

— О да! — согласилась директриса. — Но это не есть настоящая раккаус. Это есть игра в любовь?

— О нет! — возмутилась Вероника. — У нас с Джоном все так серьезно! Он обещал на мне жениться. Он поможет мне бежать из вашей проклятой тюрьмы.

— Но что же ты называешь ванкила? — спросила директриса. — Наш родной Детский остров?

— Ах, как он нам всем надоел! — воскликнула Вероника.

— Не может быть!

— Может, госпожа Аалтонен, может.

— Это не ванкила, а место для развития творческих сил...

— Значит, я могу отсюда уехать?

— Ни в коем случае.

— Почему же?

— Потому что твое образование не завершено.

— Ну вот, такая взрослая, врете, — ответила Вероника. — Просто вы все, люди, нас боитесь. Вам неизвестно, что во мне скрывается. Вы трепещете и бережете от нас свои вещички. А вот Джон Гриб-

кофф никогда ничего не боится. Он может на мне жениться в любой момент.

- Нельзя!
- Почему же?
- Ты подумала, какие у вас будут дети?
- Наверное, такие же смелые, как мой Джон.
- Но ведь он есть мертвый.
- Это для вас он мертвый, а для меня — совершенно живой, — не сдавалась девушка.
- Это трагедия! Я запрещаю тебе к нему приближаться!

В волнении, охватившем директрису, она даже забыла спросить, каким образом Вероника познакомилась со знаменитым мертвецом и как он проникает на остров. Но за нее эту проблему разрешила сама Вероника.

— Госпожа Аалтонен, — попросила она директрису. — Я предлагаю вам заглянуть к нам в дортуар, и там я вас представлю Джону. Думаю, что он вам понравится, а что вы ему понравитесь — в этом нет никакого сомнения.

— Ах! — сказала директриса. Она была близка к обмороку, ибо как опытный педагог знала, что не имеет права падать в обморок в присутствии своей подопечной. И как ей ни было страшно, она согласилась последовать за Вероникой в каменный флигель, где располагались девичьи спальни.

Когда они пересекли двор замка, начался мелкий холодный дождь — осень постепенно вступала в свои права, и вскоре дни станут совсем короткими и тоскливыми. Возобновятся попытки побегов с острова, заявятся, отдохнув на Гавайских островах и в Каннах, группы психологов и физиков, чтобы изучать и мучить сироток, с целью разгадать их загадки, даже когда этих загадок нет. И эта перспектива наполняла сердце директрисы печалью, потому что она любила своих подопечных и переживала вместе с ними то, что им приходится служить подопытными кроликами.

Вот и сейчас — совершенно очевидно, что придется столкнуться с какой-то патологией и эта милая

Вероника из прилежной, правда, не очень яркой ученицы десятого класса, превратится в чудище, объект для недобрых психиатров или духоизгонятелей.

Они вошли в просторную комнату, где обитали три девушки. Высокое, частично забранное витражом окно, выходившее на озеро, было приоткрыто — девочек воспитывали в непрятательной суровой обстановке, зато никто из них никогда не простужался и не страдал болезнями дыхательных путей.

Комната была пуста — подруги Вероники были на занятиях.

Разумеется, директриса не раз бывала в дортуаре старшей группы, но обычно она интересовалась лишь, соблюдаются ли там чистота и порядок.

На этот раз она сразу направилась к кровати Вероники, которая стояла в отдалении от других кроватей, — места хватало всем, так что девушки могли создать себе в комнате уголок по вкусу.

В глаза директрисе сразу бросился портрет странного молодого человека, прикрепленный к стене таким образом, что, возлежа на узкой девичьей койке, Вероника могла непрерывно им любоваться.

Портрет изображал почти обнаженного мускулистого молодого человека ярко-лилового цвета с желтыми полосами, нарисованными на животе и груди. Одежда молодого человека состояла из коротких шортов, блестящих черных сапог и черной маски, скрывавшей верхнюю половину лица.

— Это он? — в ужасе воскликнула директриса, которой нравились иные мужчины.

— Да, — просто ответила Вероника. — Это и есть Джон Грибкофф, и я его безумно люблю.

— Но его на самом деле нет? — спросила директриса.

— Но он есть и на самом деле, — ответила Вероника.

— Где же он живет?

— Он живет между миром живых и мертвых, он живет в туманной бесконечности, ему там страшно скучно, и он хочет со мной дружить. Разве это плохо?

— О, эй! — воскликнула директриса. — Пожалуйста, пускай он живет там, где он живет, но только я не хочу, чтобы он беспокоил твои хермо.

— Что? — удивилась Вероника. — Может быть, я вас не точно поняла?

— Напомни мне русское слово для этого понятия, — взмолилась директриса. — Это то, за что дергают.

— Хер-мо?

— Да, да! Нервы!

Директриса подошла к портрету. Она была вынуждена признать, что, несмотря на дикую раскраску, Джон Грибкофф производил впечатление гармоничного молодого человека.

— И как ты с ним познакомилась? — спросила госпожа Аалтонен. — Если это не секрет.

— Тут нет никакого секрета, — ответила Вероника. — Сначала я увидела его снимок в журнале, и мне он понравился. Потом мне попалась видеокассета с его концертом, и я подумала: вот в кого бы мне влюбиться! А потом он стал ко мне приходить.

— Как так? — Директриса, было успокоившаяся, встрепенулась. — Куда приходить?

— Сначала во сне, — ответила Вероника. — Но мне этого было мало. Мне хотелось до него дотронуться.

— Но ты знала, что он мертвый?

— Он не совсем мертвый, — терпеливо разъяснила девушка. — Все, кто попадает на вершину Эвереста, остаются в значительной степени живы.

— Хорошо, — не стала спорить директриса. — Значит, обнаружилось, что твой избранник в значительной степени жив и готов тебя трогать?

— Вы совершенно правы, госпожа Аалтонен, — согласилась девушка.

— И у вас есть... кохтаус?

— Простите, госпожа директриса. Я не совсем поняла, на что вы намекаете, но надеюсь, что вы не имеете в виду ничего неприличного?

— О нет! — Теперь наступила очередь смущаться директрисе. — Кохтаус — это когда два человека только видят друг друга, но ничего больше не делают.

— Так у нас и было, — согласилась Вероника. — Но, честно говоря, мне хочется, чтобы Джон Грибкофф сделал со мной что-нибудь еще... более энергичное. Мне же семнадцать лет, и одного кохтауса мне недостаточно.

Директриса почувствовала облегчение, потому что происшествие, как оказалось, пребывало в рамках допустимого. Подобные случаи в Детском доме уже бывали. Воспитанники и воспитанницы устраивали романы между собой, был даже случай, когда воспитанница соблазнила преподавателя черчения. Что же касается влюбленности в актеров, спортсменов и телевизионных полицейских, то подобные случаи происходили довольно часто.

Директрису смущало только, что возлюбленный Вероники уже умер и никто этому не удивляется. Надо будет проверить с психиатром, не зарождается ли в девушке болезнь некрофилия, то есть любовь к мертвцам.

— И где же вы делаете... кохтаус? То есть встречаешься? — спросила директриса.

— К сожалению, госпожа Аалтонен, я не смогу вам ответить на этот вопрос, — сказала Вероника. — Потому что вы мне наверняка запретите наш кохтаус.

Вероника уже сомневалась в том, что под словом «кохтаус» скрывается всего-навсего «свидание».

— Но ведь это шутка, игра! — воскликнула директриса, зная уже, что совершает ошибку. Если ты имеешь дело с человеком, у которого есть мания — какая угодно: любовная, национальная или идеиня, — надо с ним, если не соглашаться, то по крайней мере не спорить.

— Для вас, может быть, и шутка, — спокойно ответила девушка. — Но для меня переломный момент в жизни. Может быть, я убегу от вас вместе с Джоном. Он уговаривает меня бросить вашу школу.

— И где же вы будете жить?

— У Джона осталось несколько замков и летних домиков. Может быть, мы с ним побудем на Таити.

— Голубушка, — рассердилась директриса. — Какой еще Таити? Твой Джон умер, разбился, ты же сама сказала!

— Что-то разбилось, а что-то для меня осталось, — загадочно произнесла Вероника, взяла с тумбочки небольшую фотографию своего возлюбленного и поцеловала ее. После этого она протянула ее директрисе со словами:

— Поглядите.

Поперек фотографии было написано размашистой рукой:

«Моей возлюбленной Веронике от верного ей Джона Грибкоффа». И дата: «6 сентября». Две недели назад.

— Ясно, — сказала директриса, возвращая фотографию и тяжело вздыхая. Она не думала раньше, что Вероника — такая лгунишка. Самой подписать себе фотографию — как это пошло!

В то же время маленькая ложь тщеславной девушки чем-то успокоила директрису. Если Вероника идет на такие наивные хитрости, значит, опасности для ее жизни и жизни человечества пока нет. Хотя, конечно, девочка требует к себе повышенного внимания — такой возраст... что поделаешь!

— Вероника, — сказала директриса, — я тебя понимаю. Трудно девушке в таком возрасте находиться в четырех стенах, даже если это золотые стены. Но ты знаешь, что с окончанием школы заканчивается и исследование тебя. Мы будем надеяться, что твои родители будут найдены и откроется тайна твоего происхождения. И ты вернешься в свою семью или, если захочешь, продолжишь свое образование на Земле.

— А вот это никому не известно! — резко возразила Вероника, и ее щеки окрасились ярким румянцем. — Откуда мне знать, что я — обыкновенный человек? А вдруг во мне таится чудовище? Или страшный микроб? Или по достижении совершеннолетия я взорвусь, подняв в воздух весь ваш любимый остров?

— О нет! — воскликнула директриса, которая и сама всегда жила в ужасе от такой возможности. —

Это так на тебя не похоже, Вероника! Ведь ты всегда была хорошей пейти!

— Была, да кончилась, — сурово ответила Вероника. Она обратила свой воспаленный взор к большому портрету лилового красавца и воскликнула: — О мой Джон, ты один во всем свете не боишься меня, ты один мне доверяешь! О, как я устала жить в роли потенциального чудовища, быть чужой среди людей, к которым я так стремлюсь всем сердцем. Я хочу быть обычновенной девушки, я хочу целовать с простым сельским парнем, но даже здесь судьба смеется надо мной — из всех возможных поклонников мне достался лишь один — труп, разбившийся вдребезги о вершину Килиманджаро!

— Эвереста, — поправила воспитанницу памятливая директриса.

— Ах, какое мне дело до того, как называется та гора, которая подставила под твоё мягкое тело свои острые скалы! И ты остался лишь видением... Но и этого мне не дано! И это у меня отбирают!

— Никто не отбирает его у тебя, — откликнулась директриса. — Ты вольна любить этого Джона. Только не принимай так близко к сердцу. Учись, гуляй, играй в подвижные игры... никто не будет тебе мешать. Ведь нас беспокоит лишь твоё душевное состояние!

Но Вероника не слушала добрую директрису. Она рухнула на кровать и залилась горькими слезами.

* * *

Комиссар Милодар внимательно слушал рассказ директрисы. Он поднялся, подошел к окну и стал вглядываться в озерную даль, затянутую мелким дождем.

— И что же заставило вас не поверить девушке? — спросил он наконец.

— Как вы догадались, что я не поверила?

— Иначе зачем вам ночью бегать по острову?

— Тьетенкин, — согласилась директриса. — То есть, разумно с вашей стороны. Я не до конца пове-

рила девушке. Потому что я просила врача усилить наблюдение за этим ребенком...

— Сколько ребенку лет?

— Семнадцать по земному счету. Но мы не знаем, сколько по ее счету.

— Надо бы раньше выпускать ваших птенчиков на волю! Они застаиваются в гнездышке.

— О, я вас понимаю! Но есть указание ИнтерГпола задерживать пребывание сирот на Детском острое до последней крайности. Сироты должны быть идентифицированы.

— Как? — удивился комиссар.

— Это есть русское слово! — гордо сказала директриса, которой не всегда легко давались очень длинные русские слова.

— Ну да, конечно, — согласился комиссар. — А я уж было решил, что чукотское.

Директриса не оценила юмора и продолжала свой рассказ.

— Рапорт врача сообщил, что душевное состояние Вероники остается напряженным. Что ей свойственны резкие перепады настроений.

— Может быть, это возрастное? — спросил комиссар.

— Нет, доктор полагает, что это связано с активным романом. Что он либо существует, либо почти существует.

— Что говорят воспитанницы?

— Они буквально заворожены тем, что у Вероники происходит роман с самым настоящим таинственным мертвцем.

— Они в это верят?

— Все без исключения!

— И не шокированы этим?

— Наоборот, комиссар. У нас особенный контингент сирот. Они чувствуют себя мизерабль.

— Это по-фински?

— Нет, это название романа французского писателя Виктора Гюго.

— Вы хотите сказать, что они верят Веронике на зло вам, госпожа Аалтонен?

— Нет, не мне, — твердо возразила директриса. — А вам, господин комиссар. Всей бесчеловечной системе, которая заточила на острове детей, и без того лишенных родительской ласки.

Директриса смахнула случайную слезинку. Комиссару стало неловко, будто это он придумал такую жуткую долю для детишек.

— Продолжайте, — отрезал он.

Директриса пожала плечами, и комиссар понял, что душой она остается на стороне сироток и потому ее пора менять: при таком эмоциональном состоянии руководителя колонии недолго и до беды. Под грубой, массивной, широкоскулой, белоглазой оболочкой директрисы трепетало слишком чувствительное сердце. Если та же Вероника окажется опасной, директриса может закрыть на это глаза из жалости к девушки. К сожалению, жалость — это личное чувство, а на директрисе лежит ответственность за судьбы детей и Земли в целом.

Сделав мысленно зарубку в памяти — приговор директрисе, Милодар дослушал рассказ.

Оказывается, вчера ночью дежурная по дортуарам старших групп сообщила ей, что Вероника только что покинула свою спальню и пробирается к выходу из замка. Старшие группы знали все секреты замка и отлично знали, что его неприступность и древность — лишь кажущиеся. На самом деле опытный человек может выбраться из замка и незаметно вратиться в него в любой момент.

Пока Вероника спускалась на кухню, чтобы оттуда через склад подземным ходом выбраться за ворота, директриса, не поднимая лишнего шума, надела серый плащ и последовала за Вероникой. Директриса понимала, что девушка задумала нечто запретное, но не знала еще, насколько запретное.

Вероника, несмотря на ужасную погоду, одетая лишь в пенькоар, сбежала к причалу, и там, как оказалось, в сторожке возле причалов ее ждал некий молодой человек, показавшийся директрисе весьма темнокожим. И хоть в последующих событиях директриса не имела возможности тщательно рассмотреть

охальника, она могла бы поклясться, что молодой человек как две капли воды похож на покойника, чей большой портрет висит над кроватью Вероники. Более того, директриса могла поклясться, что роман Вероники с покойником зашел так далеко, что если бы не своевременное вмешательство госпожи Аалтонен, Вероника наверняка лишилась бы девичьей чести, которую она охраняла совсем не так тщательно, как положено это делать девицам семнадцати лет.

Но вот дальнейшие события директрисе были непонятны и ее пугали.

Насколько она смогла увидеть, моторка, на которой пытался скрыться покойник, перевернулась и фиолетовый любовник скрылся в волнах Ладожского озера. Утонул ли он в ледяной воде или смог выбраться, оставалось тайной. По крайней мере, после того, как директриса утащила в замок плачущую Веронику, она подняла по тревоге спасательные службы озера. Но ни остатков лодки, ни тела покойника отыскать не удалось. Если Джон Грибкофф погиб вторично, то на этот раз бесследно.

Вся эта история и заставила директрису в тот же день связаться по инструкции с ИнтерГполом и лично с комиссаром Милодаром.

Комиссар Милодар внимательно выслушал сообщение директрисы, которая очень боялась, что комиссар поднимет ее на смех.

Ничего подобного. Милодар бросил все свои дела и немедленно прибыл в детский дом.

— Да, — сказал он, когда директриса завершила рассказ. — И что же вы думаете?

— Ничего уже не думаю, — призналась госпожа Аалтонен. — Я видела черт знает что, я слышала черт знает что, и мне хочется поскорее уйти на пенсию, уехать на острова Зеленого Мыса и открыть там школы для одаренных детей-акварелистов.

Милодар посмотрел на директрису в изумлении, но промолчал, потому что и сам ловил себя в последнее время на желании бросить все к чертовой бабушке и заняться поисками подводных сокровищ,

утерянных испанскими галионами по пути из Панамы к Барселоне.

— Тогда, — произнес комиссар Милодар, — нам ничего не остается, как побеседовать с потерпевшей.

Директриса понимала, что комиссар прав, и, тяжело вздохнув, повела его через двор во флигель, примыкавший к восточной стене замка, где располагались спальни воспитанников.

* * *

Вероника, пробыв два часа в лазарете, где выяснилось, что ничто в ней не повреждено, возвратилась к себе в комнату. Где и улеглась на постель, потому что была на тот день освобождена от занятий.

Она лежала на постели, закрыв глаза и отказываясь принимать пищу, даже компот из ананасов без сахара, к которому она была весьма неравнодушна.

На соседней кровати сидела девушка по имени Ко, читавшая книгу Достоевского «Идиот», что говорило о хорошей постановке образования на Детском острове.

Девушка Ко произвела на комиссара двойственное впечатление. С одной стороны, она была робкой, — даже встав, чтобы поклониться комиссару и госпоже Аалтонен, она не посмела поднять взор. Но когда через несколько минут он перехватил ее взгляд, тот удивил его смелостью и даже некоторой наглостью.

Несмотря на то, что девушка Ко и Вероника, занимавшие соседние койки в дортуаре, были совершенно различны, опытный взгляд комиссара Милодара уловил близкое между ними сходство. Ко была голубоглазой блондинкой — ее пышные пшеничные тяжелые волосы никогда не знали еще краски или парикмахерских щипцов. Вероника же, лежавшая на кровати с закрытыми глазами, была пышноволосой брюнеткой, и цвет ее глаз был неизвестен. Но размером и фигурами девушки были удивительно схожи.

— Простите, — сказал комиссар Милодар, — прощите за вторжение, однако нас привело к вам чувство долга.

— Ой, конечно же, садитесь, — сказала Ко, откладывая Достоевского в сторону. — И вы, госпожа Аалтонен, присаживайтесь. Мы вас ждали.

Говоря так, Ко сквозь опущенные ресницы разглядывала комиссара.

Комиссар Милодар был невелик ростом, отчего многим людям казался схожим с небольшой хищной птицей, допустим, соколом. Этому способствовало и то, что его крупный, крепкий нос чуть загибался к концу, создавая впечатление клюва. Небольшую голову комиссара венчала копна черных с проседью курчавых жестких волос. Женщины, которые любили комиссара Милодара, а его любили многие женщины, более всего стремились запустить пальцы в его жесткую шевелюру. На смуглом лице комиссара горели светло-карие, почти желтые, кошачьи, а может, тоже птичьи глаза, которые, казалось, пронзали собеседника и утверждали: «Я вижу тебя насквозь, негодница!»

Ко невольно насторожилась.

Но тут комиссар засмеялся, и лицо его, такое жесткое и даже суровое, удивительным образом преобразилось. Тонкие лучики побежали от уголков глаз, по-клоунски загнулись углы тонких губ, даже нос потянулся кончиком кверху — милее и добре Ко не приходилось видеть человека.

Осторожнее, приказала себе Ко, которая, несмотря на малый жизненный опыт, отличалась наблюдательностью и недоверчивостью ко взрослым. Сверстники могли быть друзьями, взрослые, почти без исключения, относились к сиротам настороженно, опасливо и неискренне. Даже если при этом мило улыбались.

— Вероника! — воскликнул комиссар, подходя к ее кровати. — Я пришел помочь тебе. Лежи, лежи не поднимайся, у тебя нервный срыв. Мой долг тебе помочь.

Вероника открыла синие глаза — они оказались у нее такими же, как у Ко. Только у Ко они были погрече и повеселее.

— Чем же вы мне поможете, господин, имя которого мне забыли сообщить?

— Ах, это мое упущение! — воскликнула добрая госпожа Аалтонен. — Я не представила вам комиссара Милодара, одного из руководителей ИнтерГпо-ла, который расследует дело о нападении на тебя, дорогая Вероника.

— Как приятно, что обо мне беспокоятся такие высокие начальники, — ответила Вероника. — Но я ничем вам не могу помочь. Я находилась в припадке лунатизма, а когда очнулась, то рядом со мной была госпожа Аалтонен. Она вам все и расскажет.

— Она мне все рассказала, — признался комиссар. — Но как вы можете догадаться, ее рассказ меня не удовлетворил. Так что придется выслушать и вашу версию. Гарантирую полную конфиденциальность. То есть тайну исповеди.

— Мне выйти? — спросила Ко.

— Наоборот, мне вы нужны, как лакмусовая бумагка. Я буду слушать, что говорит Вероника, и поглядывать на вас. И по вашему лицу, может, смогу определить, когда Вероника говорит правду, а когда лжет.

— Ну тогда я точно уйду! — Ко отбросила книгу и вскочила. «Ого, — подумал Милодар. — Сейчас в ней, наверное, метр восемьдесят. И она еще не перестала расти. Чертова акселерация! Когда же она прекратится? Все девушки выше меня ростом!»

— Ты испугалась, что Вероника будет врать мне? — спросил Милодар, не скрывая усмешки сатира.

— Нет, почему вы так решили! — Ко была смущена.

— Оставайся, Ко, они хотят нас запугать, — попросила Вероника.

— Ничего подобного! — возмутилась госпожа Аалтонен.

— Как мне все это надоело! — Вероника не обратила внимания на возглас директрисы. — Сплошные

допросы, подозрения, преследования! Не успеешь влюбиться, как вокруг уже начинают принимать меры!

Она была в тот момент удивительно хороша. Сияние, как аквамарины, глаза излучали ослепительный гнев, ресницы превратились в стаи черных стрел, нацеленных в сердца обидчиков, черные кудри разместились по плечам, щеки порозовели, а нос побелел.

Милодар терпеливо ждал ответа, а для этого Вероника должна была успокоиться. Когда девушка успокоилась, она сказала:

— Все было бы хорошо, если бы за мной не следили.

— Сомневаюсь, — вдруг вмешалась в разговор Ко. — Ты же сама говорила, что в последнее время Джон стал каким-то нервным, агрессивным.

— Я бы не посмела войти в сторожку, — произнесла директриса, — если бы вы, Вероника, не взывали о помощи изнутри.

— Я взывала о помощи совсем не для того, чтобы мне ее кто-нибудь оказывал. Неужели вы, прожив долгую жизнь, до сих пор об этом не знаете?

— Я знаю, что я должна верить людям, — ответила госпожа Аалтонен со свойственным ей чувством собственного достоинства. — Если мне кричат «помогите!» — я спешу на помощь.

— А если он утонул на самом деле? — спросила Вероника. Глаза ее наполнились хрустальными слезами, высокая грудь нервно вздыхала. — Кто будет нести ответственность?

Директриса была в растерянности. Она лишь захлопала белыми ресницами, развернула руками. Но на помочь ей пришел комиссар Милодар.

— Я полагаю, — сказал он, выходя на середину комнаты, чтобы лучше разглядеть портрет Джона Грибкоффа, — что ответственность за его смерть несет гора Эверест. Ладожское озеро тут ни при чем.

— Почему? — удивилась Вероника.

— Потому что, надеюсь, вашего Джона в свое время надежно похоронили. Или вы будете утверждать, что он — привидение?

— Я не знаю...

— Ваши сказки годятся лишь для романтических девиц и доверчивых дам-учительниц. Вы даже толком не продумали свою ложь, — сказал комиссар. — Вы не готовы к допросу. А я сейчас попрошу всех выйти из комнаты и начну допрашивать вас одну так, как это принято в ИнтерГполе, когда мы имеем дело с особо опасными инопланетными преступниками.

— Ой, не надо! — взмолилась Вероника.

— Вы не посмеете! — воспротивилась директриса. — Она еще почти ребенок!

— Мы убежим, — заявила Ко. — И будем жить в лесу. Пускай нас сожрут комары.

Милодар с интересом взглянул на подругу Вероники. Помимо того, что у них глаза были одного цвета, они были схожи стройными гибкими фигурами и высоким ростом. Но Милодар никак не мог решить, какое сочетание ему больше нравится: синие глаза и черные локоны Вероники либо пшеничные кудри и васильковые очи Ко.

— Тогда, — сказал Милодар, сменив тон на мирный, — временно мы не будем никого допрашивать, а пойдем гулять. Где у вас тут гуляют?

Женщины смотрели на комиссара, широко открыв глаза. Предложение было по крайней мере неожиданным.

— Может быть, мы посмотрим на ваш причал? — спросил Милодар.

— И на сторожку, которая разрушилась от ветра, — сказала Ко, которая была сообразительнее остальных.

— Только одевайтесь потеплее, — сказал Милодар, — и возьмите с собой зонтики. Собирается дождик.

Через несколько минут мирная группа гуляющих покинула замок.

Дождик не собрался, облака разогнало ветром — над Ладогой погода неустойчивая, порой за полчаса может измениться три раза.

На поляне, расчищенной от валунов перед входом в замок, несколько мальчишек из младшей группы под наблюдением высокого, в очках, физкультурника

гоняли мячик. Молодой человек поклонился директрисе и Милодару. Его движения выдавали в нем хорошего спортсмена, а манеры — воспитанного джентльмена.

— Это наш тренер Артем Тер-Акопян, — сказала директриса. — Бывший вице-чемпион мира по серфингу. Он пишет поэму о спорте и потому нуждается в тихом уютном месте для творчества. Мы предложили ему место физкультурника вместо перешедшей в балет Людмилы Георгиевны.

Физкультурник исподтишка бросил выразительный взгляд на девушек, те потупили глаза.

Милодар отстал на три шага от остальных, поднес к губам браслет часов и произнес шепотом:

— Вернисаж. Вызываю Узкое.

— Узкое на связи, — щепнул в ответ браслет.

— Проверьте, насколько лоялен преподаватель физкультуры на Детском острове по имени Артем Тер-Акопян.

— Проверен по форме шестнадцать, — ответил браслет.

— Вы свободны, — сообщил браслету Милодар. Он был разочарован, потому что предпочел бы разоблачить галактического шпиона. Так проверяли разведчиков, засыпая их в Черную империю. И ни один еще не был разоблачен.

Миновав футбольную лужайку, процессия направилась вниз, к причалу.

— Рассказывайте по мере того, как мы будем спускаться, — приказал Милодар.

— Я спускалась здесь, — произнесла Вероника, — потому что в моей спящей душе звучал приказ спешить к причалу. Он увлекал меня. Я была бессильна ему сопротивляться...

— Она была в белой ночной рубашке, — сказала директриса. — Это ужасно!

— Как? — удивился комиссар. — На свидание в таком виде?

— А что поделаешь, если мертвец вытаскивает тебя из постели, забыв разбудить? — вмешалась Ко. — Я бы умерла от страха.

Они шли с Вероникой рядом, держась за руки, и так как были облачены в одинаковую детдомовскую одежду — серые платья в талию со строгими белыми воротничками, — то различались только цветом волос, во всем остальном казались близняшками.

— Я не помню, в чем была, — призналась Вероника. — Я шла как во сне.

— Вам было неприятно подчиняться воле этого чудовища? — спросил Милодар.

— Но я же не знала, что он — чудовище! — удивилась Вероника.

— Разумеется, чудовище. Ты бы слышала свой испуганный голос, моя крошка, — подтвердила директриса.

— И к тому же ты бежала босиком, — сказал Милодар, будто был свидетелем той сцены.

— Вы откуда знаете? — спросила директриса.

— Судя по старинным легендам, если девица становится жертвой страшного мертвеца, она бегает к нему на свидания босиком и даже не чувствует, как острые камни уродуют ее ноги!

— О да, — согласилась Вероника. — Я была его рабой. Я не могла сопротивляться. И мои нежные ноги не чувствовали острых камней. Его голос проносила в мое беззащитное сознание. Это был типичный мертвец. Фиолетового цвета!

— Ах! — Ко вырвала руку у своей подруги. Ей стало страшно, директриса закрыла ладонями лицо, но тут же споткнулась о корень сосны и полетела вперед. Комиссар Милодар не сделал и попытки поймать директрису, и этот подвиг выпал на долю Ко, которая успела обернуться, сообразить, что же происходит, прыгнуть рыбкой и принять госпожу Аалтонен на грудь. Чудом массивная директриса не переломила пополам свою тоненькую воспитанницу.

— Простице, — сказал комиссар Милодар, — что я не участвовал в этой сцене, однако для тех, кто еще мало меня знает, я должен сообщить, что перед вами находится не тело комиссара Милодара, а лишь его искусно сделанная голограмма, то есть объемное изображение. Такие меры мне приходится прини-

мать, спасаясь от международного терроризма и некоторых коррумпированных режимов. Я слишком много знаю и слишком многим опасен.

— Мы и не рассчитывали на вашу помощь, комиссар, — ответила госпожа Аалтонен, и они продолжили путь вниз.

Между сосен голубела гладкая поверхность озера. Чудесный прохладный день распростерся над Ладогой.

Вот и берег.

Сосновый бор остался позади. Все было залито скромным светом северного солнца. Справа лежала повалившаяся набок сторожка. Прямо — страшно запущенный причал.

— Вот здесь все и произошло, — сказала директриса.

Девушки послушно остановились в двух шагах от сторожки. Ни страха, ни вины Милодар в них не ощущал, и это его смущало.

— Когда я подошла к сторожке, — сообщила директриса, — Вероника уже была увлечена ее... спутником... соблазнителем внутрь. Ракастайя — это будет приличное выражение?

— Любовник — это всегда неприлично, — ответила Ко, но в ее синих глазах комиссар Милодар уловил веселый блеск.

Вся эта история ему совершенно не нравилась. Нет, не нравилась, потому что была лживой. Он еще не добрался до сути этой лжи, но весь его гигантский опыт по выявлению личной и организованной преступности тревожно предупреждал его: «Милодар, будь крайне осторожен. Возможна ловушка космического масштаба!»

— Я остановилась, — сказала директриса, — и думала, что надо постучать. Но куда стучать?

— И стали подслушивать. Фу, как это некрасиво! — воскликнула Ко.

— Я директриса и обязана слушать для блага Вероники. Если бы я не слушала, ты уже была бы без чести.

— Но я вас не звала.

- Ты кричала и билась, как птичка в сетке!
- Но я не для вас кричала, — обиделась Вероника. — Я для него кричала.
- И все это время вы знали, что он мертвый? — спросил Милодар.
- Разумеется, — после недолгой паузы согласилась Вероника.
- И никаких возражений против поцелуев с мертвцом у вас не было?
- А чем он хуже живых? — агрессивно спросила Вероника.
- И от него этим самым... разложением, тухлятиной не пахло?
- Почему?
- От мертвцев всегда тухлятиной пахнет.
- Только не от Джона Грибкоффа! — заявила девушка. — От него пахло одеколоном «Торреадор»!
- Бывают же исключения, — пришла на помощь подруге Ко.
- Нет, — мягко возразил Милодар. — Исключений, к счастью, не бывает. Но вы продолжайте, продолжайте. Значит, вы вошли внутрь сторожки, а он вас уже поджидал.
- Да, — подтвердила директриса, — он тянул к ней темные руки!
- Фиолетовые руки, — поправила директрису Вероника. — Чудесные фиолетовые руки.
- Как бы боевая раскраска, как говорили ирокезы, — пояснил Милодар, хотя никто его об этом не просил.
- Он всегда такой.
- Мертвцам этот цвет идет, — согласился Милодар. — И значит, запах от него был несильный?
- Не было запаха! — возмутилась Вероника.
- А я не спорю. Значит, вы проснулись и принюхались...
- Я не принюхивалась!
- И он заключил вас в объятия?
- Да, да, да! Я уже говорила!
- А объятия были холодные?

— Почему? — не поняла Вероника. — Самые обыкновенные горячие объятия.

— У мертвеца? Он что у вас, с подогревом?

— Но он же не совсем мертвый. Для меня он, как Ленин для коммунистов, — вечно живой.

— Но коммунисты с Лениным не обнимаются.

— Не знаю, — сказала Вероника. — Но нам с ним было приятно обниматься. Я имею в виду Джона.

— Спасибо за пояснение, — сказал Милодар. — Значит, нам повезло с мертвецом. Пахнет одеколоном и еще с подогревом.

— Замолчите, какой вы гадкий!

— И что он с вами стал делать в сторожке?

— Он взошел со мной на ложе, — официально заявила девица, — и намеревался меня любить.

— И при этом совершенно не вонял.

— Да что вы с этой воинью к ней пристали! — воскликнула Ко. — Если ей показалось, что не пахнет, значит, это не играет роли.

— Еще какую роль играет! Представьте себе, госпожа Аалтонен не успела бы откликнуться на крики несчастной жертвы...

— Я тихо кричала, — буркнула Вероника. — Я кричала, потому что в таких случаях положено кричать. Знала бы, что вы подслушиваете, взяла бы себя в руки и промолчала.

— Разумно, разумно, — задумчиво произнес комиссар. Он пошел вокруг сторожки, остальные последовали за ним. С дальней стороны находилась полуразрушенная стена.

— Здесь привидение выскачивало наружу? — спросил Милодар.

— О да! — подтвердила его версию мадам Аалтонен. — Он ударил, как будто бульдозер. Есть такое русское слово?

— Еще как есть! — подтвердил комиссар.

— Могли вполне меня и погубить, — добавила Вероника.

— Удивительное привидение, — сказал Милодар. — Не воняет, горячее, как печка, убегает из сторожки, выломав половину стены. А потом?

— Потом он побежал вон туда, — показала директриса. — Там была привязана лодка.

— И привидение ко всем своим бедам еще вынуждено было управлять лодкой.

— И притом неудачно, — сказала директриса.

— Он утонул? — спросил комиссар.

— Я надеюсь, что он выплыл, — сказала Вероника. — Вообще-то говоря, он отлично плавает. Мне приходилось видеть, как он плавает.

— И он вернулся к себе в могилу... — завершил беседу Милодар. Затем он обратился к директрисе: — А как вы думаете, где прячутся мертвецы на день?

— Наверно, в земле, — сказала директриса. — Или, может быть, в морге, если его не успели похоронить.

— Вы так себя ведете, словно вы нам не верите, — с осуждением заявила Ко.

— А вы себя ведете так, — ответил Милодар, — будто верите во всю эту чепуху.

— Это не есть чепуха! — неожиданно обиделась директриса. — Я сама его почти поймала. Такой страшный.

— Страшный? — спросил Милодар у Вероники.

— Когда как, — уклончиво ответила девушка.

— Тогда все свободны, — заявил комиссар Милодар.

— Как так свободны? — не поняла директриса. — Вы хотите сказать, что желали произвести наш арест, а затем передумали?

— Все правильно, за исключением ареста, — ответил комиссар. — Девушкам пора приступать к занятиям, вам, госпожа Аалтонен, надо бы вернуться в свой кабинет и подхватить бразды управления Детским островом. А я пойду гулять.

— Но почему? Вы же расследуете очень серьезное дело! — воскликнула директриса.

— Но я же буду очень серьезно гулять, — ответил Милодар. — И очень серьезно думать, как мне разгадать это дело.

Он кинул быстрый взгляд на Веронику. Та наморщила круглый лобик. Решение комиссара ее встревожило. Ко стояла рядом и внимательно смотрела на комиссара. Она, судя по всему, ему не поверила. Ну, что ж, сами придумали, сами и расхлебывайте, подумал комиссар.

И, приказав женщинам оставить его одного, комиссар Милодар стоял на месте до тех пор, пока они не скрылись за стволами сосен, сопровождаемые громким карканьем вороны, сидевшей на низкой ветке сосны.

Тогда он и начал свое расследование.

* * *

Комиссар был сторонником классической криминалистики. Подобно деревенскому знахарю или старенькому сельскому доктору, он верил в интуицию и лечил общество с помощью жизненного опыта, знания человеческой натуры, а если надо было, — твердости характера и пренебрежения к риску и воплям больного.

Убедившись в том, что никого поблизости не осталось, комиссар осторожно вошел в сторожку. Так как он был голограммой, физическая опасность ему не угрожала, но психологически трудно ползти под рухнувшими палками, бревнами, досками, которые могут рухнуть в любой момент.

Если бы вы задали комиссару вопрос, что же он ищет, комиссар пожал бы голографическими плечами и ничего не ответил. Он сам не знал. Он искал то, что попадется. А уж из этого он сделает нужные выводы.

В развалинах сторожки было темно, шуршили мыши-полевки. На опрокинутой широкой скамье обнаружился клок белой шелковой одежды. Это был след любви. Он ничего не давал расследованию, лишь подтверждал то, что свидетели говорили правду.

Милодар повторил путь бегства мертвеца из сторожки в сторону причала, для этого ему пришлось проникнуть сквозь доски, дико проломанные телом

Джона Грибкоффа. На одном из изломов Милодар обнаружил следы крови с помощью специального малозаметного манипулятора, который, в отличие от комиссара, не был голографическим. Он сложил образец в мешочек у пояса: определение группы крови мертвеца могло помочь следствию и, главное, доказать со всей очевидностью, был ли это мертвец либо вполне живой охотник за телами юных воспитанниц.

Милодар выбрался на причал. Дождь и роса смывали следы на досках, и молекулярная собака Милодара не взяла следа. Впрочем — а что его брат, если ясно, что подозреваемое лицо скрылось на лодке. Что было, впрочем, странным решением для мертвеца. Привидениям лодка обычно не требуется, так как любое привидение может пройти по поверхности воды. Да и лодка... Как же он забыл!

Милодар нажал на кнопку браслета часов и попросил дать ему связь с кабинетом директрисы.

— Госпожа Аалтонен, надеюсь, я вам не помешал? — спросил он.

— О нет, вы еще не успели помешать. Я только вернулась. А что у вас есть за вопрос?

— Вы не можете описать мне лодку, на которой скрылся тот человек...

— О, вене! То есть лодка... Это была голубая вене. У нас такая была для прогулок... я не знаю, теперь не сезон для прогулки...

— У вас лодки с номерами?

— Вы задали правильный вопрос, комиссар! — откликнулась директриса. — Каждая наша вене имеет свой номер. Большая цифра, вам понятно?

— Какой номер был на той лодке? Я понимаю, было темно, но все же...

— Нумеро есть очень нехороший.

— Тринадцать?

— Как вы догадались?

— Жизненный опыт, — скромно отозвался комиссар.

Он выключил связь и, внимательно осмотрев причал, легко спрыгнул на берег, усыпанный галькой, затем пошел вдоль воды.

Путь по берегу острова местами был легок, подобно прогулке по Черноморскому побережью, но иногда комиссару приходилось преодолевать немалые препятствия. Какое счастье, думал он в таких случаях, что я — всего-навсего голограмма.

В легких местах неширокий пляж, серый от гальки, был ровным, и если на нем попадались коряги, выброшенные штормом, их легко было обойти. Хуже приходилось в тех случаях, когда к самой воде подходили скалы. Порой Милодар брел по колено, а то и по пояс в ледяной воде, а иногда взбирался на крутой откос.

На узкой оконечности острова сосновый бор сбегал к озеру, так что исковерканные тяжелой жизнью корни громадных деревьев касались воды. Некоторые деревья уже упали, не выдержав испытания ветром и водой. Сюда сверху, от замка, вела узкая, заросшая тропинка, которую скорее можно было угадать, нежели увидеть. Пожалуй, подумал Милодар, воспитанники и воспитанницы приюта приходили сюда, чтобы выяснить сложные отношения, а то и помечтать в тишине и одиночестве.

Милодар задержался в этом месте и принял лазить между перепутанных сосновых корней. Поиски его были не напрасны и вскоре увенчались результатом, к которому Милодар стремился.

Заглядывая в темные ямы между корней и обвалившихся в озеро стволов, под обломками скал и мшистыми валунами, достигающими размеров паровоза, Милодар в тени коряги увидел голубую полоску. Зайдя по пояс в воду, Милодар потянул на себя нос небольшой спасательной лодки, которую кто-то притопил под корягой, полагая, что этим надежно спрятал ее от постороннего взора. На носу была выведена цифра «13».

Милодар не стал вытаскивать лодку на поверхность и вычерпывать из нее воду — ему было достаточно убедиться в ее существовании. И в том, что ее не могло загнать под колоду случайной штормовой волной. Это могли сделать лишь сильные человеческие руки.

Затем Милодар, подобно куперовскому следопыту, принялся обыскивать окрестности, стараясь не наступить невзначай на сучок или листочек, чтобы не погубить вещественное доказательство, что ему, как голограмме, было нетрудно сделать.

Поиски вскоре дали свои плоды.

Отвалив камень, на поверхности которого острый взгляд комиссара заметил свежие отпечатки человеческих пальцев, он увидел небольшую банку фиолетовой краски с надписью на ней: «Краска маскарадная, употреблять только для раскраски чертей и духов подземелья. Беречь от детей, так как, принятая внутрь, она может вызвать несварение желудка».

— Так, — произнес Милодар вслух. — Страшный мертвец обретает плоть.

Разгребши сухие листья, под тем же камнем Милодар обнаружил черную матерчатую маску. Теперь от туалета мертвеца Джона Грибкоффа не хватало только шортов. Но их Милодар найти и не рассчитывал. Таким образом, была обнаружена база таинственного мертвеца и даже следы его переодевания. Можно было предположить, что после бегства из сторожки, спутненный директрисой, мертвец инсенировал кораблекрушение, а затем, пользуясь плохой погодой и волнами, скрытно подогнал перевернутую лодочку к своему убежищу. А раз убежище мертвеца было на Детском острове, то весьма вероятно, что он относился к числу его обитателей. А раз он относился к числу обитателей острова, то любопытно было бы его отыскать и с ним побеседовать. Милодару еще никогда не приходило беседовать с настоящим мертвецом.

Внимательно осмотревшись и не найдя больше ничего подозрительного, Милодар двинулся в глубь острова по незаметной тропинке. Обыкновенному человеку этот лес ничего бы не рассказал, но комиссар сразу увидел сломанную сосновую иголку, прижатую к листку кислицы песчинку... Слишком громко и недружно перекликались над головой две вороны, и на это комиссар тоже обратил внимание.

На открытом участке скалы прилип листок, на нем и без лупы виден отпечаток подошвы. Ага, подумал Милодар, значит, наш мертвец смог обуться и, наверное, переодеться в своем тайнике — любопытная деталь.

Тропинка привела Милодара к площадке, заросшей орешником, — над ней возвышалась задняя стена замка.

— Ну, вот мы и ближе к дому, — заметил вслух Милодар, и вороны, передразнивая его, зловеще за каркали.

Незаметная тропинка сквозь орешник вывела Милодара к потайной двери в задней стене замка. Перед дверью зеленел небольшой водоем, по берегам которого, скрываясь в осоке и болотной зелени, сидели сонные лягушки. Одна из ворон спикировала и схватила лягушку пожирнее. Остальные с громким плеском ухнули в воду. Вода в прудике закачалась, и Милодар пошел по краю к дверце.

Дверца со скрипом приоткрылась, обнаружив слабо освещенное помещение.

Столб мутной воды вырвался из двери, ударили Милодара в лицо и опрокинул в водоем. Только то, что Милодар был голограммой, спасло его если не от смерти, то от больших неприятностей.

На его крик из двери высунулись две прачки, которые только что опорожнили бадью с мыльной водой.

— Господи, нам еще такого чудища не хватало! — воскликнула одна из них.

— А что, я не первое чудище? — сразу среагировал комиссар, сбрасывая себя водоросли, лягушек и стебли осоки. Одна крупная кувшинка осталась у него на голове и придавала комиссару несколько лукавый и легкомысленный вид.

— Бывают, — неопределенно ответила прачка. — А вы откуда к нам крадетесь?

— Да так, вот проходил леском, — простодушно откликнулся Милодар, — вижу прудик, только собрался на берегу видом полюбоваться, как вы в меня водой плеснули.

— Значит, вы гуляли? — спросила прачка.

— И увидели прудик, — добавила вторая прачка. Обе они были молоденькие, краснощекие. Здоровая жизнь на свежем воздухе превратила их в простушек-красавиц — кровь с молоком.

— А если вокруг посмотреть, — заметила первая прачка, вся в веснушках, — то увидишь, что попал на помойку, вон и баки помойные стоят. Самое лучшее место, чтобы гулять...

Говоря так, прачки медленно, не смывая с лиц улыбок, приблизились с обеих сторон к комиссару, железными захватами постарались вывернуть ему назад руки, резкими подножками постарались сбить его с ног и обезвредить.

Но с комиссаром Милодаром, как известно, такие приемы не проходят.

Руки прачек прошли сквозь бицепсы Милодара, как сквозь воздух. Ноги прачек пролетели по пустому месту, и в результате прачки сами потеряли равновесие и благополучно опустились точно в середину прудика, который и на самом деле наполнялся водой от стирки и некоторых хозяйственных сбросов.

Милодар отошел на несколько шагов и, опершись о ручку двери, ждал, пока прачки вылезут на сухое место.

— Пароль — Флоренция, — сказал он, как только прачки, попрыгав, вытрясли из ушей воду.

— Отзыв — Микеланджело, — откликнулись хором прачки.

— Надо смотреть, на кого кидаетесь, — сказал Милодар.

— А когда же смотреть — мы сначала действовали, господин комиссар, — ответила веснушчатая прачка.

Прачки, как и многие другие работники обслуживающего персонала, находились на службе в ИнтерГ-поле и даже имели чины. Прачки, например, обыскивали сданное им белье на предмет обнаружения в нем забытых предметов или надписей, затем проводили химический анализ белья, старались, к примеру, обнаружить, не содержится ли чего-нибудь подо-

зрительного в слезах сироток, которыми они орошили свои наволочки.

Кроме того, прачки оберегали все ходы и выходы замка, и потому Милодар, не сказавший пароля заранее, стал жертвой их бдительности.

Но все закончилось благополучно, никто из прачек не пострадал, голограмма Милодара также избежала повреждений.

Поэтому комиссар сразу же приступил к допросу.

— Давно здесь дежурите? — спросил он.

Первая прачка ответила, что с утра.

— Кто проходил?

— А этим ходом никто не пользуется, — ответила вторая прачка. — Только те сотрудники, которые имеют допуск.

— А ночью?

— А ночью дверь запираем и идем спать.

— Значит, ночью можно ходить через эту дверь, сколько тебе пожелается?

— Никак нет, — ответила первая прачка. — Особый патентованный замок прошел проверку в управлении секретности. Никто не сможет его открыть.

— Ясно, — ответил Милодар. Он внимательно осмотрел замок и саму дверь, затем приказал прачкам отступить на шаг внутрь замка. Когда дверь за прачками захлопнулась, он велел им запереть ее на замок. Что они и сделали. Милодар прислушивался к тому, как щелкнул замок.

— Готово? — спросил он.

— Готово.

Тогда Милодар, несмотря на то, что был голограммой самого себя, начал ковырять в замке ногтем указательного пальца, который сохранял твердость и упругость. Через минуту замок щелкнул и дверь медленно распахнулась.

— Этого не может быть! — воскликнула вторая прачка.

Милодар мысленно уволил прачку из ИнтерГпола и, отстранив подчиненных, уверенno поднялся по узкой винтовой лестнице на второй этаж.

Он попал в служебный коридор. Комната с надписью на двери «Канцелярия» попалась ему одной из первых, что он считал благоприятным знаком.

В канцелярии сидела лишь сама директриса, которая проверяла классные журналы. Желтые с прядью волосы толстухи были собраны в кукиш на затылке.

— Попрошу вас дать мне списки всех сотрудников Детского острова мужского пола, — попросил Милодар.

— Молодых, сильных, высокого роста, лилового цвета? — спросила директриса.

— Последнее необязательно, — оборвал Милодар слишком догадливую госпожу Аалтонен.

— Вы заблуждаетесь, — сказала директриса. — Среди сотрудников моего заведения нет ни одного киоллют. То есть мертвого человека.

— Проверка этого вопроса находится в моей компетенции, — произнес Милодар устало. Разгаданные истории для него не представляли интереса — как бывшие жены. Он даже забывал посыпать им алименты.

Директриса пробежала толстыми пальцами по клавиатуре компьютера и протянула Милодару распечатку. Но острове, не считая воспитанников, среди которых, правда, не нашлось ни одного, отвечающего богатырским параметрам покойного Джона Грибкоффа, отыскалось лишь три могучих молодых человека. Один из них был капитаном катера, который осуществлял связь острова с материком. Каждый день он совершал рейсы на своем небольшом грузовом судне на воздушной подушке, привозя продукты и увозя что надо. Второй молодой богатырь, стоматолог, мог бы попасть под подозрение, тем более что был не-гром, который вполне мог избрать лиловую краску как подходящий камуфляж, но уже вторую неделю, как знали на острове, стоматолог мучился воспалением надкостницы, щеку ему раздуло так, что он задевал ею при ходьбе за стены домов, и о любви стоматолог думать был не в состоянии.

Оставался третий и наиболее подозрительный.

Преподаватель физкультуры, кумир детдомовских мальчишек, милый и очаровательный Артем Тер-Акопян.

Что ж, он еще на пути к причалу показался Милодару подозрительным. А интуиция — основное достоинство сыщика.

— Будьте любезны, — произнес Милодар ледяным тоном, — личное дело преподавателя физкультуры Артема Тер-Акопяна!

— А я его как раз просматриваю, — ответила директриса. — Я очень заинтересовалась личными делами наших новых сотрудников.

— Какое удивительное совпадение, — заметил Милодар и не сдержал смеха. — Вам он тоже показался подходящим кандидатом в мертвецы?

— О да! — ответила директриса. — Но я не смела отвлекать господина комиссара от серьезных мыслей.

Милодар подошел к директрисе и взял у нее распечатки компьютерного дела физкультурника и спортсмена, которого никак нельзя было заподозрить в том, что он и мертвец Джон Грибкофф — одно лицо.

Но тут же Милодар отбросил распечатки в сторону.

— Нет, тут что-то неверно! — воскликнул он. — Я должен с ним поговорить. Где он сейчас?

— Он сейчас должен быть в своей комнате, отдыхает после обеда, — сказала директриса. — Разрешите, я вас провожу.

Директриса осталась возле двери в комнату с табличкой «А. Тер-Акопян».

Милодар постучал в дверь.

Никто не откликнулся.

Милодар постучал сильнее.

— О! — прошептала директриса, которую, видно, мучили тяжелые предчувствия.

Так как ответа и на этот раз не последовало, Милодар толкнул дверь. Дверь открылась. Внутри никого не оказалось.

Директриса громко вздохнула от дверей, видно, полагая, что в страхе перед разоблачением молодой че-

ловек бросился с башни на камни. Но Милодар был настроен не так трагически.

Он огляделся. Освещенная тусклым дневным светом через единственное узкое окно, комната была спартански пуста и неуютна.

Узкая, так называемая девичья, кровать была аккуратно застелена серым одеялом. На полу лежали гантеля, в угол закатился футбольный мяч. На тумбочке у кровати лежало несколько книжек лирической поэзии, в основном русских и армянских поэтов.

Тонкими пальцами Милодар, несмотря на то, что был всего-навсего голограммой, перелистал книжки, задерживая на секунду взгляд на страницах, уголки которых были загнуты. Но страницы эти отличались от остальных лишь частотой употребления слов «любовь» и «кровь».

Затем Милодар попытался произвести в комнате Артема обыск, но директриса запретила это делать в отсутствие хозяина помещения.

— Нет, нет и еще раз нет! — воскликнула мадам Аалгонен. — Вы будете ждать возвращения хозяина комнаты, а потом обыскивать по санкции прокурора!

— У меня нет на это ни секунды.

— Тем не менее! — отрезала директриса.

Милодар пожал плечами и ответил:

— Поздно будет, когда вы пожалеете.

— Я никогда не пожалею о соблюдении правил, — не сдалась директриса, и тогда сдался Милодар. Ничего не трогая, он обошел комнату, словно гулял по ней как по бульвару, и в этом директриса не могла ему помешать. Он стрелял искрами из глаз, освещая темные углы, благо их было немного, и даже заглядывал в щели между тесно пригнанными глыбами кладки.

— А вот и свидетель обвинения! — торжественно воскликнул Милодар и вытащил из тонкой щели между камнями небольшую любительскую цветную мобильную фотографию Вероники. Такие делают на ярмарках и на карнавалах. Фотография улыбалась, шептала одними губами: «Я люблю тебя!», делала серьезное лицо, томно закатывала глаза, затем все

начиналось сначала. Для влюбленного такие фотографии не казались произведением дурного вкуса. Милодар уже проверял этот эффект на себе. Как-то у него начался роман с русалкой-амазонкой, руководительницей делегации этого народа, который населяет океан на Эврипиде. Русалки-амазонки носятся там по океану, оседлав дельфинов или даже акул. Руководство ИнтерГпола было категорически против романа Милодара с русалкой-амазонкой, к тому же ее родственники объявили, что забросят десант террористов в наши водоемы, если Милодар посмеет дотронуться своими отвратительными сухими пальцами до их влажной красавицы. Так что у Милодара от этого неудачного романа остался лишь фотопортрет русалки. Она улыбалась, шептала ему на трех языках «Я люблю тебя», закрывала глаза, загадочно улыбалась, и единственная слеза скатывалась у нее по зеленоватой прекрасной щеке...

— Где он может скрываться? — спросил Милодар директоршу.

— Может быть, он в библиотеке? — ответила вопросом директриса. Наивность ее могла сравниться лишь с ее скромностью.

— Хорошо, — вздохнул Милодар. — Тогда вы поищите его в библиотеке, а я кое с кем поговорю.

— С кем? — строго спросила директриса.

— Вот об этом я вам пока не скажу, потому что вы немедленно захотите присутствовать при беседе, а мне хотелось бы сохранить ее в тайне...

— Ни в коем случае! Никаких интимных встреч! — воскликнула госпожа Аалтонен.

Но тут терпение комиссара лопнуло.

— Госпожа Аалтонен, — сказал он сухо и спрятал в карман своего голограммического костюма фотографию Вероники. — Вы совершенно забыли, что директорствуете не в обычновенной школе и даже не в обычновенном детском доме, а в тюрьме повышенной опасности для малолетних преступников.

— О, нет! Так не смеете говорить! — закричала директриса и замахала толстыми руками, словно индейка крыльями. — Это дети, несчастные крошки...

— Не надо дискуссий, — ответил кратко Милодар. — Идите в библиотеку и проверьте, надежна ли охрана острова. А я объявлю положение особой опасности.

И Милодар быстрыми шагами покинул комнату физкультурника и поспешил прочь по коридору к комнатам девочек, оставив директрису в растерянности посреди коридора.

* * *

В комнате девочек была лишь одна Ко.

— А где Вероника? — спросил Милодар от двери.

— Она гуляет, — ответила Ко.

— Ты мне покажешь, где она гуляет? — спросил Милодар.

— Наверное, на причале, — ответила Ко. — Она тоскует.

— Ты меня проводишь к ней? — спросил Милодар.

— Вы отлично знаете туда дорогу, — сказала девушка.

Милодар любовался девушкой со странным именем Ко. Он любил высоких женщин, а Ко в свои семнадцать лет уже вытянулась на шесть футов и обещала подрасти еще. У нее были тяжелые гладкие светлорусые волосы, синие, как у Вероники, глаза, пухлые светло-розовые, не знавшие помады губы и крепкий круглый подбородок.

— И тем не менее я прошу, чтобы вы меня проводили. Я объясню вам почему, — заявил Милодар. — С одной стороны, мне не хочется оставлять вас одну, потому что вы уже много знаете, а с другой стороны — я продолжаю беспокоиться за судьбу Вероники, и мне хотелось бы, чтобы в эти тяжелые для нее минуты рядом с ней находилась ее лучшая подруга.

— Спасибо за доверие, — улыбнулась Ко, и Милодару показалось, что она услышала в его монологе больше, чем он хотел ей сообщить, и куда больше, чем он на то рассчитывал.

Кора накинула на себя серую куртку и легко вскочила с постели, лежа на которой она только что читала.

Милодар острым взглядом окинул комнату, словно надеялся отыскать еще одну фотографию, но ничего, конечно, не увидел, потому что если даже в комнате и были фотографии или любовные письма, их уже надежно спрятали.

Комиссар с Корой спустились вниз и пошли по тропинке к озеру.

— Что ж, давайте, спрашивайте, — попросила Ко.

— Почему я должен вас спрашивать?

— Потому что иначе зачем вам тащить меня к озеру? — сказала Ко. — Вам хочется, чтобы я говорила с вами откровенно и никто нас не слушал.

«Черт побери, — подумал Милодар. — Если бы у меня все агенты были такими сообразительными, организованная преступность в Галактике была бы изжита».

— Тогда напомните мне, почему у вас такое странное имя.

— Вы это знаете.

— Я забыл! Я не могу помнить всякие пустяки! — рассердился Милодар. — Не делайте из меня гения — я просто талантливый руководитель полиции.

— Простите. Я вам напомню, господин комиссар. Когда меня нашли у дверей геологической станции, на моем платочек и пеленках были вышиты две буквы — «К» и «О». Вот меня и стали звать Ко, ожидая того момента, когда мое настоящее имя будет обнаружено.

— На каком языке? — спросил Милодар.

— Что?

— Буквы были на каком языке?

— Неизвестно, — ответила Коре, совсем не удивившись такому вопросу. — Алфавит был либо латинским, либо кириллицей. Иначе кто-нибудь бы удивился.

— А почему вы не приняли условное имя?

— Это очень странно, комиссар, — ответила Ко голосом, который выдавал в ней открытую и доброжелательную натуру, — но мне несколько раз пыта-

лись дать условное имя и фамилию, обычно начинающиеся с этих букв. В детском приемнике я была Катей Осколковой, потом в обыкновенном детдоме меня называли Кэтт и Кэтрин Осборн, а здесь пытались переименовать в Кристину Оннеллинен.

— Перевод, попрошу!

— Кристина Счастливая.

— Молодцы. И не прижилось?

— Что-то во мне сопротивляется. Отчаянно сопротивляется. Будто в глубине моей памяти живет мое настоящее имя. И пока я его не вспомню, мне суждено обходиться двумя буквами.

— И сколько же тебе было, когда тебя нашли?

— Несколько месяцев.

— Хорошая у тебя должна быть память!

— Господин комиссар, — ответила на это девушка. — Не надо во всех нас видеть только опасных для Земли чудовищ. Вы полицейский, вам по чину положено подозревать. Но если бы вы были подобнее, всем было бы лучше.

— Я не имею права быть добре, — возразил Милодар. — Вот ты, например, говоришь, что с рождения знаешь, как тебя зовут.

— Подсознательно.

— А по мне, хоть подсознательно или надсознательно — все равно! Где гарантия, что ты не носишь в себе бомбу замедленного действия или вирус?

— Меня уже столько раз обследовали и изучали, что еще удивительно, как во мне что-то осталось.

— Все же пока карантин не кончится, вы все — пленники и пленницы.

— Но он уже скоро кончается. По закону в восемнадцать лет живое существо в Галактике получает галактическое гражданство и полную свободу передвижений. Остался всего год.

— Этот год мы должны провести особенно осторожно и исследовать вас втрое интенсивнее, — твердо заявил Милодар.

— Ну ладно, ладно, потерпим! Но не надо из-за ваших страхов и подозрений портить жизнь моей лучшей подруге, чудесной и тонкой Веронике.

Милодар остановился посреди тропинки и посмотрел на Ко снизу вверх.

— Значит, ты так рассуждаешь! Значит, тебя не удивляет, что твоя подруга затеяла роман с мужчины фиолетового цвета, который погиб уже много лет назад, разбившись о вершину Эвереста?

— Вы имеете в виду Джона Грибкоффа? — засмеялась Ко.

— Что в этом смешного! Я никогда еще не сталкивался с девушкиами, которые так бурно вели бы романы с мертвецами.

— Дорогой мой комиссар, — сказала Ко, — неужели вы думаете, что наш замок и весь наш Детский остров настолько велики, что каждый ваш шаг мгновенно не становится известен любому первоклашке? Неужели никто не знает, что вы бегали на оконечность острова и нашли там притопленную лодку номер тринадцать?

— Вы знаете об этом? — Комиссар, специалист по конспирации, был поражен.

— Неужели вы думаете, что никто не знает о том, что вы обыскивали комнату физкультурника Артема, а директриса просила вас этого не делать?

— Черт побери! — рассердился Милодар. — Я не могу работать, когда происходит такая утечка информации!

— Вы не отрицаете? — спросила Ко.

— Я ничего не отрицаю, но и не подтверждаю. Что вы еще узнали?

— Есть мнение, что в комнате физкультурника, нашего обожаемого Артемчика, вы нашли фотографию Вероники.

— Нашел.

— И обо всем догадались!

— Догадался.

— А теперь хотите услышать всю историю из уст Вероники.

— Может, сначала из ваших?

— Неужели я похожа на сплетницу и доносчицу?

— Я еще в жизни не встречал ни одной сплетницы и доносчицы, которая была бы похожа на сплетницу и доносчицу, — парировал Милодар.

— Тогда потерпите — осталось сто метров.

Девушка была права, и потому Милодар предпочел миновать последние метры до озера, наслаждаясь вечерним воздухом, ароматом сосен, свежим запахом озерного ветра и легким ароматом французских духов, строго запрещенных на Детском острове, отчего обладание духами было делом престижным.

Вероника сидела пригорюнившись на краю причала, свесив босые ножки, и болтала ими в холодной воде. Неподалеку от причала бродила крупная ворона, выклевывая что-то из щелей между досок.

— Вы же простудитесь! — воскликнул Милодар, выйдя на открытое место.

— Ну и пусть, — ответила девушка, ожегши его синим светом глаз. — Мне вовсе не хочется жить после того, как вы погубили моего мертвого друга.

— Ах, Вероника, — откликнулся на это Милодар, ступая на заскрипевшие доски причала, — ну зачем же лгать мне, старому сыскному волку. Передо мной склонялись разведки злобных планет, и мне сдавались банды космических пиратов. А ты полагала, что сможешь меня провести? Я же не директриса Аалтонен, которая готова поверить в любого ходячего мертвеца.

— Не в любого! — не сдавалась Вероника. — А в Джона Грибкоффа, о котором знает каждый.

Милодар присел на корточки рядом с Вероникой. Ко разулась и, держа туфли в руке, пошла по прибрежной гальке к выдававшейся в воду скале. Предвечерний воздух был так тих, что слышно было, как выплескивает вода от каждого ее шага.

— Я провел небольшое расследование, — произнес Милодар, глядя вдаль. Плеснула крупная рыба. Небо было бесцветным. — И мне не составило труда определить, что твоего мертвеца зовут Артемом Тер-Акопяном, служит он здесь физкультурником, лодку свою прячет вон там, под корнями сосен, ма-

ску и краску — у той скалы... В замок входит по ночам через дверцу, которая ведет в прачечную.

Подобно молнии Вероника вскочила на ноги.

— Как ты посмела! — закричала она, гневно глядя на подругу. — Зачем ты все ему рассказала?

— Какая глупость! — Ко даже не обиделась. — Я даже и не подозревала, что Артемчик прятал здесь лодку. Зачем мне знать?

— Нет! — упорствовала Вероника. — Это был мертвец! Я не знаю никакого Артема.

Стоя в отдалении, Ко заметила:

— Когда тебя поймали, лучше сознаться. Может, комиссар подбреет.

— А я добный, — сообщил Милодар, не вставая с корточек, и кинул в воду монетку. Все следили за тем, как она, подпрыгивая блинчиком, унеслась в закатную даль. — Мне почти все ясно, и потому я не намерен сердиться. Конечно, если вы будете говорить правду и только правду.

— Ну что вы ко мне пристали! — Вероника вскочила и побежала к концу причала. Никто не мешал ей, не останавливал. Так что ей пришлось остановиться самой. — А что вы узнали? — спросила она у комиссара.

Комиссар кинул еще одну монетку. На этот раз неудачно. Подпрыгнув раза три, она утонула.

— А я рассудил, причем без всякой помощи со стороны вашей подруги, что все таинственные явления имеют самые обычные объяснения. И только если обычное объяснение ничего не объясняет, тогда следует обратиться к необычным объяснениям. Как правило, это заводит в тупик.

— И вы догадались?

— С моим опытом и способностями — мне не стоило большого труда...

— Даже я бы догадалась на месте комиссара! Тоже мне — конспираторы! — заявила Ко.

— Как все было сделано — ясно, а вот зачем — попрошу объяснений, — потребовал комиссар.

— Чтобы не догадались, — вякнула Вероника. — Спросите Ко.

— Это я для них придумала, — заявила Ко. — И на нашем месте вы бы сделали то же самое.

— Говорите!

— Если бы директриса или кто-нибудь из доносчиков выследил Веронику и Артема — начались бы скандалы, разборки и Артема бы в два счета выгнали бы с острова.

— А быстро бы выследили? — деловито спросил комиссар.

— В два счета. Островок наш невелик, а за морем материк, — ответила в рифму Ко. — Директриса имеет не только штатных осведомителей — поваров, прачек, медсестер и уборщиц, но и добровольных доносчиков из числа заключенных нашего острова.

— Как вы сказали?

— Я сказала — заключенных!

— Это несправедливо, — обиделся Милодар. — Вы должны быть благодарны правительству и ИнтерГ-полу, которые идут на все, чтобы обеспечить вам счастливое детство.

— Погодите, комиссар! — возмутилась Вероника. — А если бы я захотела сегодня слетать на Гималаи! Возможно ли это?

— Зачем вам на Гималаи? — удивился комиссар.

— Вам задали вопрос, — строго сказала Ко, — отвечайте на него, не виляйте хвостом.

— Не смейте так разговаривать с комиссаром ИнтерГпола!

— Значит, нельзя?

— Напишите заявку, соберите группу, — быстро сказал Милодар, — и отправляйтесь на ваши Гавайские острова. Хоть завтра!

— Если, конечно, ваши сотрудники, которые будут обеспечивать контроль и охрану окружающей среды от нас с Вероникой, не будут на пикнике или в отпуске. В ином случае нам посоветуют подождать до следующих каникул.

— Девушки, девушки, вы же знаете, что все делаются ради вашего блага! Земля опасна, на ней сохранилось еще немало хищников и вредных насекомых!

— Вероника, комиссар боится, что нас задушит анаконда, — сказала Ко.

— Одна на двоих, — подтвердила с язвительной улыбкой Вероника.

— Нет, — возразила Ко, и лицо ее стало серьеcным. — За нас комиссар не боится. Но он ужасно боится за судьбу несчастной беззащитной Земли, для которой мы с тобой представляем страшную угрозу.

— Девушки, девушки, не так громко...

— А почему мы должны молчать? Мы и без того такие опасные!

Ворона, опустившись на нижнюю ветку сосны, громко каркнула, будто выражала поддержку девушкам.

— И давно у вас тут вороны каркают? — спросил Милодар.

— Он пытается нам зубы заговорить! — злым голосом воскликнула Вероника. — Ему не хочется признавать, что его милая лавочка держит нас здесь взаперти, словно мы уже совершили страшные преступления.

— А что, если так случится?

— Даже самого страшного убийцу на Земле не считают убийцей, пока его не осудят суд. А нас, детей, можно считать заведомыми убийцами? — сказала Ко. — Почему мы должны, и без того наказанные судьбой, раз лишены папочек и мамочек, еще лишиться свободы?

— А если...

— Только не надо вашей занудной пропаганды! — возразила Ко. — Не надо нам талдычить про страшных чудовищ, которые заключены в нас, про вирусы и убийственные наклонности, которые в нас проснутся. Вы, комиссар, в своей жизни побывали на разных планетах. Вы имели куда больше шансов, чем мы, маленькие дети, подхватить вирус или внедрить в свое тело паразита. Но мы-то вас не держим на острове.

— Не я придумал эти правила, не мне их отменять, — сказал комиссар. — Сейчас мы говорим о другом.

— Сейчас мы говорим именно об этом, — зло сказала Ко. — Поставьте себя на наше место. Мы-то знаем, что мы обычные, и мы хотим всего, чего хотят наши сверстницы на воле. Но нам ничего нельзя. И потому мы понимаем, что наш единственный шанс — воспользоваться слабостью наших тюремщиков...

Комиссар поморщился. Слова «тюремщики», «лагерь», «воля» вызывали у него желудочные спазмы.

— Мы уговорили Артема, который безумно влюбился в Веронику, — сказала Ко, — последовать идиотским правилам игры. Если бы мы сказали, что у Вероники роман с учителем физкультуры, — объект ее страсти немедленно бы вылетел с острова. Но что случится, если мы с Вероникой на всех углах будем кричать, что ее преследует мертвец Джон Грибкофф? Это будет шок, за которым, вернее всего, не последует выводов, потому что мертвец — самая подходящая пара для Угрозы мира!

— Так... вы решили, что если Вероника начнет рассказывать совершенную чепуху, ей никто не поверит, никто не станет ее выслеживать и уж конечно никто не заподозрит физкультурника Артема в попытках обесчестить воспитанницу Детского дома, несовершеннолетнюю притом, — понял ситуацию Милодар.

— А если кто-то и заметит нашу парочку, — завершила рассказ Ко, — то рассказывать другим постыдится. Кому хочется, чтобы про него говорили, что он верит во всякую мистическую чепуху и повторяет бредни полоумных девчонок.

— Ну что ж, остроумно. Даже слишком остроумно для подростков, — произнес Милодар.

— Мы не подростки, — сухово ответила Вероника. — Мы уже девушки.

— И может быть, в зловещем вертепе, откуда мы все родом, совершеннолетие наступает в шестнадцать, — сказала Ко.

— А может, и в четырнадцать, — высказал предположение Вероника.

— Ну что ж, ловко! — вынужден был признаться Милодар. — Все знали, что у Вероники роман с мертвецом. И отворачивались, когда случайно видели мертвеца на вашем острове.

Тут Вероника вздохнула и добавила:

— Все было бы хорошо, если бы не наша госпожа Аалтонен. Она не ест сахар и нам не дает. Она такая глупая, что у нее даже фантазии нет, — сказала Вероника. — Она пошла проверять. А у Артема не такие уж крепкие нервы...

— Как Веронике бы хотелось, — добавила Ко.

— Не перебивай!

— Тебе хотелось, чтобы он тебя украл! Ты на все была готова, чтобы он тебя украл! Но он не решался потерять такое хорошее место.

— Теперь поздно о нем говорить! — вздохнула Вероника. — Мне не хочется больше встречаться с героями, который с такой скоростью убегает со свидания при виде госпожи Аалтонен.

— Не будь к нему так строга. Ведь он такой красивый! — пропела Ко, и Милодар с подозрением поглядел на лучшую подругу Вероники. Тут могла таиться опасность для девушки. Нет людей более опасных, чем лучшие подруги!

— Где он теперь? — спросил Милодар.

— Наверное, у себя, — ответила Вероника. — Ко мне он — ни ногой... Трусливое ничтожество!

— А есть ли у него укромное место... скажем, где вы встречались, чтобы поцеловаться без свидетелей?

Наступила пауза. Если Вероника и знала о таком месте, гнев ее против возлюбленного был не настолько силен, чтобы выдать его и лишиться навсегда.

Милодар поднялся и громко вздохнул.

— Вы усугубляете, — сообщил он.

— Вы не правы, — ответила резкая Ко. — Если бы речь шла только о таких чудовищах, как мы с Вероникой, я бы первая кинулась искать нас по помойкам и подвалам, чтобы уничтожить. Но когда от вас скрывается трижды перепроверенный учитель физкультуры из Детского дома, то Земле, пожалуй, ничего не угрожает. Ведь признайтесь, комиссар, у

физкультурника Артема есть чин лейтенанта полиции?

— Ничего подобного! — рассердился правильной догадке Милодар. — Я в первый раз о нем здесь услышал.

Ко нагло усмехнулась, и Милодар понял, что никогда в жизни не приблизит к себе это существо. Ко слишком изобретательна и хитра, именно она придумала глупую на первый взгляд, но психологически верную версию с мертвецом Джоном.

— Сейчас же говорите, где вы его прячете! — воскликнул Милодар. — Или я весь остров переверну, а вам... — тут Милодар спохватился, что грозить девочкам, сиротам, неэтично, и закончил фразу так: — Больше никогда не увидеть этого мерзавца Артема. Который воспользовался вашей невинностью и несовершеннолетием для того, чтобы над вами надругаться.

— Во-первых, не над обеими, — возразила Ко, — о чем я сожалею.

— Во-вторых, он не успел надругаться, потому что прибежала директриса, — добавила Вероника.

— В-третьих, Вероника сама пришла к нему на свидание, — произнесла Ко.

— В-четвертых, — закончила Вероника, — я не имела ничего против того, чтобы надо мной надругался именно Артем. Это, наверное, очень приятно.

— Проклятие! — возмутился комиссар. — Я вас всех разгоню.

Вероника посмотрела на комиссара с жалостью, и вдруг он с ужасом понял причину этого взгляда. Вероятно, она думает, что маленькому комиссару ни разу не удавалось никого обесчестить. И, возмущившись этим подозрением, он вскричал:

— Еще чего не хватало! У меня было три жены, и сейчас я снова намереваюсь жениться!

— Это сексуальный маньяк, вот в чем дело, — сказала Вероника своей подруге, та молчаливо склонила голову, соглашаясь, и обе на всю жизнь заработали себе смертельного врага в лице комиссара Милодара.

Над островом прозвенел колокол — звук этот был приятен и разнесся далеко над озером.

— Нас зовут к ужину, — сказала Ко, — мы можем продолжить разговор после ужина, но опаздывать на него мы не имеем права — служба безопасности строго следит, чтобы мы, чудовища, не отбивались от рук. Но после ужина мы можем продолжить интервью, — сказала Ко.

— Никто вас не считает чудовищами! — в который уже раз воскликнул комиссар, но девушки не ждали ответа. Обе поспешили по тропинке к замку. От первых сосен Вероника обернулась и сказала:

— Я попрошу Артемчика выйти из укрытия и поговорить с вами. Какое время вам удобнее? После отбоя? В девять?

— Только не позже, — мрачно ответил комиссар. — Мне пора улетать. Неужели вы думаете, что ваш островок — центр вселенной?

— Для нас, чудовищ, без сомнения, — ответила Ко, и девушки довольно громко захохотали. Милодар был даже близок к тому, чтобы принять этот издевательский хохот за чистую монету. Но взял себя в руки.

— Девять часов. У вас в комнате, — сказал он.

* * *

У комиссара Милодара в замке была своя комната. Она называлась инспекторской. Но обычные инспектора и дежурные останавливались, как правило, не на самом острове, а на материке и прилетали сюда, когда надо, на флаерах или вертолетах. Инспекторская была снабжена космической связью, компьютером, небольшой библиотекой и специальным ящиком с видеокассетами эротического содержания, которые любил перед сном просматривать комиссар Милодар и о чем ни в коем случае не должны были догадываться сиротки.

Войдя в инспекторскую, Милодар внимательно осмотрел и обнюхал комнату. Именно чужой запах смущал его: кто-то недавно побывал здесь. Милодар

достал из сейфа детектор запахов и без труда определил, что без спроса заглядывала в комнату сама директриса госпожа Аалтонен. Но зачем? Она ведь даже не состояла на службе ИнтерГпола, а была сотрудницей Ведомства просвещения.

Милодар проверил все точки в комнате, которых касались пальцы директрисы. Сильнее всего запах концентрировался именно на кассетах и на видеомагнитофоне. Это было невероятно. Директриса не могла интересоваться такими предметами.

Разумеется, по правилам ИнтерГпола, сотрудник, узнавший нечто о подозреваемом, должен скрыть это знание, а потом использовать его на допросе. Но так как допрашивать директрису Милодар не намеревался, то он не выдержал и включил видеосвязь с кабинетом госпожи Аалтонен. И застал ее в неудачный момент. Директриса поднимала штангу.

— Простите, что беспокою, — заметил Милодар, сделав вид, что ничуть не удивлен.

— Ах, это вы меня простите, что я делаю так в рабочее время!

Директриса пошла красными пятнами от смущения. Но Милодар, в отличие от многих других людей, был лишен чувства такта и жалости — иначе бы ему никогда не достичь командных высот в ИнтерГполе.

— Вы правы, — сказал Милодар. — Для этого есть специальный зал или лес.

— Но подумайте, как неладно видеть директора, который поднимает штангу на глазах у детей. Они подумают, что я — жестокая учительница, — директриса осторожно опустила штангу на пол и закатила под стол.

— Отлично. Я вас побеспокоил по другой причине, — сообщил Милодар. — Я хочу знать, зачем вы смотрели эротические пленки в моей инспекторской.

— Ой, что вы...

Но лгать директриса за долгую жизнь вроде бы не научилась.

— Говорите, мне, к сожалению, некогда ждать, пока вы придумаете подходящую версию!

— О нет, — ответила директриса. — Но я руководжу коллективом, в котором подрастают юноши и девушки. Я должна оберегать их от всяких эксцессов... К сожалению, я очень давно... простите меня, комиссар, — очень давно не делала этого с мужчиной. И я опасалась, что очень отстала и могу неправильно понять некоторые жесты и слова моих воспитанников. И при уборке — я никого не пускаю в вашу комнату, но пыль же нужно иногда стирать! — при уборке я увидела видеокассеты. Они вызвали мое любопытство картинками, которые на них изображены...

«Черт побери! — мысленно обругал себя Милодар. — Как же я не догадался убрать с обложек голые груди и попки героинь фильмов!»

— И я пришла к выводу, что вы обеспокоены, господин комиссар, той же проблемой, что и я. Вы тоже хотите узнать, что же делают современные мальчики с девочками, когда остаются наедине. И изучаете эту проблему как педагог.

Комиссар чуть было не крикнул, что у него шесть любовниц...

Но слова застряли в его глотке. Зачем разочаровывать ее?

Пускай директриса останется в убеждении, что они с комиссаром — два столпа современной педагогики и смотрят сомнительные для иных людей фильмы исключительно в интересах сбережения невинности сироток.

— Пусть будет по-вашему, — сказал Милодар. И выключил связь.

«Никогда не знаешь, в какой очередной лабиринт загонит тебя жизнь», — подумал он.

Он подошел к окну. Уже совсем стемнело. Крупная ворона пролетела перед самым окном. Надо возвращаться. Вся история оказалась пустой, банальной, выеденного яйца не стоит. Хотя, впрочем, надо признать, что комиссар познакомился с любопытными девушками... Теперь осталось провести воспитательную беседу с физкультурником Артемом. В результате ее физкультурника либо оставят здесь, что мало-

вероятно, либо переведут в другую школу, что возможно, либо вообще выгонят из системы просвещения, что более всего похоже на истину.

Где же искать этого трусливого охотника за девичьими ласками?

Милодар отошел от окна. Может, спросить директрису?.. Нет. Отыщем его без ее помощи. У нас есть искатель запахов.

Но для того, чтобы задействовать искатель, следовало идти в комнату физкультурника и там брать какую-нибудь его вещь. А идти было лень — сейчас бы включить эротическую пленку и поглядеть на молоденьких распутниц...

Рассуждая так, Милодар подошел к видео и машинально сунул в щель тоненькую кассету.

И увлекся.

Любил он девушек. Любил женщин. Любил самую любовь...

Через десять минут, когда совершенно раздетая лань неслась по лесу от бешеного сатира, постучали в дверь. Милодар с трудом отвлекся.

— Минуту! — воскликнул он. — Сейчас схватим!

Но, как профессионал, сумел взять себя в руки, выключить видео, захлопнуть бар, замаскированный под пишущую машинку, и нажать на кнопку дистанционного управления дверью.

Дверь открылась. Опершись о косяк, изможденный и загнанный, там стоял физкультурник Артем.

Он нервно оглянулся, нырнул внутрь инспекторской и прошелтап:

— Спасите меня, комиссар!

— Сначала заходите, — посоветовал ему Милодар, — и заприте за собой дверь.

За вошедшим физкультурником дверь плотно закрылась. На окна опустились титановые жалози, неслышно щелкнули замки из керамзитника.

— Садитесь, — сказал Милодар, — на вас лица нет.

Физкультурник рухнул на стул. Он не смотрел вокруг, даже если бы видео продолжало крутиться, он бы наверняка ничего не заметил.

— Я пришел к вам, — сообщил он хриплым голосом, — потому что осознал всю наивность и опасность моих увлечений.

— Давно пора, — проворчал в ответ Милодар. — Из-за вас мне приходится сидеть здесь, тогда как неотложные галактические дела ждут меня в иных местах.

— Простите, — сказал физкультурник. — Я опасался вашего гнева.

— И что же вас привело ко мне? Раскаяние? Страх? Нечистая совесть? Вы не стесняйтесь, берите в шкафчике виски, пейте.

— Спасибо, я не пью.

— Прискорбно. В ваши годы я пил, как извозчик. Без этого не наладишь достойных связей. Значит, вы во всем признаетесь?

Милодар подошел поближе к физкультурнику и обратил внимание на красные точки на его шее и щеках.

— Что это? — спросил он. — Комары заели?

— Вы догадались?

— Разумеется, я догадлив. Вы нашли какое-то убежище и намеревались просидеть там, пока я не улечу, в надежде на то, что ваша роль в происходящем безобразии не будет замечена. Но ничего не вышло. Так?

— Это были не комары... — прохрипел физкультурник. — Это живые шприцы, это клещи и гвозди. Они беспощадны. Они задались целью убить меня...

— Не стоит так преувеличивать, юноша, — усмехнулся Милодар. — Вы слишком долго просидели неподвижно в комарином месте. Но меня не интересует само место — меня интересует, кто придумал трюк с переодеванием в мертвеца Грибкоффа.

— Я, — виновато и неубедительно произнес Артем.

— Ложь! Кто придумал? Говорите, если не хотите, чтобы я рассердился.

— Это придумали девушки...

— Ко?

— Сначала она...

Молодому человеку не хотелось выдавать девушку, но он вынужден был признаться — такова была сила взгляда комиссара Милодара.

— Очень перспективная девица, — заметил комиссар. — Я бы на вашем месте трижды подумал, прежде чем заводить интрижку с Вероникой. Вероника куда менее интересна.

— Я люблю Веронику! — взвыл физкультурник. — Я ее люблю и не предам этого чувства!

— Ну и не предавайте, бог с вами, — согласился Милодар. — Но какого черта вам потребовалось устраивать роман на месте, где вы работаете, да еще с воспитанницей особой категории опасности? Вы нормальный?

— Во-первых, — заявил физкультурник, — я не преподаю в старших группах и Вероника — не моя ученица.

— Во-вторых, — закончил за физкультурника Милодар, — вы не ощущаете никакой опасности от этой девицы.

— Вот именно!

— Если бы эта опасность ощущалась, — Милодар рассказывал по комнате, заложив руки со сплетенными пальцами назад, — тогда бы не надо было принимать таких мер предосторожности. Проблема заключается в том, что опасность порой неуловима и прозрачна, как ядовитый пар...

— Вероника — замечательная девушка.

— Не уверен, не уверен!

— Я ненавижу вас, комиссар! Вы погубили нашу любовь.

— Вот уж чем не занимался, — искренне возразил комиссар. — Гонялась за вами директриса, и то из чувства долга. Меня даже и не было. А если бы вы вели себя умнее и осторожнее — до сих пор бы себе целовались.

— Нет, — возразил физкультурник. — Мы были окружены вашими шпионами и клевретами. И директриса никогда бы нас не выследила, если бы ей не донесли прачки и уборщицы.

— Молодцы, девочки! — обрадовался Милодар. — А то уж я собирался менять местный обслуживающий персонал и всех ссылать на различные острова. Но что мне делать с вами — не представляю.

— Я хочу на ней жениться, — сказал физкультурник.

— Замечательная идея, и вы ее обязательно осуществите, как только Вероника достигнет совершеннолетия — то есть через год. Тогда как раз закончатся физиологические исследования и она будет признана полноценной гражданкой Галактики, а не...

— Не монстром!

— Вот именно.

— Но я женюсь на ней! — упорно настаивал молодой человек.

— Я приеду к вам на свадьбу, — сказал Милодар. — А сейчас идите и отдыхайте. У вас выдался трудный и нервный день.

Он выпроводил физкультурника, но возвращаться к эротическим фильмам уже не хотелось. И настроение испортилось. Милодару были порой свойственны странные движения души. Он знал уже, что завтра физкультурника подведут под сокращение штатов и переведут тренировать пенсионеров в Австралию. И к тому же, несмотря на то, что он — полноправный гражданин Галактики, поставят под гласный надзор безопасности. Что делать, риск слишком велик. Милодар знал, что сам отдаст приказ о разлуке возлюбленных, о бесславном завершении романа Ромео и Джульетты, но как ему вдруг стало их жалко! И будь его воля, он бы сейчас запер их в одной спальне до утра — ведь даже шекспировским героям это было дано судьбой...

Милодар чуть было не бросился в коридор, чтобы посоветовать юноше соединиться с любимой и не обращать внимания на присутствие комиссара. Но затем комиссар взял себя в руки и лег спать. Будь что будет! Как распорядится судьба... А вот насчет Ко следует подумать. Скоро у нее совершеннолетие — надо узнать, что она собралась делать дальше.

С этими словами Милодар выключил свет, набрал на браслете свой личный код, и его голограмма, превратившись в легкое, едва светящееся облачко, поднялась над замком, сделала круг и понеслась домой, в подмосковный санаторий «Узкое», где на дне пруда находился секретный вход в Московское отделение ИнтерГпола.

В замке наконец-то воцарилась тишина.

* * *

С утра Милодар, приняв душ и потратив десять минут на гимнастику, вышел к завтраку. Был он облачен в пестрый шелковый китайский халат, подарок старого друга, великого иглоукалывателя Боровкова-сан.

На круглом столике стоял запотевший бокал с апельсиновым соком, омлет из двух яиц с беконом, булочка, кофейник... а по ту сторону стола светился экран, который выдавал сводкуочных новостей.

Новости были обычные: война в Боснии и в туманности Гончих Псов, конфликт в Карабахе и очередной раунд переговоров о судьбе морского флота Аргентины, недавно разделившейся на собственно Аргентину и Окраину Аргентины. И вдруг: «Для сведения работников служб безопасности сообщаем, что сегодня ночью совершен побег с Детского острова — специального приюта для космических найденных».

Милодар замер, не донеся до рта бутерброда с беконом.

— Ночью исчезли физкультурник острова, бывший вице-чемпион мира по серфингу Артем Тер-Акопян, и его возлюбленная, ученица старшей группы Вероника. Особенность состоит в том, что на Детском острове содержатся найденыши, судьба и происхождение которых пока не выяснены. В некоторых случаях под сомнение ставится их антропоидная сущность. Известно, что роман между воспитателем и воспитанницей начался несколько недель назад и

был разоблачен вчера, когда на остров специально для расследования прилетал комиссар Милодар.

— Дураки, — сказал Милодар телевизору, — это была моя голограмма!

— Очевидно, бегство влюбленных связано с этим визитом комиссара и мерами, которых они закономерно опасались, потому что комиссар славится в Галактике как наиболее коварный, жестокий и неподкупный сотрудник ИнтерГпола. Степень опасности такого побега неизвестна, всех сотрудников спецслужб просят сохранять спокойствие и бдительность.

У Милодара пропал аппетит.

Он вскочил из-за стола и кинулся к компьютеру.

Вид у дежурного по Детскому острову был виноватый. Он даже не снял халата прачки, парик съехал набок, руки дрожали. Видно, у него было развито воображение, и он представлял, что сделает с ним комиссар Милодар, когда до него доберется.

— Как это случилось? — спросил Милодар, стараясь сдержать свой вулканический темперамент.

— Девушка находилась под постоянным наблюдением, — произнес дежурный-прачка. — Один из сотрудников постоянно находился под дверью, а к постели были притянуты датчики. Кроме того, за девушкой наблюдала камера ночного видения.

— Где находился физкультурник?

— Он был у себя. За ним также наблюдали...

На этот раз в голосе дежурного не было уверенности, и Милодар понял, что физкультурника оберегали не так строго, как Веронику.

— Дальше, дальше... каждая минута дорога.

— В три сорок три Вероника направилась в туалет.

— У нее обычно ночное недержание мочи?

— Откуда мне знать, комиссар?

— Вот именно — не знаете элементарных вещей, от знания которых зависит, ведет ли себя подозреваемый естественно либо водит вас за нос! Продолжайте!

— Она вошла в туалет...

— И не вышла?

— Мы подняли всех по тревоге.

— А физкультурник тем временем тоже исчез.
— Так точно! — В голосе прачки булькали слезы.
— И сколько времени вы скрывали эту информацию от вышестоящих органов?
— Мы не скрывали...
— Через какое время после обнаружения пропажи вы доложили об этом?
— Через полтора часа. Мы искали их по острову, мы общарили весь замок, мы думали, что они украдутся в подвале... Мы допрашивали ее соседок по комнате...

— И безрезультатно?

— Безрезультатно.

— Я вылетаю, — сказал Милодар. — Вы уволены. Через шесть минут, оставшись без завтрака, комиссар Милодар перешел к себе в подземный бункер, снабженный всеми возможными видами связи, а его голограмма поднялась на борт служебного вертолета, который немедленно взял курс к Ладожскому озеру.

Путешествие на север заняло не меньше часа.

За это время все без исключения на проснувшемся острове знали о бегстве влюбленных. И надо сказать, что сочувствие всех, за исключением агентов комиссара, было на стороне местных Ромео и Джульетты. Все годы существования приюта его обитатели чувствовали себя оскорбленными родной планетой — ведь у кого, как не у Земли, просить защиты и поддержки? Но тебя сажают в холодную, богатую клюковой, опятами, подосиновиками и комарами каменную пустынь и начинают исследовать в надежде отыскать в тебе нечто столь ужасное, о чем они сами не имеют представления. О, как приятно отомстить вам, всесильные экспериментаторы!

Так Ко и сказала комиссару Милодару, когда тот ворвался в спальню и набросился на нее с упреками и обвинениями.

— А почему я должна вам сочувствовать? Вы думаете, что я желаю помочь вам сохранить ваше начальственное место? — жестко спросила девушка. — Да пускай вас гонят! Может быть, вместо вас придет

человек с нормальным горячим сердцем, а не мороженой сосиской в груди.

— Вы забыли, — холодно ответил комиссар. — У меня в груди сейчас ничего нет, потому что я — только голограмма комиссара. А сам я сейчас сижу в подземном бункере и управляю всей операцией.

— Ах, как это на вас похоже! — воскликнула Ко и резким движением головы откинула назад длинные русые волосы. Она скватали себя сильными тонкими пальцами за локти, как бы обнявши свой стан. Плечи над угренним халатиком были такими хрупкими, будто норовили прорезать косточками материю. Милодару даже стало жалко девушку. Но он тут же отгнал это лишнее чувство.

— Итак, — произнес комиссар, осматривая постель Вероники, сложенную в лучших традициях так, чтобы заглянувшему проверщику казалось, что обитательница ее спит, накрывшись с головой. — Не умеем работать, не умеем...

Он обернулся к Ко и спросил ее мягко, по-товарищески:

— Давай, чего уж тут, рассказывай, как и куда они смылись.

— Неужели их еще не поймали? — удивилась Ко.

— Их еще не поймали, Ко. Поэтому ты сейчас мне честно расскажешь все, что тебе известно.

— Это угроза?

— Клянусь тебе — ничего подобного! Я сам предпочел бы, чтобы влюбленные удачно убежали и скрылись на Марсе. Но скажи, веришь ли ты в это? Веришь ли ты в любовь в шалаше?

— Пускай попробуют, — ответила Кора. — Каждый человек имеет право попробовать свое счастье на зуб.

— Ну, что ж... Ладно, Кора, крики и угрозы я приберегу для тех идиотов, которые по долгу службы должны были беречь Веронику. Ты же расскажи мне то, что считаешь нужным рассказать.

— Что бы я ни рассказала, — ответила Кора, — вы повернете так, что Веронике будет плохо.

— Девочка моя, ты не совсем представляешь себе, что происходит. Ведь бегство Вероники и Артема — событие чрезвычайной важности. По нашей, полицейской терминологии — событие третьего-б разряда. На уровне землетрясения. Помимо этого, побег — плевок в лицо службе безопасности, для которой его подготовка была известна заранее.

Ко не глядела на Милодара, она все крепче сжимала себя пальцами, словно хотела заглушить боль.

— Ты не можешь даже нечаянно повредить подруге.

— Не только это, — сказала Ко.

— Что же, если не секрет?

— Вы будете смеяться надо мной.

— Нет, я не буду смеяться. Я редко смеюсь.

— Мне некому признаться, кроме вас...

— Признавайся.

Ко подняла голову и широко раскрыла синие глаза.

— Комиссар, — сказала она. — Я ужасно люблю Артема. Я так влюблена в него, что готова ради него прыгнуть с обрыва.

— И как тебе удается это скрыть?

— Он любит Веронику, — твердо сказала Ко. — Даже если бы он сейчас изменил свое мнение, я бы отвернулась от него.

— Для меня это слишком сложно, — ответил комиссар. — Если я кого-нибудь полюблю, то выщапаю из чужих рук!

— Даже если это будет ваш брат?

— Разумеется! Зачем же моей возлюбленной всю жизнь мучиться с братом, когда она может любить меня?!

— И если это будет ваш друг?

— Даже если друг... — Голос Милодара дрогнул. Глаза заволокло воспоминанием. Чутким сердцем Ко поняла, что прошлое комиссара омрачено какой-то историей такого рода.

— А впрочем, — произнес комиссар. — Каждый живет как может, и никогда нельзя сказать заранее, что принесет дивиденды, а что тебя разорит.

Кора промолчала.

Комиссар сказал:

— И все же расскажи мне, что произошло здесь вчера вечером.

— Ничего. Она мне ничего не сказала.

— Неужели ты благополучно проспала побег? И не помогла?

— Зачем ей моя помощь?

— Как же он утащил ее, если мои люди клянутся, что следили за ней до двери туалета?

— Значит, надо проверить окно туалета.

— Я там был. Туалет на третьем этаже.

— Даже тысячу лет назад были веревочные лестницы.

Милодар понимал, что большего он от Ко не добьется.

Не сказав ни слова, он прошел в женский туалет и там имел возможность убедиться в правоте Коры: на подоконнике он обнаружил царапины и потертость от веревки. Не исключено, вынужден был признать Милодар, что этим путем воспитанники приюта пользовались неоднократно.

Милодар стоял в женском туалете, глядел наружу во двор и рассуждал: куда могли убежать влюбленные? Домой к Артему? Вряд ли. В Ереван уже были направлены запросы, там была поднята служба безопасности. Но Милодар отдавал себе отчет в том, что в том же Нагорном Карабахе, где у Артема были родственники и друзья, можно скрыть парочку так, что не отыщешь их с помощью всей галактической разведки. А если отыщешь, то пожалеешь, что ввязался в эту историю.

Но что-то надо делать...

Милодар тяжело вышел в коридор. Несколько девочек разного возраста, которые нетерпеливо маялись у входа в свой туалет, занятый страшным мужчиной, чуть не сшибив его с ног, кинулись внутрь.

Счастливо заурчала вода.

Неожиданно заговорил браслет связи.

«Девушка, отвечающая описанию Вероники, по показаниям носильщика № 26, замечена на полустанке Выря Мурманской железной дороги».

— Проверить! — закричал Милодар. — Немедленно проверить. Одна ли она. Даю описание спутника... нет, не надо, высылаю флаер с сотрудником.

Что-то остановило Милодара от того, чтобы ринуться на полустанок самому. Что-то недоделанное, не завершенное здесь, в Детском доме. Без этого нельзя улетать...

Ко стояла в коридоре неподалеку.

— Ты тоже сюда? — спросил комиссар, показывая на дверь туалета.

— Нет, спасибо.

— Веронику заметили на полустанке Вырья.

— Вы полетите туда?

— Ко, давай сходим к его укромному месту, — предложил Милодар. Без хитрости предложил, а как сотруднику. — Вдруг он там. Или послание для нас с тобой...

— Я только накину что-нибудь на себя, — ответила девушка. — А то на улице дождик.

Милодар подождал ее у выхода из замка. На Ко был длинный плащ. Выбежала директриса с большим черным зонтом и вручила его Милодару. Комиссар из вежливости взял зонтик, хотя голограмме он не нужен.

Директриса не посмела следовать за Милодаром. Она чувствовала себя виноватой, и вид комиссара был столь свиреп, что к нему лучше было не приближаться.

Ко его не боялась, и комиссару это было приятно. Она отличалась от других девушек. В ней была странная, почти профессиональная уверенность в себе. Такая появляется на генетическом уровне, раз в столетие. Милодару не хотелось потерять эту девушку. Она казалась ему куда более интересным приобретением последних дней, чем вся история с романом.

— Мы пойдем к его ухоронке? — спросила Ко.

— Ты знаешь, где это?

Они начали спускаться по тропинке, и Милодар все ждал, когда стволы деревьев прикроют их от внимательных и настороженных взглядов обитателей

замка. Оглянувшись, Милодар увидел у ворот замка две одинаковые фигурки в белых халатах — это были прачки.

— Я несколько раз там бывала, — сказала Ко. — Я страшно любопытная. А особенно если учесть то, что я влюблена в Артема.

Она произнесла эти слова так просто, словно ей было далеко за двадцать и она уже научилась относиться к собственным увлечениям с некоторой долей юмора. А ей было всего семнадцать.

— Там он хранил лодку?

— Да, он убегал из замка через окно, спускался к озеру, на лодке переплыval к причалу и ждал ее в сторожке. Потом они катались на лодке по озеру.

— Что ты говоришь!

— В этом ничего дурного нет! — воскликнула Ко. — Они даже купались вместе и плавали, если вода была не очень холодной. Они и меня раза два брали.

— Именно катались и ныряли! — Милодар вложил в эти слова всю степень недоверия, но Ко не удивилась.

— Вы думаете, что мы уже совсем взрослые и думаем только о том, как забраться в кровать! — возмущенно ответила она. — А это не так. У нас много других увлечений и занятий, которые куда интереснее, чем теряться своим телом об какого-нибудь волосатого мужика!

— Но ты же сама говоришь, что влюблена в физкультурника!

— Он — совсем другое дело. И он меня, слава богу, не трогал руками.

— А Веронику трогал? — спросил Милодар.

— Только на самых последних свиданиях. Он стал говорить, что ему уже мало купаний и гуляний, что его любовь требует действий...

— А Вероника?

— Вероника сомневалась. Ей хотелось еще покататься на лодке. Хотя она говорила мне, что целоваться ей нравится. Но вообще, честно говоря, ко-

миссар, мы с Вероникой много спорили о том, что же главное в любви, но так и не нашли ответа.

— А какова твоя точка зрения?

— Я думаю, что главное — это духовная близость, — сообщила Ко.

— Погоди, — Милодар остановился. Они уже углубились в лес и прошли полдороги к берегу.

Загорелся вызов на браслете Милодара.

— Есть подозрение, что подходящая под описание воспитанницы В. девушка в сопровождении молодого человека, соответствующего описанию подозреваемого А., совершила посадку на поезд Москва—Мурманск, который остановился на разъезде Выря.

— Как далеко Выря от Ладожского озера?

— Выря находится на берегу озера.

— Ну вот и все, — сказал Милодар.

Затем он осведомился у своего браслета:

— На поезде наблюдение за подозреваемыми установлено?

— Так точно, — отозвался тонкий далекий голосок.

Они стояли в темном беззвучном лесу. Было холодно. Чуть-чуть сыпал холодный дождик.

— Ну, что ж, — сказал Милодар. — Что ты предлагаешь? Вернуться?

— А что же еще? — удивилась девушка.

Милодар усмехнулся и показал слишком белые зубы.

— Тогда выслушай мой первый урок, девочка, — сказал Милодар. — Если на пути к цели, к подозреваемому, к камню с надписью тебя что-то отвлекает, даже что-то важное, ты выслушай это важное, но закончи путь к цели. В девяноста процентах игра стоит свеч.

— Мы дойдем до озера? — удивилась Кора. — Но там же никого нет!

— Вот именно. Мы потеряем еще десять минут, зато будем на всю жизнь спокойны и уверены в том, что не упустили чего-то важного из-за того, что мечмемся от кормушки к кормушке.

Очевидно, комиссар имел в виду Буриданова осла.

Милодар шел первым и предупреждал о ветках и камнях.

Впереди между стволов блеснула вода. Тучи, как бы ожидая этого момента, разбежались, и солнце тускло осветило лес.

Бухточка, над которой нависли толстые корни сосен, была тиха и безмолвна. Милодар склонился над тем местом, где была притоплена лодка. Она оставалась на старом месте. Значит, влюбленные уплыли на другой. Но когда Милодар уже намеревалсяозвращаться, его остановила Кора.

Она произнесла испуганным голосом:

— Господин комиссар... поглядите... под лодкой.

В ее голосе комиссар почувствовал тревогу.

Он наклонился ниже к прозрачной черной воде и увидел, что из-под притопленной лодки высовываются белые босые человеческие ноги...

Словно кто-то положил на неглубокое здесь дно раздетого человека, а потом придавил его затопленной голубой лодочкой, рассчитывая, что никто не сумеется в такую глушь искать тело.

Ко стояла неподвижно. Ей было страшно убежать в тесный лес, но и остаться — не менее страшно.

— Боишься, что пошли тебя за помощью? — спросил Милодар, присаживаясь на корточки, чтобы лучше разглядеть тело.

Ко отрицательно покачала головой, но ничего не ответила. Голоса не было.

— Правильно, — сказал Милодар. — Сейчас тебя и танком не оттянешь.

— Вы... вы вызовите кого-то... у вас же связь, — произнесла, наконец, девушка.

— Хорошая мысль, — ответил Милодар и ничего не предпринял.

— А кто это? — спросила Ко, чтобы нарушить тишину.

— Скоро узнаем. Хотя я уже подозреваю. Ты тоже.

— Нет!

— Да.

Милодар опустился в воду — ухнул в нее по пояс, но вода не покачнулась, не разбежалась кругами —

голограмма не разрушила ее спокойствия, и от этого Ко охватило состояние кошмара, нереальности.

— А теперь, — сказал Милодар, возможности голограммы которого были неоднозначны и не всегда одинаковы. Порой он мог взять в руки бокал или кинуть камень, а иногда терял способность управлять реальными предметами. — Теперь возьми дрыну, которая валяется в трех шагах выше по тропинке. И возвращайся.

Ко покорно сделала три шага вверх по берегу, подняла с земли трехметровый прямой сук.

— Иди сюда, — велел Милодар.

Кора спустилась к воде.

— Теперь осторожно толкни лодку в корму. Только осторожно, поняла? Я думаю, что она не касается или почти не касается тела.

Ко подчинилась. Ей было страшно холодно.

С первой же попытки она уперлась концом палки в корму, но лодка не сразу сдвинулась с места — она оказалась тяжелее, чем рассчитывала Ко.

Ко нажала чуть сильнее — палка скользнула по корме и ушла в сторону. Ко с трудом удержала ее в руках и была вынуждена выпрямиться и вырвать конец палки из воды. Вода взбурлила, но лодка уже поплыла в сторону, притом поднимаясь к поверхности.

Труп, лежавший под лодкой, покачнулся и медленно поплыл к берегу — он двигался, пока не дотронулся до торчащего с берега корня расставленными пальцами руки.

Артем лежал близко от поверхности воды лицом вверх, и теперь, когда лодка ушла в сторону, медленно-медленно поднимался. Ко поняла: какое счастье, что рядом комиссар Милодар. Иначе бы она наверняка сошла с ума. Нельзя остаться нормальным человеком, если веселый юноша, в которого ты была немного влюблена, поднимается к тебе из прозрачной холодной воды, глядя в небо полузакрытыми мертвыми глазами и чуть шевеля разведенными в стороны руками и ногами — словно отдыхает на воде после долгого заплыва.

Кора ахнула и откинула в сторону палку.

Она попыталась отвернуться, закрыть глаза, но не могла.

— Терпи, — сказал Милодар. — Теперь уж никуда не деться. Придется тебе, девочка, терпеть.

— Он не мог утонуть, — прошептала Ко. — Он плавал как рыба...

— Не в этом дело, — отозвался Милодар.

— И он не здесь! — Ко обрадовалась, схватилась за ложь, как за тростинку. — Он же в поезде! Его же видели вместе с Вероникой!

— Вот это меня больше всего и смущает, — сказал комиссар.

Он включил свой браслет — загорелся зеленый огонек.

Ко не могла оторвать взгляда от лица Артема — совершенно спокойное и живое лицо, если не считать темного пятна на виске.

— Внимание, — сказал Милодар. — Сообщение чрезвычайной секретности и важности. Перехожу на шифр. Включить все микшеры звука в Солнечной системе, создать звуковые помехи на всех волнах вплоть до максимума килогерц.

Ко послышалось, как некто в браслете ахнул. Видно, приказание такого рода было настолько из ряда вон выходящим, что Земля на мгновение замерла на своей орбите.

Милодар же, выдержав короткую паузу, начал произносить бессмысленные сочетания цифр и присвистывать притом — звуки эти, как бы детская игра, разлетались со скоростью света по Земле, по Галактике, заставляя корабли изменить свой курс, караваны пропустить водопои, подземные боевые машины замереть в жёдрах вулканов.

А Ко смотрела на спокойное лицо, до которого она еще сегодня утром так мечтала дотронуться губами и мучилась от ревности, понимая, что Артем стремится лишь к губам Вероники.

Где же сейчас Вероника? На каком полустанке? Кто ее видел, с кем? Это какая-то ужасная ошибка. Веронике грозит опасность!

— Веронике грозит опасность! — воскликнула Ко. Милодар поморщился, потому что крик Ко сбил его с чечетки цифрового кода, который он выдавал подобно пулемету.

— Знаю, — откликнулся он.

Тем временем сверху, по незаметной среди деревьев тропинке, которой раньше пользовался только физкультурник, сбежали прачки — почти уволенные сотрудники ИнтерГпола. Они принесли с собой съемочную аппаратуру и, прежде чем вытащить Артема из воды, зафиксировали положение тела.

— Его не поздно оживить? — спросила Ко, когда Милодар отступил от берега, чтобы не мешать своим сотрудникам.

— Не говори глупостей, — ответил Милодар. — Ты же взрослая девочка. Ты отлично знаешь, что клетки мозга сохраняются лишь несколько минут. Потом наступают неотвратимые изменения. И если ты не успеешь пересадить мозг в другое тело или в морозильную камеру в течение шести минут, считай, что человек погиб.

— Но здесь такая холодная вода! — упрямо сказала Кора.

— Боюсь, что и это нам не поможет, — ответил Милодар. — Он лежит здесь давно, несколько часов!

— Откуда вы можете это знать?

— Послушай, девочка, — сказал комиссар. — Я знаю, что ты расстроена тем, что Артем погиб. Но поверь мне, я скорблю куда больше тебя, потому что мне нужно было его допросить, а теперь я этого не смогу сделать.

Ко удивленно посмотрела на Милодара. Он был совершенно серьезен. Тогда Ко еще мало знала комиссара и подумала, что он старается показать себя человеком долга. На самом же деле он ничего не показывал — для него важнее всего было дело. А сейчас этим делом оказалось задержание Вероники и того человека, который сопровождал ее и который, по версии Милодара, вместе с Вероникой убил физкультурника.

Зачем? Почему? — это будут вопросы завтрашнего дня. Сейчас же главной помехой в работе Милодара было то, что Артем умер и не мог ему помочь.

— Иди к себе в комнату, — сказал Милодар. — И отдохай.

— Вы говорите серьезно? — озлилась Ко. — Вы хотите сказать, что в тот момент, когда убили моего друга, когда пропала моя подруга, я буду сидеть в спальне... может быть, посоветуете, что почитать?

— Я же не знаю, какие у вас книжки! — огрызнулся Милодар, который принял ее слова всерьез. — И вообще лучше посмотрите телевизор. Там сейчас какой-нибудь сериал показывают.

Прачки осторожно вытащили тело на берег. Сверху спустился приютский доктор, который без особой уверенности в себе приблизился к телу.

— Артем, Артемчик, — позвала мертвеца Ко.

— А ну, давай отсюда! — прикрикнул на нее Милодар.

Ко не обратила внимания на крик, она присела на корточки рядом с телом Артема и дотронулась пальцами до ледяного лба.

— Простите, — сказал доктор, спешивший заняться своим делом.

— Определите мне быстро время смерти и состояние мозга! — приказал Милодар.

— Но у меня с собой нет приборов.

— С приборами каждый сможет! — Милодар был в бешенстве. Он воспринимал случившееся, как личное поражение и оскорбление. — Вы мне определите без приборов. Даже если он уже безнадежен, я должен его допросить. Понимаете?

— Нет, — признался доктор.

— Тогда, — Милодар постарался взять себя в руки, — определите причину смерти.

— Вот, — сказал доктор, — видите, на виске — следы удара колющим орудием.

— И все?

К счастью для доктора, который не знал, что больше сказать, потому что обычно черновую работу за него делали автоматы, а он лишь осмысливал их по-

казания, ломая вершины сосен, на воду у берега грохнулся флаер с красным крестом, из которого вылетели на реактивных аппаратах индивидуального пользования несколько медиков с чемоданчиками в руках.

— Вот видите, — сказал Милодар приютскому доктору, и тот, устыдившись, отошел в сторону.

Словно охраняя чувства присутствующих, медики покрыли тело Артема белой палаткой и забрались в нее. Оттуда доносились жужжание приборов и писк, скрип и иные неразличимые звуки. Ко стало так плохо, что она стала задом наперед отступать вверх по склону, натолкнулась спиной на шершавый еловый ствол, замерла, и у нее не было сил двигаться дальше.

— Разъезд Выря? — спросил Милодар, включив браслет. — Как проходят поиски нашей парочки?

— Они в поезде, — откликнулся голосок из браслета.

— Есть ли фотографии? — спросил комиссар.

— Принимайте, — ответил браслет.

Тут же из щели в браслете — Ко было отлично это видно — появилась тончайшая пленка, которая твердела и толстела на воздухе, распрямляясь и превращаясь в цветную объемную фотографию.

— Ко, ты где? — произнес Милодар, абсолютно убежденный в том, что девушка не подчинилась ему и не ушла в замок.

— Здесь.

— Погляди.

Ко взяла у него из рук фотографию Вероники.

Тем временем браслет выдал вторую фотографию.

Ко ахнула.

Камера уловила физкультурника в три четверти, отчего его лицо было особо живым и казалось подвижным.

— Это Артем, — сказала Ко.

— Сам вижу, что не Лев Толстой, — ответил комиссар. — Очень похож.

— Разве у вас сомнения...

— Замечательно, — сказал Милодар. — А кого же мы с тобой нашли?

— Не знаю.

В тот момент реальность Артема на фотографии казалась более очевидной. Найденный ими молодой человек был спрятан в палатке, и там, внутри, врачи что-то делали с ним, превращая его из человека ... в объект.

— А я знаю, — сказал Милодар. — И потому сейчас же вылетаю в Мурманск.

— А что вы знаете? — спросила Ко.

Милодар словно не слышал ее вопроса. Он обратился к палатке:

— Ну, скоро вы?

Из палатки высунулся доктор. Он оперся ладонью в резиновой перчатке о траву. Перчатка была вся в крови.

— Мозг поврежден необратимо, — сказал врач. — Время смерти — три часа ночи. Убит он на берегу, а затем брошен в воду.

— Причина смерти?

— Удар... удар острым предметом. Возможно, клювом.

— Каким еще клювом! — раздраженно произнес Милодар. — Вы еще скажите — укусом муравья.

Большая ворона снялась с ветки над Милодаром, заложила пологий вираж и, набирая скорость, помчалась к комиссару.

— Комиссар! — успела крикнуть Кора и кинулась к валявшейся на земле палке. Но пока она поднимала ее, ворона успела долететь до Милодара, который неизвестно почему поднял руки, защищая голову от удара.

Удар!

Стремительное движение головы, оглушительный шум крыльев — ворона пролетела сквозь голову комиссара и по инерции врезалась в землю — ворона не знала, что имеет дело лишь с голограммой комиссара Милодара.

Но Ко знала об этом.

Ей бы испугаться и кинуться бежать: ведь мало ли чем может грозить девушке птица-убийца. Нетрудно

было сделать вывод, что и смерть Артема связана с таким же нападением.

Но Кора была разозлена. И если эта гадкая птица прилетела сюда убивать, то и ей не будет пощады.

В руке Ко была здоровая палка, та самая, которой она подгоняла к берегу лодку, и девушка сообразила, что надо делать, быстрее, чем все агенты ИнтерГпола, которые сбежались на помощь.

В тот момент, когда потерявшая равновесие птица ударила о землю и забилась, стараясь взлететь вновь, на нее обрушилась палка — Ко ударила по птице изо всех сил.

Раздался треск.

Голова вороны с большим крепким клювом не удержалась на перешибленной суком шее и отлетела в траву.

Птица еще сильнее забила крыльями, побежала к воде и сорвалась с берега, набирая высоту.

Ворона летела, улетала от острова — она была совсем как настоящая птица, лишь безголовая. И Ко ждала, когда же она упадет. Известно, что случается: отрубят голову петуху, но он еще некоторое времяносится по птичнику, пока не упадет. Так, решила Кора, должно случиться с этой бешеной вороной — сейчас она рухнет в воду комочком черных перьев.

Все остальные, кто собрался на берегу, глядели вслед безголовой птице. Но она все не падала и хоть медленно, неуверенно, но набирала высоту.

Зрелище было, по крайней мере, необычным.

Но продолжалось оно недолго, потому что с вершиной дерева сорвалась вторая ворона и, догнав свою товарку, полетела рядом, чуть ниже, затем ловким движением подставила безголовой вороне спину, и та опустилась на нее, позволяя унести себя к облакам.

— Ну, что ж, — первым заговорил Милодар, — по крайней мере, мы с вами теперь увидели убийцу и даже узнали, как он это сделал.

— Я за вас испугалась, — произнесла Ко.

— Я сам испугался, — ответил Милодар. — Я, конечно, знаю, что я голограмма. Но когда на тебя

неожиданно кидается какое-то чудовище, то руки сами действуют.

Он засмеялся и все, в облегчении, тоже стали смеяться.

— А ты, Кора, молодец, — сказал приютский доктор. — Я бы на твоем месте не сообразил. И не успел бы...

— Я тоже отметил быстроту реакции, — согласился Милодар. — Но в будущем такие удары надо наносить куда сильнее и быстрее. Если бы ворона не растерялась от того, что так оконфузилась со мной, она бы раза три успела тебя заклевать.

Кора не могла не обидеться. Она сделала все то, что должны были сделать многочисленные профессионалы, которые за это зарплату и лычки получают, но вместо благодарности ей начинают читать нотацию.

— Ваше счастье, — буркнула она, — что вы не настоящий. А то бы лежали на сырой земле.

— Грубо, — откликнулся Милодар, — невежливо. Никто не просил тебя здесь размахивать палками. Может быть, именно это помешало нам поймать странное существо. Можно сказать, что вы, девушка, сорвали нам операцию.

Милодар увидел, что на глаза Коры накатываются слезы. И тут же переменил фронт атаки.

— А что касается сотрудников ИнтерГпола, которые находились здесь и не смогли обеспечить охрану своего комиссара, а также поимку опасных для человечества устройств, все они без исключения направляются под арест. Вопрос о суде над ними и последующей отставке без содержания решит трибунал. А ну, все под арест! Упустили Тер-Акопяна, проворонили воспитанницу, чуть меня не убили и еще смеют улыбаться!

Никто, разумеется, не улыбался. Просто челюсти прачек и других агентов ИнтерГпола дрожали от страха и унижения.

— Вон! — приказал комиссар.

Уволенные сотрудники покорно побрали под арест, и на берегу сразу стало свободнее.

— Медицина! — взревел комиссар. — Ну где вы, черт побери!

Медицине не надо было откликаться, потому что все врачи оставались рядом с комиссаром — некоторые в белой палатке, другие — снаружи.

— Да возьмите вы эту голову! — Милодар указал на воронью голову, которая лежала в траве, медленно открывая и закрывая клюв, будто просила напиться. — Возьмите голову и немедленно исследуйте ее!

Тут комиссар увидел, что к голове направился приютский доктор и готов уже взять ее в руки.

— Не рукой! — возмутился комиссар. — Откуда берутся такие неучи! Может быть, там вирус... яд, в конце концов!

Доктор отшатнулся от вороньей головы и тут же, как бы в ответ на крик Милодара, голова начала медленно расплаззаться, превращаться в студенистую массу, в лужу киселя, в жидкость, которая быстро впиталась в землю и лишь несколько перышек да один черный глаз остались лежать снаружи.

— Этого и следовало ожидать, — сказал Милодар.

Неожиданно он обернулся к Ко, которая стояла, опираясь на сук, подобно Гераклу, опирающемуся о свою палицу и облаченному в шкуру льва.

— А вы уверяли, что от вас, сироток, не исходит опасность для человечества!

— При чем тут мы! — возмутилась Ко. — При чем тут мы? Вероника находится в плена у неизвестных злодеев, меня могли убить, и боюсь, что никто из вас не пришел бы мне на помощь. Но виноваты в этом, оказывается, только мы! Как мне все это надоело! И учтите, я вас предупреждаю: если кто-нибудь организует террористическую группу, чтобы взрывать полицейские участки и детские дома, я буду среди первых кандидатов в боевики.

Милодар натужно посмеялся. Потом выдавил из себя:

— Надеюсь, что до того времени мы вас перевоспитаем.

— Я не хочу перевоспитываться!

— Неужели вы не понимаете, — закричал в ответ Милодар, — что вы притягиваете к себе все злобные силы Галактики! Это что-нибудь значит?

— Вы убеждены, что мы их притягиваем? А может быть, Артем? А может быть, мы стали пешками в вашей игре? Я же не верю вам, комиссар.

— Хорошее, правильное чувство недоверия. Из вас может получиться агент ИнтерГпола, — ответил Милодар.

Так впервые странное чувство, притягивающее и отталкивающее комиссара к Ко, было им сформулировано. И возникло на поверхности слово «агент». Отныне отношения комиссара и девушки по имени Ко вступили в новый, еще не оформленный опытом, памятью и совместными переживаниями этап.

Но в тот момент Милодар был слишком занят текущими заботами, чтобы анализировать свои чувства к Коре. Он извлек определитель запахов, «карманную собаку», как именовали ее в Управлении, и постарался, пока совсем не затоптали место преступления, определить, как же произошло нападение.

Увидев, что комиссар стал подниматься по тропинке, направляя голубой лучик небольшого прибора на листву и на землю под кустами, Ко спросила его, чем он так занят. Комиссар пояснил, что пытается выделить остатки запахов, оставленных здесь убийцей.

— Как же так, — удивилась Ко наивности комиссара. — Мы же знаем, что Артема заклевали биороботы-вороньи.

— Это все так, — согласился Милодар. — Но вороньи не могли бы утащить Артема в воду и накрыть его перевернутой лодкой в надежде, что его тело не найдут еще несколько дней, потому что не будут искасть. Значит, вороны были не одни.

— Их кто-то направлял, — сообразила Ко.

— Вот именно.

Комиссар медленно шел по тропинке, посматривая на миниатюрный экранчик прибора и прислушиваясь к разнообразному тонкому писку, который тот издавал.

— Вот так, — произнес комиссар. — Это спускался Артем... его запах.

— Неужели он сохранился?

— Моеи собаке достаточно нескольких молекул. А они всегда остаются: то ты коснулась ветки, то ты споткнулась о сук, то чихнула...

— А что дальше?

— А дальше я вижу и слышу наши с тобой запахи и ту вонь, которая осталась после нерадивых прачек и сиротского доктора, которые бегали по этой тропинке... Но мы это все отделим и отбросим... Вот! Вот запах незнакомый. Он принадлежит мужчине в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, высокого роста, темному шатену, с родинкой на тыльной стороне левой руки...

— Вы все это видите?

— Кое о чем догадываюсь. Как скульптор, который воссоздает облик человека по его черепу.

Комиссар повернул обратно. Поглядим, остались ли следы незнакомца на берегу.

На берегу отыскать их оказалось куда труднее — слишком много народа там толклось. Но через несколько минут неутомимый комиссар снова подхватил след. На этот раз запах возможного убийцы повел их вдоль берега, и если голограмме комиссара погружения в холодную воду или лазанье по скалам были нестрашны, то Ко страшно измучилась за полчаса, которые потребовались, чтобы достигнуть приюта.

— А вот здесь он нахально остановился, — комментировал ночные события комиссар, — потому что был уверен в себе.

— В каком смысле? — не поняла Ко.

— А потому что, начиная с места убийства, запах его был нечист. Я всю дорогу ломал голову, что же произошло. И только сейчас я понял: убийца раздел физкультурника и переоделся в его одежду.

— А куда дел свою?

— Не задавай пустых вопросов, — отмахнулся комиссар. — Нам с тобой его одежда ничего не скажет. Вернее всего, он утопил ее — привязал к камню и

утопил посреди озера. А может быть, ее унесли ручные биороботы.

— Кто?

— Вороны, кто же еще! Как я мог их прошляпить! Сто раз видел их вчера на острове и не придал им значения! Какая наивность! А они ждали приказа, ждали своего часа.

Комиссар прошелся по скрипучим доскам причала. Подошел к развалинам сторожки. Прислушался, стоя, к попискиванию своей собаки. Потом подвел итоги поисков:

— Он пришел сюда и ждал здесь Веронику. Он был в одежде убитого физкультурника. Значит, это и есть тот, так похожий на физкультурника молодой человек, фотографию которого мы с тобой получили. К счастью, во главе следствия стоит такой гений сыска, как комиссар Милодар, и потому мы знаем, что Вероника трагически заблуждается. Ей подсунули двойника. А настоящей ее возлюбленный погиб. Следующий шаг наш.

— И каким он будет? — спросила Ко, несколько удивленная высоким мнением комиссара о себе самом.

— Мы подсунем им нашего двойника, — уверенно ответил комиссар, окидывая взглядом Ко. Но девушка в тот момент не догадалась, какое страшное испытание уготовил ей комиссар Милодар. Она ждала, что он предложит.

— Не хотели бы вы составить мне компанию? — спросил комиссар.

— Как так составить компанию?

— Полететь со мной на Кольский полуостров. Мне нужен помощник, который знаком с Вероникой, которому Вероника доверяет, который знает всю эту историю. Мне некогда вводить в дело другого агента. Но предупреждаю: предприятие опасное. Единственное, что могу обещать, — в случае удачи мы с вами освободим несчастную Веронику и отомстим за смерть Артема.

— Я готова, — тут же ответила Ко, будто ждала такого приглашения.

Комиссар испугался, что переборщил, дав девушке некие перспективы равноправия и товарищества. И поспешил снизить пафос своего предложения.

— Не обольщайтесь, — заявил он. — Я беру вас с собой не из-за благодарности за вашу попытку спасти меня. Хотя вы, в отличие от моих агентов, единственная вели себя достойно и по-мужски. И не потому что вы умны или сообразительны. Это пока что ваше личное дело. Но я не хочу оставлять вас без присмотра, девушка. Черт знает, что еще может здесь произойти, — мне спокойнее, если вы будете на расстоянии вытянутой руки. Поняли?

— Поняла, — улыбнулась Кора. — Можно, я переоденусь?

— Только мгновенно! Пока я вызываю мой флаер, беги к себе, одевайся. Но не на бал, а как бы в поход за грибами. Чтобы через десять минут была готова.

Кора отбросила в сторону палку и понеслась по тропинке двухметровыми шагами — она была легкой, тоненькой, костлявой и такой длинноногой, что страшно становилось подумать: что же будет с ней к двадцати годам?

* * *

Они сошли с флаера на глухом полустанке неподалеку от Хибин. Дул жуткий ледяной ветер. К их прилету — по крайней мере, здесь Милодара слушались — в кабинете начальника станции ждал узел с одеждой — Милодар и его юная спутница должны были превратиться в парочку лыжных туристов, заблудившихся в снежной пустыне и теперь стремящихся к комфорту мурманского Хилтона и горячим бассейнам Североморска.

Лыжный костюм для Ко оказался короток — руки торчали чуть ли не по локоть, к тому же в нем не работал обогрев. Милодар сказал, что никто не обратит внимания на такие мелочи. Ему-то было все равно — надо было только следить, чтобы голограмма не выскоцила из одежды в неподходящий момент.

Несмотря на требования Милодара ждать поезд на платформе, Кора ушла в маленький зал ожидания, стандартный блок в стиле «Архипелаг Гулаг» с уютным баром в углу. Свет над стойкой не горел, сама стойка и круглые табуреты вдоль нее были пыльными — в сочетании с барабанными стенами это создавало ощущение театрального закулисья. Здесь, по крайней мере, было тепло.

Вскоре пришел и Милодар. Он изображал вусмерть замерзшего путника.

— Печку растопила, дочка? — спросил он, подпрыгивая и беззвучно хлопая в ладоши.

— Скоро поезд? — ответила вопросом Ко, которой было страшно: за годы заточения на Детском острове она потеряла способность уверенно чувствовать себя в открытом одиночестве. Общество же Милодара было фикцией. Да и непонятно, зачем она ему понадобилась. Отвратительно подозревать, что тебя используют как приманку и, если будет угрожать опасность, вернее всего не пожалеют, а бросят, как обкусанного дохлого червяка. Жалко было физкультурника Артема — а вдруг он теперь будет сниться — голубые руки и ноги, торчащие из-под опрокинутой лодки. Почему она такая эгоистка — почему она думает о себе, когда надо думать о бедном Артеме и несчастной Веронике...

— Комиссар! — Ко вскочила с вертящегося табурета. — Произошла жуткая ошибка!

— Спокойно, — Милодар подошел к окошку, забранному ржавой решеткой, — не люблю моду, тем более моду, паразитирующую на человеческом несчастье. Какой идиот придумал эти лагерные декорации?

— Вы не слышите, комиссар? Произошла ошибка!

— Сейчас ты скажешь мне, что если Артема убили на острове, значит, его не может оказаться в поезде. А если он все же едет в поезде, значит, его не убивали на острове. Неразрешимая загадка!

— Как вы догадались? — удивилась Ко. — И зачем молчали?

— Не догадаться мог только полный дурак. Удивительно, как ты умудрилась не задать мне этого вопроса за последние два часа?

Ко задумалась. Никому не хочется казаться дураком.

— Мы так спешили, — сказала она, — что мне некогда было думать.

Заглянул начальник станции, уютного вида расположившийся робот в синем форменном костюме и красной фуражке.

— Шестнадцатый туристический идет по расписанию, — сообщил он, — через шесть минут будет.

— Поглядите, подоспела ли группа контроля, — приказал Милодар.

— Группа контроля, — повторил робот и пошел прочь.

— Второй твой вопрос — почему я молчал. Ответить на него сложнее. Причин тому несколько. — Милодар уселся на пыльные нары под портретом неизвестного Ко господина в военной форме. К рамке была прикреплена табличка:

И. Бродский

Портрет народного комиссара

И. Ягоды

— Первая причина, — продолжал Милодар, — недоверие к тебе. Ты для меня табула раса, то есть терра инкогнита, понимаешь?

— Это по-китайски? — спросила Ко. В приюте хорошо кормили, но учили умеренно.

— Не столь важно, на каком языке. Важен смысл.

— Значит, вы мне не доверяете... — произнесла Ко, — а зачем взяли с собой?

— Потому что ты мне понравилась, а интуиция подсказала: бери.

— Но теперь вы можете сказать, что все это значит?

— Нет, не могу. Сам не понимаю. — Комиссар слишком энергично развел руками, и правая рука пронзила ткань пиджака. Хоть это было лишь видимостью. — Но вижу во всем нечто зловещее. На поверхности все просто и трогательно: романтически настроенная девица убегает с возлюбленным. Но мы-

то с тобой знаем, что любимый в виде трупа лежит под водой. С кем же тогда убежала Вероника и, главное, знает ли она сама, с кем убежала?

— Какой ужас вы говорите!

— Это тебе лишь кажется. Когда задумаешься, поймешь, что я прав.

— Я уже поняла. Хотя мне хотелось бы, чтобы Артем остался жив. А тот, фальшивый, был бы убит.

— Все это пустые разговоры.

— Знаю.

Издалека донесся гудок паровоза.

— Собирайся, — сказал комиссар.

— Я готова, — ответила девушка.

— Наша с тобой задача, — объяснил Милодар, разглядывая себя в зеркале над ведром-парашей, стоявшим у входа в бар-барак, — отделить Веронику от этого чудовища. Но так, чтобы он тебя не увидел. У них есть твои фотографии. Действуем вдвоем.

Милодар остался доволен собой. Он достал из кармана лыжного костюма темные очки. Надел их. Вторую пару протянул девушке. В очках было плохо видно.

Милодар двинулся к выходу на платформу, Ко — за ним. Лыжи были длинные и застряли в дверях. Комиссар обошелся без лыж.

Поезд появился из-за пологой, поросшей редкими низкорослыми елями горы. Он гудел, приветствуя станцию. Ранние снежинки летели над рельсами.

— Почему вы не задержите этого человека, если думаете, что на самом деле он самозванец?

Милодар даже топнул ногой, так он разгневался.

— Ты тупая или притворяешься? — спросил он, глядя на приближающийся поезд.

— Ни то, ни другое! — смело ответила девушка.

— Тогда подумай: на Детском острове, где содер-жатся, возможно, самые загадочные и опасные сущес-тва на свете... не хмурься, ты же не виновата, что можешь стать чудовищем... происходит убийство. Кому-то понадобилось не только убить, но и подме-нить человека. Зачем?

Ко покачала головой. Она не догадывалась, кому и зачем это понадобилось.

— Затем, — продолжал Милодар, переступая с ноги на ногу, подпрыгивая и изображая смертельно замерзшего туриста. — Затем, что кому-то категорически понадобилась твоя подруга Вероника. Настолько, что похитители не остановились перед гигантскими расходами — они изготовили копию Артема Тер-Акопяна, видимо, настолько похожую на убитый оригинал, что Вероника попалась на подделку. Конечно, если она не часть дьявольского заговора...

— О нет! — воскликнула Ко.

Робот в красной фуражке со свернутым красным флагжком вышел на перрон. Он поднял флагжок.

Красная звезда была прикреплена к коническому носу старинного паровоза, похожему, как показалось Ко, на детскую пороховую ракету, какие использовались на острове во время фейерверка. Сам паровоз был темно-зеленым, блестящим, колеса — красными, из трубы валил черный дым, машинист в ушанке выглянул в боковое окошко и помахал роботу. К паровозу был прицеплен тендер, за ним — три вагона. Первый с окнами узкими и частыми, затем два деревянных монстра с широкими дверями в центре и маленькими, забранными решетками окошками под крышей. Ко знала, что такие вагоны сто с лишним лет назад именовались теплушками и занимали значительное место в русской истории. Вагоны эти были грузовыми, но так уж повелось в России XX века, что возили в них людей и большей частью не по добной воле. В них грузили солдат и преступников, в них набивались беженцы и голодающие; а так как почти каждый житель страны в тот или иной час побывал солдатом, преступником или беженцем, то можно считать, что мало кто избежал путешествия в теплушке.

Уже к середине следующего века, хоть нравы далеко не везде и не всегда смягчались, теплушки, как и железные дороги, сгинули в погребах истории. Появились иные средства транспорта, внешне куда как более цивилизованные, быстрые и вместительные.

Но всеобщий интерес к истории и туризму возродил к жизни образы и некоторые способы путешествия, заимствованные из глубокого прошлого, со значительными отступлениями порой от исторической правды. Стало особым шиком строить заново древние замки и виадуки, копать рвы и сооружать подъемные мосты, чтобы путешественники, прибывшие от ближайшего космического терминала верхом, могли стащить с себя смазанные потом латы и переодеться в шелка для ужина в готическом зале. Там они внимали трубадуру, пожирали барабаны ноги и кидали кости злобным псам, цапающим гостей за щиколотки. Затем, тяжело захмелев от первобытного пива и браги, туристы устраивались спать по двое и по трое на соломенных тюфяках, мучились от сквозняков и дрожали при виде голубых привидений, созданных голограмистами за особую плату.

На Кольском полуострове и под Магаданом функционировали ретро-дороги, призванные напоминать любознательным путешественникам о злодеяниях коммунистов и их вождя Иосифа Сталина. Разумеется, все учили в школе о злодеях XX века, и Ко еще недавно завалила контрольную по второй мировой войне, решив, что в ней принимал участие Наполеон, который на самом деле участвовал в первой мировой войне, или в какой-то еще, не менее пустяковой.

Будущее всегда снисходительно к прошлому и склонно преуменьшать его достижения и преступления. На значительном расстоянии избиение младенцев царем Иродом может быть оправдано исторической необходимостью или превращено в приключенческий роман, в котором читатель следит за судьбой лишь одного из младенцев — того самого, которому удалось выпутаться из этой истории.

Так что для Ко, которая оказалась на полустанке по необходимости, изобретательность Всемирного туристического агентства представлялась блажью, садизмом и просто глупостью, но путешественники из сырой Дании и благополучной Боливии с наслаждением отдавались мазохистскому началу в своих ду-

шах и, листая потрепанные страницы соответствующих русских романов и путеводителей, с душевным трепетом ждали, что же еще ужасное откроется за следующим поворотом.

На этот раз открылся барак — лагерный барак, он же полустанок, разъезд Лагерный. Датские туристы толпились у окошек теплушек, а гиды в шинелях из туристического бюро оттаскивали их от окошек и грозили побоями и даже смертью.

Мало кто из пассажиров обратил внимание на оживавших поезда Милодара и Ко, хотя робот-начальник станции привлек внимание фотографов — в поезде было почему-то запрещено пользоваться современными камерами, и всем желающим выдавали советские аппараты ФЭД и «Смена», которые, как правило, снимать ничего не могли, пленка в них заедала и была перекошена, а то ее и вообще не оказывалось. Но это было не столь существенно, потому что по окончании путешествия аппараты и пленка конфисковывались.

Милодар оглядел Ко. Она уже на самом деле окоченела, из-под очков торчал красный кончик носа, тонкое тело сотрясала дрожь.

Сам комиссар также старался дрожать, и очки его были столь велики, что свободным оставался лишь подбородок.

Поезд на секунду притормозил.

Комиссар и Ко вошли в первый вагон, обычновенный, хоть и старомодный, снабженный узкими окнами. Вдоль вагона тянулся узкий коридор, в который выходили деревянные двери купе. Вагон казался таким старым и запущенным, словно его и на самом деле нашли на свалке, а не соорудили на заводе года два назад.

Бравый усатый проводник, одетый в полувоенную синюю форму и черную фуражку, встретивший новых пассажиров на площадке, без слов провел их в первое купе и так уверенно закрыл за собой дверь, что Ко сразу поняла: он предупрежден, а может быть, служит в том же ведомстве, что и Милодар.

— Они в третьем купе, места пятое и шестое. После посадки не выходили, если не считать, что девушка дважды посещала туалет.

— Сколько времени вы в пути? — спросил Милодар. Видно, он был забывчив или проверял на забывчивость проводника.

— Два часа сорок минут, — ответил проводник.

— Билеты у них были в порядке?

— В порядке.

— Так я и думал, — сообщил Милодар. Он был чрезвычайно серьезен.

Нет, Ко понимала, что ситуация сложная и никто не играет в игрушки. Но в каждом, даже самом серьезном, деле нельзя перестараться. А то и похороны могут показаться комичными.

Проводник ждал приказаний, чуть приоткрыв рот. Зубы у него были вставные, модные, жемчужные.

Поезд пронзительно загудел. Через окно было видно, как начальник станции дергает за веревку начищенный колокол.

Из двери в буфет вышел Сталин в сопровождении нескольких неизвестных Ко военных. Он поднял руку, приветствуя поезд. Ко непроизвольно помахала в ответ.

— Кто там? — очнулся Милодар.

— Сталин, — ответила Ко. — Странно, что я его на разъезде не видела.

— Они с товарищами нас часто провожают, — заметил проводник.

Милодар кинулся к окну.

— Голограммы, — сказал он удовлетворенно, словно опасался, что Сталин был настоящим. — Их, видно, к поезду активизируют.

Он снова опустился на полку.

— Возвращайтесь к своим обязанностям. Я вас позову, — сказал он проводнику.

Когда проводник покинул купе, Милодар обратился к девушке:

— Мы не знаем, сколько у нас времени. Может быть, считанные минуты. Я могу тебе сказать, что с этого момента основную роль в событиях будешь иг-

рать именно ты. Я, конечно, этого не хотел, я тебе не доверяю, черт знает, что сидит в твоем теле и твоей душе, но у меня нет выбора.

— Что вы придумали, комиссар?

— Сейчас ты пойдешь в купе, где сидит Вероника...

— Зачем?

— Ты заменишь ее.

— Как так?

— Ты станешь Вероникой, а Веронику мы вернем на Детский остров.

— Но это невозможно!

— Для ИнтерГпола ничего невозможного нет, — возразил Милодар.

Он стоял спиной к окну, уперев кулакки в бедра, и казался сердитым петушком.

— Хорошо, — сказала Ко, которая, конечно, уже давно поняла, что комиссар возит ее за собой по Кольскому полуострову не потому, что в нее влюбился. — Тогда расскажите подробнее о моей роли.

— Сейчас проводник выманит из купе лжефизкультурника. Ты же пройдешь в купе. У тебя будет минута, может быть, две. Ты должна будешь рассказать Веронике, что настоящий ее возлюбленный лежит в морге в Петрозаводске и при желании она может полюбоваться его телом...

— Комиссар! — сердито перебила его Ко. — Не старайтесь показаться большим циником, чем вы есть на самом деле.

— Я постараюсь, — криво усмехнулся Милодар. — Главное заключается в том, что ты займешь место Вероники. Она сойдет с поезда со мной. А ты отправишься дальше с Лжеартемом.

— Да вы с ума сошли! Он меня раскусит.

— Замечательный ответ, — обрадовался Милодар. — Любая другая девочка на твоем месте закричала бы, что она умрет от страха, что она упадет в обморок, как только останется с этим монстром вдвоем. А тебя беспокоит лишь деловая сторона проблемы...

— Мне страшно, просто я не успела вам об этом сказать.

— Поздно! Ты уже согласилась.

— Нет!

— Подумай, в твоих руках сейчас находится все. И возможность отомстить за смерть Артема, в которого ты была влюблена. И спаси свою подругу, которая в отличие от тебя не приспособлена к подобным ситуациям и погибнет быстрее тебя.

— Это значит, что я тоже могу погибнуть? Но позже?

— А почему бы и нет? — удивился комиссар. — Разумеется, первое задание, которое ты будешь выполнять, страшно опасное. Я и сам бы трижды подумал и скорее всего не согласился бы на него.

— А я соглашусь?

— Я еще не выложил все аргументы, — сказал Милодар. Он уселся на голую деревянную полку рядом с девушкой. — Помимо мести и спасения Вероники, ты будешь делать то, что тебе больше всего нравится в жизни. Ты авантюристка, Ко!

— Как вы смеете так говорить?

— Смею, потому что особая группа ИнтерГпола за последние часы успела изучить твое личное дело и твою медицинскую карту. Я знаю, что ты превосходишь всех сирот на острове по физическим данным, причем добилась ты этого не потому, что невероятно одарена от природы, а потому, что всегда и во всем хочешь быть первой. Когда остальные уходили спать, ты бегала вокруг острова или поднимала штангу. Было?

— Ну, это в прошлом.

— Если бы ты с таким же энтузиазмом и упорством учила литературу и историю, ты бы уже окончила университет.

— Я не выношу историю, потому что, возможно, ее не было.

— Удобная точка зрения. Слушай, кто в первом классе, в марте месяце, на спор, с одной лыжей в руках пробежал до большой земли по тонкому льду, чтобы купить мороженого в сельском магазине? Кто, переодевшись привидением, забрался на башню замка без помощи крючьев и веревки и перепугал всех его обитателей страшным воем?

— Ой, это было так смешно! Вы бы видели, как госпожа Аалтонен в одной рубашке бегала по футбольному полю и кричала, что привидений не бывает.

— Кто в разгар зимы...

— Давайте прекратим этот разговор, комиссар, — в голосе девушки неожиданно прозвучали стальные нотки. — Это произошло не со мной и не здесь.

— Достойный ответ, — согласился комиссар. — Теперь ты понимаешь, почему я взял тебя сюда?

— Нет, все еще не понимаю. Ведь вы все равно мне не доверяете.

— Я тебе доверяю больше, чем другим обитателям Детского острова, то есть почти доверяю. Но у меня нет выхода. Ты должна заменить Веронику, потому что ты похожа на нее, очень похожа, даже не надо менять цвет глаз. Кроме того, ты знаешь все об острове и Веронике — другого агента нам просто не найти.

— Ну, уж не настолько я похожа!

— Я уверен, что подставной физкультурник не различит вас.

— Ничего не получится. Я блондинка, а Вероника брюнетка.

Комиссар исподтишка усмехнулся. Ему нравилась эта девица: вместо того, чтобы закатить истерику, она рассуждала о том, узнает ли в ней подмену неизвестный негодяй.

— Мы сделаем из тебя брюнетку, — быстро ответил комиссар, не давая ей опомниться. Он нажал на незаметную кнопку в грубо остроганной стенке купе, и тут же вновь появился проводник, словно уже ждал под дверью.

— Действуй, — приказал ему Милодар.

Проводник раскрыл чемоданчик — в нем были медицинские инструменты, а также тюбики, бутылочки и таблетки.

— Закройте глаза, — обратился проводник к девушке.

Та закрыла глаза, но так как ей не запрещали разговаривать, спросила Милодара:

— Скажите, а почему бы вам просто не арестовать поддельного Артема? Он вам все расскажет.

— Ты уверена, что расскажет? Ты знаешь, что агенты других планет куда чаще кончают с собою, чем попадают к нам в лапы невредимыми? А если это не человек, а биоробот? Чего мы от него добьемся? А если он сам не знает, зачем он попал на Землю — ему внушено конкретное задание, но не более того? Слишком велик риск все провалить...

Проводник повязал салфетку под подбородком Ко, словно собирался вымыть ей голову и лицо. Он начал колдовать над ее кожей, потом выпил какую-то жидкость на волосы. Пальцы у проводника были длинными и чуткими — они двигались со скоростью ящериц.

— Кто-то пошел на большие усилия, чтобы угнать девчонку с Детского острова. Зачем? Что ему нужно? Боюсь, сразу не узнаешь.

— Я должна узнать?

— Разумеется, ты должна помочь правосудию, справедливости, благородному делу Галактического центра и собственно Земли.

— А что, если я не земная девушка и даже враждебна Земле? Ведь вы меня в этом убеждаете.

— Мы дадим тебе земное гражданство, — сообщил комиссар.

— Если оно мне понадобится...

— Ну, что тебе нужно?

— Мне нужен пустяк. Вы должны узнать, как меня зовут, кто мои родители и почему я оказалась на Детском острове.

— Мы стараемся...

— Ни черта вы не стараетесь! Занимаетесь этим через пень-колоду.

— Хорошо, я клянусь, что лично займусь этим вопросом.

— Нет, комиссар, не так. Не займитесь, а решите. Поклянитесь.

— Как?

— Клянусь всеми звездами Галактики и жизнью всех, кто мне близок и дорог...

— Клянусь всеми звездами Галактики и жизнью всех, кто мне близок и дорог...

— Что я узнаю настоящее имя и происхождение моего агента Ко.

— Что я узнаю настоящее имя и происхождение моего агента Ко. Теперь твоя душенька довольна?

— Где зеркало?

Проводник протянул Ко зеркало.

Из зеркала на нее смотрела Вероника.

— Черт побери! — удивилась девушка. — Вы свое дело знаете.

— Если останешься работать у меня, — сообщил комиссар, — то научишься этому и еще многому другому.

— Спасибо, я подумаю, — ответила Ко. — Что дальше у нас в программе?

— Дальше ты переоденешься. Держи. — Комиссар кинул на лавку пакет с одеждой. — Это твоя детдомовская одежда. Все предусмотрено.

Пока Ко переодевалась, Милодар отвернулся к окну и продолжал:

— Сейчас проводник вызовет Лжеартема в коридор. Как только он даст мне сигнал, ты выйдешь в коридор и проникнешь в купе к Веронике. Там ты убедишь ее, что Артем погиб, что ты заменишь ее...
Дальше действуй по обстановке.

— А если она не согласится?

— Ты должна сделать так, чтобы она согласилась.

Ко открыла было рот, чтобы продолжить возражения, но Милодар лишь отмахнулся от нее.

— Иди, — приказал он. — Сейчас похитителя отвлекут. В твоем распоряжении три минуты, чтобы уговорить Веронику. И дальше ты полетишь туда, куда тебя увлечет твой соблазнитель...

— Он не мой соблазнитель!

— Будет твоим.

— Мне еще рано соблазняться!

— Кто тебе сказал? — удивился Милодар. — Самое приятное на свете — расцвести в обществе достойного мужчины.

— А там достойный мужчина? — спросила Ко.

— Не будь циничной, — воскликнул Милодар. — У нас нет времени препираться. На, проглоти.

— Что это? — Ко взглянула на металлического отлива ампулу.

— Детектор. Мы будем знать, где ты находишься.

— И придет мне на помощь?

— Если будет такая возможность. Но связь с тобой мы будем поддерживать. Считай себя полноправным агентом ИнтерГпола, выполняющим свое первое задание.

Но Ко было не так легко соблазнить красивыми словами.

— Я-то буду так считать. А вы, вы на самом деле считаете меня агентом?

— А что нам остается делать? — сердито произнес комиссар. — И помни, что спрашивать с тебя мы будем по всей строгости закона.

— Только учтите, что я несовершеннолетняя. И вы не имеете права делать мне опасные предложения.

— Ты вызвалась добровольно! — заявил комиссар.

— Разве?

Проводник заглянул внутрь и прошептал, что все готово.

— Сиди здесь. Молчи. Не дыши! — приказал Милодар.

— Вы помните о своем обещании? — спросила девушка.

— Я никогда ничего не забываю, — заверил ее комиссар.

— И не пытайтесь отделаться от меня пустыми словами. — Резким движением руки Ко отбросила назад вороные волосы.

Милодар усмехнулся. Девица ему нравилась. Пожалуй, она будет работать у него. А если она будет работать у него, то в ее происхождении обязательно разберутся компетентные работники управления кадров — волки, не чета тем, кто курирует Детский остров.

Дверь в коридор была чуть приоткрыта. Ко навострила уши. К счастью, у нее был великолепный слух,

не хуже, чем у записывающих приборов, которые включил Милодар.

В коридор из тамбура вошло три человека. Один за другим они прошли мимо приоткрытой двери в купе, и Кора смогла их рассмотреть.

Впереди шагал офицер в синей фуражке с красным околышем, на воротнике его поблескивали продолговатые эмалевые четырехугольники, на рукаве был пришит золотой овал, пронзенный вертикально мечом. Следом за офицером прошли два солдата в таких же фуражках, но в шинелях и с винтовками в руках.

— Проверка документов! — громко кричал офицер. — Проверка документов органами НКВД.

Один из солдат заглянул в купе к Ко, Милодар махнул рукой — давай, мол, дальше.

Слышино было, как патруль остановился у нужного купе.

Офицер произнес строго:

— Ваши документы, граждане!

— Какие могут быть документы! — сердито произнес хриплый мужской голос. Голос был совсем не похож на голос физкультурника. Тут похитители промахнулись. Неужели ослепленная любовью Вероника этого не замечает?

— Ваш поезд проезжает сейчас закрытую зону, — сообщил офицер. — Еще вчера нам удалось поймать около тридцати финских и немецких шпионов, и все они были расстреляны. Надеюсь, что вам не придется идти по их стопам.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул физкультурник.

— Встреча с сотрудниками НКВД и проверка документов входит в стоимость билетов, — мягко пояснил проводник. — Если вы согласились справить ваш медовый месяц в условиях развивающегося социализма, вы должны примириться с некоторыми неудобствами, которые и создают ощущение аутентичности путешествия. Должен сообщить вам официально, что во время проверки документов, которая займет всего десять минут, вам будет предложен не-

очищенный спирт, соленый огурец и кусок настоящего ржаного черного хлеба. Стоимость допроса входит в стоимость вашей путевки. Так что прошу пожаловать!

— Вы обещаете, что этот бред не займет больше десяти минут? — недоверчиво спросил молодой человек.

— Все зависит от вас. Вы можете вернуться раньше, а можете и задержаться в НКВД.

Офицер засмеялся. Рядовые чины также засмеялись.

Физкультурник хмыкнул, выдавливая из себя смех. Ему было совсем не смешно.

— Я скоро вернусь, — сказал он, обращаясь, видимо, к Веронике. Ко не услышала ее ответа.

Через полминуты вся процессия во главе с офицером проследовала прочь из вагона.

— Пора! — приказал Милодар. — Увидимся, если повезет, в Галактическом центре.

— Значит, вы думаете, что это неземная операция?

— А ты сомневалась? Ну пошла, пошла, моя девочка.

Голос комиссара дрогнул, будто ему и на самом деле было неловко послать на верную смерть такую молоденькую девушку.

Милодар подтолкнул Ко к выходу.

Там уже ждал проводник.

Он подтолкнул Ко к двери в третью купе.

Открыл дверь. И, загнав Ко вовнутрь, захлопнул.

Кора стояла посреди купе и смотрела на Веронику. Вероника не замечала ее, она сидела на деревянной полке, глядя в забранное вертикальными прутьями решетки окно. За окном начинался длинный полярный вечер. Впрочем, здесь он начинался с утра.

— Вероника, — окликнула Ко подругу. — Это я, Ко.

Вероника вскочила, ударилась головой о верхнюю полку, но не обратила внимания на боль. Она кинулась навстречу Ко, буквально упала в ее объятия с криком:

— Ты пришла! Ты спасешь меня, да? Какое счастье, какое счастье...

— Мы с комиссаром в поезде. Мы тебя нашли.

— Ко, я тебе должна сказать страшную вещь! — воскликнула Вероника. — Этот Артем — вовсе не Артем. Это кто-то другой. Это маскарад. Я так боялась, я боялась, что он меня убьет, что они убили Артема... мне так страшно, возьми меня отсюда!

Ко не смогла сдержать вздоха облегчения. Как ей повезло, если, конечно, тут можно говорить о везении! Вероника сама догадалась о подмене. Ее не надо убеждать, уговаривать, умолять.

— А как ты догадалась?

— Он жестокий, он другой... он фактически меня не знает... он страшный... Куда нам бежать?

— Скажи точнее, мне надо знать.

— Ничего тебе не надо знать! — воскликнула Вероника. — Мы должны бежать вместе, прежде чем он вернется.

— Но почему ты согласилась бежать с ним с острова?

— Я договорилась бежать с Артемом! И ночью не сообразила, что это другой. А потом уже было поздно.

Ко хотела все объяснить Веронике, но комиссар, который вернее всего подслушивал под дверью, рассудил иначе.

Он приоткрыл дверь и сказал:

— Ко, Веронике пора уходить. Помни, ты осталась за нее.

— О нет! Он узнает и тебя убьет! — испугалась Вероника. — Нельзя оставлять ему Ко. Он маньяк!

— Вероника, — сказал Милодар, стоя в дверях и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Погляди на свою подругу внимательно. Тебя ничего в ней не удивляет?

— Ко... Ко, что с тобой? Почему ты стала брюнеткой? Почему у тебя широкие ноздри...

— Почему у тебя такие большие зубы, бабушка? — передразнил Веронику Милодар. — Чтобы съесть тебя, Красная шапочка. Итак, Вероника, скорее переходи ко мне в купе. Госпожа Аалтонен зажалась тебя.

— А Артем? Где Артем?

— Идем, я тебе все расскажу.

— Но Ко нельзя здесь оставлять! Это очень опасно. Я чувствую, какой он опасный.

— Это наше с Ко дело, — сухо ответил Милодар.

Вероника потянулась взять свою сумочку. Она легко смирялась с действительностью, если было кому подчиняться.

— Ты с ума сошла. Ты ничего не возьмешь. Неужели ты хочешь погубить Ко? Он же не должен заметить подмены, — объяснил комиссар.

И тогда Вероника окончательно поняла, что ее скромная подружка сознательно ступает на тропу галактической войны.

Она поцеловала Ко и быстро сказала:

— Береги мою сумочку. Помаду не очень трать...

Вероника была бережливой девушкой. Даже в такой момент она подумала о помаде.

Но больше ничего сказать она не успела.

Комиссар потянул ее за руку. Хлопнула кое-как сбитая из досок дверь.

Ко осталась одна в пустом холодном купе.

Все произошло так быстро, что она даже не успела испугаться или подумать — а зачем, собственно говоря, ей все это нужно?

Она взяла сумочку Вероники... Открыла ее — нужно знать, что у тебя в сумочке. По крайней мере, не просить у спутника расческу или зубную щетку, если есть своя.

В сумочке были самые обычные вещи, как и положено быть в сумочке сиротки с Детского острова. Те же, что были в сумочке Ко, которую она вынуждена была оставить в приюте. По крайней мере, можно притвориться, что это все твои вещи, даже зубная щетка твоя. И пачка надушенных салфеточек, и нужный тампон, и записная книжка. В нее вложена записка. «*Жду сегодня как стемнеет на старом месте. А.*». Почерк был наклонный, сильная буква «А» возвышалась над остальными...

В этот момент поддельный Артем вошел в купе, не глядя на Веронику, тяжко рухнул на полку и откинулся назад голову.

— Черт знает какой гадостью поят, — сообщил он, прикрыв глаза. Он был очень похож на Артема, но, конечно же, не был Артемом — не надо быть Вероникой, чтобы различить молодых людей. Но так как теперь Вероника не была Вероникой, то создавалась редкая в любви ситуация четырехугольника, в котором теперь все были самозванцами. Ромео был вовсе не Ромео, а Джульетта была лишь отдаленно схожа с Джульеттой. И если этот Артем в самом деле подослан для того, чтобы выманить Веронику к черту на куличики, значит, он может и не заметить разницы в девушкиах. А если заметит, следовательно, эти убийцы неплохо выучили домашнее задание.

— Где ты был? — спросила Ко, представив себе, что Милодар сидит в первом купе и слушает, как идет запись — каждое слово, каждый вздох Ко и Псевдоартема фиксируются и анализируются компьютерами.

— Это игра для идиотов, — сказал физкультурник, не раскрывая глаз. — Меня притащили в соседний вагон, совершенно пустой, деревянный, на полу солома, посреди бочка, на дне бочки стоит бутыль, рядом соленые... эти самые... огурцы. И стаканы на всех. Они сказали, что допрос заменяется этой пыткой... Да, это была ужасная пытка!

— Почему ты не отказался? — Кору тянуло продолжить разговор — проверить, не сомневается ли он, что перед ним Вероника.

— Я не знал — обычай это или в самом деле проверка документов?

— Разве у тебя есть документы? — спросила Ко. Документы на Земле не требовались: центральный компьютер знал в лицо все пять миллиардов ее обитателей, и достаточно было приложить палец к браслету, который носил каждый полицейский, как подозрительная личность становилась личностью выше подозрений либо ее приглашали на полицейскую станцию.

— Мне приходилось бывать на дальних планетах, — сказал молодой человек. — Там нужны документы. Я выправил их себе.

Лжец, подумала Ко. Даже говорить точно его не научили. Кто теперь говорит «выправить документы»?

Ко рассматривала своего спутника, уже не так трепеща перед ним, как в момент его возвращения. То ли потому, что он ничем не выказал своих сомнений, то ли потому, что она была на Земле, на Кольском полуострове, — осенний арктический пейзаж тускло и неспешно разворачивался за замутненным окошком, мирно стучали колеса, и из черного круглого репродуктора под потолком купе хрипело выливались незнакомые бодрые песни. Как раз сейчас продюктор надрывно выкрикивал: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака, знамя страны своей, пламя души своей мы пронесем через миры и века!»

Артем (не называть же его всегда Псевдоартемом или Лжеартемом?) тоже услышал бодрую песню и пробурчал:

— Планета неврастеников. И как ты здесь живешь?

— Я не знаю, где должна жить, — откликнулась Ко. — Вернее всего, моя планета лучше этой.

— И ты хотела бы отыскать свой настоящий дом?

— Кто не хотел бы?

— Тогда у меня к тебе есть предложение, — сказал Артем. Щеки у него еще были красными, язык не совсем слушался, но взгляд, упершийся в лицо Ко, был трезвым и холодным. — Как ты смотришь на то, моя дорогая, чтобы как можно скорее покинуть эту планету?

— Как это можно сделать? — удивилась Ко.

— Вот это тебя не касается. Я обещал тебя укрыть от преследования, я обещал тебя любить и опекать, я обещаю отвезти тебя домой к несчастным родственникам, в твой родной замок, к твоим рабам и слугам.

— Артем, что ты говоришь? Какие могут быть рабы и слуги?

— Я никогда не бросаю своих слов на сквозняк. — Артем делал ошибки в идиомах. Видно, учили его

наспех. — Если у меня есть информация, я ею дельюсь.

— Чего же ты раньше молчал?

— Раньше было нельзя. Раньше ты могла проговориться.

— А теперь?

— А теперь они нас уже не смогут догнать.

— Почему?

— Здесь и стены имеют уши. Мы не знаем, сколько здесь ряженых агентов, а сколько настоящих. Но если ты веришь в мою любовь, крошка, то должна меня слушаться. Иначе сама погибнешь и меня привлечешь. Ты меня любишь?

— Разумеется...

— Я не слышу уверенности в твоем голосе. Ты совсем иная, чем пребывала на острове. Ты даже изменилась за последние минуты — что тебя тревожит? Ты потеряла доверие в меня?

Он положил тяжелую теплую ладонь на колени Ко. Она внутренне сжалась, но ничем не выдала своего страха.

— Будь готова к тому, что скоро мы покинем этот поезд, — сказал он.

Его рука спокойно, по-хозяйски поползла вверх по бедру Ко. Тут уж она не выдержала, вскочила, ударила затылком о край полки и охнула от боли.

— Ты что? Ты меня разлюбила? — Артем рассердился.

— Больно! — ответила Ко. — Я стукнулась. Больно... Пожалей меня лучше.

— С удовольствием, — произнес молодой человек, и Ко раскаялась, что сама предложила себя пожалеть. Ее поклонник тут же схватил ее сильными руками и прижал к себе.

— Ой, не надо, мне больно! — воскликнула в ужасе Ко, тем более что от поклонника сильно пахло чесноком.

Но Артема не остановили ее слова, он страстно целовал ее в щеки, в висок, подбираясь к губам, и Ко в отчаянии вертела головой, избегая поцелуев. Она уже понимала, что бессильна, и готова была

укусить Артема, как поезд резко затормозил. На столько резко, что Артем и Ко упали на полку, но Ко удалось вырваться и отпрянуть к двери.

Теперь пришла очередь Артема жаловаться, он потирал затылок и сквозь зубы ругался. Песня в репродукторе оборвалаась, послышалось шипение и беспристрастный голос произнес:

— Уважаемые товарищи пассажиры и туристы, наш поезд переехал убежавших из лагеря заключенных. Туда им и дорога. Простите за временные неудобства. Через час двадцать минут мы останавливаемся в Кировске, где на станции есть столовая. Там вас угостят калорийной лагерной пищей. На первое — протертый суп из хвостов северных оленей, на второе — семга, запеченная в тесте из отрубей. Спасибо за внимание.

Теперь Ко надежно устроилась у двери, так что Артему пришлось оставить надежду прижать девушку к широкой груди.

— Ты начал говорить, что мы будем делать дальше, — громко произнесла Ко, надеясь, что так Милодару лучше будет слышен их разговор.

— Да не кричи ты! — зашипел на нее физкультурник. — Весь вагон слышит. Здесь стеклафанерные.

— Но вагон так стучит и дребежжит, что даже я тебя плохо слышу, — ответила Ко.

— Вот и подойди поближе, — сказал Артем, нехорошо улыбаясь.

— Давай не будем отвлекаться, — сказала Ко. — Мне надоело ехать в этом уродском поезде. У нас из всего умеют сделать развлечение. Весь мир — сплошное удовольствие. Лагеря в тундре — развлечения для туристов, концлагерь Освенцим — приключение для путешественников с Альдебарана. Будь моя воля, я бы запретила этот цинизм.

— Ну, ты у меня сообразительная, — сказал физкультурник. — А я об этом не подумал.

— Ты вообще редко думаешь, мой любимый, — заметила осмелевшая Ко.

— Погоди, выйдешь за меня замуж, тогда заговоришь иначе.

— А почему я должна выходить за тебя замуж?
— Потому что ты меня любишь, сама говорила!
— Но это я увлеклась... на свидании... в лесу.
— Хочешь я записки твои покажу?
— Не надо, — остановила его Кора. — Я помню все мои записки. У меня отличное чувство юмора.

И тут Ко буквально всей кожей ощутила гнев и возмущение комиссара Милодара. Она готова была сорвать всю операцию! Молодой человек смотрел на нее удивленно, приоткрыв рот.

— Ты совсем другая, — сообщил он. — Я тебя не узнаю! Может, тебя подменили злодеи?

— Глупая шутка, — ответила Ко. — Я не думала, что услышу от тебя такие грубые слова.

— Мои слова грубые? Чем ты это докажешь?

— Мне не надо ничего доказывать, — сказала Ко. — Я не люблю, когда человек объясняется мне в любви, даже крадет меня из Детского дома, а потом начинает грубить. Не забудь, что я несовершеннолетняя, я еще ребенок. И если я подниму крик, тебя тут же арестуют.

— Меня нельзя арестовать, я теперь личный друг и собутыльник майора НКВД Петькина, — ответил Артем.

— Ах, какой ты все же тосклиwyй, — вздохнула Ко. — И зачем только я согласилась с тобой убежать?

— Потому что тебе нравится со мной целоваться, — искренне ответил Артем, — и ты спешишь выйти за меня замуж.

— Ну, ладно, я согласна, — сказала Ко, чтобы не обострять отношений. — Но куда ты меня везешь?

— В одно место, оно далеко отсюда. Там нас ждут. Там нам будут рады.

— И как мы туда доберемся?

— Потерпи немного, моя дорогая невеста, — сказал Артем.

Ко стояла спиной к двери. Ей было слышно, как кто-то прошел по коридору, перекрывая пьяными возгласами шум колес и скрип вагона.

— В этом поезде, — сообщил физкультурник, — есть вагон, который так и называется: «вагон-ресто-

ран». Представляешь себе? Все равно, что сортиро-
ранжеря или бластер-ароматайзер.

Физкультурник заглянул на верхнюю полку и до-
стал оттуда небольшой прибор. Включил его — и
провел вырвавшимся из него голубым лучом по по-
толку купе. В потолке образовалась тонкая округлая
щель.

— Что ты делаешь? — спросила Ко, чтобы привлечь внимание комиссара.

— Тише!

— Мы выберемся через крышу?

Физкультурник лягнул Ко ногой так, что она села на полку.

— Ну этого я тебе никогда не прощу! — воскликнула она.

— Я заглажу вину поцелуями! — откликнулся физкультурник.

Он подставил руку, и выпиленный круг тяжело упал вниз. Физкультурник прошептал Ко:

— Помоги мне, не стой как дура!

Ко придержала круг, чтобы не скатился на пол.

Круг, вырезанный из крыши вагона, был тяжелым и еще горячим по краям.

Он вырвался из рук Ко — впрочем, она и не старалась удерживать его — и гулко ударился об пол.

— Идиотка! — в сердцах выругался Артем. — И это есть моя невеста, присланная небом?

— Я не знаю, кем я прислана, но боюсь, что получилась накладка с адресатом. Ты — не мой герой, не моего романа.

— Это цитата из литературного произведения?

— Это жизнь. Это суровая правда жизни.

— Тебе уже поздно разлюбить меня, — сообщил Артем.

— Разлюбить никогда не поздно. Особенно если человек оказался не тем, кого ты ждала.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Понимай как знаешь, — сказала Ко.

— Ты отказываешься бежать со мной?

— Просто я боюсь. Мы выберемся на крышу, и нас подстрелят охранники НКВД.

— Это я беру на себя, — сказал Артем. — Через три минуты операция начнется. И нет силы на Земле, которая могла бы нас остановить.

Вот и врешь, голубчик, подумала Ко. Вопрос лишь в том, захочет ли эта сила тебя остановить. Лучше бы она не остановила! ...И тут Ко почувствовала, что она вовсе не уверена в том, что желает скорого конца этого приключения.

Пока что в ее смирной и скучной сиротской жизни ничего подобного не происходило. И если это приключение не принесет серьезных перемен, то ее жизнь так и продолжится... И еще неизвестно, выберет ли она путь, предложенный комиссаром. Конечно, Артем как жених ее не устраивает, но она надеялась, что физкультурник поможет ей вырваться на свободу, подальше от комиссара и Детского дома. И она не смогла бы сказать, хочет ли она отомстить неизвестно кому за смерть настоящего Артема, в которого была немного влюблена, может, только потому, что его сердце принадлежало подруге, или предпочтет остаться на другой планете и сама будет искаать свои корни, своих родных, свою планету и свое счастье!

Так что для нее круглое отверстие в потолке вагона было настоящим выходом. И она намерена была последовать за двойником погибшего физкультурника, даже зная, какой он мерзавец.

Но если они вылезут на крышу вагона, то их увидят...

— Положись на меня, — прошептал физкультурник. — У меня есть сильные и влиятельные друзья. Они не дадут нас в обиду.

И в этот момент в вагоне стало полутемно — густой дым заволок окна.

— Пора! — воскликнул физкультурник. Сильным движением он подтянулся и выскочил на крышу — оттуда в вагон втягивалась полоса удушливого дыма.

Ко увидела руку физкультурника — он протягивал ее вниз, чтобы помочь девушке последовать его примеру.

Ко крепко обхватила его кисть. Физкультурник крикнул:

— Держись!

И рванул ее наверх так, как поднимает акробат одним движением свою партнершу, чтобы она сделала стойку на одной руке.

Ко даже не сообразила, как она пролетела сквозь отверстие в потолке вагона и оказалась на крыше рядом с физкультурником.

Она закашлялась. Поезд несся, гудя и тормозя, сквозь непроницаемое облако дыма.

— Это лесной пожар? — спросила Ко.

— Помолчи.

И тут между ними возник конец веревочной лестницы, который покачивался, приглашая подниматься.

— Иди первой! — приказал физкультурник. — Я поддержу конец лестницы.

Ко послушалась.

Несмотря на то, что вагон раскачивался и поезд продолжал двигаться, отчаянно гудя и свистя, будто боялся заблудиться, физкультурник так твердо и умело держал веревочную лестницу, что Ко смогла быстро подняться в дымную мглу, считая ступеньки — десять, двенадцать... тринадцать... На пятнадцатой ступеньке кто-то схватил ее за кисти рук и потянул наверх. У Ко хватило сообразительности не сопротивляться — она понимала, что если ей удастся вырваться, это будет ее последнее достижение в жизни.

Раз-два! — и Ко оказалась в чреве вертолета, в котором также было дымно.

Она видела силуэты людей, которые склонились над светлым кругом нижнего люка, подтягивая веревочную лестницу. Несмотря на шум двигателя, Ко услышала снизу крики и даже хлопки выстрелов. Но тут вертолет резко пошел наверх.

Люди в нем помогли физкультурнику взобраться в люк.

Люк закрылся.

Физкультурник озирался, разыскивая Ко. Увидев ее, вздохнул с облегчением и спросил:

— У тебя все в порядке?

— Спасибо. А где мы находимся?

Ко уже могла разглядеть, что остальные пассажиры вертолета были облачены в оранжевые комбинезоны.

— Мы с тобой находимся в гостях у славных лесных пожарников, — ответил Артем. — Они увидели очередной лесной пожар и помогли нам выбраться из него живыми.

— Ловко придумано, — призналась Ко. — Но они скоро вычислят, что случилось, и поймают нас.

— Посмотрим, — ответил один из людей в оранжевом комбинезоне. — Мы же — настоящие пожарники!

* * *

Вырвавшись из громадных клубов дыма, окутавших редкий невысокий лес в широкой впадине между горами и скрывших проходившую там железную дорогу и поезд на ней, пожарный вертолет взял курс на базу. Ко видела, как один из пожарников склонился к экрану связи.

— Восемнадцатый на связи, — говорил он уверенно, ничуть не сомневаясь в том, что его считают своим, одним из настоящих пожарников. — Через три минуты опустимся в пункте три для заправки пеной.

— Помощь требуется? — послышался голос. На экране появилось лицо пожилой женщины в синей с красными шнурками на плечах форме пожарников. — Я подниму шестую и семнадцатую бригады.

— Там остался третий, — сообщил пожарник, сидевший за пультом управления. — Нам потребуется еще один вылет.

— Отлично. Потом спуститесь вниз и оцените ущерб. Я вылечу к вам через тридцать минут, — сказала женщина в мундире, — как только мы закончим совещание о подготовке части к зиме. До связи.

— До связи, Дарья Павловна, — откликнулся командир вертолета.

Он развернулся вместе с пилотским креслом.

— Вроде обошлось, — произнес он. — Рассказывайте: как у вас, ребята?

— Мой господин, — произнес физкультурник, чуть склонив голову перед главным пожарником. — Разрешите представить вам мою любящую невесту по имени Вероника. Я до конца дней буду благодарен вам за то, что вы выручили нас и помогли бежать из этого страшного приюта.

— Мой долг и честь, — ответил пожарник, — требуют от меня всегда приходить на помощь влюбленным. А также несчастным, голодным и обиженным, где бы они ни находились.

— Поблагодари капитана Брасса, — обратился Артем к Ко, — это благородный человек.

— И настоящий авантюрист, в лучшем смысле этого слова, — откликнулся капитан Брасс. — В духе Робина Гуда и Квентина Дорварда. Вы слышали о Робине Гуде?

— Капитан Брасс — англофил, — произнес Артем.

— Бороться и искать, найти и не сдаваться, — подтвердил свою англофилию капитан Брасс на плохом английском языке словами капитана Скотта.

— Куда теперь, влюбленные? — спросил капитан Брасс.

— Как можно дальше отсюда, — ответил с улыбкой Артем, обнимая Ко за плечи. Та невольно отстриглась.

— Ваш цветок полон смущения, — сообщил Артему капитан Брасс с нехорошой улыбкой.

— Глаза прочь, капитан! — приказал Артем. В голосе его звучала сталь.

— Отлично! — бодро откликнулся капитан. — Продолжаем движение.

— Главное — стряхните с нашего следа капитана Милодара. Я его ненавижу. Он сорвал уже несколько наших операций, — произнес Артем.

Ко вздрогнула. Оказывается, они знали, кто их преследует. Может, они уже догадались, что Ко — подсадная утка? И теперь ждут момента, чтобы с ней расправиться?

— Я думаю, что они уже потеряли наш след, — ответил капитан Брасс. — Мой главный принцип — как можно меньше скрываться и таиться. Мне лучше скрыться на виду у всех под видом обычного пожарника. Сейчас же мы станем обычным рыболовецким ботом. Как почтальона-убийцу в классическом английском романе, все должны видеть, но никто нас не должен замечать.

— Действуйте, капитан, — сказал Артем.

Он сел на жесткое сиденье, прикрепленное к борту флаера, между свернутых бухтами шлангов.

— Славные ребята, — сказал он. — Не представляю, чтобы мы с тобой без них делали.

— Наверное, ты нашел бы других славных ребят, — ответила Ко.

— Это ирония? Я не люблю иронии. У меня нет чувства юмора.

— Это не ирония, а вера в тебя, мой дорогой, — сказала Ко. — А куда делись настоящие пожарники?

— Лишний вопрос. И если ты задашь его капитану Брассу, он не сможет или не захочет тебе отвечать.

— Чепуха! — Оказывается, капитан слышал этот разговор. — Я не садист и не убийца. Я два месяца проработал добровольцем в лесной пожарной охране. И вся моя бригада вместе со мной. И должен тебе сказать, мы лучшая пожарная бригада на всем Кольском полуострове. Кто не верит, может связаться с Мурманском.

— Я верю, — криво усмехнулся Артем. — Хотя проще было бы уничтожить какую-нибудь из бригад, и дело с концом. Вертолет вам был нужен всего на час.

— Я не люблю проваливать операции только из-за того, что спешу и ленюсь продумать лучший путь. Лучший путь, мой друг, не всегда бывает самым коротким. И уж наверняка не бывает самым кровавым. Но ты еще молод...

— Не так молод, как кажусь, — ответил Артем. И Ко поверила ему. Этот человек носил маску убитого, а что за лицо скрывалось под ней — одному дьяволу известно.

Не прерывая беседы, капитан Брасс разогнал вертолет, кинув его между двух гор, очевидно, в надеж-

де обмануть следящие устройства комиссара Милодара. Впереди серым одеялом раскинулось море.

— Белое море? — спросила Ко.

— Нет. Баренцево, — ответил Брасс.

Вертолет уверенно шел над самыми волнами, низкими и пологими. Впереди показался серый рыболовный бот.

Можно было различить надпись на борту: «Амур».

Ко так и не догадалась, назвали ли так корабль в честь бога любви или реки на Дальнем Востоке. Спрашивать было некого, палуба бота была пуста.

Веревочная лестница развернулась и упала на корпус судна.

— Быстро! — приказал капитан Брасс. — Сейчас нас легко засечь.

Пожарники один за другим — Ко насчитала пятерых — предпочли обойтись без лестницы. Они ловко прыгали прямо на палубу с пятиметровой высоты. Последним в люке показался капитан Брасс.

— Посторонись! — крикнул он и оказался среди своих товарищих. Пожарный вертолет пошел в сторону, кренясь и теряя высоту. Еще несколько секунд — и он врезался в волны, подняв высокий фонтан брызг.

— Черт побери! — воскликнул капитан Брасс. — Быстро, пока они не засекли фонтан!

И он первым побежал к двери, открытой в надстройке.

Артем подтолкнул Ко.

Она обернулась и поняла причину спешки: на фоне серых облаков образовалась черная точка. К боту спешил флаер.

Грохотали сапоги — один за другим пожарники спускались по трапу в машинное отделение старомодного бота.

— Неужели ты думаешь, что они нас не найдут? Они, наверное, видели, как упал в воду вертолет, — спросила Ко.

— Все было рассчитано, мисс, — откликнулся капитан Брасс, — сейчас они кинутся вытаскивать из воды пожарный вертолет и спасать пожарников.

- И никого там не найдут.
- Еще одна неразгаданная тайна истории.
- Лжепожарники захотели.
- Механик бота встретил их в трюме корабля, перед раскрытым стальным люком.
- Все в порядке? — спросил капитан Брасс.
- Так точно.
- Останетесь на борту. Как и уговорено, дайте себя спасти и расскажите, как ваш бот затонул по неизвестной причине.
- Слушаюсь, — ответил человек из трюма. Он был очень бледен и худ. Руки его чуть заметно тряслись.
- Перестаньте дрожать, — прикрикнул на него Брасс. — Я не могу заменить вас моим человеком — у вас настоящие документы. Недаром вы прожили двадцать лет в Мурманске.
- Слушаюсь, — повторил убитым голосом человек.
- Я бы его утопил, — предложил Артем, не обращая внимания на присутствие механика. — Как только комиссар Милодар на него немного нахмет, он тут же расколется.
- Мы уже будем далеко, — ответил гуманный Брасс. — А ну, открывайте люк!
- С помощью пожарников худой человек отвинтил люк. — впереди открылось темное пространство.
- Тише, — сказал Брасс.
- Все замолчали. И стало слышно, как на пустую палубу бота опускается флаер. Еще секунда — раздался удар — кто-то спрыгнул на палубу.
- Вперед! — сказал Брасс. — А ты, механик, открывай кингстоны.
- Тот послушно метнулся назад.
- Ко шла в середине — позади Артем, он подталкивал ее в спину.
- Ко услышала, как зашумела, заурчала вода, врываясь в трюм.
- Он не утонет? — спросила Ко.
- Должен уцелеть, — в голосе Артема прозвучала безжалостная усмешка. Он не жалел своего сообщника. Он никого не жалел.

Когда последний — капитан Брасс — миновал люк, он тут же закрыл его и с помощью одного из своих людей мгновенно завинтил.

— Лодка готова к погружению! — неожиданно раздался над головой незнакомый голос.

Брасс подхватил висевший на стене микрофон.

— Начать погружение! Чем скорее мы уйдем от этого бота, тем больше шансов, что нас не смогут засечь.

Подводная лодка, которая, оказывается, была присоединена к днищу рыболовецкого бота, бесшумно пошла ко дну. Ко представила себе, как пытается выбраться из кипящей воды механик, которого оставили в трюме бота.

— Девушка, — приказал капитан Брасс, — следуйте за мной.

Глаза еще не привыкли к полутьме — Ко пошла на голос капитана, дотрагиваясь до стены. Стена чуть дрожала — ей передавалась вибрация двигателя. Видно, подводную лодку раздобыли в каком-то музее.

Ко вошла в маленькую кают-компанию лодки — там умещались диван, стол, на стене виселаrepidуция с картины «Иван Грозный убивает своего сына», принадлежавшей кисти художника Репина.

— Садитесь здесь и ждите, когда все благополучно кончится, мисс, — вежливо предложил капитан. И так как Ко вдруг почувствовала, что смертельно устала, она с благодарностью подчинилась приказанию капитана Брасса. Подводная лодка, урча двигателями, мчалась вперед, куда-то к Шпицбергену. В ней было тепло и царили запахи железа и масла.

Подогнув под себя ноги, Ко прилегла на диван. И тут же задремала.

* * *

Во сне Ко привиделась собственная свадьба. Она была в белом платье, жених шел рядом, и она знала, что это — ее жених, хотя никогда раньше не видела этого человека. Ее не столько беспокоил этот странный факт, как то, что подвенечное

платье сшито неудачно, вот-вот пойдет по шву, и тогда все увидят, что у Ко кривые волосатые ноги, чего раньше у нее не было. Значит, ей без ее согласия подсунули чужое тело, к тому же некрасивое.

Священнослужитель, перед которым они остановились, был одет в белое, за плечами у него поднимались большие черно-белые крылья, как у сороки. Он спросил Ко, согласна ли она выйти замуж за это чудовище. Ко поглядела на жениха — а и на самом деле увидела чудовище.

— Нет, — сказала она.

— А он согласен, — ответил священнослужитель и замахал крыльями, поднимая страшный ветер.

— Я согласен! — прорычало чудовище.

— А знаешь ли ты, что он с тобой сделает, как только вы окажетесь вдвоем? — спросил священнослужитель.

— Нет, не знаю, — сказала Ко. — Я болела свинкой, когда мы это проходили.

— Он тебя съест! — сообщил священнослужитель и захотел.

Тогда чудовище схватило Ко в объятия и принялось сдавливать.

Ко сопротивлялась и кричала.

Так, крича, и проснулась. Она была уже не в подводной лодке, а в каюте космического корабля. Ей никто не говорил, что это именно так. Наверное, в раннем детстве ей уже приходилось летать на космическом корабле.

Некоторое время Ко лежала с закрытыми глазами. Если за ней следят, пускай подумают, что она спит.

Космический корабль. Значит, они смогли улететь с Земли. А что если они проделали это так ловко, что комиссар не успел послать погоню или запеленговать корабль?

Ведь оказалось, что они знают о его существовании. И даже, скрываясь от него на Земле, посмеивались над способностями Милодара.

Она должна дать о себе знать — но как? Ведь существует реальная опасность, что если Ко не освободится из этой ловушки, то она и в самом деле ока-

жется невестой, а то и супругой поддельного физкультурника. Так и не сообразив, зачем похитителям пришлось пойти на убийство настоящего Артема.

Из-под потолка каюты донесся мягкий и даже вкрадчивый голос:

— Дорогая Вероника. Надеюсь, что ты отдохнула после всех земных приключений. Твое платье и обувь, а также предметы украшения находятся в стеклянном шкафу, в шкатулке под зеркалом. Мы ожидаем тебя к завтраку через полчаса. Душ расположен за зеркалом. Для того, чтобы оно отошло в сторону, тебе потребуется нажать на зеленую кнопку, расположенную на раме зеркала.

Ко открыла глаза.

Каюта, в которой она лежала на самой настоящей кровати с золотыми шарами на спинке и в изголовье, под розовым балдахином, была роскошной — таких на кораблях не бывает.

Ко поднялась, опустила босые ноги на пол. Ступни утонули в мягкайшем ковре.

«Кто меня раздевал?»

Кора даже покраснела от смущения.

...Туалет в самом деле скрывался за большим, в человеческий рост, зеркалом. Ванная была покрыта бирюзовой плиткой, за ней была дверь в зал, вмещавший круглый бассейн, наполненный голубой водой, от которой остро пахло благовониями.

Ко охватило такое страстное желание окунуться, что она забыла о своей наготе и о том, что за ней могут наблюдать. Вода расступилась, разлетелась голубыми и алмазными брызгами. Вода пахла морем, солнцем, будто Коре очутилась не в чреве космического корабля, а на берегу Индийского океана. Она перевернулась на спину — потолок изображал собой голубое небо, по которому не спеша ползли кучевые облака. Солнце сияло так ярко, что Ко непроизвольно зажмурилась.

— Доброе утро, моя красавица! — раздался уже знакомый голос Псевдоартема.

Он стоял на бортике бассейна, и белые плавки лишь подчеркивали гармонию его могучей фигуры, загорелой так, словно он и не покидал пляжа.

— Когда ты успел так загореть? — крикнула Ко. — На Ладожском озере не загоришь.

— Ты видела меня лишь одетым, — откликнулся ее жених. — Или ночью...

Он громко засмеялся и нырнул. Сквозь чистую голубую воду ей было видно, как к ней несется под водой стремительный пловец. Ко засуетилась, забила руками, чтобы не оказаться на его пути. Странно, подумала она, стремясь к бортику, потому что купание потеряло всю прелест, ведь если бы это был настоящий Артем, она вряд ли смогла бы играть роль холодного агента, засланного во вражеский лагерь, — она бы предпочла, чтобы Артем ее догнал. А сейчас — вот он, такой же, как прежде, только выше ростом, шире в плечах, сильнее и красивей — совершенное человеческое существо, идеальный жених... для кого? Ко не могла преодолеть ужаса перед зрелищем, навсегда запечатленным в сознании: тело настоящего Артема под опрокинутой лодкой...

Когда физкультурник вынырнул в центре бассейна, отфыркиваясь и моргая, Ко уже доплыла до бортика.

— Чего же ты не подождала меня? — спросил жених с легким укором.

. — Я тебя побаиваюсь, — сказала Ко. — Ты очень настойчивый.

— А разве это плохо? Я же согласен жениться на тебе.

— Тогда подожди, чтобы мне исполнилось восемнадцать лет, — сказала Ко.

— Ты в самом деле этого хочешь? Раньше ты вела себя иначе.

— А ты помнишь?

Ко подтянулась и вылезла из бассейна. Она сидела на бортике и болтала ногами в воде. Жалко было уходить отсюда. К тому же выдался, как ей показалось, удобный момент, чтобы побольше разузнать о том, что происходит.

— Почему я должен забыть наши страстные свидания? — удивился Артем.

— И что ты помнишь?

— Все.

— Конкретнее!

— Ты меня удивляешь, девушка! — ответил жених, подплывая поближе. — Мне в жизни приходилось покорять многих женщин, но ни одна не требовала от меня отчета о прошлых поступках.

— Я у тебя не первая невеста?

— Понимаешь... как тебе сказать. В общем, так далеко я зашел впервые. Раньше я получал от любви удовольствие, но не брал на себя обязательств.

— Что же тебя заставило изменить своим принципам?

— Ах, какие там у меня принципы! Я люблю женщин, еду, быстрые флаеры, теплое море...

— И не любишь сирот?

Ко поняла, что те, кто готовил замену Артему, недостаточно серьезно подошли к своей задаче. Не серьезнее, чем комиссар Милодар. Видно, они были уверены в том, что любовь закроет глаза Веронике на все мелочи, на несуразности, что буквально бросались в глаза. И это легкомыслие к деталям уже стоило противнику очков в этой игре: Вероника раскусила подмену и согласилась уступить место Ко. Чем все это закончится, Ко, конечно, не знала, потому что не была уверена, что комиссар Милодар поможет ей.

— Каких сирот я не люблю? — спросил жених.

— На острове Кууси.

— А... этих самых! — Жениху было нелегко. Он никак не мог сообразить, о чем идет речь.

Гул колокола разнесся по залу.

— Ну, вот и завтрак! — с явным облегчением произнес жених. — Побежали переодеваться, моя дорогая!

Он выбрался из бассейна, дружески похлопал Ко по плечу и подтолкнул к двери, ведущей в ее каюту.

Он шел сзади нее, и Ко чувствовала всей спиной его жадный хищный взгляд.

Даже мурашки по спине бегали.

Во второй раз загудел колокол.

— Спеши, — сказал жених. — Князь не любит, когда опаздывают к завтраку.

— Князь?

Но Артем уже ушел дальше по коридору.

Ко переоделась. Длинное платье было сшито словно по ней, туфли — точно по ноге.

Третий удар колокола.

Ко провела руками по бокам — в линиях платья чувствовалось средневековье, и в то же время линии его были современны и смелы. Что-то помешало пальцам скользнуть по бедрам: маленький комочек бумаги был вставлен в чуть надорванный шов. Записка была написана по-французски, мелко, в спешке, махонькими неровными буквами:

«Я не переживу этой ночи... Они открыли меня. Простите, скажите обо всем маме... Кларенс».

Это было чужое платье...

* * *

Через минуту в дверь постучали.

За дверью стоял капитан Брасс в черном, облегающем фигуру мундире, с золотыми звездами на руках и высоким стоячим красным воротником.

— Разрешите проводить вас, Вероника.

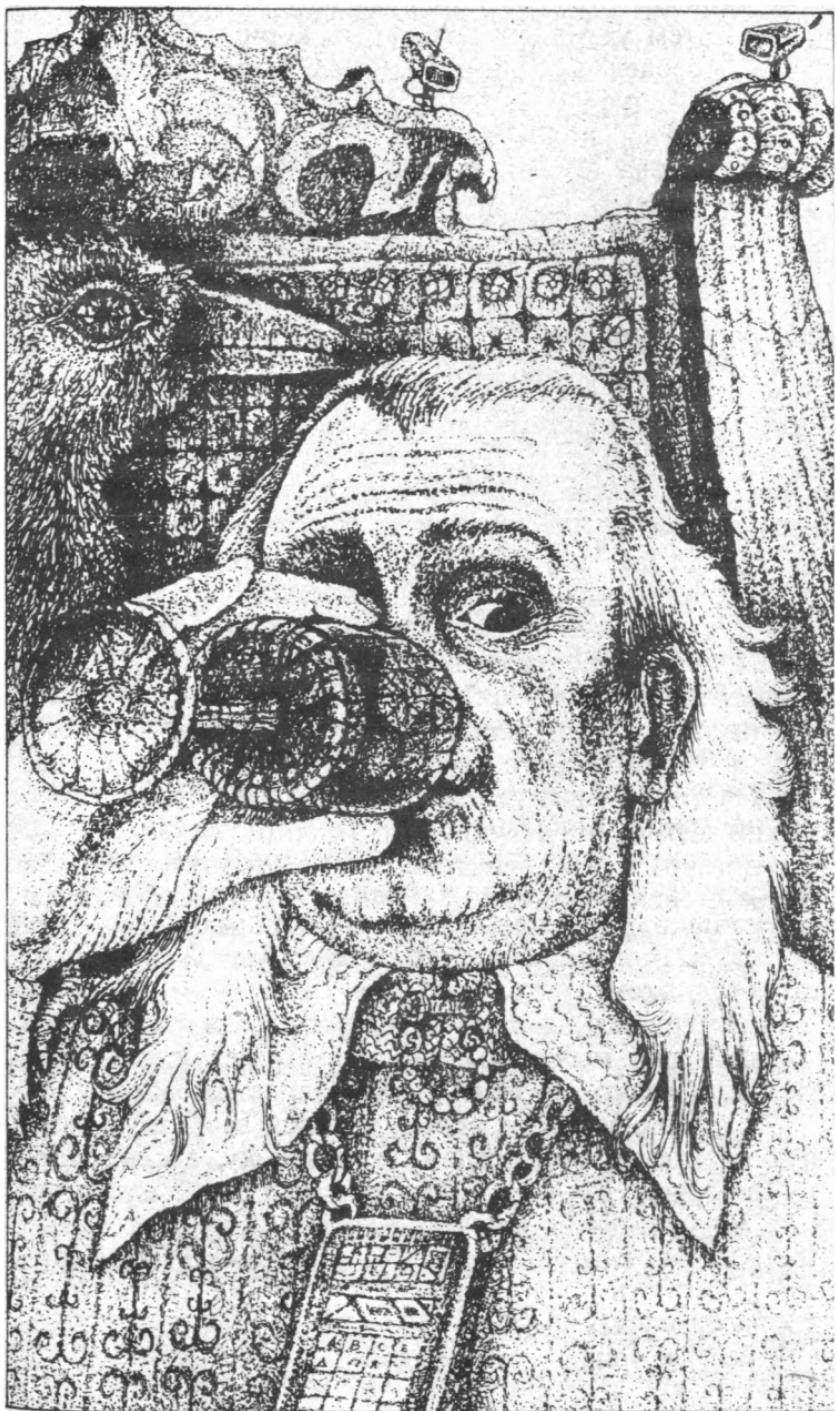
Он подставил согнутую руку, и Ко положила пальцы на локоть капитана.

Они вошли в обширный белый зал. С потолка его свисала хрустальная люстра. Она сияла столь ярко и переливчато, что приковала к себе внимание Ко и та не сразу разглядела тех, кто собрался за овальным столом в этом зале.

Брасс провел Ко к ее месту рядом с женихом, который успел переодеться в легкий элегантный костюм и повязать на шею яркой расцветки шарф.

Ко остановилась у стула, держась за резную черную спинку и обернувшись к человеку, восседавшему во главе стола — благородного вида мужчине, еще не старому, с завитыми кудрями, выкрашенными в серебряный цвет, чтобы подчеркнуть фарфоровую нежность розовых щек и сверкание невинных и добрых голубых глаз.

Ко сразу узнала этого человека.

В него были влюблены все девочки приюта, госпожа Аалтонен произнесла, по крайней мере, три речи, разоблачая его негативную роль в Галактике. Но чем больше она старалась, тем больше влюблялись в него девочки и завидовали ему мальчики.

Князь Вольфганг дю Вольф родился в цирке, между двумя представлениями, в клетке с тиграми, куда его мать, дрессировщица ворон, спряталась, потому что в вагончике, где жила их семья, бушевала пьянка. Через год его отец умер под забором.

Когда мальчик, которого звали тогда просто Карлом, подрос и стал плохим иллюзионистом и посредственным акробатом, он поклялся изжить пьянство во всем государстве. Для этого ему следовало обзавестись государством. У Карла был свой цирк, с которым он ездил по горным и болотным княжествам Сребуса, пока ему не удалось поразить воображение одного из диких царьков настолько, что тот отдал ему в жены свою дочь, наградил именем Вольфганг, поклялся больше никогда не пить и не курить, иначе Вольфганг получит право его убить. По поводу подписания брачного контракта имел место шумный пир, в ходе которого тестя напился, и, держа слово, Вольфганг был вынужден его застрелить. После этого вожди кланов разделились во мнении, правильно ли он поступил. На той планете не принято убивать близких родственников, значит, Вольфганг был не прав, утверждали одни. Но другие — утверждали, что настоящий вождь обязан держать слово. Даже если ему этого не хочется.

Первым делом Карл-Вольфганг присвоил себе княжеский титул и отныне именовался князем Вольфгангом дю Вольфом, так как быть князем культурнее, чем просто вождем. Затем, чтобы как-то оправдать смерть своего тестя, которого князь искренне и горько оплачивал, он казнил всех пьяниц в своем княжестве, чем вызвал ненависть родственников казненных. Для того, чтобы спастись от покушений и всеобщей ненависти, ему пришлось убить и родственников. Однако у родственников казненных были свои родственники, так что процедура наведения по-

рядка в болотистом Сребусе привела к его оскудению и опустошению. Население уменьшилось настолько, что князю Вольфгангу никак не удавалось набрать достойную армию, чтобы показать соседям, кто прав в вековых конфликтах, а также покорить Вселенную. В конце концов за пределами болот скопилось куда больше жителей Сребуса, чем внутри его границ, и тогда князь счел за лучшее изменить тактику.

Собрав драгоценности короны и полностью ограбив последних поселян и торговцев, князь купил по случаю одряхлевший прогулочный лайнер «Сан-Суси», построенный в свое время для богатых туристов, которые предпочитали путешествовать с таким же комфортом, к какому привыкли дома.

Погрузив на корабль своих девочек, фаворитов, запасы варенья, до которого князь был большой охотник, идрессированных животных из ограбленного им цирка, Вольфганг до Вольф отправился в бесконечное путешествие по цивилизованным планетам Галактики, во-первых, чтобы себя показать, во-вторых, чтобы на людей посмотреть, но главное — для того, чтобы получить посильную экономическую помощь для развития производительных сил никому не ведомой страны Сребус и для помощи ее трудолюбивому и свободолюбивому народу.

К сожалению для князя и, возможно, к счастью для Сребуса, куда он так и не возвратился, путешествие «Сан-Суси» превратилось в бесконечное странствие по Вселенной. Ведь все, что бы ни удалось добить на благо страны, тут же уходило в уплату за продукты, топливо и прочие нужные вещи для корабля и его многочисленного экипажа, не говоря уже о прожорливых и избалованных пассажирах.

Порой князем овладевал гражданский долг и он приказывал взять курс домой, в княжество, оставшееся без правителя и, возможно, уже обзаведшееся новым. Но, как назло, всегда находилась причина, которая не позволяла ему осуществить свою мечту и долг. То в пути встречались тяжелые навигационные условия, то кончалось топливо или сахар, то возни-

кал заговор на борту, который требовалось разоблачить, то, наконец, следовало неожиданное приглашение на какую-то планету, где выковывался новый оборонительно-наступательный пакт... причина всегда найдется.

Постепенно князь Вольфганг дю Вольф стал популярной фигурой в Галактике и любимцем прессы, о нем всегда можно было написать, если писать было не о ком. Зная, что лишь известность, притом скандальная, позволяет ему оставаться в памяти современников как государственному деятелю, он подогревал интерес к себе сумасбродными поступками. Он предпочитал быть «тем самым дю Вольфом», чем фигурой добропорядочной, но никому не известной. В своем стремлении к известности и, следовательно, к деньгам, которых всегда катастрофически не хватало, князь с утра похищал в театре имени Маяковского ведущую актрису, вечером на ней женился, ночью изменял ей с фотомоделью Юлией Ким, утром принимал вызов на дуэль чемпиона мира по эспадрону, который оказывался женихом Юлии Ким, днем доказывал следователю, что не смог попасть на место дуэли из-за внезапно заболевшего зуба, чему есть шесть свидетелей, так что к нежданному убийству из-за угла вышеупомянутого чемпиона не имеет отношения. Все знали, что бывший Карл, а ныне князь Вольфганг — большой мерзавец, человек без чести и совести, но притом его считали веселым малым, душой компании, и почти никто не отказывался от его приглашений отобедать на борту «Сан-Суси». Хотя не для всех эти обеды оканчивались благополучно.

Порой князю закрывали въезд в ту или иную страну, но потом обычно снимали запрет, потому что он проходил по всем документам как глава суверенного государства, а демократически настроенная Галактическая федерация строго осуждает нарушения прав человека, но охраняет притом и права нарушителей этих прав.

Ко попала на «Сан-Суси» без приглашения и не могла сказать, что рада этому собранию. Там, где

прошел князь Вольфганг, оставались лишь выжженная земля и вытоптаные посевы. И если он как-то связан с историей гибели Артема, то надо признать, что Ко заработала себе опасного врага.

Пока что этот враг не казался врагом.

Князь Вольфганг восседал в золотом кресле во главе стола. Он наливал себе сок из высокого хрустального графина. На плече его дремала большая ворона. Коре показалось, что она видела ее на острове. Не эта ли ворона заклевала Артема?

— Садись, девочка, — крикнул князь через весь стол. — Будь гостьей. Мы еще погуляем на твоей свадьбе. Я рад, что мне удалось тебя спасти.

Ко удержалась от вопроса, в чем заключалось спасение, и вежливо поклонилась хозяину корабля.

— Ты меня, надеюсь, узнала? — спросил князь Вольфганг.

— Вас все знают, ваше высочество, — ответила Ко. — Достаточно включить новости.

— Достойный ответ. Тогда садись и завтракай. Потом я дам тебе аудиенцию.

Жених вел себя за завтраком безукоризненно. Он был вежлив, предупредителен, корректен. Правда, к сожалению, время от времени он хватал Ко за коленку. Ко хотелось спросить, кто такая Кларенс и что с ней стало, но она понимала, что в правилах игры новая жена Синей Бороды не должна спрашивать о судьбе предыдущих жен. Если уж так захотелось, иди открывай маленькую дверцу. Но без лишних вопросов.

Ко с интересом разглядывала сидевших за столом.

Вернее всего, это были придворные и советники князя Вольфганга, но помимо этих людей, разодетых в шитые золотом и серебром мундиры, украшенные многочисленными орденами, за столом находилось несколько красивых женщин, которые кидали друг на друга злобные взгляды, видно, рассчитывая на дружбу и любовь князя, два здоровенных силача, наверное, из цирковых борцов, и шумная семья лилипутов. Но больше всего Ко удивила горилла, которая

завтракала как и люди, умело орудуя вилкой и ножом, — так великолепно она была выдрессирована.

К концу завтрака в зал вошли два льва, которые бродили за спинками стульев и обнюхивали ноги сидевших за столом, будто были не совсем сыты. Ко хотелось подтянуть ноги, но она понимала, что вряд ли таким образом спасется от зубов хищников. Львы подошли к князю, и тот кинул им по куску торта с блюда, стоявшего перед ним. Торт, конечно, не завтрак для толстяка, но князь сожрал кусков десять, почти не жуя.

* * *

В уютной кают-компании, где все — и пол, и стены, и диваны — было закрыто шкурами диких животных, князь Вольфганг дю Вольф принял Артема и Ко сразу после завтрака.

Вблизи было видно, что он не так уж розов и гладок, каким казался на экранах телевизора и в кино. Мелкие частые морщинки избороздили его лицо, под глазами образовались замаскированные гримом мешки, волосы были кое-где подкрашены, а кое-где — имплантированы.

— Заходите, заходите, — пригласил он молодых людей. — Ты, Артемка, уже был у меня, а вот Вероника — в первый раз. Правда, Вероника?

— Да, — согласилась Ко.

— Хотя ты бывала здесь совсем маленьким ребеночком — не помнишь? — Глаза князя лгали.

— Вы знаете меня с детства? — удивилась Ко.

— Да, Вероника, и я намерен тебе помочь. Я хочу, чтобы ты нашла в стенах моего летучего убежища не только счастье супружеской жизни, но и счастье дочернее — я уже принял все меры, чтобы подружиться с твоим папой.

— Кто он? Где он? — Ко искренне взъерошилась, совершенно забыв в тот момент, что появление отца Вероники еще не приближает Ко к разгадке собственного сиротства.

— Всему свое время, — отмахнулся князь. — Да ты садись, садись. Все эти шкуры — мои трофеи. И вот что я скажу тебе, девочка: каждый настоящий человек должен иметь специальность. Я вот — умею снимать шкуры и даже делать чучела. Я лучший таксидермист в Галактике.

— Кто?

— Таксидермист. Это некрасивое слово обозначает чучельника. Я гуманист. Я продлеваю жизнь животных. Потом я проведу тебя поглядеть на мои чучела. Но сначала — несколько слов о делах. Итак, мне удалось вывезти вас с Земли. Поверьте мне, это оказалось нелегким делом, и стоило мне таких денег, что вам, мои дорогие молодожены, и в век со мной не расплатиться.

Все это было сказано с такой сладкой улыбкой, так лушились добром глаза князя, что и без объяснения было ясно, что он щутит.

— Ничего, — Артем постарался уловить тон Вольфганга и соответствовать ему. — Женимся, подружимся с папочкой, разбогатеем, заплатим тебе, князь, в пять раз больше, чем ты потратил, правда, Вероника?

Вероника посмотрела на жениха с удивлением.

— Прости, — спросила она, — а разве мой папа богат?

— Еще как! — радостно сообщил Артем, но тут вмешался князь:

— Богатство — это вещь относительная. То, что может показаться большим состоянием для сиротки, такой как ты, — для меня лишь песчинка в море моих сокровищ.

— Это правда, — поспешил согласиться Артем. — Князь Вольфганг — один из богатейших людей в Галактике. Многие правители планет склоняются перед ним.

Князь смотрел на Ко. И взгляд у него был нехороший, недобрый.

— А она не верит! — сказал он капризно. — Не успев воспользоваться моим гостеприимством, она уже издевается надо мной. И зачем только я согласился помогать этой неблагодарной твари!

Ко была растеряна. Она обернулась к Артему. Тот отступил на шаг и пожал плечами, как бы показывая, что он не имеет к этому никакого отношения.

— Я не позволю над собой издеваться! — крикнул князь, все более заводясь. — Я ночей не сплю, думаю, как сделать лучше для несчастной девушки, но в ее шкуре скрывается монстр.

— Простите, господин князь, — сказала Ко, отступая к двери. Не очень приятно себя чувствуешь, если на тебя наскакивает, толкая тугим животом, пожилой вельможа. Может, и в самом деле она вела себя неправильно?

— Я разволновался, — заявил князь и быстрыми шагами пошел из комнаты. — Мне надо поесть!

Артем и Ко остались одни.

— Что с ним? — спросила Ко.

— Ну как ты смела так грубо разговаривать с князем! — возмущенно ответил Артем — Он для нас с тобой все: родной отец, опекун, начальник, наконец!

— У меня нет начальников.

— Не говори глупостей. Не бывает людей без начальников.

— А куда он убежал?

— У князя нарушен обмен веществ, — сообщил Артем. — Это нервное. Как только его выведут из себя...

— Я не выводила его из себя!

— А кто поставил под сомнение его богатство?

— Я не могла поставить под сомнение его богатство, потому что понятия о нем не имею.

Тут Артем снизил голос и заговорил, склонившись к уху невесты:

— У князя не очень хорошие финансовые дела. Справедливые войны, которые он ведет, необходимость поддерживать статус руководителя государства, заботы о культуре и искусствах, женщины, наконец! — все это требует расходов. Даже наш корабль «Сан-Суси» заложен и перезаложен. Если нам не дадут льготных кредитов, придется худо — хоть уходи в пираты!

Артем был совершенно серьезен. Он настолько углубился в финансовые заботы своего князя, что не заметил, как безнадежно проговорился: «если нам не дадут»... нам... конечно же, Артем принадлежит к команде князя. И это главное, о чем надо помнить. А князь, конечно, не филантроп. Сумасброд, жулик и, возможно, тиран.

— И зачем только я ему понадобилась? — произнесла Ко, надеясь, что в порыве откровенности же них проговорится и об этом...

— А ты не догадалась? — спросил Артем с издевкой в голосе.

— Нет, ума не приложу.

— Тогда и не прикладывай, — усмехнулся Артем. Оба замолчали. Разговаривать больше не хотелось. К тому же Ко почувствовала, что не только она не выносит своего жениха, он тоже не испытывает к ней теплых чувств. Возможно, как любовница она его устраивает... но о влюбленности или любви речи быть не может.

— А как моя настоящая фамилия?

— Да Куврие, — ответил Артем, думая о чем-то далеком.

— А имя?

— Имя — Вероника. Наверное, Вероника. Мне никогда не говорили другого.

Интересно, а почему Веронику назвали именно так? Кажется, это было связано с медальоном, в котором лежала старая почтовая марка. Вероника всегда его носила, она надеялась, как и все приютские сироты, что в один прекрасный день в детский дом войдет ее мама или папа и по медальону тут же узнает пропавшую дочку. И окажутся, как минимум, королем и королевой отдаленной планеты.

— Мне надо извиниться перед князем? — спросила Ко.

— Только не сейчас! Князь должен остыть. После вспышки у него обязательно должна пройти полоса плохого настроения. Тогда он особенно опасен. Может натравить на тебя бойцовых дрессированных во-

рон, которых унаследовал от мамаши. Или еще кого почище.

— Я вижу, что ты не очень любишь своего хозяина? Но на этот раз поймать Артема не удалось.

— Что ты несешь, крошка? — произнес он. — Я обыкновенный физкультурник с Детского острова — откуда бы мне раздобыть такого хозяина? И рад бы в ад, да грехи не пускают.

— В рай, — поправила жениха Ко, но тот не обратил внимания на поправку.

— Можно, я тогда погуляю по кораблю? — спросила Ко.

— Гуляй, — с облегчением сказал Артем, у которого, видно, были свои дела. — Только не суйся в запретные двери и не открывай секретных замков.

— Слушаюсь, господин Синяя Борода, — откликнулась Ко. Но, видно, этот Артем сказок в детстве не читал. Он лишь удивленно приподнял брови.

В коридоре они расстались.

* * *

Корабль был велик и пустынен.

Возможно, в другое время суток он казался гуще населенным, но не утром, сразу после завтрака.

Когда-то он был богато украшен, в стиле мадам Помпадур или какого-то Людовика. Даже в потолках коридоров размещались, некогда белые, изогнутые картиши, в которых на небесном фоне среди облаков ревились амуры и нимфы. Пол был покрыт пластиком, изображавшим наборный паркет, об этом можно было догадаться ближе к стенам, где его не так вытолтали, как посередине. Позолоченные бра горели вполнакала, а некоторые и вовсе перегорели — видно, электрик на корабле был ленив и нелюбопытен. Вскоре Ко вышла к обширному залу, в котором размещался овальный бассейн. Вокруг него тянулись клумбы, покрытые сухой травой. Из клумб поднимались стволы высоких пальм. Воды в бассейне давно не было, в него кидали обертки от конфет, пустые банки из-под пива, там валялся туфель с рваным но-

сом и бластер с погнутым стволов. Среди сора бро-дила ворона, которая не обратила на Ко внимания.

Ко стало жалко бассейн, да и весь корабль «Сан-Суси», который и на самом деле попал в руки очень бедного князя, не имевшего возможности следить за ним. Тут уж поневоле начнешь подозревать окружающих в насмешках.

Полная сочувствия к Вольфгангу дю Вольфу, Ко миновала зал бассейна, толкнула дверь и оказалась в следующем помещении — видно, здесь когда-то был парк корабля — место, где среди цветников и кустов сирени разгуливали богатые пассажиры.

Теперь из-за небрежения все кусты и деревья высохли, но ветки их кое-где сплетались так тесно, что конца зала не было видно.

Впереди послышался легкий шорох, но Ко не встревожилась. Мало ли кто, подобно ей, может гулять по кораблю? Ко решила пересечь зал в надежде отыскать библиотеку. На таком старом и некогда роскошном корабле наверняка должна сохраниться сказочная библиотека.

Ко спокойно направилась по тропинке между сухими стволами и, когда удалилась от двери метров на двадцать, вновь услышала впереди шорох. На этот раз куда более громкий. И чем-то испугавший ее. Может, это любимые вороны князя?

— Кто здесь? — спросила Ко.

В ответ послышалось почти беззвучное рычание, низкое и зловещее.

Ко остановилась, прислушиваясь. Надо было, наверное, бежать обратно, но вдруг кто-то увидит, как она в ужасе носится по кораблю князя Вольфганга, и она станет предметом шуток и издевательств — достаточно вспомнить, какая компания собиралась за завтраком, чтобы понять, что пощады ждать не приходится.

Ко оглянулась. Куда ни кинь взор — всюду переплетение ветвей и веточек, закрывающих даже потолок зала. На мгновение девушке даже показалось, что она потеряла ориентировку и не знает, где дверь. Нет, дверь сзади... туда и надо отступать.

Ко медленно отходила назад, стараясь производить как можно меньше шума.

И через несколько шагов вынуждена была застыть снова: сзади тоже послышался шорох. Там ее поджидали.

Ну что за глупость! Она же гостья на правительственном корабле! Ее специально выкрадывали с Земли, чтобы устроить ей свадьбу и найти отца. Тщетно успокаивая себя, Ко напугалась настолько, что готова была согласиться на свадьбу с Артемом — только уберите ее из этого страшного сухого леса!

Ко сделала шаг в сторону.

И тут спереди раздался треск и нечто громадное, желтое, рычащее кинулось на нее.

Ко отпрянула назад, но всей кожей чувствовала, что и сзади на нее несется такой же убийца.

В отчаянии Ко кинулась к ближайшему дереву и полезла на него. Ноги соскальзывали по стволу — еще мгновение... и она погибнет.

Но тут черная волосатая рука, протянувшись сверху, схватила Ко за руку и рванула наверх.

Ко буквально взлетела на развилку дерева.

Гигантская горилла, которая так умело орудовала за завтраком вилкой и ложкой, обняла ее, прижимая к горячemu животу. Ко от неожиданности рванулась было бежать — но куда побежишь, если ты находишься в объятиях гигантской обезьяны.

Горилла успокаивающе ворчала — без злобы, как мать, выговаривающая неосторожному детенышу. Она показала рукой вниз, и Ко с ужасом увидела, что под деревом кружатся два льва, которых она уже видела за завтраком. Подобно кошкам, стерегущим умирающего кролика, они мягкими шагами носились вокруг дерева, ожидая, когда их добыча наконец свалится им в пасть.

Горилла, показывая множество гигантских зубов, стала гладить Ко по голове и потом принялась шершавым языком зализывать глубокие царапины на ее плечах и бедрах.

Ко была благодарна обезьяне. Она понимала, что та не сделает ей ничего плохого, но сможет ли она

защитить ее, если кому-то из львов вздумается прыгнуть и достать добычу? Ведь дерево было невысоким, ветки на вершине нетолстыми, и сук, на котором расположилась горилла, мог треснуть и сломаться в любой момент.

Так что Ко старалась не двигаться и даже шепотом попросила гориллу:

— Пожалуйста, не прыгай. Давай подождем.

Наверное, глупо обращаться с такой просьбой к животному. Но что поделаешь, если ты испугана?

Не двигаясь и лишь медленно поворачивая голову, Ко постаралась отыскать выход.

Но тут лев встал на задние лапы и принял яростно драть когтями кору дерева. Он испустил такой рев, что, наверное, было слышно на Луне.

Ко зажмурилась. Она понимала, что горилла не справится с этими хищниками. И как бы в ответ на мысли Ко, горилла жалобно завыла, потом вдруг отпустила Ко, оттолкнула ее и прыгнула на соседнее дерево.

Ко чуть не свалилась вниз, в пасть льву, но успела подтянуться и поджать ноги — а лев, подняв лапу, старался дотянуться до ее пятки.

Она карабкалась выше, но ветки гнулись...

— Помогите! — закричала Ко, забыв о гордости и возможных насмешках.

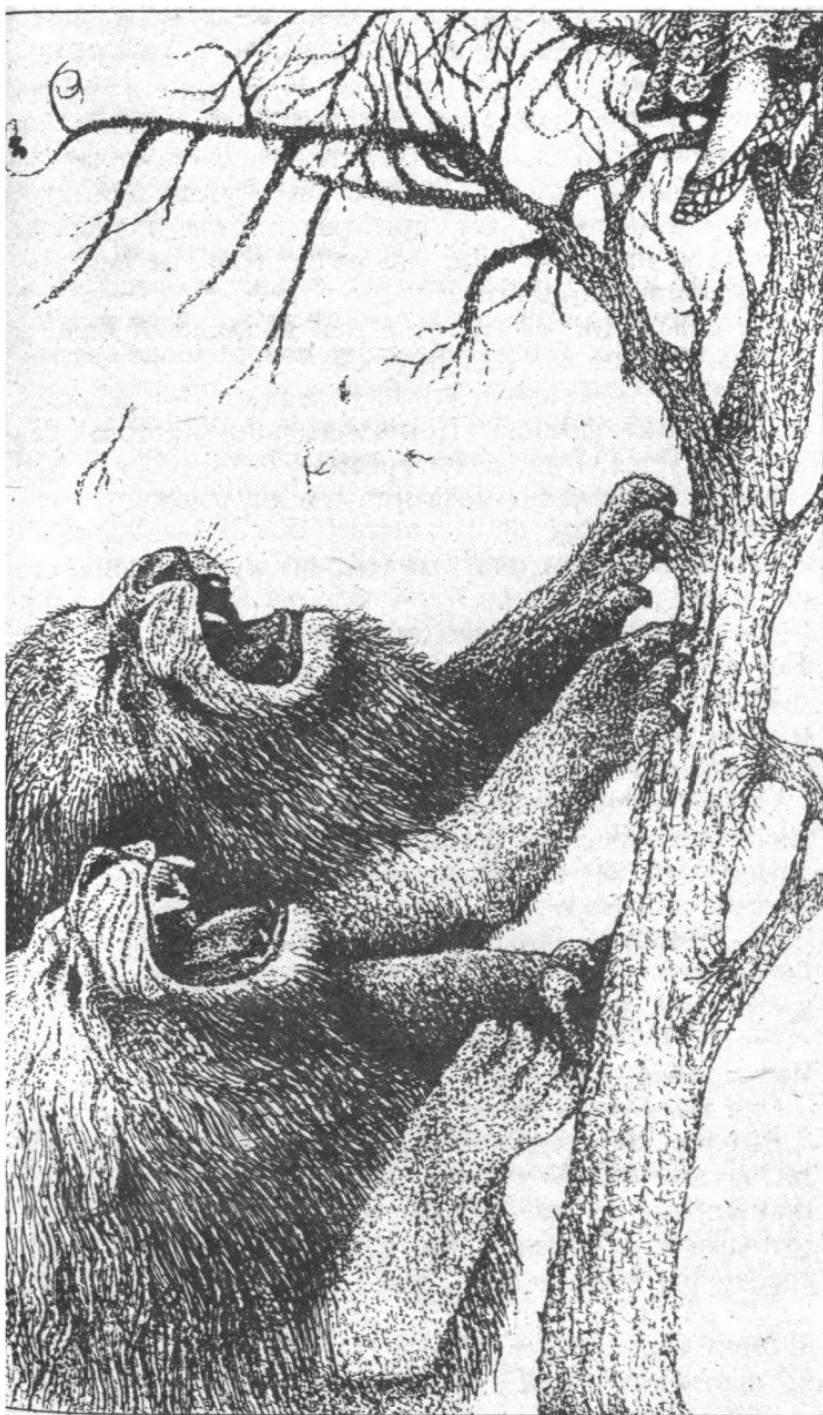
Руки отказывались держать ее, треснула ветка, подломилась другая, львы радостно урчали, предвкушая добычу...

И когда Ко уже отчаялась спастись и готовилась лишь отбиваться от львов, сколько могла, из-под потолка зала раздался громовой голос:

— Рустак, Лелька, долой!

Яркий свет, загоревшийся сбоку, осветил оказавшуюся совсем рядом, нависавшую над лесом трибуну или ложу, в которой, окруженный красивыми и некрасивыми девицами, сидел князь Вольфганг и пожирал кусок торта.

Это зрелище, эта наглая, лукавая, розовая рожа, обрамленная серебряными кудрями, была столь близко, что Ко чуть не вырвало от гнева и отвраще-

ния — и тут руки отказались держать ее, и она грохнулась на жесткую, покрытую ветками и колючками землю. Львы от неожиданности отпрянули и готовы были кинуться вновь на обессиленную жертву, но тут рядом с Ко оказался гигантского роста силач — из цирковых борцов. В руке он держал длинный кнут. Он щелкнул им, еще раз... львы подобрали хвосты и, подогнув лапы, побрали прочь, не переставая угрожающе рычать.

Ко сидела на земле, все в ней дрожало от боли и обиды. Она не могла двинуться.

— А ну! — крикнул князь Вольфганг. — Медицина! Где ты, медицина? Помоги девчонке, которая без спросу суется, куда ее не просили.

Князь поднялся и медленно покинул ложу.

Девицы за ним.

Силач с кнутом подхватил Ко на руки и понес по коридору.

— Ничего, — сказал он обыкновенным голосом. Ему было жалко Ко. — Ничего не поломано. Скоро пройдет. Гарантирую. Меня самого столько раз били и ломали, даже запомнить забыл.

Ко не отвечала. Она была как в забытьи.

Силач остановился перед дверью, на которой был изображен красный крест.

Постучав, он вошел и положил Ко на покрытую пластиком койку.

— Займитесь, — сказал он вскочившей из-за рабочего стола женщине с большими, выпуклыми, как у стрекозы, глазами.

— Ах! — воскликнула женщина при виде Ко. — Что с тобой, крошка?

Она выскочила из-за стола и подбежала к Ко.

В голосе этой худышки было столько тепла и заботы, легкий белый халатик был таким чистым и выглаженным, волосы лежали на голове такими аккуратными колечками и так изящно обрамляли смуглое, почти черное, лицо, что Ко поняла: все ее приключения закончились. И, сделав шаг к докторше, которая была на две головы ниже ее, Ко беспомощно протянула к ней руки и горько разревелась.

— Кто ее обидел? — строго спросила докторша у силача.

— Она в мертвый парк забрела, — сказал силач, смущаясь в этой комнате своих размеров и неуклюжих движений. — А князь, знаете, когда злой, пощутить любит. Он велел львов спустить...

— Ой! Неужели он опять посмел?

— Еще как посмел, — печально сказал силач. — Свет в ложе выключили, туда запрятались со сладкими девочками... хорошо еще, Черная Бомбаса на дереве дремала. Она вот эту... и подхватила.

— Ой, я не переживу! — воскликнула докторша. — Ведь девочка могла пострадать.

— Я так думаю, что она пострадала, — поддержал ее силач. — И еще напугалась до полусмерти.

— Хорошо, Поддубный, иди, — сказала тогда докторша. — Я сю займусь. Спасибо тебе, иди.

Силач ушел, нечаянно разбив стоявший на столике у двери графин.

— Простите, доктор Ванесса, — сказал он смущенно.

— Иди, иди, — докторша быстро наклонилась и стала собирать с пола осколки.

И тут Ко заметила, что на спине халат докторши разошелся, обнаружив большие, чуть не до земли, прозрачные стрекозиного вида крылья.

Ко не сдержала возгласа удивления. Докторша тоже ахнула.

— Я так виновата! Я вас напугала! Вы никогда не видели таких уродцев, как я?

— Нет, это вы меня простите, — также смущилась Ко. — У каждого своя судьба.

Она не придумала лучшего утешения для женщины-мухи.

— Но я практически не летаю, — сообщила докторша. — Во многих отношениях я не отличаюсь от вас. Надеюсь, вам не противно, что я буду вас лечить?

— Ни в коем случае! Даже наоборот! Мне было так приятно с вами познакомиться...

Докторша улыбнулась.

— Не старайтесь быть вежливой. Некоторые люди к мухам равнодушны, другие их не выносят, так что я терплю. Тем более что я темнокожая муха.

— А я даже не заметила, что вы темнокожая... то есть муха...

— Но не навозная, — улыбка пучеглазой докторши была грустной — видно, ей пришлось немало вытерпеть в жизни от недобрых людей.

Ко в смущении молчала, пока докторша обрабатывала ранки и царапины.

Докторша тоже не проронила ни слова.

— Ну вот и все, — сказала она через две минуты. — Никто не догадается, что вы жертва диких нравов нашего княжества. Будьте, пожалуйста, осторожны с нашим князем.

— Простите, — сказала Ко, увидев, что докторша собирает инструменты, — но как вы оказались здесь?

— Каждому приходится зарабатывать на жизнь, — вздохнула муха.

— И этот... князь, его не смущает ваш вид?

— Он — любитель экзотики, — печально ответила муха. — Когда я была еще подростком, он украл меня у родителей, преступно соблазнил и сделал своей наложницей. Правда, потом обошелся со мной лучше, чем с другими. Он помог мне получить образование и потом предоставил место на своем корабле.

— Вы любите его? — прошептала Ко.

— Я отдаю ему должное, — сухо ответила муха, — однако не одобряю его вкусов. Вы не представляете, какими ничтожествами он себя окружила. В компанию сладких девочек он берет всех без разбора!

— Ой, если вы думаете, что я из его компании, то это неправда. Я попала сюда случайно. Я считаюсь невестой... Артема.

— Не надо оправданий. Я знаю куда больше, чем вы думаете. До свидания. Номер моей каюты — 68. Все разговоры на корабле прослушиваются и потом доносятся до сведения господина Вольфганга дю Вольфа. Вы свободны.

Выйдя от докторши, Ко поглядела вдоль коридора. Было трудно оторваться от двери и сделать первый шаг.

В коридоре было чисто, но тишина была зловещей... Ко побежала к своей каюте.

Захлопнула за собой дверь и кинулась на койку. Она готова была отдать все — только бы вернуться на Детский остров.

Но долго ей отдохнуть не пришлось.

К сожалению, двери на «Сан-Суси» не запирались. Ей пришлось убедиться в этом минут через пять, когда дверь отъехала в сторону и в ее проеме обнаружился совершенно ни в чем не виноватый, рот до ушей, жених Артем. В шортах и гавайской рубашке навыпуск.

— Не прыгай в угол, — сказал он, заходя и закрывая дверь за собой. — Я тебя не трону. Не люблю искусанных женщин.

— Так ты все знаешь?

— Разумеется, знаю.

— И ты не пришел мне на помощь?

— Клянусь тебе, Вероника, клянусь тебе именем моей мамы, я не подозревал, что он придумает такие идиотские шутки.

— Ты это называешь шуткой? Да я чудом осталась жива! Я требую, чтобы меня немедленно выпустили с корабля!

— Без скафандра? — усмехнулся жених.

— Да хоть бы и без скафандра — только бы избавиться от вашей компании!

— Как ты странно заговорила!

— А что мне остается? Я не могу узнать моего жениха! Меня травят львами, я вообще не уверена, что меня оставят в живых. Почему? За что?

— Вероника, — вздохнул жених, присаживаясь на краешек койки. — Я должен сказать, что ты совершенно права. Мы все ужасно виноваты перед тобой. Хотя начала все ты сама. Это ты травила нашего князя...

Жених вздохнул и замолчал.

— Что ты хочешь этим сказать? — грозно спросила Ко.

— Ты упрекнула его бедностью, а для него это — самый больной вопрос.

Жених замолчал, будто прислушивался, и Ко услышала, как с потолка над самой головой жениха раздался шепот:

— Скажи о народе... о народе.

— Да, — спохватился жених. — Больше всего наш князь печется о благе своего народа. Народ, мы должны тебе сказать, частично бедствует. И в некоторых случаях получает гуманитарную помощь, которую разворовывают корыстные чиновники. А князь нервничает, черт побери! Теряет над собой контроль.

Артем прислушался к писку, доносившемуся из вентиляционной решетки, и завершил свою мысль:

— И он порой срывает свой гнев и ненормальности своей патологически гениальной натуры на совершенно неповинных девушкиах. Вот такие дела...

Ко поглядывала наверх, затем на жениха и спросила:

— Должна я понимать твои слова, как формальные извинения князя Вольфганга?

Жених подумал, но никаких звуков сверху не доносилось.

— Не знаю, — честно признался он. И печально вздохнул.

— Чего вздыхаешь? — спросила Ко. Хотя Артем был мерзавцем, она уже к нему немного привыкла и понимала, что, сложись обстоятельства иначе, был бы он самым обычным парнем, может, даже не-плохим спортсменом. На него Ко не сердилась. Может, ему самому не нравилось...

— Скажи, — спросила она жениха, — а тебе нравится, когда девушек травят львами?

— Да ты с ума сошла! — воскликнул жених. — Да я бы такого мерзавца, да я бы... — и тут его голос сошел на нет, а с потолка совершенно явственно прозвучало:

— И что же бы ты сделал с таким мерзавцем?

Артем помолчал, борясь с собой, а потом все же произнес, запинаясь:

— Это не метод... мой князь.

— Понимаю, что не метод! — завопил голос с потолка. — Сам понимаю, что надо лучше разбираться в людях. Но так хотелось позабавиться...

— Я пойду к себе... — сказал Артем.

— Нет, — возразил голос. — Сначала проведите любовную сцену. Вы жених и невеста, в конце концов, а не чужие люди.

— Не вмешивайтесь, князь! — строго сказала Ко.

— А я и не вмешиваюсь, — захихикал князь. — Я вообще отсутствую.

— Уходи, Артем, — сказала Ко.

Но тут, видно, Артем, совсем запутавшись в указаниях и советах, сам принял решение.

— Навозная муха Ванесса тебя подлечила? — спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну раны не болят, трогать тебя можно?

— А зачем тебе меня трогать? — насторожилась Ко.

— От избытка чувств.

— Ах, оставь, Артем, — возразила Ко. — Нет у тебя ко мне никаких чувств.

— Есть, — ответил голос с потолка.

— И вы отстаньте, в конце концов! Никуда от вас не денешься! Лучше выкиньте меня в космос, чем так обращаться! Но предупреждаю, что перед смертью я буду сопротивляться так, что комиссар Милодар примчится ко мне на помощь...

— Так... — послышалось с потолка. И после паузы: — Значит, вы с ним знакомы?

— Еще бы не знакомы! Он меня любит, — сообщила Ко. — Он же курирует наш приют. Он нам всем как родной отец.

— Отец! — в голосе прозвучало презрение. — Таких надо уничтожать в колыбели.

— Он вам сильно насолил, князь? — спросила осмелевшая Ко.

— Помолчи!

— Значит, насолил, — обрадовалась Ко и чуть не погубила себя, увлекшись воспоминаниями о комиссаре Милодаре. Потому что, воспользовавшись мо-

ментом, жених подвинулся к ней вплотную и попытался обнять.

Ко отпрыгнула в угол и рубанула ладонью по кистям его рук. Артему не было больно, он засмеялся, но свои притязания временно оставил.

— Ну балуйтесь, шалите, а я пойду, поем сладень-кого, — сообщил голос сверху.

Ко подумала, как коротка дорожка от любви к ненависти. Ведь этот человек, ее жених, был очень похож на Артема. Артема обожала Вероника, Артем нравился Ко. Этот же жених в обеих девушках вызывал лишь неприязнь и даже ненависть.

Жених потянулся, играя мышцами.

— Порой, — сказал он, — у меня создается впечатление, что ты меня разлюбила и не собираешься выполнять обещания.

— Я давала тебе обещания?

— Разумеется, ты обещала мне свое тело и душу, ты обещала выйти за меня замуж.

— Я не отказываюсь и сейчас, — ответила Ко, которая обещала комиссару вести эту игру до конца. Да и самой приятно, щекотно ходить по лезвию бритвы.

— Нам надо назначить день свадьбы, — сказал жених. — Как ты думаешь — может, завтра поженимся?

— Лучше поженимся через десять месяцев, когда мне исполнится восемнадцать лет.

— Как ты мне надоела со своими глупостями! Невежливы ты еще не поняла, что как только ты покинула Землю и оказалась на корабле князя Вольфганга, который является территорией суверенного государства, на тебя не распространяются галактические законы. Если князь захочет тебя убить, он может это сделать по законам своего болота.

— Он пойдет под суд!

— Один из его силачей тут же сознается в этом преступлении и отправится в тюрьму вместо своего господина. Поверь, князь легко отыщет добровольца.

— Но почему такая спешка, любимый! — взмолилась Ко, изменившая тактику. — У меня даже нет

подвенечного платья. Я всегда думала, что этот день станет для меня самым главным днем в моей жизни! О, нет, дорогой, не позволю тебе погубить то святое, что живет в нас!

— Черт побери, мне приятно слышать то, что ты говоришь. Может, я в самом деле тебе нравлюсь?

— Я без ума от тебя! Но надеюсь, это не означает, что ты должен спешить... спешить... убери руки, я буду кричать! Ты еще не знаешь, как я буду кричать!

Так как угрозы не помогали, а жених облапил Ко всерьез и не намеревался отпускать, пока не состоится свадьба, то Ко пришлось завизжать.

Ее жених не знал, что в Детском доме на острове Кууси проходили соревнования по визгу среди воспитанниц. Эти соревнования жестоко преследовались строгой госпожой Аалтонен, но, разумеется, она ничего не могла поделать, когда соревнования проходили на берегу острова среди скал. Ко держала в этих соревнованиях твердое второе место, сразу после Вероники. Но и она умела визжать достаточно громко и пронзительно. Говорят, что как-то в Петрозаводске была объявлена пожарная тревога, потому что там спустили визг Вероники с сиреной пожарной команды.

Еще не успели жадные пальцы Артема расстегнуть корсет старинного утреннего платья, еще не успели они коснуться бедер прекрасной черноволосой девушки, как ее визг, пронзивший переборки корабля, донесся до капитанского мостика и до совершенно звуконепроницаемых апартаментов князя Вольфганга, который как раз в этот момент обмазывал медом свою возлюбленную киноактрису Клавдию Мартинеску, чтобы потом в порыве страсти слизать с нее всю сладость.

Увлеченный любовным занятием, князь решил, что визжит его возлюбленная Клавдия Мартинеску, и чуть ее не задушил в порыве гнева. Актрису спасло то, что она была уже покрыта толстым слоем меда и потому смогла выскользнуть из жестких пальцев тирана.

Тиран погнался по коридору за обнаженной и измазанной медом любовницей, а навстречу ему несся оглушенный и обезумевший жених Вероники.

К сожалению, этим не исчерпывались беды, вызванные визгом пленницы. Испуганный невероятной пронзительностью звука, капитан Брасс сбился с курса и протаранил небольшой метеорит, занесенный в Красную книгу Галактики, потому что на нем обитала уникальная раса глиствов, могущих обходиться без воды, пищи, воздуха до четырехсот лет. Глисты разлетелись по всей Вселенной, и теперь их находят в слонах и китах многих планет. В камбузе корабля, услышав визг, как от неожиданности уронил на пол соусницу с приправой к гавайским омарам, заказанным князем на обед. А доктор-муха от испуга взлетела, чего никогда себе не позволяла, и в ужасе стала кружиться над пустым бассейном, а потом даже поползла по потолку. В таком виде ее обнаружил, склонявшийся к тому, чтобы жениться на ней и иметь в доме лечащего врача, толстыйober-камергер двора его высочества и мгновенно разлюбил, потому что не выносил, когда кто-то при дворе старался над ним возвыситься.

Здесь не время и не место описывать все неожиданные неприятности, которые произошли на корабле из-за того, что Ко так громко завизжала. Главное — она отделалась от приставучего жениха. Князь Вольфганг ворвался к ней в каюту, волоча за собой медовую актрису, и начал грозить Ко всевозможными карами, но та спокойно объяснила ему, что не намерена выходить замуж без подвенечного платья и раньше, чем через год. А если ее хотят выдать замуж раньше, то она согласится на это только после того, как повидается с папой и получит его благословение.

Князь выслушал девушку до конца. При этом он домазывал медом перепуганную любовницу. Выслушав, он сказал так:

— Моя любезная Вероника. Все человечество делится на тех, кто управляет, и на тех, кто подчиняется всем глупостям тех, кто управляет. Я по специальности — правитель. Ты, как я понимаю, раба. Несмотря на то, что умеешь очень противно кричать. У меня есть свои планы. Как всегда, они грандиозны.

Ты же не умеешь заглянуть дальше своего носа. Тебе нужно подвенечное платье? Завтра мы делаем посадку на Марсе и там купим тебе платье по росту. Конечно, я мог бы предложить тебе платье Кларенс, но, к сожалению, оно сильно замарано кровью, а у нас на корабле нет химчистки.

— Это что за намек? — удивилась Ко, вспомнив о записке, которую Кларенс оставила ей. — Что с ней случилось?

— Ах, пустяки, — отмахнулся князь. — Мы ее достойно похоронили в космосе. И будем надеяться, что ее судьба тебя минет.

— Что случилось с девушкой? Вы должны мне сказать!

— К счастью, я ничего тебе не должен. Клава, повернись на спинку, я помажу тебе медом живот.

Князь принял мазать медом живот покорной актрисы. Притом он рассуждал, не обращая внимания на Ко, хотя вся его речь имела к ней прямое отношение.

— Моя дорогая девочка. Прошу тебя потерпеть, не визжать и не шуметь — выслушай почти старого и почти мудрого человека. Всю жизнь я стремился делать людям добро, и чем больше я делал его, тем меньше люди меня любили. Сначала я удивлялся, возмущался этим, теперь смирился. Дайте мне кусочек этого мира для удовольствия и возьмите все остальное себе. Жрите. Размножайтесь! Живите — я буду хорошим, я буду благородным... таков мой жизненный принцип. Но я должен сказать тебе, что еще русские коммунисты в середине двадцатого века придумали гениальный принцип, которому я следую: «ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ С КУЛАКАМИ». И второе: «ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО УНИЧТОЖАЮТ». Ты чувствуешь, какие славные ребята жили в России? Как жаль, что мировой заговор евреев и капиталистов лишил их силы, подорвал их могущество и остановил в одном шаге от цели, — ведь они уже были готовы завоевать весь мир... Клава, повернись на бочок, я помажу тебе за ушами. Ах, как сладко...

— Вы противоречите себе, ваше высочество, — сказала Ко. — Сначала вы заявили, что вам не нужна благодарность, что добро для вас важно само по себе. А теперь стали говорить о кулаках.

— А как тогда люди догадаются, что ты им сделал добро? — удивился князь. — Лишь те, кто опасается тебя, могут оценить благодеяния...

— А при чем тут я? — спросила Ко, которая уже поняла, что наступила ее очередь. Не зря же князь, вместо того чтобы слизывать мед с актрисы, о чём он искренне мечтал, тратит время на разговоры с визгливой девицей с Земли.

— Ты должна оказать мне услугу. Ведь не зря же я тебя спас и воссоединил с твоим прекрасным женихом, который, кстати, оказался моим племянником.

— Вы хотите сказать, что держали своего племянника физкультурником на Детском острове?

— Мой племянник отличался в детстве плохим здоровьем, врачи прописали ему свежий воздух. А разве есть где-нибудь воздух свежее, чем на Ладожском озере?

Ангельская улыбка играла на алых губах князя Вольфганга дю Вольфа. Розовые щечки блестели, словно намазанные кремом. Голубая шевелюра была тщательно завита. Князь задумчиво гладил актрису по попке, размазывая мед. Все в комнате пропахло хорошим цветочным медом. Князь дю Вольф был лжецом, равного которому еще не рождала Галактика. С ним надо было быть настороже.

— Я спас тебя. Я устрою вашу свадьбу.

— Господин Вольфганг, — спросила Ко. — Что случилось с Кларенс? Кто она такая?

— Она — твоя прямая предшественница. Она плохо кончила. Но я надеюсь, что ты хорошо кончишь. Если будешь меня слушаться. Во-первых, давай договоримся, что ты выходишь замуж завтра и даже без подвенечного платья.

— Но я уже разлюбила моего жениха!

— Ты его боишься, крошка?

— Я к нему не привыкла.

— Я понимаю, — согласился дю Вольф. — На острове была романтика, шумели сосны и можно было целоваться на закате, глядя, как садится солнце, правильно?

— Правильно.

— А здесь от тебя требуют немедленной свадьбы, да еще без подвенечного платья. Но я не могу ничего поделать. Ты сама добровольно убежала вместе с моим племянником. Если ты не выйдешь за него замуж, это ляжет несмыываемым пятном на наше семейство. Выходи, он тебя не тронет.

— А где гарантии? — спросила Ко.

— Вот это серьезный разговор. Гарантия — мое слово. Обычно ему не следует верить — я великий обманщик. Но на этот раз я заинтересован в том, чтобы ты была довольна. Потому что сразу после свадьбы мы едем на свидание к твоему папочке.

— Но почему не раньше? Почему не пригласить его на свадьбу?

— Потому что я люблю сюрпризы. А твоего папу ждет большой сюрприз.

— Мильй, — взмолилась актриса. — Я высыхаю. Вся кожа стянулась. Облизывай меня скорее.

— Сейчас, сейчас, я и сам не дождусь этого момента! Ты можешь идти, Вероника. Но учти, что сегодня вечером твоя свадьба, а завтра утром мы прилетим на Марс, где тебе предстоит встреча с твоим папой,

Так как князь Вольфганг более не смотрел на нее, а набросился на обнаженную актрису и принял ее облизывать, Ко ничего не оставалось, как покинуть каюту.

* * *

Ко была в растерянности. Разумеется, ей не хотелось по-настоящему выходить замуж за этого бандита, лучше смерть, чем такая судьба. Но с другой стороны, она почему-то надеялась, что розовощекому Вольфгангу она нужна для другого, для

более важной цели. И ее вытаскивали с Земли вовсе не для того, чтобы погулять на свадьбе.

И все равно было страшно. Вокруг корабля раскинулись миллионы километров пустого пространства. Ее крики услышать некому, а князю Вольфгангу достаточно приказать своим придворным заткнуть уши ватой — и Ко' погибла, в объятиях Артема или когтях льва.

За обедом сытый, измазанный медом Вольфганг сообщил Ко, что свадьба состоится в шесть часов тридцать минут, церемонию будет проводить он сам, как князь суверенного государства, на что имеет законные права.

— Надеюсь, крошка, ты не будешь вести себя так же плохо, как Кларенс, — сказал он, показывая пятьдесят сверкающих белых зубов. — Нам ты нужна живая и здоровая.

Так как все за столом начали услужливо ходить, Ко положила себе салата и сделала вид, что занята едой, хотя, конечно же, аппетита не было. Она жалела Кларенса и понимала, что каким-то образом судьба этой девушки связана с ее судьбой. Но как узнать об этом?

После ужина князь Вольфганг дю Вольф сообщил, что намерен показать гостье свой таксидермический музей. И все придворные стали проситься на экскурсию. Князь отобрал лишь самых приближенных: обер-камергера, облизанную актрису Клаву и жениха Артема.

Ко видела, что экскурсию устраивают для нее, поэтому старалась вести себя вежливо и непринужденно, ничем не показывая, какие печальные и тревожные мысли ее одолевают.

Когда они поднялись из-за стола, жених по-хозяйски обнял Ко за плечи и прижал к себе. Ко подчинилась и терпела. Скорей бы все кончилось... Докторши за столом не было. Видно, она обедала в другом месте.

Перед тем как перейти в музей, произошла задержка. Поднимаясь из-за стола и окидывая его взглядом, князь Вольфганг грозно спросил:

— Кто взял серебряную ложку?

Началась суматоха. Ложки пересчитывали, перекладывали с места на место, а князь все более распаялся, крича, что из-за таких вот воров он не может до сих пор покорить собственную планету, что он уничтожит вора собственными руками. Все испугались, особенно когда по приказу князя в столовую вбежали силачи дю Вольфа и, поставив всех гостей лицом к стене, обыскивали.

Ко еще никогда не обыскивали, и ей было скорее любопытно, чем страшно, — словно она попала в идиотский театр и смотрит представление.

Силачи, играя мускулами, рычали, выворачивая карманы и содержимое сумок, женщинам расстегивали платья, а когда силач совсем уж обнаглел, Ко обернулась к жениху.

— Артем, — сказала она, — хоть бы ты меня защитил!

— Тише! — испуганно откликнулся Артем. — Ты же видишь, я сам без штанов!

Тогда Ко решила позаботиться о себе сама. И когда силач запустил лапу ей под платье, Ко припомнила один из недурных приемов самообороны — она была отличницей в кружке по китайской и тайской борьбе. Вспомнив, Ко применила прием на практике, а силач, видно, этого приема еще не выучил. Так что он с воплем отлетел в другую сторону комнаты и с ревом вытащил из-за пояса бластер. Ко нырнула под стол и услышала гневный вопль Вольфганга дю Вольфа!

— Ты с ума сошел, стрелять в моем доме, моей столовой?

— Мне бооольно! — вопил в ответ силач.

Раздался выстрел, и, высунувшись из-под стола, Ко увидела, как медленно падает на пол убитый охранник, который хотел ее застрелить.

Глядя из-под скатерти, Ко громко сказала:

— Если вы ищете ложку, то она лежит под столом у ваших ног, господин князь.

Князь поморщился, спрятал бластер за пояс и заглянул под стол. Он выпрямился, держа ложку в руке.

— Черт знает что, — сказал он. — Никому нельзя доверять. Простой ложки найти не могут. А ну, быстро все отсюда! И труп уберите. Понакидали трупов.

Силачи молча подняли труп своего товарища и понесли прочь из столовой.

Князь извинился перед гостями и сразу забыл об инциденте. Лишь сказал, обращаясь к Ко:

— Как-нибудь покажешь мне этот прием. Очень эффективен.

С этими словами он пошел к выходу. Камергер и актриса — за ним. Ворона опустилась ему на плечо и косила глазом на Ко. Жених подтолкнул Ко под локоть, чтобы она шла вперед.

Он стал куда менее нахален. Может быть, на него подействовала смерть силача?

Они прошли длинным коридором, спустились на нижний уровень, и там, вытащив из кармана небольшой золотой ключик, князь отпер дверь с табличкой:

**«Таксидермический музей имени князя
Вольфганга до Вольфа»**

Скромностью розовый князь не страдал.

Вольфганг сам зажег свет, и Кора следом за ним вошла в низкий обширный зал, который и в самом деле дал бы сто очков вперед любому музею космических курьезов.

На подставках, под колпаками, свисая с потолка, возвышаясь на постаментах, в музее разместилось более сотни различных чучел, сделанных великолепно, тщательно и профессионально. Были звери и птицы, известные Ко по книжкам и фильмам, некоторые были неизвестны совсем, или она лишь могла догадываться, что вот это волосатое чудовище, похожее на крупного кентавра, на самом деле кингтобрас обыкновенный, исчезнувший на Кулопетре примерно десять лет назад. Князь Вольфганг гордо вел гостей от стендса к стендсу, и все делали вид, что попали в музей впервые.

— Я всех убиваю сам, — сообщил он, надуваясь от собственной значимости. — Любой зверя я встречаю лицом к лицу...

— И эту бабочку? — спросила Ко, показывая на чудо с метровыми крыльями.

— Эту бабочку я поймал в Бесконечном лесу, но для того, чтобы выследить и накрыть ее сачком, я прошел пешком около четырехсот миль, я болел тремя смертельными лихорадками, в двух стычках с туземцами потерял шестьдесят человек и, кроме того, возвращаясь домой, вынужден был убегать от двух патрульных крейсеров Экологического управления, потому что эта бабочка, как назло, оказалась последней во Вселенной.

Вокруг подобострастно засмеялись.

— Мне стыдно за вас, — сказала Ко.

Князь Вольфганг добродушно развел руками.

— Откуда я знал, что она последняя? Мне всегда казалось, что их осталось еще три или четыре. А теперь я покажу тебе, девочка, змею, яд которой убивает стадо слонов, а объятия могут задушить медведя...

Змея и на самом деле была внушительной.

Ко смотрела на нее и думала, зачем же на самом деле ее привел сюда князь дю Вольф. Ведь не для того, чтобы похвастаться бабочкой или змеей, — не такая Ко в его глазах фигура, чтобы устраивать ради нее представление. Ко, готовясь к худшему — тебя сейчас снова будут пугать...

Приближение этой минуты она почувствовала по поведению окружающих. Вдруг все притихли. А сам князь тихо засмеялся горлом, как воркующий голубь.

— Я должен сказать, — заявил он, прервав смех, — что в мой таксiderмический музей я допускаю только избранных. Например, твоему другу Милодару вход сюда категорически запрещен. И не потому, что я чувствую себя в чем-то виноватым. Ничего подобного — ведь я лояльный глава суверенного государства и по моим законам я могу казнить и миловать. Вот, например...

Князь Вольфганг сделал шаг в сторону — шаг был рассчитан и вымерен — и перед глазами Ко предстала обнаженная фигура юной девушки, черноволосой, кудрявой, улыбающейся. Приподняв руку, девушка придерживала кончиками пальцев непослуш-

ные локоны, словно налетел порыв ветра и растрепал их.

— Что это? — ахнула Ко.

— Чучело, — сказал князь и от удовольствия захмурил голубые глазки. — Самое обыкновенное чучело из нередкой и не охраняемой Красной книгой породы Хомо сапиенс. Так что я могу спать спокойно. В отличие от бабочки, которой вы меня, юная леди, упрекнули, эта девица ничем не нарушит баланса живых сил в земной природе.

— Вы убили ее? — Ко стало страшно и так жалко девушку, что она еле сдерживала слезы.

— Мы были вынуждены ее наказать! Она сама виновата — не смогла помочь нам в том же деле, в котором вы нам так успешно помогаете.

— Как так наказать! — ужаснулась Ко. — Убить?

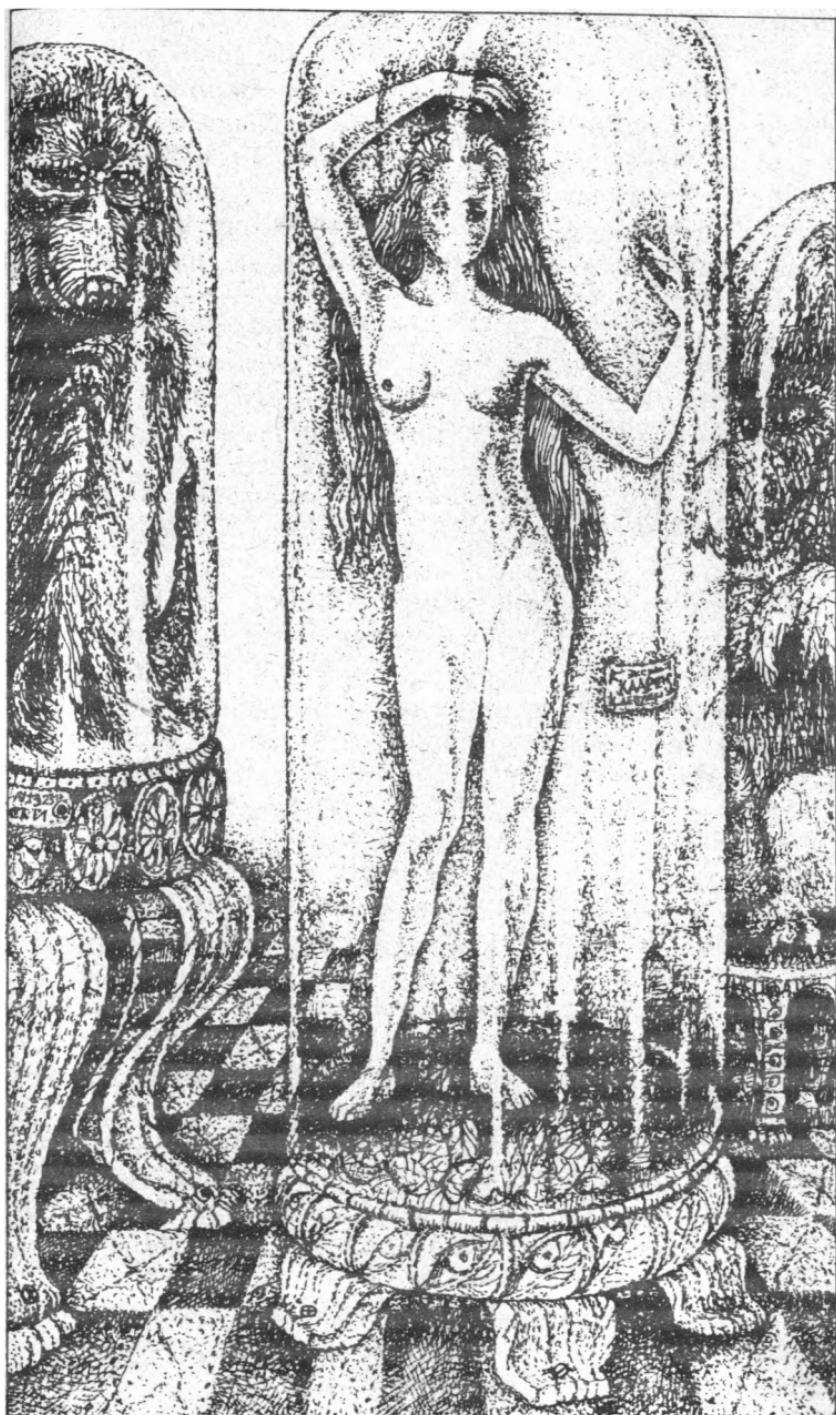
Ко не хотела, не могла смотреть на эту фигуру, но была не в силах оторвать от нее глаза. Толстый обер-камергер, выбиравший позицию, чтобы получше разглядеть Кларенс, оттолкнул Ко, и она неожиданно встретилась с девушкой взглядом. Глаза у Кларенс были совсем живые, они были широко открыты и чуть затенены длинными ресницами. Во взгляде замер немой вопрос: «Почему я здесь? Что случилось?»

— Ах, как я ее помню, — прогудел толстый камергер. — Мы с ней в шашки играли. Когда я выигрывал, она всегда обижалась. Ну, как маленькая!

— Она и была маленькая, — откликнулась Клавдия. — Вы не поверите. Как-то за обедом много шуттили, анекдоты рассказывали, а она слушала, слушала, а потом меня спрашивала: скажи, Клава, откуда получаются дети? Ей шестнадцать лет было, не больше.

— Вранье, — Артем ухмыльнулся так нагло и противно, что Ко готова была его убить, — сейчас скажет какую-то гадость! — Вранье. Я спал с ней. Сначала она верещала, а потом привыкла.

— Помолчи, — вдруг оборвал его розовощекий князь, который задумчиво откусывал от большого пряника и сыпал крошками на пол. — Ты врешь, чтобы мне угодить. А мне твоя ложь не нужна. Де-

вушка она была наивная и чистая. Клава права, она так до конца жизни и не поняла, что происходит. И я ее любил. По-своему, грубо, непостоянно, но любил. Так что попрошу без пошлостей.

— Пощупил я, — сразу признался Артем. — С кем не бывает.

— Со мной не бывает, — заметил Вольфганг. — С культурными людьми не бывает.

Взгляд Ко упал на пальцы ног девушки. Такие маленькие пальчики, такие аккуратные ноготки, а на большом пальце небольшой белый шрам — когда-то порезала ногу, и теперь навсегда... навечно.

— И вы ее убили, — тихо сказала Ко.

— Все не так просто! — оборвал ее князь. — Не упрощай. Она сорвала операцию. Поэтому она должна была исчезнуть. Это была политическая необходимость.

— Что за необходимость, которая позволяет убить девочку... — Ко совсем забыла, что она находится в таком же положении, как Кларенс. Но князь об этом отлично помнил.

— Кларенс по глупости, — сказал он, — позво-лила себя разоблачить. Она призналась, что самозванка. Ты не представляешь, какие средства и усилия были вложены в операцию. И все — коту под хвост! — Князь был искренне расстроен. — Она получила то, что заслужила. Пускай радуется, что хоть попала в такой хороший музей. Могла кончить на помойке.

— Вы привели меня сюда, чтобы запугать? — спросила Ко.

Князь сделал вид, что не услышал ее слов, а продолжал нежным тягучим голосом:

— Погляди, как мне удалось сохранить свежесть ее кожи! Гитлеровские палачи могли изготавливать из человеческой кожи только абажуры и кошельки. Но я никогда не опускался до потребительских товаров. Для меня таксiderмия — высокое искусство. Я потратил две недели бесконечного, бессонного труда, чтобы обработать ее кожу и волосы по методу московского мавзолея. И какой результат?

— Гениально! — вырвалось у камергера.

— Только глазки пришлось заказать на стороне. Глазки мы делали из белого мрамора, а зрачки у нас аквамариновые. Разве неудачно?

Кларенс смотрела на Ко живыми глазами, и Ко даже заплачать не могла, такой глубокий ужас охватил ее.

А окружающие — и Клава, которой совсем не хотелось радоваться, иober-камергер, который всего насмотрелся и ко всему привык, и даже Артем — хлопали в ладоши, выражая восторг, словно собирались на Уимблдонский турнир и радовались удачному удару князя Вольфганга.

— Выпустите меня отсюда! — крикнула Ко. — Я не могу здесь больше стоять!

Ворона сорвалась с плеча князя и, оглушительно хлопая крыльями, полетела в темноту.

— Ах, как грустно, как грустно! — отозвался Вольфганг дю Вольф. — Но я должен был быть готов к такому поведению нашей невесты. Она очень волнуется, она влюблена в моего племянника, она жаждет объединиться с ним под одним одеялом. И главное — она ждет встречи с любимым папочкой, который бросил ее много лет назад! Сейчас мы разбегаемся по каютам и готовимся к свадьбе, к большому,скреннему и добруму празднику! Через два часа мы ждем всех в главном зале корабля. Опоздавшие будут безжалостно выпороты. Я кончил. А ты, Вероника, оглянись и погляди еще раз на Кларенс. Не правда ли, вы с ней похожи?

* * *

В каюте Ко ждала темнокожая муха, которая показалась ей еще более тонкой, хрупкой и грустной, чем прежде.

— Как ваши раны? — спросила она, глядя на девушку выпуклыми глазами, поделенными, как у стрекозы, на множество ячеек, отчего свет ламп, отражаясь от них, придавал глазам особый многоцветный блеск.

Муха перехватила взгляд Ко и заметила:

— Именно мой взгляд показался ему экзотичным.

А я поверила в его любовь и осталась с ним, когда мой рой улетел в теплые края. Теперь мне отрезан путь назад.

— А были бы вы счастливы, оставшись среди своих? — спросила Ко.

— Нет, ни в коем случае! — ответила муха. — Я вырвала из первобытного мира насекомых. Пускай мне будет хуже, но я нахожусь рядом с ним, кого я люблю и ненавижу.

— Вы все еще любите господина Вольфганга?

— Я его ненавижу, но не могу побороть мою первую любовь, — призналась муха.

Говоря так, она вытащила из кармана на груди белого халата блокнот и острым коготком написала на нем:

«Комиссар передает: Земля надеется, что вы выполните свой долг».

Докторша протянула блокнот Ко, и та, взяв с полочки у зеркала булавку, нацарапала на вновь победившей странице:

«Я никому ничего не должна».

Надпись продержалась на листке несколько секунд, а когда побледнела и пропала, муха написала на чистом листке: «Комиссар Милодар надеется, что вы помните об ужасной смерти ни в чем не повинного Артема, о горе вашей подруги Вероники, а также о чести Детского острова».

— Последнее — совершенно лишнее, — сказала вслух Ко, и муха испугалась: глаза ее стали втрое большие и концы крыльев, показавшихся из-под белого халата, мелко дрожали.

«Не забывайте, нас подслушивают, — написала муха, — Комиссар активно ищет ваших родителей. Выходите замуж, не бойтесь ничего — комиссар мысленно проведет ночь возле вашей брачной постели. В случае чего — визжите! Жених не посмеет вас коснуться. Вам поможет в этом доктор».

— Вы поможете? — спросила Ко.

— Всему свое время. Но можете на меня положиться, — скромно ответила муха.

«Кто такая Кларенс? Почему ее убили?» — написала Ко.

«Она была акробаткой в цирке. Они хотели использовать ее для той же цели, что и вас. Но когда профессор Дю Куврие разгадал их замысел, они подстроили несчастный случай и убили Кларенс, чтобы она их не разоблачила».

«Как же можно, чтобы чучело человека хранилось в музее?»

«Ничего не знаю о чучеле. Никогда не слышала о музее, — написала в ответ муха. — При встрече дождите об этом шефу».

— Ваши ранки зажили, — сказала докторша вслух. — Так что я вам больше не понадоблюсь.

— Но я так волнуюсь, доктор, — произнесла дрожащим голосом Ко. — Я попрошу вас дать мне каких-нибудь средств от страха.

— Примите две таблетки перед ужином, — сказала докторша и положила пачку таблеток на столик у постели Ко.

И тут же написала на листке своего блокнота:

«Киньте две таблетки в стакан молока вашего жениха. Он будет спать, как муха зимой».

Ко оценила юмор докторши и искренне произнесла:

— Вы просто не представляете, как я вам благодарна. Теперь все мои страхи позади.

С тихим жужжанием муха вышла из комнаты. А может, Ко показалось, что докторша на ходу жужжит, потому что обычно мухи жужжат.

Так как известно, что подвенечное платье было приготовлено для несчастной Кларенс и промокло от ее крови, Ко отправилась на свою первую свадьбу в том платье, в котором выходила к завтраку. Очевидно, запас платьев ее размера был на «Сан-Суси» ограничен. Правда, облизанная Клава и две фотомодели, от которых пахло мускатом и ванилью, где-то раздобыли себе поистине роскошные туалеты, но Ко им не завидовала, потому что, несмотря на свой юный возраст, обладала острым трезвым взглядом и

этот взгляд убедил ее, что она превосходит остальных девушек на борту княжеского корабля красотой, элегантностью, изяществом, классом и прочими женскими достоинствами, которые природа раздает скучно и весьма неравномерно. Девушки делали вид, что этого не понимают, а сам князь Вольфганг дю Вольф в очередной раз выразил свое восхищение Ко, сказав:

— Какая жалость, что ты не сладкая. Но ничего, после свадьбы приобщим.

Ко согласилась. Излишние споры с сумасбродным тираном ей не требовались.

В большом зале под хрустальной люстрой собрались все население «Сан-Суси», не считая, конечно, команды и охраны. Среди приглашенных Ко увидела капитана Брасса и помахала ему. Он отдал ей честь, улыбнувшись до ушей.

— Ты куда красивее, чем была раньше, — сообщил он.

Стол убрали, под ножки кресла, на котором обычно сидел князь, положили несколько толстых томов из штурманской библиотеки, и потому князь значительно возвышался над толпой придворных.

Ко стояла рядом с женихом, который был облачен во фрак, с бабочкой на шее. От него пахло сладкими духами.

— Берегись, — сказала Ко, когда он взял ее под руку и повел к трону. — Как бы князь не принял тебя.

— Не понял, — прошептал в ответ жених.

— Ты слишком сладко пахнешь. Можешь попасть в фавориты.

— Я к этому и стремлюсь, — цинично заявил молодой человек.

— Он тебе не родной дядя?

— Он мне такой же дядя, как я тебе велосипед, — загадочно ответил жених. — Я на него работаю.

— А как они тебя переделали в Артема на Детском острове? Они сделали тебе пластическую операцию?

— Что! Что ты имеешь в виду? Почему операция?

И тут Ко поняла, что слишком успокоилась и трагически проговорилась.

— Я пошутила, не слушай меня, — сказала она быстро. Но глаза жениха стали холодными и злыми. Он ей не поверил. Ну как можно не следить за собой! Комиссар Милодар не захочет ее знать после такой легкомысленной оплошности.

Князь Вольфганг захлопал в пухлые ладоши.

— Сладкие мои, медовые, вишневые! Давайте поскорее покончим со свадьбой и примемся за пир. Что может быть приятнее на свете, нежели нарушение всех христианских заповедей. Слава прелюбодеям! Слава чревоугодникам!

Он не сказал — слава убийцам, хотя он, конечно же, был пригорным убийцей. Ко перехватила его расчетливый, на мгновение помутневший взгляд. Взгляд был липким, словно князь уже мысленно облил ее горячим сахаром и сделал из нее очередной леденец.

— Бумаги, дайте сюда бумаги! — закричал он. — Что же вы медлите!

Обер-камергер протянул князю папку. Тот открыл ее на обтянутых лосинами круглых ляжках.

— По желанию молодых людей, которых я спас от заточения на проклятой Земле, я решил данной мне богами и людьми властью подарить им счастье. Поэтому я разрешаю вам вступить в брак на борту моего флагманского корабля «Сан-Суси». И прошу учесть, что брак совершается в присутствие многочисленных членов моей свиты и офицеров корабля, так что он будет признан в любой нотариальной конторе Вселенной и если кто-то из вас, молодые люди, разочаруется и отступит от данного здесь слова, то он в лучшем случае бесславно погибнет, оставив все свое имущество супругу. Ясно?

Ко пожала плечами. Речь совершенно не соответствовала моменту, но она и не слушала. В маленькой серебряной сумочке лежал флакончик с облатками, выданный Ванессой. Сама докторша вползла по потолку из соседнего зала и замерла у притолоки. Белый халат свисал вниз, словно занавеска.

— Мой дорогой подданный, мой названный племянник, временно принявший на Земле кличку Артем Тер-Акопян, а на самом деле проходящий по нашим документам как Артур дю Гросси, согласен ли ты взять в жены Веронику дю Куврие?

— Согласен, — громко, как на параде, ответил жених. Он взял Ко за пальцы и потянул к себе. За сверкали вспышки фотоаппаратов.

Снимайте, снимайте, думала Ко, чем больше будет снимков на память, тем легче мне будет доказать, что я не Вероника дю Куврие. Так что мой брак недействителен. Хотя до какой-то степени я выскочила замуж раньше всех остальных девчат в нашем классе. Правда, чем это пахнет на самом деле, я пробовать не намерена... Но многие бы лопнули от зависти. Еще бы — сбежала с проклятого острова Кууси, от госпожи Аалтонен и ее учителей, летала на настоящем роскошном космическом корабле, знакома с настоящим тираном, а твой первый муж — один из самых красивых парней, которых тебе приходилось видеть не только на острове, но и в иллюстрированных журналах.

— Говори же! — крикнул князь Вольфганг.

— Что? — удивилась Ко.

— Я же спросил: согласна ли ты связать свою оставшуюся жизнь с Артуром дю Гросси?

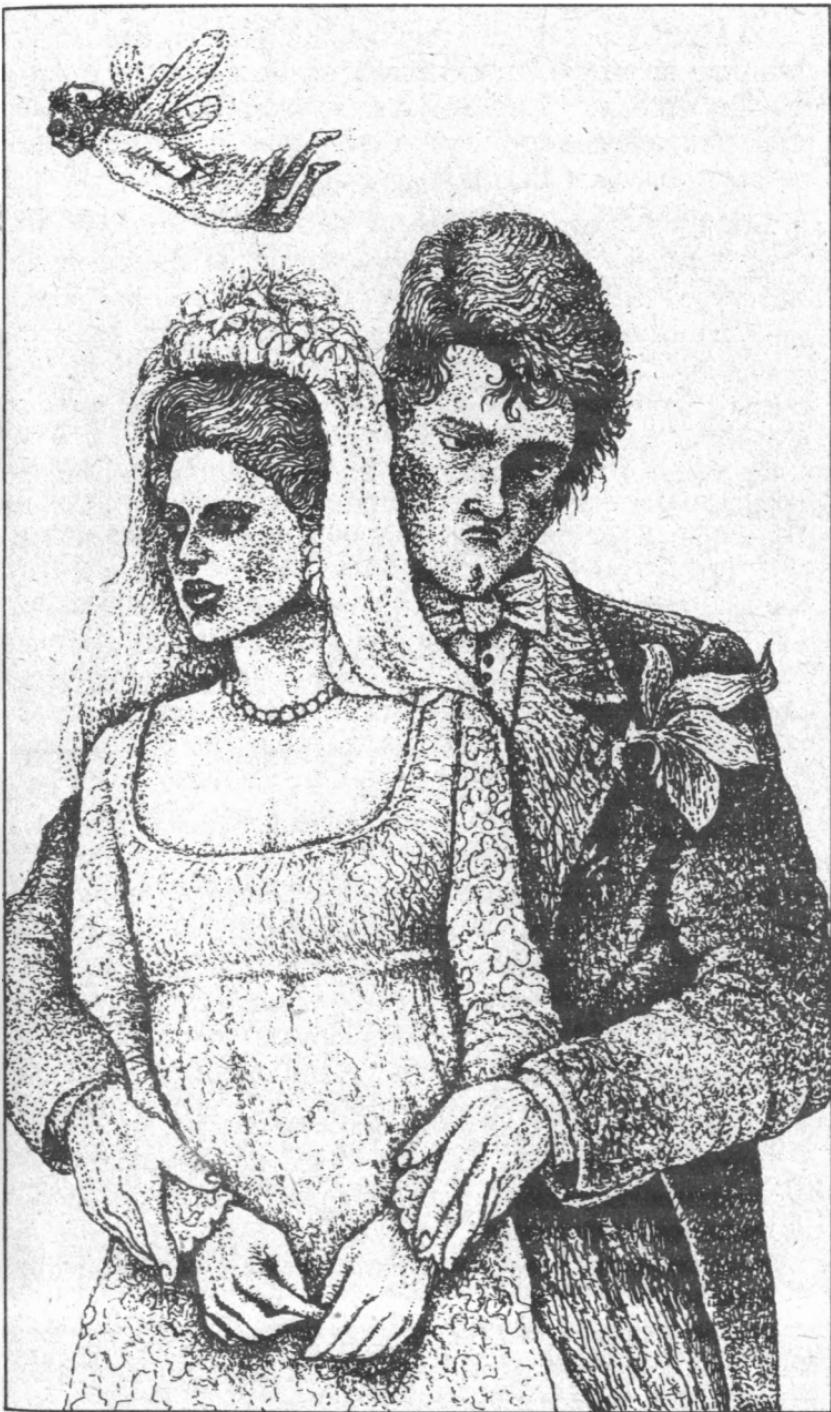
— Вы кого спрашиваете? — как можно глупее задала вопрос Ко.

— Я спрашиваю тебя, идиотка, тебя, Веронику дю Куврие.

— Я, Вероника дю Куврие, — сказала Ко как можно яснее и громче, — согласна отдать руку и сердце Артему Тер-Акопяну. Только я несовершеннолетняя. И потому не уверена, является ли наша процедура законной.

Ко отлично понимала, что эти слова на бандитов не подействуют. Но подразнить их хотелось.

— Сладкая моя, — воскликнул князь Вольфганг. — Как тебе повезло! Мои законники подготовили желанный для тебя документ.

Он протянул руку в сторону, и обер-камергер вложил в толстые пальцы владельца свиток желтой бумаги. Князь развернул его и, не скрывая улыбки, прочел:

«Удостоверение

Сим удостоверяется, что на настоящий момент девица Вероника дю Куврие, рожденная на Марсе тринацатого октября две тысячи сто семидесятого года, то есть семнадцать лет и три месяца назад, отныне считается совершеннолетней, имеет полное право спать с любимым мужчиной, зачинать детей и делать аборты и выкидыши, если ей это вздумается».

Подписано: *Князь Вольфганг дю Вольф, владелец Сребуса.*

Медицински удостоверено: *Доктор Ванесса дю Инсектида.*

Князь обернулся.

— А где наш любимый доктор?

— Я здесь, — слабым голосом откликнулась с потолка докторша.

— Ты подтверждаешь, мое насекомое, законность документа?

— Я подтверждаю, — сказала докторша и поползла по потолку к выходу.

— Тогда, Вероника, и делай сегодня ночью с моим племянником, что тебе вздумается. Только не замучай его до смерти, он нам еще пригодится.

Тут князь расхохотался, и ему в тон захохотали все присутствующие в зале. Придворные хохотали громко и весело, стараясь, чтобы князь заметил, как они радуются шутке, а фотомодели и сладкие девицы лишь криво усмехались, так как смертельно боялись, что не сегодня завтра у князя появится сладкая любовница — Вероника дю Куврие.

Ко забрала свидетельство о совершеннолетии и вежливо поклонилась князю.

— А теперь — за пир, за сладкий и веселый пир, господа! — закричал Вольфганг дю Вольф. — Иначе я лопну от жалости к себе или усохну от голода.

Широко раскрылись двери, и слуги вкатили в них длинные столы на колесиках. Столы были уставлены блюдами, сотейниками, кастрюлями и тарелками — начался пир в честь бракосочетания Вероники до Куврие неизвестно с кем. Ведь если Артем это не Артем, то не исключено, что имя Артур дю Гросси — тоже липовое.

* * *

В разгар свадебного пира князь Вольфганг, который в одиночку сожрал торт размером с автомобильное колесо, наклонился к уху Ко, которая сидела справа от него, и прошептал, выплевывая куски нежного крема ей на левое плечо:

— Смотри, что я сейчас сделаю. Только молчи.

Не переставая пожирать торт, розовый князь вытащил из верхнего кармашка махонький пузырек и, когда сидевший по левую руку от него Артур дю Гросси отвернулся, привлеченный соблазняющей улыбкой фотомодели, он насыпал из пузырка в полный вином бокал молодого супруга несколько крупинок.

— Теперь, — сказал он, — твой благоверный заснет праведным сном сразу после того, как ляжет в постель. Так что можешь спать спокойно и не визжать, не нарушать мир на нашем кораблике.

— Спасибо, — сказала Ко, нащупывая в сумочке таблетки, которые ей дала женщина-муха.

Артур дю Гросси поднял бокал, глядя в фиалковые глаза фотомодели, и та закричала ему через стол:

— До дна, мой крошка!

Жених с удовольствием опустошил бокал, и слуги-тут же наполнили его снова.

Вольфганг с головой ушел в торт, а в это время Ко увидела, как по потолку ползет женщина-врач в белом халате, почти невидимая снизу, тем более что никому не приходило в голову поглядеть на потолок. Когда она оказалась над головой Артура, она точно кинула в его бокал три таблетки. Вино в бокале вспенилось.

Жених взял бокал в лапу и выпил его за здоровье актрисы Клавы, на щеках которой еще оставались следы меда, которые она не смела смыть.

— Я решила подстраховаться, — прожужжала муха, переползая по потолку к Ко. — Твоя честь будет спасена.

Выпив бокал до дна и поморщившись (возможно таблетки были горькими), жених поглядел на Ко.

— Прошу тебя, не визжи сегодня, — ласково попросил он. Глаза его были мутными. — Я так мечтаю овладеть тобою.

— Не удастся, мерзавец, — послышался грудной голос. — Ты обещал, что женившись на мне, еще в прошлом году.

Ко удивленно обернулась и увидела полную статную девушку в скромном платье официантки.

Женщина взяла опустошенный бокал Артура и за его спиной наполнила его снова, а затем, не ставя на стол, высыпала в него какой-то порошок.

— Ты у меня проспиши всю брачную ночь, — злобно прошептала официантка.

Ко сделала вид, что не слышала и не видела ничего подозрительного. Зато, когда во время десерта жених заплетающимся языком сообщил ей, что он, пожалуй, немного перебрал, она сама предложила отправиться в опочивальню.

— Пошли, — согласился жених.

Он попытался поцеловать молодую жену, но промахнулся и поцеловал плечо князя Вольфганга.

— Действуй, — удовлетворенно сообщил князь, — можешь спать спокойно. Тебе нужна помощь?

— Если что, — ответила Ко, — я вам повизжу.

Князь весело засмеялся и принялся доедать торт.

Ко помогла жениху подняться из-за стола.

Сопровождаемые фривольными шутками и пьяными возгласами, молодые покинули зал.

Когда они проходили мимо официантки, та пронзила Ко ненавидящим взглядом.

— Не бойтесь, — сообщила Ко ревнивице, — они уже засыпают.

— Кто, простите, имеет возможность заснуть? — спросил Артур дю Гросси. — Я сейчас быстренько тебя обесчещу — и баиньки, хорошо?

Они вышли в коридор. Один из слуг шел впереди, показывая дорогу к брачному покою. Он открыл дверь и помог Ко довести жениха до постели.

— Вы можете идти, — отважно заявила Ко, когда Артур добрался до ложа.

И была права. Как только дверь за слугой закрылась, молодой муж во весь рост рухнул на кровать и захрапел так страшно, что Ко пришлось, помывшись, перетащить его в ванную и там запереть. После этого она спокойно легла спать.

Правда, чем черт не шутит — она приставила к двери в ванную тяжелое кресло и не стала на ночь раздеваться...

Но никто ее до утра не побеспокоил.

* * *

Артур дю Гросси продолжал спать и утром, когда Ко вышла к завтраку, за которым была любезна, мила и ничем не показывала, что смущена или расстроена ночными приключениями. Спал он и днем, когда корабль «Сан-Суси» опустился на Марс, где, по уверению князя Вольфганга, Вероника должна была встретиться со своим отцом.

Так что очередную воспитательную беседу с молодой женой провел сам князь Вольфганг. Он ел варенье и напомнил Ко старинную иллюстрацию к классической книжке про малыша Карлсона, который живет на крыше и ест варенье. Тот выпыгивал у своего друга банки с вареньем и опустошал их дюжинами.

— Варенье, — сообщил дю Вольф, — обязано быть домашним. Ты должен ощущать, как каждую ягодку в нем держали пальцы женщины — прекрасные, сладкие пальцы, измазанные соком. Каждую ягодку они ласкали, прежде чем бросить в сахарный кипяток. Кстати, стоит сказать мне спасибо за то, что я спас тебя ночью.

— Спасибо, — коротко ответила Ко, не вдаваясь в детали.

— Что-то он давно спит, — проницательно заметил Вольфганг. — Может, ты тоже чего-то добавила?

Ко пожала плечами.

Рабочий кабинет Вольфганга был сделан в виде старинного подвала с полками по обеим сторонам. На полках стояли банки, бутылки, мешки и коробки с вареньем, сиропами, орешками, конфетами и иными продуктами, совершенно необходимыми для нормального функционирования княжества.

Сам Вольфганг зачерпывал варенье столовой ложкой, отправляя в рот, сложив губы бантиком. Он был совершенно сказочным, добродушным, милейшим персонажем, если бы не был при этом жестоким убийцей.

— Даже не знаю, — сказал он, облизывая ложку, — как тебя теперь называть. Вероникой дю Куврие или мадам дю Гросси?

— Для моего папы это играет роль?

— Может быть, может быть... ты его не помнишь?

— Вряд ли. Как вы знаете, мне было чуть больше двух лет, когда меня нашли в помойном ящике в Нью-Йорке. Я плакала и пыталась выбраться из него.

— Перестань сейчас же! Еще не хватало, чтобы каждая девчонка портила мне аппетит! Не думай, что я жру сладости, потому что я дурак. Я жру их, потому что у меня ненормальный метаболизм. Моему организму требуется постоянное вливание сахара. Без сахара мой мозг голодает, и я катастрофически глупею. Как-то мне пришлось неделю прожить без сладкого, и я забыл, сколько будет дважды два. Но я достаточно умен, чтобы превратить обыкновенную нужду в постоянный праздник с эротическим уклоном. Как-то я обмазал малиновым сиропом одну непослушную женщину, и ее положили возле осиного гнезда. Ты бы видела, как она распухла перед смертью! Впрочем, о чем я?

Ко преодолела приступ тошноты и, с трудом взяв себя в руки, попросила:

— Мне предстоит встреча с отцом. Может быть, расскажете, как вы его отыскали?

— Дело в том, что я в самом деле люблю моего непутевого племянника. Артур — шалопай, и я хочу устроить ему счастье. Пускай женится на богатой невесте и остынет. Хочешь варенья, умница?

— Нет, спасибо.

— Мне никто никогда не отказывает.

— Но ведь вы позвали меня не для того, чтобы вдвоем есть варенья?

— Мои мысли — загадочны. Мои поступки нелогичны, мои решения ведут к трагедиям. Ты в самом деле полюбила моего племянника?

— Я увлеклась им на Детском острове. Сейчас... не знаю.

— Мне приятно, что ты мне по крайней мере не врешь. Мне все врут. Одни из корысти, другие от страха. Он тебе кажется другим?

— Вот именно. Он совсем другой. Как будто моего Артема подменили... Ваш Артур даже не знает простых вещей, которые знал Артем. Как это можно объяснить?

Ко была сама доверчивость. Но князь не был готов ответить взаимностью.

— Так нельзя говорить о законном муже, — ответил он и с сожалением отставил банку. Он кашлянул, и тут же из глубины подвала возникла знакомая Ко официантка, которая несла большую дымящуюся кружку черного кофе. Запах был сказочно приятен. На Детском острове кофе был жидким, без кофеина, так как госпожа Аалтонен полагала, что дети слишком возбуждаются от настоящего кофе. Ко захотелось, чтобы ее тоже угостили этим приятным напитком, но никому это не пришло в голову. Тем более что официантка смотрела на нее взглядом гюрзы, которая еще точно не знает, как лучше вонзить свои ядовитые зубы в пробегающего мимо тушканчика.

— Законный муж подарен тебе богом, то есть мною, — сказал Вольфганг, отхлебывая кофе. — Он как судьба. Единственное, чем я могу тебе по-

мочь, — придержать его на расстоянии от тебя, пока ты не воссоединишься с папашей.

— Спасибо, — сказала Ко. — Я даже не ожидала от вас такой заботы.

Князь задумчиво почесал тугой, обтянутый лиловым халатом, живот.

— Я буду с тобой откровенен, — ответил он. — С детьми и девушками откровенность часто окупается. Ты мне понравилась. Как ты смотришь на то, чтобы стать моей самой сладкой девочкой?

— Что это значит? — Ко догадалась, что это значит, но предпочла показать себя непонятливой.

— Когда станешь, узнаешь, — засмеялся князь. — Не разочаруешься. Многие через это прошли, все потом меня благодарили.

— А мой папа? Мой папа будет недоволен. — О муже она не стала говорить: ясно было, что он пешка в руках князя.

— Ты взрослая, замужняя женщина, — сказал князь. — Твой папа, как разумный человек, согласится с твоей личной жизнью. Иначе мы... иначе мы подадим на него в суд! — Такое решение позабавило князя. — Профессор дю Куврие! Ихтиолог и филателист! Судится с князем Вольфгангом дю Вольфом по поводу морального уровня его дочери, мадам дю Гросси. Представляешь?

— Мой папа — профессор?

— Профессор, профессор... и отличается слабым здоровьем. Так что его надо беречь. И чем позже он узнает, что его дочка уже замужем, тем лучше для его здоровья!

— Я не понимаю, почему я должна врать.

— По той причине, — пояснил князь, — что твой отец подозрительная недоверчивая сволочь. Он один раз чуть было не получил от меня дочку, теперь на воду дует. Он полагает, что я, князь древнего рода, могу быть мошенником и обманщиком! Какая подłość!

Князь расстроился и принял ходить по комнате, заложив за спину тугие розовые руки.

— А что случилось? — спросила Ко, которая к сожалению, догадывалась о том, какой ответ получит.

— Мы ошиблись, — восхлинул князь. — Ну, каждый может ошибиться! Мы нашли девочку, ее звали Кларенс. Мы искренне, повторю — искренне хотели сделать лучше, хотели подарить этому мерзавцу потерянную дочь!

Слово «искренне» вылетало из уст князя, как отравленная пуля. Его толстые губы отказывались признести это слово. И любому младенцу стало бы ясно, что во всей Вселенной не найдешь человека, столь далекого от искренности. Князь лгал всегда, когда нужно и когда не нужно... Конечно, Ко не могла знать о том, что в детстве, когда князя звали просто Карлушей, он был славен своей лживостью. Его собственная мама рассказывала, что когда подошло время его родить и она подготовилась к этому, то по истечении всех положенных сроков она услышала тонкий младенческий голосок: «Я уже родился, мамочка!» Мамочка поверила невинному младенцу и встала с ложа. И что же оказалось? Он ее обманул! Он еще не родился и лишний месяц пробыл в утробе матери, где было тепло и уютно, сытно и можно было спать в свое удовольствие. С тех пор Карлуша, а потом и князь Вольфганг делал все только ради собственного наслаждения. Ради этого он лгал, убивал и мучил других. Зато ему самому такая жизнь нравилась.

— И что же случилось? — Ко сразу представилось чучело девушки с аквамариновыми зрачками.

— Документы оказались не в порядке, какие-то сомнения появились у профессора, и он устроил этой глупой акробатке такой допрос, что она раскололась и призналась, что никакая она не дочка, а просто выполняет мою просьбу. Профессор был в бешенстве! Он хотел обратиться в полицию! Он хотел возбудить против нас с Артуром уголовное дело... — Тут князь замолчал, сделал паузу, прикрыл глаза рукой, всхлипнул и закончил так: — Пришлось

девушку ликвидировать... Мы не могли себе позволить разоблачений.

— Улетели бы просто так, — сказала Ко, — зачем убивать?

— Она была виновата. Она меня подвела, — отрезал князь. — Виноватые должны быть наказаны. Надеюсь, ты это усвоила.

— Если мой папа такой плохой, почему же вы снова стали искать ему дочку?

— Случайность, — отмахнулся князь. — Чистая случайность. Артурчик встретил тебя, влюбился, женился... так бывает в жизни.

— И оказалось, что я — дочка профессора?

— На этот раз без обмана. Все чисто, комар носа не подточит. Мы нашли настоящие документы. Можешь плясать и радоваться! Ты нашла своего папу!

Князь вновь изобразил на лице умиление.

— Как же вы это сделали? — спросила Ко. — Мой отец вам не поверит.

— На этот раз у нас есть твои генетические карты. Мы получили их на Детском острове. У нас там был свой человек.

— Генетические карты?

— Генетику невозможно обмануть. И если сверить твои генетические карты и карты твоих родителей, то можно уверенно сказать, кто чей сын, а кто чья мама. Но все равно тебе придется постараться и быть хорошей девочкой. Нам понадобилось немало усилий, чтобы он согласился на новую встречу с ними. Он еще не признал тебя, и многое зависит от того, как ты будешь себя вести.

— Как мне хотелось бы верить вам, князь! — вырвалось у Ко.

— А ты верь, верь!

— Что вам нужно от профессора Куврие? — спросила Ко, понимая, что этот вопрос задавать не следовало. — Его деньги? Его дом? Или тут скрывается еще более сложный и зловещий заговор?

— Молчать!

— Почему я должна быть игрушкой в ваших руках? Ведь вы выбрасываете игрушки, когда ими наиграетесь!

— Не терплю возражений! — рявкнул Вольфганг и кинул кружку, наполовину налитую горячим кофе, под ноги Ко. Кружка раскололась, горячий напиток плеснулся на туфли и щиколотки девушки. Было горячо, больно и противно, потому что кофе был сладким, как сахарный кисель.

Ко вскочила — но было поздно.

Князь добродушно засмеялся. Потом оборвал смех и сказал:

— Ты будешь меня слушать?

— Нет, — ответила Ко и пошла прочь из комнаты.

Князь не сразу кинулся за ней. Видно, ее поступок был слишком неожиданным для него.

— Как? — крикнул он вслед... — Как ты смеешь? Назад!

Но Ко уже была в коридоре.

Тяжелый топот и рев медведя раздались сзади.

Ко предпочла не ждать, пока ее растерзают. Она побежала к своей каюте. Вряд ли кто-нибудь придет ей на помощь, кроме самой себя, — муха не в счет, ее можно переломить одним ударом кулака.

Ко успела запереться в каюте за секунду до того, как Вольфганг дю Вольф настиг ее. Она закрыла дверь на старомодную, но надежную задвижку, а хозяин корабля принялся молотить в дверь ногами, кулаками и, возможно, головой.

Сквозь дверь были слышны голоса — видно, там собрался весь экипаж и свита князя. Хотя нет, не вся... кто-то продолжал вести корабль на посадку.

— Внимание, — послышался голос по внутренней связи. — Корабль «Сан-Суси» совершает посадку в космопорте Марсвилля. Всех пассажиров корабля просим занять свои места в каютах и пристегнуться к койкам, чтобы не получить травм при резком торможении.

Тут же удары в дверь прекратились, крики стихли — нападающие во главе с князем разбежались по

своим каютам. Видно, князь не стал отменять посадку из-за своего столкновения с непослушной девицей.

Вскоре корабль начал резко тормозить, и Ко, которая лежала на койке, закрыла глаза, — она всегда плохо переносила посадку на старомодных лайнерах, которые не имели гравитационных компенсаторов. Видно, «Сан-Суси» был старше, чем казался.

Вот и удар. Корабль замер. Прилетели. Добро пожаловать на Марс.

— Добро пожаловать на Марс, — произнес голос в динамике. — Пассажиры и уважаемые джентльмены и леди могут отстегнуться и привести сёбя в порядок. Нас ждут марсианские развлечения и веселый отдых.

Может быть, и так, подумала Ко. Но для меня впереди — лишь испытания.

Кто на самом деле отец Вероники? Не догадается ли он, что его дочь подменили? А если догадается и сообщит об этом Вольфгангу, тот не будет церемониться с Ко. И может повести себя так, что никакой Милодар не успеет ей на выручку.

* * *

Ах, Марс, Марс!

Давно ли ты был красной пустыней и писатели-фантасты посвящали тебе дурно написанные романы, в которых злодействовали краснокожие загадочные и зловещие жители безводных и безвоздушных песков. Давно ли всю Землю охватило горькое разочарование от того, что на Марсе не оказалось не только разумной — никакой жизни!

Еще вчера писатели и кинорежиссеры успешно пугали этой жизнью землян, а сегодня вздох разочарования прокатился по нашей планете: наш брат Марс оказался 'безвоздушным и безводным'!

Но недолго пришлось Марсу оставаться беспризорной Золушкой Солнечной системы. Обнаружилось, что уменьшенная сила тяжести на Марсе полезна для пенсионеров, а климат под громадными прозрачными куполами, что были возведены там во второй по-

ловине XXI века, можно было сделать идеальным — в меру тропическим и в меру умеренным. Небольшие озера прогревались лучами далекого солнца, которому помогали искусственные звезды, горевшие в районе Фобоса.

На Марс поначалу могли попадать лишь состоятельные пенсионеры и потому обстановка там была спокойной и мирной. Вскоре к ним присоединились те из строителей и создателей марсианского рая, которым не хотелось возвращаться на бурную и все еще загрязненную Землю. Затем к ним присоединились садоводы и пасечники — по мере того, как были обнаружены и использованы подземные марсианские моря, Марс превратился в житницу Солнечной системы. Житницу для тех, кто хотел и мог позволить себе питаться экологически стерильной пищей.

Некоторые из марсианских куполов были отведены для туристов и отпускников с других планет, и в глазах добропорядочных жителей Марса они казались источником разврата. О них принято было говорить неодобрительно и искать в них даже больше недостатков, чем они имели на самом деле. Но эти «источники разврата» на самом деле Марсу были нужны и выгодны: полет на Марс и жизнь в роскошном чистом отеле на берегу чистого голубого озера, где на десерт подают клубнику со взбитыми сливками, стоит недешево — и эти деньги уходят на то, чтобы лучше жилось марсианским пенсионерам.

«Сан-Суси» прилетел на Марс с неофициальным визитом и опустился у подземного прохода в купол «Парадайз-Смоук». Там собирались просаживать свои денежки в азартные игры придворные Вольфганга. Других привлекали теплые купания в газированной воде, третьих — экскурсии в недавно разведененные джунгли, в которых все было настоящим, даже змеиные укусы.

Когда корабль замер на отведенной ему стоянке, Ко поднялась и подошла к двери. В дверь скреблись.

— Предупреждаю, — заявила Ко, — я буду сопротивляться. Живой я вам не дамся.

В дверь поскреблись снова. Это было не похоже на манеру князя.

Ко рискнула и приоткрыла дверь. Там никого не было. Ко выглянула наружу и чуть не умерла со страха: кто-то осторожно коснулся ее затылка.

Ко села на пол и поняла, что сверху, с потолка на нее виновато смотрит темнокожая муха.

— Извини, — прошептала она. — Вам просили передать, чтобы вы не делали глупостей и не сопротивлялись. Сегодня все решится. Наши враги договорились о встрече с вашим отцом.

— С отцом Веро... — Но тут Ко оборвала себя. Пожалуй, неизвестно, что можно знать докторше, а что нельзя.

— Подчиняйтесь, — прошептала в ответ муха и быстро поползла по потолку в сторону своего кабинета.

Ко не успела закрыть дверь в каюту, как в коридоре показался ее жених. Был он сонный, глаза мутные, движения неуверенные.

— Привет, жена, — сказал он мрачно. — Кажется, я перепил вчера и не мог тебе показать, где раки зимуют. Но ты не беспокойся. Сегодня наверстаю.

Утвердившись таким образом в роли настоящего мужчины, Артур сказал:

— Князь тебя видеть не хочет. Злой на тебя, как волк на зайца. Скорее всего, ты пойдешь к папаше со мной вдвоем. Все как в лучших семействах. Надень платье попроще, но чтобы со вкусом. Там в шкафу осталось от Кларенс.

— Я не хочу платья от Кларенс.

— Тогда кончишь, как Кларенс, — любезно ответил муж.

— Я вот смотрю на тебя и думаю, — заметила Ко. — Кто самый близкий для женщины человек, дороже отца с матерью, дороже родины?

— Кто? — не догадался Артур дю Гросси.

— Муж, — ответила Ко. — Муж — самый близкий и дорогой человек. Вчера я вышла за тебя замуж. Я уже не говорю о том, как ты вел себя ночью, напившись, как свинья. Но сегодня, вместо того,

чтобы радоваться нашей встрече, ты грозишь мне смертью!

— Ну нет... — Артур растерялся от неожиданного выговора, — я, в общем, сама понимаешь, я против тебя ничего не имею. Но служба прежде всего...

— Какая служба, мой дорогой? — спросила Ко. — Ты служишь лишь нашей любви.

— Это конечно, это разумеется... В общем, одевайся и спускайся к выходу.

— Пришлите мне достойное платье.

— Откуда я возьму его? — Муж схватился за возможность рассердиться. Так ему было легче.

— На борту полдюжины бездельниц — пускай одна из них одолжит мне платье. Только чтобы оно было скромным.

— Но они же не послушаются меня!

Ко не заметила, как из-за угла вышел сам Вольфганг и остановился в десяти шагах, потому и слышал конец беседы между молодоженами. За его спиной стояли камергер и силач.

— Вероника говорит дело, — заявил он. — Я сам подумал, что платье Кларенс надевать для визита к профессору до Куврие опасно. Он мог запомнить, что у него уже побывала дочка в таком платье. Что мы их, штампуем, что ли?

Князь вытащил из кармана плитку шоколада и принялся, шурша фольгой, разворачивать ее.

— А ну-ка, камергер, прикажи моим сладким девочкам тащить сюда свои самые скромные платья. Даю тебе на конфискацию три минуты. А тебе, — он обратился к Ко, — на сборы и одевание — еще пять минут. Затем тебя будут ждать у выхода. Минута промедления — жестокое наказание, две минуты — смерть! Поняла?

Ко сделала шаг назад и прикрыла за собой дверь.

Она заперлась в тесном душе и, когда в дверь постучали, крикнула:

— Положите все на койку!

Больше ее никто не тревожил.

Когда Ко вышла из душа, она обнаружила, что охрана князя постаралась на славу. Наверное, сладкие де-

вицы сидят сейчас по каютам и проклинают тот час, когда на корабле появилась эта выскочка, — выйти на Марс им не в чем. Пышной горой на койке высились платья, платьища, брюки, юбки, блузки, лифчики и прочие детали туалета полудюжины актрис и фотомоделей, которые послушно сопровождали князя Вольфганга в его путешествии.

Для Ко, которая вовсе не испытывала угрызений совести из-за того, что остальные красавицы вынуждены терпеть в раздетом виде, далеко не сразу удалось отыскать платье, в котором робкая и невинная девушки могла предстать перед очи своего строгого папы, о котором ровным счетом ничего не знала, даже не знала, на самом ли деле он чай-нибудь папа. Но в конце концов Ко выбрала юбку двухметровой Каролины ван Спасс, которая на Каролине выглядела фиговым листочком, а Ко годилась в качестве короткой, вполне приличной спортивного вида юбочки. С блузкой было легче, туфли — сразу отыскались по ноге.

Так что через пять минут Ко смогла выглянуть наружу уже совершенно одетая и сообщить собравшимся в коридоре обнаженным красавицам:

— Можете забирать ваши тряпки, сладкие мои.

Скрежеща зубами, но проглотив бранные слова, потому что за их спинами, поигрывая плетками, стояли силачи в надежде пустить их в ход против обнаженных ягодиц, красавицы ворвались в каюту и принялись, визжа и царапаясь, делить свое имущество, а Ко прошла к выходу из корабля, где ее уже ждали не только муж, но и князь Вольфганг. Князь остался весьма доволен Ко, о чем сообщил в своей шумной и лживой манере:

— Сладкая ты моя, так бы и женился на тебе сам!

— Успеете, князь, — откликнулся Артур дю Гросси, и по взгляду князя Ко поняла, что и ближайшей ночью Артуру придется снова сладко спать, приняв снотворное.

Они прошли узким коридором до космопорта. Там их ждал небольшой оркестр, как полагается при встрече князей, и местный чиновник средней руки,

который приветствовал нежданных гостей от имени и по поручению марсианских властей.

— Обрати внимание, — заметил князь специально для Ко, которую не отпускал от себя дальше чем на шаг, — я никогда не совершаю преступлений. Я принят в лучших обществах мира, соседние планеты и государства высылают для встречи меня оркестры. И пускай они за моей спиной шепчутся о том, что я тиран и даже, может быть, убийца, я не более тиран и убийца, чем они сами. Мы оставляем трупы дома, в шкафу... или в музее. Куда посторонним вход воспрещен. У нас, правителей планет и государств, свои правила игры — вам их знать не положено.

— Спасибо, князь, — ответила Ко, которая в те минуты чувствовала себя совсем старой, может быть, уже двадцатилетней. Она все понимала и всему знала цену. — Спасибо за то, что просветили меня и до сих пор позволяете ходить по земле живой. Очевидно, я вам еще нужна.

— Ты мне еще долго будешь нужна, — жизнерадостно откликнулся Вольфганг. — Даже когда остальных я пошлю на тот свет, ты будешь моим кусочком сахара.

Он весело рассмеялся.

Они миновали зал космопорта. Зал был обширным, старомодным, редкие пассажиры или просто зеваки останавливались, рассматривая разноцветную процессию.

— Когда же мне что-нибудь расскажут? — спросила Ко.

— Тебе ничего не расскажут, — откликнулся ее муж. — Ты узнаешь обо всем через полчаса. Чем больше ты будешь знать заранее, тем опаснее для тебя и для нашего дела. Главное — сама держи язык за зубами. В частности, о наших отношениях. Я твой друг, но не муж.

— Два слова ей можно сказать, — прервал Артура князь Вольфганг. — Ты можешь знать, что когда тебе было два годика, тебя украли у твоего отца. За тебя хотели получить значительный выкуп. И когда его не получили, тебя выкинули.

— А почему не выкупили? — спросила Ко.

— Значит, не стоила ты таких денег, — отмахнулся князь, направляясь к самому большому лимузину, что ожидал у входа в космопорт. За ним последовали камергер и оба силача.

Артур дю Гросси остановился поодаль, не спеша садиться в машину. Ко волновалась. Еще бы: сейчас должен наступить решительный момент ее путешествия. Ведь ей так и неизвестно, зачем укради Веронику, кому понадобилось убивать физкультурника.

Небольшая скромного вида машина остановилась рядом с ними. В машине сидел человек лет пятидесяти, худой, узколицый, с аккуратно расчесанными, разделенными пробором редкими волосами и небольшими черными усами над верхней губой.

Человек нажал кнопку на приборной доске, и обе двери машины со стороны супругов дю Гросси отворились.

— Прошу вас, — попросил человек в машине. — Надеюсь, путешествие было приятным?

— Садись, — Артур помог Ко сесть в машину.

— Я рад видеть тебя, Вероника, — сказал мужчина с пробором, — но я оставляю родственные объятия на потом. Дорога займет несколько минут, так что вы можете расслабиться и отдохнуть.

— Спасибо, профессор, — сказал Артур.

— Насколько я помню, вы уже прилетали ко мне под видом жениха Кларенс. Какая у вас роль сегодня?

— Я друг Вероники, — весело сообщил Артур, больно наступив на ногу жене. Ко поняла намек.

— Чудесные совпадения, — недовольно буркнул мужчина. После чего он замолчал и принял лавировать среди других машин и экипажей, которые заполнили центральную улицу спрятанного под куполом города.

— Вероника, — сказал Артур, которого трудно было удивить даже таким холодным приемом, — нас встречает твой отец. Твой пapa — профессор дю Куврие.

— Я догадалась, — холодно ответила Ко. Она понимала, что должна выказывать недовольство столь

неродственным приемом, но в то же время радовалась тому, что профессор оказался трезвым человеком и не собирается кидаться к новой дочери и прижимать ее к груди.

— Как здоровье Кларенс? — спросил неожиданно профессор.

— Не знаю, — почти сразу ответил Артур. — Она вернулась на Землю. Я ее больше не видел. Боюсь, что никто ее больше не видел. Мне стало стыдно, что я попался на ее удочку!

Ко насторожилась.

— Какая подлая натура! — воскликнул профессор. — Меня потряс цинизм этой маленькой самозванки!

— А в чем дело? — спросила Ко. Момент был вполне подходящий.

— Как, вы не знаете? — удивился профессор. — Я думал, что вам рассказали. В прошлом году ко мне заявилась девица и сообщила, что она — моя пропавшая дочь Вероника.

— То есть я, — вставила Ко.

— Может быть, — холодно ответил профессор. — Так эта бестия придумала жалостливую историю, как она скиталась по детским домам и чужим семьям, разыскивая меня или свою маму. Я почти поверил ей, но все же решил допросить ее по-родственному. Ведь никаких доказательств, кроме ее слов, у меня не было. И когда я нажал на нее покрепче, она разревелась и призналась в обмане. Какая наглость...

Профессор никак не мог успокоиться. Артур был вынужден даже напомнить ему что он находится за рулем и рискует жизнью гостей. Ко было так жалко несчастную Кларенс. Знал бы профессор, где она теперь находится...

— С тех пор я дал себе слово, — заговорил профессор вновь, — если ко мне заявится новая так называемая дочка, я сначала проверю все документы и анализы. Лишь потом мы будем разговаривать по-человечески. Вы меня поняли?

— Это не очень вежливо, папа, — сказала Ко, входя в роль Вероники. Она понимала, что от ее по-

ведения сейчас все зависит. И если они с Милодаром победят, она сможет отомстить князю за Кларенс. — Я ничего у вас не прошу. Мне лишь нужна ясность. Я живу в чудесном детском доме. Я получаю образование. Но когда Артур сказал мне, что добрые люди нашли моего папу, у меня что-то перевернулось в сердце. Я думала, что буду счастлива сама и принесу радость другому человеку.

Ко не могла бы сказать, что отец Вероники ей понравился, но она полагала, что лучше любой отец, чем безотцовщина. Настоящий родитель — как хозяин для бездомной собаки. Это означает, что у тебя будет свой угол и миска. А если порой ты получишь затрещину, значит, тебе временно не повезло. Тому же, кто живет в детском доме, не повезло надолго. Так что Ко считала своим долгом понравиться чужому отцу в расчете на то, что Веронике это пойдет на пользу. И лучше пускай папа не разглядывает ее в упор. А то еще уловит разницу...

— Я искренне тебе обрадуюсь, как только ты докажешь, что ты моя дочь, — сказал профессор. — Но пока у меня нет никаких доказательств.

— Неужели сердце вам не подсказывает, папа? — спросила Ко.

— Нет, — ответил отец, — сердце мне ничего не подсказывает. И как оно может подсказывать, если я не видел тебя с двухлетнего возраста?

— Кто меня украл?

— Милая, не пори чепуху, — остановил Ко муж, — если бы мы знали, кто это сделал, зачем было тебя искать по всей Вселенной?

— Вот именно, — сухо заметил профессор.

Между тем машина профессора миновала разностильные здания игорных домов, музеев, библиотек, казино и отелей и въехала в жилой район, где тесно стояли особняки и коттеджи пенсионеров, окруженные ухоженными садиками и огородами. Многие пенсионеры подрабатывали тем, что разводили экологически чистую морковь и спаржу.

Дом профессора, возле которого тот притормозил, отличался от прочих пенсионерских жилищ своей

очевидной мрачностью. Он представлял собой бетонный куб с забранными стальными решетками узкими окнами. Вход в дом располагался на втором этаже, и к нему вела узкая железная лестница. Вокруг дома не было ни травинки — каменные плиты образовывали гладкую серую площадку, обнесенную сетчатой изгородью с колючей проволокой сверху.

— Вот и мое скромное жилище, — сказал профессор, давая три гудка.

В ответ на них над воротами загорелся луч сканера, который обежал машину, сообщил данные в компьютер, опознавший машину хозяина дома, и ворота медленно растворились.

— Почему бы вам не развести цветы? — спросила Ко, первой вылезая из машины.

— Я ненавижу растительность, — искренне откликнулся профессор дю Куврие. — Она страшно неаккуратная и отовсюду лезет. Земля должна быть ровной и желательно плоской.

— Правильно, — угодливо улыбнулся Артур, которого совершенно не удивила реплика профессора.

— А кошек вы любите? — спросила Ко.

— Я все живое не выношу, — ответил профессор. — И надеялся, что моя дочь пошла в меня.

— Если я ваша дочь, то, значит, я не пошла в вас, — сказала Ко.

— Еще одно разочарование, — ответил профессор, первым поднимаясь по лестнице. — Не первое и не последнее в жизни. Я научился быть философом.

Налетел порыв ветра, встрепал волосы, его редкие, тронутые сединой волосы. Спина у профессора была узкая и согбенная, как могильный холмик.

Профессор остановился перед стальной дверью, ведущей в его дом.

— Это я, — сказал он двери.

Дверь не среагировала на звук его голоса.

— Откройся! — приказал профессор. На двери загорелась красная лампочка. Но она все равно не открылась.

— Черт возьми эту технику! — вскричал профессор, но тут же спохватился, вытащил из кармана гребень и аккуратно восстановил свою прическу. И тут же, будто смилиостивившись, дверь отворилась.

— Узнала, — сообщил профессор своим спутникам. Он первым прошел в дверь, зажег свет, потому что окна пропускали его слишком мало, и пригласил гостей в скучно обставленную комнату, посреди которой стоял стол без скатерти, вокруг — четыре или пять стульев.

— Я вас не угощаю, — сказал профессор. — По крайней мере, пока мы не выяснили с вами отношения. Итак, давайте перейдем к делу. Садитесь и говорите. Первой пускай говорит так называемая дочь.

— Я ничего не знаю, папа, — ответила Ко. — Пускай говорит Артур.

— Вам придется услышать романтическую историю, — сказал Артур.

Он положил перед собой на стол тонкую синюю папку.

— Только покороче, — ответил профессор. — Я очень занят. Мне сегодня нужно разобрать маврикийских динозавров, к тому же я должен надиктовать несколько писем. Так что выкладывайте вашу романтическую чепуху покороче. В двух словах.

— После прискорбной неудачи с Кларенс... — начал Артур.

Профессор поморщился.

— Не надо о Кларенс. Мне противно даже вспоминать об этом.

— Мы продолжали поиски...

— Стойте! — вмешалась Ко. — Расскажите все с самого начала. Как я родилась и куда делась.

— Ты хочешь сказать, что тебе никто и ничего не рассказал? — удивился профессор.

— Ничего.

— Идиоты! — рассердился профессор. — Почему скрывали?

— Мы не хотели специально готовить девочку, — сказал Артур. — Лучше, чтобы все получилось спон-

тенно. Потому что у нас на этот раз нет никаких сомнений.

— Помолчите!

Профессор постучал кулаком по столу, и из стола вылез стакан с газированной водой. Профессор отхлебнул, не предлагая гостям, и заговорил:

— Пятнадцать лет назад, когда моя жена была еще жива, некие негодяи украли нашу двухлетнюю дочку Веронику. Похитители потребовали за ее возвращение миллион кредитов. Такой суммы у нас, конечно же, не было — откуда могут быть такие деньги у простого профессора и домохозяйки? Так что мы обратились в полицию за помощью. К сожалению, у нас здесь не полицейские, а клинические идиоты. В последний момент они спугнули похитителей, и те исчезли вместе с моим ребенком. Моя жена вскоре заболела и умерла, потому что ее организм был крайне ослаблен страданиями. Я постарел на двадцать лет. Но нашу дочь так и не удалось отыскать. Я не раз давал объявления в газеты, обращался в ИнтерГпол, к частным сыщикам... и все безрезультатно. Наша дочь так и не нашлась. Я остался бездетным вдовцом... И вдруг... вдруг в прошлом году я получил письмо от князя Вольфганга до Вольфа, который сообщал мне, что поставил своей целью бороться со злом и несправедливостью, что он якобы откуда-то узнал о том, что мою дочь некогда украли. И что он надеется вернуть мне моего ребенка. Я, должен сказать, обрадовался, потому что в моем доме я чувствую себя одиноко. Плохо коротать последние годы без родных.

Еще бы, подумала Ко. Ты как одинокий рыцарь в замке — кто к тебе пойдет в гости?

— Я согласился, чтобы они приехали и привезли Кларенс, так, по уверению князя Вольфганга, назвали в приюте мою дочь. Вот они и приехали...

— Случилась ошибка, — вмешался Артур. — Роковая ошибка. Это была не та девочка. Все совпадало в Кларенс, за исключением главного, — Артур с прискорбием развел руками.

— Это была самозванка! И вы участвовали в обмане! — Профессор уткнул худой палец в бок Артура.

— Для нас это была такая же неожиданность! — неубедительно воскликнул Артур. — Мы решили загладить вину перед профессором и возобновили поиски. И вот ваша дочь перед вами.

— А вот это мы должны проверить, — проворчал профессор таким голосом, что Ко заподозрила, что он вовсе не рад, что пропавшая дочь нашлась.

— Доставайте ваши бумажки, — сказал Артур бодро. — Мы готовы показать вам генетическую карту Вероники.

— Но смотрите, если вы и на этот раз подсунули мне самозванку, то больше я с вами в жизни не встречусь. Все!

— Мы не боимся разоблачений. Помимо документов у нас есть живые свидетели.

Артур аккуратно снял скрепку и протянул профессору пожелтевший листок.

У Ко замерло сердце. А что если и Вероника не имеет отношения к этому профессору? Тогда ее тоже убьют? Нет, поняла она, убьют тогда не Веронику, а девушку по имени Ко. Вероника-то сейчас в безопасности.

Профессор дю Куврие положил листок с формулами рядом с раскрытым книжкой, также заполненной цифрами. Склонив пегую узкую голову, он изучал ее долго, минут десять. Ко успела трижды проститься с жизнью, когда он отодвигал от себя бумаги, как бы отказываясь иметь дело с просителями.

Наконец он сказал удивленно:

— Странно. Формула крови точно совпадает.

— Я знал, — сказал Артур, щурясь как сырый кот.

— Странно, очень странно... Попрошу вас показать мне отчет об особых приметах ребенка во время поступления в детский дом.

— Пожалуйста, — заявил Артур, не скрывая торжества.

Он протянул профессору еще один, заранее подготовленный лист из папки.

Профессор вытащил листок из кипы бумаг, лежавших перед ним, и принялся их сравнивать. Сравнение его удивило. Он поглядел на Ко.

— Странно, — сказал. — Подделать ваши бумаги заранее было невозможно, так как о содержании моих документов вы не могли знать: в сейф вы не забирались. Не забирались?

— Никто не знал, где вы храните свои ценностей, — уверенно ответил Артур.

Ко понимала, что позиции Артура достаточно твердые. Она была уверена, что Вероника и в самом деле нашла своего отца. Кто-то смог выяснить на Детском острове действительное происхождение девушки, а затем выкрасть ее. Так что теперь Ко стало ясно, зачем была затеяна вся авантюра: убийство Артема, подмена жениха и бегство Вероники с острова. Все это было связано с кражей документов из архива Детского острова — ведь листы в папке Артура дю Гросси явно были взяты там. Кто-то помогал на острове похитителям. Теперь оставалась лишь одна тайна — зачем все это понадобилось князю Вольфгангу дю Вольфу, который, без сомнения, стоял за этой операцией? Больше того, в прошлом году он даже предпринял попытку навязать профессору дочку Кларенс и ошибся, не учтя, что профессор сможет разоблачить подделку. За последний год князь смог хорошо организовать поиски настоящей дочки профессора и в этом преуспел.

— Ну что ж, — произнес профессор, откладывая бумаги в сторону и с интересом, но без теплых чувств разглядывая свою обретенную дочку.

— Чем-то ты похожа на свою покойную мать, которую довела до смерти своим исчезновением, — произнес он после паузы.

— Разве я была в этом виновата?

Профессор не слушал ее. Он резко поднялся — стул на тонких железных ножках опрокинулся и удалился спинкой о цементный пол.

— Оставьте мне все документы, — приказал он. — Я изучу их на досуге. Теперь вы можете идти.

— Кто? — спросил Артур. — Кто может идти?

— Разумеется вы, идиот, — раздраженно ответил профессор. — Зачем вы нам нужны?

— Разумеется, разумеется, — согласился господин дю Гросси, атлет и красавец, родственник князя Вольфганга дю Вольфа, в чем, правда, его молодая жена Ко сомневалась. — Если я вам больше не нужен...

Ко чуть было не схватила мужа за полу пиджака — хоть он был негодяй и обманщиком, все же знакомый. Профессор же, холодный, как сосиска из холодильника, был похож на причесанное насекомое, разумеется бескрылое, иначе такое сравнение было бы оскорблением для милой темнокожей мухи Ванессы.

— Я пошел, Вероника, — сказал, лучезарно улыбаясь, ее муж. — Я позвоню тебе попозже. Ты меня тоже не забывай, как ты знаешь, я остановился в гостинице «Континенталь». Номер шесть.

Это был их общий номер, о чём Ко еще не забыла.

— Спокойной ночи, профессор. — Артур казался вежливым и воспитанным, словно вчера получил диплом Оксфорда.

— Погодите, погодите! — остановил его профессор. — Вы забыли о важной мелочи.

— Я? Забыл?

— Разумеется. Вы сказали, что у вас имеется живой свидетель.

— О да!

— Неужели вы полагаете, что я удовлетворюсь бумагами, которые можно подделать?

— Но как! Они же хранились у вас в сейфе!

— Нет сейфа, в который нельзя было бы забраться.

— Хорошо, — вздохнул Артур, и Ко почудилось во вздохе нечто театральное, отрепетированное. И она догадалась: Артур ждал этого требования профессора и даже рассчитывал на него.

— Когда здесь будет свидетель? — спросил профессор противным голосом старенького обиженного ребенка.

— Это зависит от вас, профессор, — ответил Артур.

— Я вас не понимаю!

— Уважаемый господин дю Куврие, — сказал Артур. — Мы с князем дю Вольфом хотим людям добра. Но мы не настолько богаты, чтобы тратить миллионы на добрые дела. Вы знаете, сколько стоит билет на курьерский рейс с Земли на Марс?

— Представления не имею!

— Четыреста тысяч. И если вы дадите нам эту сумму, то получите своего свидетеля.

— Четыреста тысяч? — Профессор не скрывал подозрений.

— Позвоните в космофлот, — предложил Артур.

— А нельзя подешевле? — сдался профессор.

— Можно подешевле. На туристическом рейсе. Это обойдется вам в триста двадцать тысяч и займет неделю.

— Вы с ума сошли! Какая еще неделя!

— Тогда решайте.

— Подождите. — Профессор вернулся к столу, выдвинул ящик, достал оттуда чековую книжку и с минуту размышлял, борясь с собой. Артур подмигнул Ко.

А Ко вдруг подумала, что, вернее всего, свидетель прилетел на «Сан-Суси» и скрывался там в одной из сотни кают. Потому что его не хотели показывать Ко. В таком случае мошенники Вольф и Артур уже прикарманили солидную сумму.

Профессор выписал чек и сухо произнес:

— Прошу первым же рейсом.

— Завтра после обеда свидетель будет здесь. Фирма гарантирует.

Артур был весел и доволен собой. Очевидно, события развивались по их с князем сценарию.

Профессор проводил Артура до выхода из дома. Ко пришлось провести минуты три в одиночестве. Она крутила головой, заглядывала в темные углы в надежде различить там голограмму комиссара. Неужели он не придет ей на помощь? Но в углах не было ничего, кроме паутины. Наверное, комиссар не может сюда проникнуть. Или, что хуже, потерял след своего агента.

Вернулся профессор и сварливо сказал:

— Ты еще мне не дочка, а уже меня разоряешь.

— А кто просил вас вызывать свидетеля? — огрызнулась Ко. — Поверили бы мне и сэкономили четыреста тысяч.

— Порой лучше потратить миллион и сберечь на этом миллиард, чем погнаться за десяткой и потерять состояние, — разумно ответил отец Вероники. — Ты еще мала и глупа, чтобы принимать такие решения.

Ко захотелось тут же признаться профессору, что она замужем за Артуром и вовсе не маленькая, но она сдержалась, потому что поняла, что такое заявление полностью подорвет доверие профессора к Артуру и к ней. И никакой свидетель тогда не поможет.

Ко понимала Артура — профессор подозрителен и может подумать, что Артур пытается втереться в его семью. А он не хочет иметь лишних родственников. Он и собственную дочку встретил пока что без особой радости.

— Не нравятся мне эти люди, — сказал профессор, усаживаясь вновь за стол и раскладывая бумажки — из папки Артура и из собственного архива. — В прошлый раз с Кларенс приходил розовый седой толстяк, завитой, словно постаревший Нерон. Он сожрал у меня запасы сахара на полгода вперед. Какая-то патология. Я не верю в филантропию. Обычно филантропы — самые корыстные люди на свете. Они ничего не делают бесплатно. За истраченный франк они требуют тысячу долларов у судьбы, бога, вечности и человечества. А так как человечество оказывается к ним ближе всего, то его-то они и грабят.

— Они сказали, почему помогают вам? — спросила Ко.

— Этот князь лю Вольф — председатель Галактического союза помощи потерявшимся родственникам. Неужели он тебе этого не сказал?

— Может быть, и говорил, но я забыла.

— Авантюрист, типичный авантюрист. И та девица, что была вместе с ним, хоть и изображала довольно убедительно мою дочь и даже рыдала, чтобы я ее признал, все же оставила у меня самое неприятное воспоминание.

Знал бы ты, папа, как ее наказал филантроп дю Вольф, подумала Ко. Чучело в музее таксiderмии.

— Но ты тоже мне кажешься авантюристкой, — сообщил профессор. — Почему ты сидела столько лет в детском доме и никому не сказала, что у тебя есть отец?

— Странно рассуждаете, папа, — ответила Ко. — Мне было два года, когда меня украли. Я даже не помню, как меня украли...

— Пошли в мой кабинет, — предложил отец, который был удовлетворен сравнением документов. — Я тебя чаем угощу.

Кабинет ее отца оказался небольшой комнатой, окна в которой были также забраны железной решеткой, на полу лежал потертый ковер, а у холодного пыльного камина стояли два кресла. Между ними — низкий столик с автоматическим кофейником.

— Надеюсь, — прокричел папа, — что в комбайне еще есть кофе. Сегодня утром я так волновался перед встречей с тобой, что позволил себе выпить тройную дозу кофе.

Он включил аппарат.

И оказался прав. Тут же загорелась предупреждающая надпись: «Кофе на исходе».

Профессор злобно ударил по кофейному комбайнну кулаком. Ко обратила внимание, что на теле комбайна видны вмятины, — видно, его наказывали не впервые.

— Может, есть кофе на кухне? — спросила Ко. — Я могу принести.

— Принеси, — неожиданно согласился отец Вероники. — Вторая дверь направо. Там должна быть банка.

И профессор снова принялся раскладывать на низком столике перед камином пасьянс из документов.

Ко без труда отыскала кухню. При виде девушки тараканы и пауки нехотя уступили ведущие позиции. От каждого ее шага поднималось небольшое облачко пыли.

Банка с кофе была закрыта и была до половины наполнена зернами. Ко повезло. Она включила ко-

фемолку, а сама занялась разведкой: Пройдя по коридору, она увидела приоткрытую дверь в спальню профессора. Там стояла продавленная тахта, накрытая несвежей простыней, перед тахтой на ковре грудиной были свалены какие-то справочники и альбомы.

Если когда-нибудь Вероника будет жить в этом доме, подумала Ко, ей будет нелегко навести здесь порядок. А так как Вероника на Детском острове была известна своей пунктуальностью и невиданной аккуратностью, о которой она забыла, лишь влюбившись в Артема, то профессору тоже придется нелегко. Вероника своего добьется.

Ко вернулась в кабинет. Только теперь она заметила, что по стенам тянутся стеллажи с книгами и альбомами.

— Ты долго ходила, — сказал профессор. — Куда совала нос?

— В спальню, — призналась Ко. — Там страшный беспорядок. Впрочем, как и в кухне.

— Пожалуй, тебя это пока не касается. Дело в том, что уборка помещения требует участия в этом процессе по крайней мере одного совершенно чужого человека. Я же по специфике занятий никого и никогда непускаю к себе в дом. Я согласился на поиски тебя только потому, что понадеялся: вдруг у меня выросла тихая, работящая и нелюбопытная дочка, которой будет приятно заниматься хозяйством и которая будет некрасивая, желательно хромая и одноглазая, чтобы никто на нее не позарился.

— Ну почему вы желаете мне такой доли? — удивилась Ко.

— Чтобы ты не вышла замуж, не привела сюда наглого корыстного мужика, не нарожала детей, не погубила весь мой мир... И вот теперь я вижу, что не зря опасался. Ты не только отвратительно хороша собой, но возле тебя уже вьется этот поганый до Гросси, который смотрит на тебя, как на помидор, — чтобы съесть.

Тем не менее профессор быстро проглотил три чашки кофе. Он обжигался, отплевывался, словно

опаздывая на поезд. Напоив его, Ко отнесла поднос на кухню.

На этот раз ее появление на кухне окончательно всполошило ее хозяев — насекомых. Они поняли, что это человеческое существо может завести здесь свой порядки и придется отступать. А может, и вообще погибнуть.

Пока Ко мыла посуду, брызгая горячей водой на особо наглых тараканов, профессор продолжал в кабинете ворчливый монолог, словно не заметил ее ухода.

Когда Ко вернулась, профессор чуть подобрел и стал расспрашивать ее о том, как она провела последние годы и что представляет собой Детский остров. Ко честно рассказывала об острове и чем дальше говорила, тем настороженней становился профессор.

— Значит, я должен понять, — сказал он наконец, — что документы воспитанников хранились в особом сейфе в кабинете директрисы. Ты видела этот сейф и полагаешь, что случайный человек открыть его не мог. Тогда возникает вопрос: кто же такой неслучайный человек, который его открыл и достал твою генетическую карту?

— Не все ли равно, — отмахнулась Ко. — Главное, что мы вместе.

— А кому это нужно? — спросил профессор.

— Что вы имеете... что ты имёешь в виду, папа?

— Не называй меня папой... пока. Я хочу сначала понять, почему такие секретные документы оказались в лапах князя и твоего Артура. Я встревожен... это заговор, конечно же, это заговор!

— Может быть, мне лучше уйти? — спросила Ко. — В конце концов я прожила большую часть своей жизни без родителей и, пожалуй, обойдусь без них и дальше.

— Стой! Пойми же, если в самом деле моя дочь нашлась, это сразу снимает целый ряд проблем. Но я должен знать об этом наверняка. А вдруг документы подделаны?

— То есть сначала их украли у вас, папа, — заметила Ко, — потом скопировали, потом твои вернули на место, а копии привнесли тебе вместе со мной.

— Чепуха, чепуха! Не мели чепухи! Это невозмож-
но! И это меня больше всего возмущает. Я уверен,
что документы настоящие и, судя по анализам и
всем документам, — ты моя дочь. Но как эти доку-
менты попали им в руки? Почему они стали тебя
искать на острове?

— Это единственное место, куда свозят найдены-
шей с других планет, — сказала Ко. — Если ты ре-
шил искать сиротку, то прежде всего надо ехать на
наш остров.

Простота этого аргумента сразила профессора.

— В конце концов, — сообщил он Ко, — совсем
не обязательно, чтобы кто-нибудь догадывался о
твоей красоте. Ты никогда не будешь выходить из
дома. И мы с тобой славно поживем вдвоем.

— Еще чего не хватало! — не выдержала Ко. —
Значит, я из тюрьмы на острове Кууси попаду в
тюрьму на Марсе? Лучше я уйду.

— Нет, нет, погоди, мы что-нибудь придумаем, —
удержал ее профессор.

— Папа, — спросила Ко, — мне никто не рас-
сказывал, чем вы занимаетесь. У вас столько книг —
может, это секретная работа?

— Ты честно не знаешь о моих занятиях?

— Честное слово.

— Впрочем, я не рекламирую свои занятия. По
специальности я был ихтиологом, крупнейшим спе-
циалистом по болезням рыб в Нижней Саксонии. Но
мое истинное призвание заключалось в организации
международных конференций и съездов. Я был вице-
президентом шестнадцати различных обществ и сою-
зов, связанных с моей специальностью. Мое имя
было известно в Монтевидео не менее, чем в Пеки-
не. И так как я не выношу что-либо выкидывать, то
постоянно мой дом наполнялся старыми конверта-
ми — письмами от моих коллег и всевозможных ор-
ганизаций. Моя молодая жена полагала, что письма
собирают столько пыли, что наш будущий ребенок,
то есть ты, родится уродом, как рыба в отравленном
водоеме. Я этого не хотел! Но я не мог просто выки-
нуть эти чудесные конверты. Я сначала снял с них

почтовые марки. Ребенок, правда, тогда не родился — мы сделали с мамой аборт. До твоего появления пройдут еще годы и годы... С этого дня почтовые марки околдовали меня. Они молчаливы, они стремятся к порядку, они настолько символизируют порядок, что я постепенно оставил свои ихтиологические штудии и отдался филателии.

— Но откуда у тебя были деньги? — перебила профессора Ко.

— Я — талантливый коллекционер. Не менее талантливый, чем организатор ихтиологических конгрессов. Я люблю порядок, и порядок любит меня. Ведь обычные люди суетятся, ищут от добра добра, меняются ради обмена, бегут за журавлем в небе... Я просто не совершал ошибок. А вокруг меня все их совершили. Через десять лет я стал уже одним из крупнейших коллекционеров на Земле. К моменту твоего рождения я был королем Вселенной. Разумеется, в филателистическом смысле... И тогда я ушел в отставку. И переехал на Марс. Мне не к чему стало стремиться — потому что я достал все самые редкие марки прошлого. Голубой Маврикий? У меня есть Голубой Маврикий. Американские конфедераты? У меня есть все конфедераты, даже с ошибками. Английский черный пенни — первая марка на свете, у меня есть чистая в квартблоке, а есть на письме, которое отправил мистер Белл, изобретатель почтовой марки, английской королеве с поздравлениями по случаю этого события. У меня есть все, что стоит иметь!

Профессор покраснел, его щеки пылали, малиновым светом просвечивали уши, даже пробор стал розовым. Ко поняла, что имеет дело с настоящим, а потому очень опасным коллекционером.

Небольшой жизненный опыт Ко тем не менее включал в себя встречи с коллекционерами, самой опасной и вулканически кипящей породой людей, для которых преступления, могущие потрясти воображение самого страшного злодея, кажутся обыденными слабостями. Болезнь, ведущая к превращению обычного и даже доброго человека в безудержного

коллекционера, совершенно не изучена медиками, и потому последствия ее не учитываются, а потери от нее неизвестны. Настоящий коллекционер лишь кажется человеком и лишь ведет себя как человек. На самом же деле он низменный и ничтожный раб своей коллекции, которая приказывает ему обманывать, убивать и жечь приюты. К счастью, судьба награждает коллекционеров слабым воображением, фантазии их несмелы и более связаны с опасением потерять накопленное, нежели со смелыми планами приобрести накопленное другими. Коллекционер — чаще всего монстр бережливости. Именно охраняя свое гнездо, он, подобно волчице, способен разорвать на куски льва. Это Отелло, которому настоящий Отелло не годится в подметки, потому что ради спасения своей коллекции от подозреваемого Яго Отелло-коллекционер задушит всех женщин Венеции.

К счастью, болезнь коллекционирования куда чаще поражает мужчин, чем женщин, ибо женщины по натуре своей куда более настойчивы, последовательны и цепки, чем мужчины, и если коллекционирование у мужчин почти неизлечимо, то у женщин оно неизлечимо вообще.

У Ко в классе было два или три мальчика, которые собирали марки, один собирал монеты, один — ракушки. Но самым знаменитым и единственным настоящим, смертельно больным коллекционером был некий Базиль, который собирал птичьи яйца.

Почему птичьи яйца?

А почему иные коллекционеры тратят жизнь на поиски старых писчих перьев, спичечных коробков или пылесосов? Судьба не разбирается, награждая тебя редкой болезнью. У тебя всю жизнь болели зубы, а помрешь ты от нарыва в пятке. А другой, с распухшей пяткой, скончается от флюса. Фатум выбирает нас, как волк овцу в покорном стаде.

Базиль собирал птичьи яйца. Он собрал их шестьдесят восемь. Он переписывался с двумя другими коллекционерами. Он намеревался поехать в Бразилию и собирать яйца там, в сельве. И тут обнаружилось, что собирать птичьи яйца категорически запре-

щено Ведомством экологии. Коллекционеров стали преследовать, некоторые покончили с собой, другие все же сдали яйца в музей и перешли на собирание мраморных шариков. Но не таков был Базиль. Сначала он, узнав, что едет экологическая комиссия, чтобы конфисковать его коллекцию, спрятал ее в подвале замка. Но его лучший друг и сосед по парте, разумеется, выдал Базиля членам комиссии, когда те заявились на остров. Комиссия в сопровождении расстроенной госпожи Аалтонен направилась в подвал.

Базиль забаррикадировался в подвале и заявил, что не сдастся до последнего яйца. И пока члены комиссии с помощью дворника и садовника ломали дверь, он съел все шестьдесят восемь яиц, некоторые вместе со скорлупой. Когда комиссия ворвась в подвал, Базиль был без сознания. Затем его отвезли в реанимацию, и больше на остров он не вернулся. Рассказывают, что он сошел с ума и содержится в специальной лечебнице.

К такой же породе людей, для которых предмет бессмысленного собирательства оказывается в конечном счете важнее самой жизни, относился и профессор дю Куврие, отец Вероники. И, самое интересное, он не скрывал от найденной дочки особенностей своей натуры.

— Разумеется, моя коллекция, будучи совершенной сама по себе, далека от совершенства, как любое произведение великого искусства, — продолжал профессор. — Коллекция картин Эрмитажа или Лувра тоже никогда не сможет достичь идеала. Для этого необходимо объединить по крайней мере тысячу крупнейших мировых коллекций. А это, к сожалению, невозможно. Но даже мое скромное собрание вскоре привлекло внимание криминальных элементов. Я полагал, что никому не приношу зла, что могу в свое удовольствие отдаваться благородному занятию. Но нет! Словно гиены к падали, ко мне потянулись мерзавцы разных мастей. Меня трижды пытались ограбить и дважды убить. Мне пришлось эмигрировать с Земли, чтобы скрыться в скромной надежности Марса. Но и здесь за мной охотились.

После того как меня попытались выкурить из особняка, который я купил на пенсию и сэкономленные деньги, я был вынужден построить вот это бетонное убежище.

— Надо было позвонить в полицию! — посоветовал Ко.

— Дурочка! Полиция бессильна перед межпланетной мафией. Она вся у нее на содержании.

— И ИнтерГпол тоже?

— Разумеется. В первую очередь.

Ко послышался какой-то скрип. Она обернулась.

— Что? — нервно воскликнул профессор. — Ты что-нибудь слышала?

— Мне показалось.

— Если что-то услышишь, сразу сообщай мне! С возрастом мой слух стал меркнуть. Мне нужны твои молодые глаза и уши... если это не глаза предательницы. Ты на самом деле моя дочь?

— Папа, вы же видели все анализы!

— Анализы-манализы! — закричал профессор. — Мне нужен один свидетель. Я хочу понять, как они стибрили эти документы!

— Папа, лучше рассказывайте про ваши приключения. Я ведь тоже не уверена, что желаю такого отца.

Профессор несколько удивился, помолчал и произнес не столь громко:

— Родителей не выбирают.

— Хороших не выбирают, — возразила Ко, — а таких, которые тебя теряют, можно и заменить.

— Сделай еще кофе, — велел профессор.

Ко не стала спорить. Она вернулась на кухню и занялась приготовлением кофе. Она пыталась выглядеть в окно, но оно было высоко. Ей пришлось встать на табуретку, чтобы просунуть голову между прутьев решетки. Из окна была видна маленькая каменная пустыня — наверное, единственное лишенное зелени место под марсианским куполом. Но за забором Ко увидела знакомую фигуру. Это стоит Артур. У него в руке телефон — значит, он на связи с князем. Они ждут. Подать знак? Помахать им сал-

феткой в окошко, как принцесса, заточенная в замке? Нет, она отогнала это желание. Ничем я им не обязана и не буду помогать. А вдруг они замыслили какую-нибудь пакость против людю Куврие?

Когда Ко вернулась с полным горячим кофейником, профессор, оказывается, совсем забыл о ней. Бумаги, касающиеся ее происхождения, он отодвинул на край стола, а перед собой положил раскрытый альбом с марками.

— Я принесла кофе, — сказала Ко.

— Что? — удивился профессор. — Что ты тут делаешь, девочка?

Но тут же спохватился, взял себя в руки и даже улыбнулся. Одними губами — получилась кривая гримаса.

— Старею, — сказал он, — совсем старею. Но прости — меня вдруг посетила идея: нет ли в цеппелинах тридцатого года гребенчатой зубцовки?

— И как? — спросила Ко, разливая кофе по чашкам.

— Завтра проверю, — сказал профессор. — Сегодня у меня гости. По крайней мере, кофе ты готовить умеешь.

— Расскажите мне дальше про вашу жизнь, папа, — попросила Ко. — Как я пропала?

— Для того, чтобы грабители не добрались до меня, я превратил мой дом в крепость. Но однажды они подложили бомбу под входную дверь. Бомба повредила купол и чуть было не задушила все население нашего городка. К счастью, здесь мы обошлились без полиции — общественность нашего квартала схватила грабителей, и их тут же повесили на городской площади.

— Не может быть!

— Об этом писали в газетах, — ответил профессор. — И казнь показывали по телевизору. Разумеется, потом начались страшные скандалы, родственники и друзья повешенных грабителей клялись, что это были невинные молодые люди, которые приехали к нам на Марс на экскурсию. Был процесс. Но мы доказали, что не превысили пределов оправданной

самообороны. Если бы их не остановили вовремя, воздух бы вырвался из нашего купола. Марс тебе не Земля — здесь бомбы кидать не положено. После этого мне пришлось положить все свои ценные экземпляры в сейф банка. Больше никому до них не добраться. Но какое это горе для меня!

— Почему, папа?

— Потому что для настоящего коллекционера самое главное счастье — наслаждаться видом своей коллекции. Говорят, что Тамерлан, собрав гарем из трехсот конфискованных и захваченных в плен красавиц, каждый вечер выстраивал своих жен на плацу, выбирая ту, с которой проведет ночь. Он был настоящим коллекционером, мой древний коллега!

— История ругает его не только за это, — напомнила Ко.

— История никогда не ценила коллекционеров. Я не надеюсь на достойное в ней место.

— И что же было дальше?

Профессор задумался. Почему-то ему расхотелось рассказывать о прошлом.

— Может быть, пойдем, я покажу тебе твою комнату? Там спала твоя покойная мама.

— Хорошо, только доскажите мне про то, как я потерялась.

— Ты не потерялась. Тебя украли. Это долгий разговор.

— Разве мы спешим?

— У меня был трудный день, — сказал профессор. — Пора спать.

— Тогда расскажите в двух словах.

— Ты неприятно настырная девочка, — сказал профессор.

— Я давно живу без родителей, — призналась Ко. — Характер ребенка, лишенного родительской ласки, неизбежно ожесточается.

Профессор внимательно посмотрел на дочь, глубоко вздохнул и заговорил:

— Я положил ценности моей коллекции в швейцарский банк. До нее теперь не доберется ни один

искатель сокровищ. Но они попытались пойти другим путем.

— При чем тут я? — спросила Ко.

— А при том, что банда грабителей украла тебя.

— Зачем?

— Мне сказали, что вернут тебя в случае, если я передам им коллекцию.

— А если не передадите?

— Тогда они тебя убьют.

— И что же случилось?

— Разумеется, я сообщил об этом в полицию. И полиция обыскала весь Марс. Но тебя на Марсе уже не было. Тебя увезли.

— И что же было дальше?

— Твоя мама умерла от горя. Да, я не скрываю от тебя всей жестокой правды жизни — ты стала причиной гибели твоей матери. Не зря же я ей говорил: сделай аборт, мы не можем с тобой иметь сразу два сокровища! Но она обещала родить мне сына, наследника, настоящего коллекционера.

— И родила меня?

— К сожалению, она меня обманула. Она родила тебя.

— И вы меня не любили.

— Я к тебе лояльно относился.

— И когда меня украли, вы сразу приняли решение?

— Ой, только не говори, что сразу! Мое решение стоило мне бессонной ночи.

— И когда вы решили, что я не стою вашей коллекции, моя мама умерла? — спросила Ко, обнаружив несвойственную юности проницательность.

— Твоя мама умерла, потому что не уберегла тебя, — возразил профессор.

— Она предугадала ваше решение, папа?

— Поставь себя на мое место, — ответил профессор дю Куврие, отводя взгляд в сторону, — я полагал, что ничего страшного не случится. Это шантаж! Я надеялся, что полиция с честью выполнит свой долг и быстро тебя найдет.

— Папа, пять минут назад вы мне сказали, что вся полиция куплена мафией и вы ей не верите.

— Ну, в некоторых вопросах не верю, а в некоторых верю. Нельзя уж так грубо обобщать!

— Мама предугадала все заранее?

— Она сказала мне: я больше не увижу моей дочки. Она ушла из дома, и на следующий день ее нашли за пределами купола, в безвоздушном пространстве. Она умерла. Очевидно, она случайно открыла переходной люк, которым пользуются ремонтники, и вышла...

— Случайно?

— Она была в стрессовом состоянии, она искала тебя. Она чувствовала свою вину. Повторяю: ты убила свою мать.

— Тем, что меня украл?

— Тем, что попалась!

— Может быть, стоило отдать им вашу коллекцию?

— Что ты говоришь! Чтобы я, такой гордый и честный, поддался наглому шантажу грабителей? Ну уж нет! У меня есть принципы!

— Главный принцип — сохранить коллекцию?

— Такая коллекция, как моя, принадлежит не только мне — она принадлежит всему человечеству. Я не мог обездолить человечество!

— Наверное, она очень дорого стоит?

— Разумеется, она дорого стоит! — Профессор даже возмутился. — Иначе она не была бы лучшей.

— Вы совершили выгодный коллекционный обмен, папа, — сказала Ко.

— Какой? — не понял профессор.

— Вы поменяли мою маму и меня на марку острова Маврикий.

— Там не только Маврикий! Там такие ценности... — Тут профессор осекся, потому что понял, что в запальчивости наговорил лишнего.

— Нет, я совсем не уверена, что хочу быть вашей дочкой, — сказала Ко.

— А я не уверен, что мне нужна такая дочка. И должен тебе сказать — моя дочь никогда бы не посмела так грубить своему отцу.

— Я хочу уйти.

— Уйдешь, когда я решу, — сказал профессор.

— Нет, я ухожу!

— Сейчас все закрыто. Автоматически. Даже я сам не могу до утра открыть двери.

Ко поняла, что профессор не шутит. Она смирилась и решила дотерпеть до утра, а там — хочет Милодар того или нет, она бросит этого сумасшедшего эгоиста.

Профессор провел Ко в дальнюю, за кухней, комнату — еще один каменный мешок с окошком под потолком, освещенный голой слабенькой лампочкой.

В комнате стояла продавленная в середине старая кровать, покрытая покрывалом, настолько пыльным, что когда Ко ударила по нему ладонью, пыль поднялась густым серым облаком.

Профессор стоял в дверях и надрывно кашлял.

— А другой комнаты не найдется? — спросила Ко.

— Нет! — отрезал профессор. — В других комнатах марки-дубликаты, варианты, просто марки и конверты первого дня гашения.

Ко вдруг увидела, что в углу, почти скрытая открытой дверью, стоит детская кроватка — ее собственная детская кроватка... И тут она спохватилась: при чем тут она? Это же кровать Вероники. Нельзя так входить в роль...

Профессор пожелал Ко спокойной ночи.

Ко подняла с кроватки Вероники куклу. Надо будет отвезти ее подруге.

Потом она вынесла покрывало и подушку с кровати в коридор и выбила из них пыль. Профессор высыпался из кабинета и принялся было кричать, что Ко не обратила на него внимания.

К счастью, на Марсе всегда тепло. Ко легла поверх покрывала и постаралась заснуть. За окном был виден клок исполосованного решеткой синего неба. На фоне окна появилось нечто черное. Черное закрыло собой решетчатую синеву и прошептало:

— Ко, держи себя в руках! От тебя сейчас все зависит.

Ко узнала голос темнокожей муhi Ванессы.

Она обрадовалась, что кто-то помнит о ней.

— А где комиссар? — спросила она.

— Он не может проникнуть к тебе. Дом сделан из такого бетона, сквозь который не проходит голограмма. Но он помнит о тебе. Он желает тебе удачи.

— А в чем моя удача? — спросила Ко.

— Он не сказал, — ответила муха и исчезла. Улетела. За окном снова загорелись яркие звезды на синем фоне.

* * *

С утра профессор ждал доказательств тому, что Вероника его дочь. На этот раз требовался живой свидетель. Профессор болтался у телефона в ожидании звонка Артура.

Наконец в десять позвонил Артур дю Гросси.

— Доброе утро, профессор, — сказал он. — Сегодня, как договаривались, после обеда.

— А раньше нельзя?

— Быстрее корабли не летают.

Профессор злобно кинул трубку и удалился к себе в кабинет.

Ко маялась бездельем. Она попросила профессора показать какие-нибудь драгоценные марки, но профессор был непреклонен: ни одной марки, стоящей больше ста тысяч экю, дома не хранится. Конечно, если девочка захочет позабавиться движущимися марками Кассиопей, съедобными марками островов Черной туманности, меняющими рисунки по желанию зрителя марками Сперендопской Федерации или, наконец, совершенно белыми марками таинственной, еще не открытой планеты Фракас — ее воля. Все эти марки хранятся дома и представляют интерес только для людей наивных и далеких от классической филателии. Конечно, в другой ситуации Ко с удовольствием бы поглядела на марки, которыми раньше не интересовалась, потому что в ней не было коллекционерской жилки, но теперь ей не хотелось настаивать.

— Тогда я посмотрю наш семейный альбом, — сказала она. — Я же совсем не помню моей мамы.

— Ах, — отмахнулся профессор, — твоя мама была человеком непримечательным, я бы сказал, скучным. Она даже не могла родить мне наследника.

— Женились бы еще раз, — предложила Ко без всякой симпатии к профессору; тот принял слова всерьез и ответил:

— Слишком велик риск. Если меня смогла так провести самая обыкновенная женщина, которая вышла за меня, когда я лечил рыб и не думал о марках, то теперь мне бы обязательно подсунули какую-нибудь охотницу за моим состоянием. Подобную тебе.

Ко не стала спорить. Тогда профессор вздохнул, с неудовольствием оторвался от своих альбомов и принес небольшой альбом, который, конечно же, принадлежал матери Вероники. Там была она сама в форме выпускницы гимназии — серьезная черноволосая девушка с косой, венком лежавшей вокруг головы, очень похожая на Веронику и немного на Ко. Потом Ко нашла свадебную фотографию, на которой профессор был таким же, как сегодня, даже пробор не изменился. А мама Вероники смущенно улыбалась, словно сбылась ее мечта...

— Как звали мою маму?

— У нее было нелепое имя — Клара, — сообщил профессор.

А вот и появилась Вероника. Клара держит ее на руках — они улыбаются одинаково. А вот Вероника лежит на животике, задрав пока еще почти лысую головку...

От князя позвонил толстый обер-камергер. Он сообщил, что нужный свидетель прибыл на Марс и готов к встрече.

— Так быстро этого быть не может, — подумал вслух профессор. — Значит, этот свидетель у них был заготовлен заранее. Как же они рассчитывают добиться моего доверия, если обманывают меня на каждом шагу?

— Я думаю, что они уже знают ваш характер, — ответила Ко. — Знают, какой вы недоверчивый. Они и пригласили свидетеля заранее.

«Зачем я их защищаю? Может, потому что профессор мне не нравится? Они все хороши — каждый тянет одеяло в свою сторону, так что ткань трещит. И папочка-профессор с его марками, и князь с сахарными девочками, и красавец Артур, которому не нужна Ко... Но кого они привезли в качестве свидетеля?»

— Где мы встретимся? — Профессор задумчиво смотрел на экран. Там торчала завитая голова камергера, человека пожилого и грузного, — князь избрал солидного посредника.

— Я согласен разговаривать со свидетелем в главном зале почтамта, — сообщил профессор. — Сегодня как раз проводится гашение первого дня серии, посвященной открытию Марсианского зоопарка. В два я получу свои конверты, а после этого мы сможем поговорить.

— Прямо в зале? — удивился камергер.
— А чем это место хуже другого?
— Но вас там, наверное, все знают.
— Тем более вы не сможете совершить по отношению ко мне никакой подлости.
— Мы и не собирались, ваше сиятельство, — буркнул камергер с видом человека, который не намерен от подлостей отказываться.

* * *

Профессор дю Куврие собирал в большой старый портфель кляссеры и тетрадки с наклеенными марками, поучая Ко, словно надеялся сделать из нее филателиста.

— Тебя может удивить, — говорил он, — что, собираясь на столь важную встречу, я беру с собой портфель, наполненный посредственными дублями.

По крайней мере, он признает, что собирается на важную встречу.

— Для настоящего коллекционера не бывает пустяков. Честно скажу тебе, что получил куда большее удовольствие, потому что выменял случайно эту непрятательную марочку на пустяковую картинку лунной флаерной почты, нежели купив за нормальную цену квадроблок беззубцового полярфрахта. Ты меня не понимаешь, и не надо тебе этого понимать. Главное — я всегда должен быть настороже! Я должен быть готов в любой момент вытащить из этого боевого, заслуженного портфеля нужный кому-то клочок бумаги или пластика и получить за это вдвое больше. Именно поэтому я стал знаменитым и великим коллекционером. Захватывая столицу государства, не забывай о тысяче окружающих деревень и поселков.

Ко смирилась с особенностями характера профессора — труднее будет Веронике. Но ведь никто не заставит ее переехать к отцу и коротать свой век в марсианском захолустье. Может быть, в ее сердце проснутся дочерние чувства, которые заставят не замечать некоторые черты его характера?

Быстро, без суеты, как хирург, собирающий саквояж на выезд к месту катастрофы, профессор наполнил портфель кляссерами и каталогами и, уже направившись к выходу, вдруг заявил:

— По крайней мере, если ты окажешься поддельной и тебя придется вернуть на расправу князю Вольфгангу, то я смогу остаться на почтамте и не зря потеряю время.

Ко вздрогнула. Оказывается, лицемерный профессор знал или догадывался, на какую судьбу он обрек Кларенс, разоблачив ее и отказавшись признать dochерью. Конечно, Ко не знала Кларенс и видела ее уже только в образе чучела в музее таксидермии, но Ко была уверена, что Кларенс была жертвой не только князя, но и профессора. Обоим плевать на Кларенс, Ко или Веронику. Но Вероника-то в безопасности! Как это несправедливо: Вероника оказалась дочкой профессора, а расплачиваться за обман придется Ко. Так сильные мира сего удовлетворяют свои страсти за счет простого народа. Ведь генералы

сидят в надежных укрытиях, тогда как солдаты ждут под дождем, в грязи, своей бесславной гибели.

По пути к почтамту, видно, в ожидании успешных коллекционных сделок, профессор подобрел и даже сказал:

— Не исключено, что у тебя и на самом деле найдется свидетель. С моей точки зрения, достойный. Не исключено. Тогда ты станешь моей дочерью. И первой помощницей. Давно пора разобрать шкафы в подвалах — там скопились тысячи альбомов. Я ведь скупал коллекции и вынимал из них одну-две марки. Кое-что продавал, чтобы окупить приобретение. А остальное оставалось в подвалах. Может пригодиться...

Ко поежилась. Менее всего ее устраивала судьба разборщицы пыльных завалов. Может, уже сейчас признаться, что она знакома с его настоящей дочкой? Это, конечно, приятно, но где гарантия, что Милодар успеет спасти Ко от гнева Вольфганга? Нет такой гарантии.

Когда они доехали до скромного, углубленного в марсианскую красную глину здания почтамта и оставили машину на стоянке, профессор доверил Ко тащить за ним неподъемный портфель.

У входа в почтамт толпились в основном пожилые и просто старые марсиане с кляссерами, ожидая, когда начнется спецгашение. Многие приветствовали профессора. Но Ко показалось, что, как правило, теплоты в приветствиях не было.

Внутри почтамт представлял собой высокий сводчатый зал, вокруг которого располагались окошки. К некоторым стояли небольшие очереди.

— У нас есть пятнадцать минут до начала гашения, — сказал профессор. — Где твой свидетель?

— Я знаю не больше вас, папа, — ответила Ко.

И в этот момент из-за колонны походкой римского сенатора вышел господин Артур дю Гросси, муж Коры и потому инкогнито зять профессора дю Куврие.

— А, вы уже здесь! — произнес профессор с разочарованием, и Ко поняла почему: взгляд его остановился на кучке скромно одетых пожилых людей, которые сгрудились вокруг скамейки, где вальяжный

старик с двумя длинными серебряными косами разложил альбом с марками.

— Свидетель ждет! — торжественно объявил Артур и тут же обернулся к Ко, словно только что заметил ее. Незаметно от профессора подмигнув, он спросил официально: — Как вы спали, Вероника?

— Без вас мне всегда одиноко спать, — нагло ответила Ко, Артур зашелся в кашле и покраснел, а профессор поморщился.

— Не терплю глупых шуток! — заявил он.

Ко чуть было не сказала, что это не шутка, но Артур резко потянул профессора к толстой колонне, уходящей под потолок зала. Ко пришлось торопиться за ними, волоча портфель, который кирпичной ножкой рвался к полу.

Так что из-за портфеля Ко чуть опоздала и подняла глаза в тот момент, когда профессор уже кланялся госпоже Аалтонен, директрисе Детского острова, столпу педагогики и верному помощнику комиссара Милодара. Так что первым чувством Ко было облегчение от того, что свидетель — это свой человек, и лишь встретившись взглядом с госпожой Аалтонен и увидев в этих глазах откровенную панику, Ко встрепенулась: а все ли проходит так гладко, как обещал комиссар?

— Здравствуйте, — сказала Ко робким голосом, как положено приветствовать директрису детского дома.

— Ах, — произнесла директорша. — Это вы тут...

— Что такое? — вдруг спросил профессор. — В чем дело? Я чувствую неладное.

— Разрешите представить вам, — вмешался сумманный Артур, который, видно, не понял значения этой сцены, — директрису детского дома на острове Кууси, я правильно говорю?

— Правильно...

— Доктора педагогики госпожу Розу Аалтонен.

— Оу, — сказал профессор с неким завыванием, которое он приберегал для разговоров с персонами высокого ранга. Почему-то он отнес госпожу Аалтонен именно к ним. Возможно, на него произвели

впечатление размеры мадам, ее сходство с гигантским пингвином, чему способствовал строгий черный костюм и белая манишка госпожи Аалтонен. — Вы прилетели с Земли?

— Вот именно, — сказала Аалтонен, и взгляд ее нервно метался между профессором, Ко и Артуром. Порой ее глаза мутнели, будто она старалась прислушаться к внутреннему голосу. Правда, внутренний голос, как вскоре сообразила Ко, находился точно сзади Аалтонен, метрах в десяти и представлял собой двух силячей князя, которые даже не старались казаться похожими на филателистов.

— Тогда попрошу ваш паспорт, диплом и удостоверение — все документы, которые вы удосужились захватить с собой. — Профессор уже преодолел первую реакцию почтения, и его сварливость взяла верх. — Я хотел бы убедиться в том, что вы — это вы.

— О да, — сказала директриса и, открыв старомодную сумочку, принялась рыться в ней, а Ко поняла, что Аалтонен, не выдав ее в первое мгновение, тем более не выдаст ее сейчас. Может, все же мадам состоит в агентах комиссара?

— Папа, — Ко потянула профессора за рукав. — Это в самом деле наша директриса. Она очень строгая, но мы ее уважаем.

— Помолчи! — приказал профессор и выхватил из пальцев Аалтонен ее галактический паспорт.

— Верю, — сказал он, коротко скользнув взглядом по первой странице, и вернул документ. Затем через плечо тоскливо посмотрел на растущую толпу коллекционеров, которые стягивались к окошку, за которым должно было происходить гашение. Профессор беспокоился, что штемпель могут поставить без него. У этого человека отсутствовали критерии того, что хорошо, а что плохо, что важно, а что — пустяк. Он был рабом своей коллекции, и, как назло, она была слишком дорогой, а потому люди становились игрушкой в борьбе за нее.

— Говорите! — приказал профессор. — Кто эта девица?

— Это, — госпожа Аалтонен проглотила слону. Ее большой кадык неуверенно дернулся. Ко похоло-дела. А вдруг она — не агент Милодара? И через несколько секунд здесь прозвучат выстрелы — силачи расстреляют самозванку. — Это Вероника... — Сказав так, директриса осмелела и повторила уже уверенней: — Вероника!

— Откуда вам известно ее имя? — спросил про-фессор.

— Мы называем детей... порой по случайным, со-всем случайным деталям. Но в случае с Вероникой мы были почти уверены в ее имени.

— Почему? — профессор вцепился в директрису взглядом.

— На шее у девочки был золотой медальон. В нем находилась старая почтовая марка с надписью «Веро-ника». Мы определили, что так называлась малень-кая английская колония в Карибском море, рядом с островом Тринидад. Марка относилась к выпуску 1886 года...

— Красная? Три пенса? — Голос филателиста со-рвался.

Он закрыл лицо руками.

Он плакал.

Все вокруг замолчали. Было неловко видеть, как трясутся узкие плечи этого короля почтовых марок.

— Простите... — профессор вытер глаза рукавом, щмыгнул носом и спросил: — А что случилось с этим медальоном?

— О! — воскликнула госпожа Аалтонен. — Веро-ника бежала из детского дома так быстро, что не оделась и забыла свой медальон.

— Вы привезли его? — догадалась Ко.

— Простите, Ко... Вероника! Я думала, что помогу тебе отыскать твоего отца.

Директриса раскрыла свою сумочку и долго, мучи-тельно долго копалась в ней, пока наконец не из-влекла бумажный пакетик. Из него вытащила тол-стыми пальцами плоский золотой овал на тонкой цепочке.

— Это он! — закричал профессор. Он выхватил медальон из пальцев директрисы и открыл его. Выпавшую марку колонии Вероника он положил на ладонь и не дыша начал ее рассматривать.

Наконец, вспомнив, что он здесь не один, профессор произнес:

— Это очень редкая марка. Ее нельзя подделать, потому что я помню расположение штемпеля. Все эти годы я страдал от того, что она потеряна для моей коллекции. Спасибо вам, мадам, за то, что вы возвратили эту ценность домой...

— Вы имеете в виду марку? — Директриса была потрясена душевной извращенностью профессора. — Марку или дочку?

— С дочкой теперь все ясно, — отмахнулся профессор. — Кстати, это вы забрались в сейф детского дома и достали оттуда секретные генетические карты?

— Да, — улавшим голосом произнесла директриса.

— И много вам за это заплатили?

— Клянусь вам, что ни гроша...

— Неважно. Даже если это так, то, значит, вам заплатили не деньгами, а молчанием. На свете есть только корысть и шантаж.

— Как вам не стыдно...

— А я не лучше вас, госпожа Аалтонен. Но я, по крайней мере, не делаю вида, что люди мне дороже марок. Марка — это совершенное создание природы. Человек — скопище недостатков. Почему я должен любить людей больше, чем марки? Почему?

Госпожа Аалтонен молчала. Она с трудом сдерживала слезы.

— Теперь вы, папа, удовлетворены? — спросила Ко.

— Теперь я удовлетворен, моя доченька, — ответил профессор.

Он достал из верхнего кармана своего потертого, блестящего на локтях пиджака маленький пластиковый пакетик и вложил в него марку. Его пальцы дрожали от возбуждения. Затем он спрятал конвертик, а медальон собственноручно повесил на шею Ко.

— Носи, — сказал он. — Все в порядке. Ты — моя потерянная и возвращенная дочь.

Профессор обернулся к Ко. Глаза его сияли. Это было немыслимо — увидеть сияющие глаза этой бу-мажной крысы. Он поднялся на цыпочки и поцело-вал Ко в щеку.

— Какое счастье! — воскликнул он. — Спасибо вам, госпожа Аалтонен, у меня больше нет сомнений. Вы все можете идти. А ты, дочка, подожди меня здесь. Береги портфель.

И с превеликим облегчением, словно выкинув из головы собеседников и саму проблему поисков дочери, он кинулся к толпе филателистов, которые двинулись на штурм окошечка, где начиналось гашение. Оттуда отдельными выстрелами звучали удары почтового штемпеля.

Ко осталась лицом к лицу с Артуром и директрисой.

— Спасибо, — сказала Ко, — что вы прилетели.

— Не беспокойся, — ответила директриса, часто мигая белыми ресницами. — Не беспокойся, Вероника. Все будет в порядке.

— Теперь, девочки, — обратился к директрисе и ее ученице Артур, — ваша задача — поскорее отвезти этого крысенка в Совет, пускай оформит отцовство, как положено.

— Это уж он сам будет решать, — возразила Ко. — Как я могу ему это сказать?

— Ты что думаешь, «Сан-Суси» вечно здесь будет парковаться? — спросил молодой муж.

— Почему это связано одно с другим? — спросила Ко.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — прошипел Артур, заметив, что профессор возвращается к ним. Он поспешил спрятаться за стол, профессор заметил этот маневр, но отнесся к этому философски.

— А этот жулик все здесь крутится! Я знаю, он рассчитывает оторвать клок от того, что они берут с меня за беседу с вами, госпожа Аалтонен. Не поддавайтесь, торгуйтесь, как дьявол — иначе вам ничего не достанется. Я же понимаю, что они ничего не делают бесплатно. Завтра и я от них получу счет за Находку моей дочери.

И с неожиданной нежностью он потрепал Ко по руке. Впрочем, она тут же поняла, что ошиблась, назав это чувство нежностью. Просто она стала значительным прибавлением к его коллекции.

— Как вам моя дочь? — спросил он у директрисы. Но та не думала о Ко. Оказывается, ее занимала совсем другая проблема.

— Вы заявили, — воскликнула она, — что я приехала сюда ради получения определенной суммы денег! Так вы не правы!

Из-за колонны выскоцил толстый камергер и позвал ее:

— Госпожа Аалтонен, госпожа Аалтонен, мы вас ждем!

— Ага, — засмеялся профессор. — Засуетились, испугались, что их денежки убегут. — И, обратившись к колонне, из-за которой выглядывала физиономия Артура, заявил: — Госпожа Аалтонен едет сейчас вместе со мной в мэрию. Вы слышите, жулики? Там она мне нужна как свидетель при одном юридическом акте. Поехали!

Никто не откликнулся из-за колонны. Лишь оба силача князя, что стояли в отдалении, играли мышцами. Потом, подчиняясь какому-то приказу, поспешили к выходу.

Это встревожило Ко. И она, хоть и дала себе слово не вмешиваться в отношения между всеми этими людьми, негромко сказала профессору, когда они втроем шагали через зал:

— Будьте осторожны, папа, за нами следуют силачи князя Вольфганга.

— А ты чего от него ожидала? — ответил профессор. — Конечно же, они глаз с нас не спустят. Как бы мы не украли у них госпожу Аалтонен.

Он обернулся к директрисе и взял ее под пышный локоть. Он был на голову ниже ее и втрое тоньше, но так уверен в себе, что разница в размерах не ощущалась.

— Госпожа Аалтонен, — сказал он, — я проникся к вам искренней симпатией. Независимо от причин, которые заставили вас прилететь сюда, вы со-

вершили благородный поступок — восстановили мое семейство. И я сделаю все от меня зависящее, чтобы вы получили причитающиеся вам деньги и улетели на Землю.

— Но вопрос не в деньгах... вопрос вообще не в этом! — Госпожа Аалтонен говорила срывающимся голосом.

— Ну ладно, ладно, не надо переживать. Деньги еще никому не мешали. Ведь важны не деньги — важен ваш честный, благородный поступок.

Лицо госпожи Аалтонен стало малиновым, Ко испугалась, что щеки ее могут лопнуть от прилива крови.

Но профессор ничего не замечал.

Он отворил дверь в машину и пригласил Аалтонен внутрь. Затем проверил, не потеряла ли Ко драгоценный портфель, и занял место за рулем.

— Надеюсь, — сказал профессор, уверенно ведя автомобиль, — что вы сможете уделить мне еще полчаса вашего времени, притом бесплатно.

— О, конечно! — откликнулась директриса.

— Вся операция, в которой вы будете свидетельницей, займет совсем немного времени. Мы покончим с загадочным прошлым и откроем себе будущее.

Машина затормозила перед зданием мэрии. Оно было схоже с почтамтом, и если бы не вывеска, Ко могла бы их спутать. На Марсе еще не наступила эра собственных архитекторов и собственных мод — строили лишь так, чтобы главной заказчицей была надежность.

Профессор провел своих спутниц на второй этаж и, указав на жесткие стулья в коридоре, велел дожидаться его. Впервые за все время директриса и сбравшая сиротка остались вдвоем.

Ко боялась, что их могут подслушивать, и ждала, что же скажет директриса. Та почему-то молчала. Ко уже открыла было рот, чтобы спросить, почему не видно комиссара Милодара. Ведь он руководит всей этой операцией.

Но тут заговорила директриса. И ее слова прозвучали неожиданно.

— Ко, что ты тут делаешь! — громко прошептала она. — Я чуть с ума не сошла.

— А кого вы ожидали увидеть? — улыбнулась Ко.

— Как кого? Разумеется, Веронику. Я прилетела, чтобы опознать ее. И когда увидела тебя, то буквально впала в шок. Я чуть было тебя не выдала. Я могла тебя погубить!

— Неужели комиссар вам ничего не успел сказать?

— А почему комиссар должен был мне что-то говорить?

Ко удивилась.

— Так вы сюда прилетели не по заданию комиссара?

— О нет! — Крупные слезы сорвались с белых ресниц директрисы и покатились по красным щекам. — О нет, я здесь по причине моего преступного прошлого! Я есть риколинен. Я так виновата перед тобой...

— Но что? Что? Я не понимаю!

Всю свою сознательную жизнь Ко привыкла воспринимать директрису как высший авторитет, как бога, управляющего делами островного мира. И крушение божества всегда больно видеть.

Всхлипывая и сморкаясь в кружевной платочек, директриса призналась Ко, что в юности была «сладкой девочкой» — то есть попала в лапы Вольфганга дю Вольфа, который в те дни не был ни Вольфгантом, ни дю Вольфом, а был более известен как межпланетный карточный шулер Карлуша, скользкий как угорь, за которым тянулись хвосты десятков незавершенных или недоказанных уголовных дел. Был он молод, хорош собой, дьявольски нахален и смертельно опасен для романтически настроенных девиц, к которым и относилась молодая студентка Стокгольмской консерватории по классу арфы Розочка Аалтонен. Девочка потеряла голову, бросила консерваторию и очутилась в проходном гареме Карлуши, который именовался «ротой сладких девочек». Уже тогда организм Карлуши ни секунды не мог обходиться без сахара, и потому жизнь в гареме проходила среди тортов, конфет и ликеров. Так что яды

вкладывали в пирожные, иголки подсыпали в варенье, а толченое стекло — в мед.

— Нашей мечтой была... нашей мечтой был кусок селедки или черного хлеба. Если бы не власть, которую имел над нами Карлуша, мы бы разбежались хотя бы для того, чтобы забыть о сахаре.

— Поэтому у нас в детском доме не дают сладкого к чаю и не сахарят компот? — догадалась Ко.

— Поэтому, — коротко ответила Аалтонен.

— И что было дальше? — спросила Ко.

— Мне повезло более, чем другим. Я не успела стать его полной рабой, как однажды он попался на каком-то грязном деле и ему пришлось тайком бежать с Земли, бросив на произвол судьбы очередной гарем «сахарных девочек». После нескольких месяцев скитаний я смогла вернуться домой и стать учительницей. И жизнь моя прошла в честной работе... если бы не появился князь.

— Он прилетел к нам на остров? — спросила Ко.

— Да. Он прилетел сам. Потому что никому, кроме него, я бы не подчинилась. Но мне он сказал, что ему достаточно нескольких слов, чтобы навсегда погубить мою карьеру, чтобы лишить меня работы, чтобы опозорить меня на весь мир. Ты представляешь — директриса детского приюта, доктор наук Аалтонен — в прошлом оказывается «сладкой девочкой» мерзавца дю Вольфа! Тогда лучше покончить с собой!

— Успокойтесь, — попыталась утешить директрису Ко. — Не надо так нервничать.

— И я совершила преступление... я пошла на сделку с этим убийцей. Я дала ему дело Вероники дю Куврие. А он поклялся мне, что ей не причинят никакого зла... А потом оказалось, что зло неотделимо от князя. Погиб Артем, исчезла Вероника... на этот раз просто приказал лететь на Марс и подтвердить личность Вероники... ты можешь себе представить, каково было мое удивление, когда я увидела тебя... но замаскированную под брюнетку.

— За Веронику не бойтесь. Мы с комиссаром спрятали ее, — ответила Ко, которая почувствовала

себя старше и даже мудрее директрисы. Происходило это от уверенности в том, что она, Ко, стояла на стороне добра и знала, что добро сильнее, а потому имела как бы моральное право судить тех, кто не удержался на этом пути. И пройдет еще немало времени, прежде чем она поймет, что никакого права судить чужую слабость человеку не дано.

— С комиссаром?

— Больше я ничего не могу сказать...

— Ты думаешь, что комиссар знает обо всем?

— Он следит за каждым нашим шагом, — уверенно ответила Ко.

— Не может быть! — Ужас исказил добре лицо директрисы.

Ко кинула взгляд наверх и увидела, как по потолку бежит темнокожая муха-докторша с «Сан-Суси». Муха прижала лапку к губам, чтобы Ко не выдавала ее присутствия, и Ко, от сознания того, что ее друзья рядом, стало еще легче и спокойнее.

Она хотела еще многое спросить у директрисы, но тут отворилась дверь и из кабинета выглянул профессор дю Куврие.

— Скорее! — крикнул он. — У них вот-вот начнется обеденный перерыв. Не приезжать же нам еще раз.

Аалтонен и Ко поспешили в кабинет, где за компьютерами сидело множество чиновников и чиновниц, и Ко даже удивилась, с какой легкостью профессор отыскал нужный стол и нужный компьютер, где решительного вида девица сурово заявила:

— Из-за вас я потеряла уже две минуты обеденного перерыва.

— Возместим, — сказал профессор.

— Мы здесь защищены от коррупции, — возразила девица и показала наверх, где под потолком над каждым из компьютеров горел зеленый огонек телевизионного глаза. И тут же девица ахнула и чуть не упала в обморок, потому что по потолку бежала муха-докторша. Муха метнулась обратно и исчезла из поля зрения девицы.

— Это вам показалось, — сказала Ко.

— Вы так думаете? — спросила девица.

— Скорее, скорее, — рассердился профессор, который не заметил Ванессу. — Вы сами себя задерживаете.

— Все документы готовы.

Девица протянула профессору пачку документов.

— Это удостоверение с приложением анализов и свидетельских показаний о том, что Вероника до Куврие — ваша единственная дочь и наследница. А это завещание, которое оставляет ваше имущество дочери. Быстро подписывайте. Сначала свидетели. Первый — я сама.

Она расписалась.

— Вторая — госпожа... Аалтонен? Подписывайтесь.

Госпожа Аалтонен подписалась.

Затем документы были подписаны Ко и ее отцом.

Заведующий нотариальным бюро заверил удостоверение и завещание своей подписью и печатью.

— Поздравляю, — сказала девица и побежала обедать.

Комната с компьютерами опустела.

Профессор сложил документы, спрятал их во внутренний карман.

— Разве так можно обращаться с документами? — произнесла директриса, до того подавленно молчавшая.

— Ничего страшного, — отозвался профессор. — Я еще не собираюсь помирать, а копии есть в компьютере. Никто не отнимет у нас с дочкой мою коллекцию.

— О горе! — прошептала директриса, и Ко поняла ее отчаяние. Ведь в значительной степени по ее вине произошел катастрофический обман, значение которого не доходило раньше до самой Ко. Ведь теперь с профессором может произойти несчастье, и тогда Ко станет его наследницей. Хотя формально Ко ею стать не может, потому что любой генетический анализ покажет, что она не дочь профессора. Положение было тупиковым, и директриса, когда онишли к выходу, постаралась донести до Ко всю его сложность. Ко кивала, соглашаясь, но сама хранила молчание.

У входа в мэрию стояла большая черная машина князя с распахнутой дверцей. Возле нее — два силача и камергер с толстым лицом. В сторонке терпеливо дожидался Артур дю Гросси.

— Вам сюда, госпожа директриса! — воскликнул камергер, делая шаг навстречу свидетельнице.

— Погодите, мы еще не расплатились, — попытался вмешаться профессор.

Но директриса, даже не попрощавшись с ним или Корой, покорно пошла к черному лимузину.

— Странно, — заметил профессор. — Странная женщина. Я побаиваюсь за ее судьбу.

Вдруг директриса обернулась. Лицо ее было искалено отчаянием.

— Береги профессора, Ко — прощептала она, — ему грозит опас...

— Что она сказала? — спросил профессор, не разобрав возгласа директрисы.

— Она беспокоится за вас.

— Пустяки! — сказал профессор. — Поехали домой. Где портфель?

— Я оставила его в машине, — сказала Ко. — Он очень тяжелый.

— Ты с ума сошла! — закричал профессор, кидаясь к своей машине.

Он раскрыл дверь. Портфель лежал на сиденье. Профессор открыл его и начал копаться внутри, пересчитывая кляссеры.

Он полностью забыл о директрисе. А Ко смотрела вслед рванувшей с места машине князя. Ей показалось, что она видит белое пятно лица обернувшейся директрисы. Высоко в небе, под самым куполом, летела, следя за машиной, большая темнокожая муха в белом халате.

* * *

Ко беспокоила судьба директрисы. Если ее начнут мучить, они выпытают у нее всю правду о подмене дочки...

Пока ее названный отец разбирал конверты, погашенные сегодня на почтамте, Ко сделала кофе. Казалось, что он совершенно забыл о том, что подписал такие важные документы. А Ко не могла о них забыть. Профессор, плохой или хороший, стал жертвой обмана со всех сторон. Его обманывали и князь, и Ко, и Милодар. Это обязательно раскроется. Но как бы ни раскрылось, всеобщий гнев падет на Ко. Она всех обманула. И нет защитника — Милодара.

Разобравшись с конвертами, профессор занялся чтением писем коллег, и так продолжалось до середины дня. Ко предложила было сходить в магазин, чтобы купить продуктов для обеда. Несмотря на напряжение, в котором она ждала любого стука, скрипа, звонка, ей хотелось заняться чем-то полезным — ну хотя бы накормить профессора по-человечески. Он сознался, что несколько лет питается всухомятку и даже не разжигает плиту. Но профессор не выпустил ее из дома. Оказывается, он тоже чувствовал опасность.

— Погоди, — сказал он, — пока эта нечестная компания улетит с Марса.

Тогда, чтобы не терять даром времени, Ко вымыла в доме полы, пропылесосила спальню профессора, разобрала кухню и кладовку, измучилась, как после марафонского бега, и, к сожалению, совсем погубила одежду, конфискованную у сладких девочек.

Старый коллекционер оказался не таким рассеянным, как можно было подумать. Увидев дочь по окончании уборки, он повел ее наверх, в комнату матери. Отпер дверь, но сам заходить внутрь не стал.

— Возьми какое-нибудь платье, — сказал он. — Клара была высокой.

Он шмыгнул носом и быстро сбежал по лестнице. В комнату жены профессора никто не заходил много лет. К счастью, дверь в нее плотно прилегала к косяку, окно было закрыто, и пыль не могла проникнуть внутрь, как бы ей ни хотелось. Но все же за пятнадцать лет некоторый слой пыли накопился. И на аккуратно застеленной кровати, и на рабочем столике, и на зеркале... Ко провела пальцем по большо-

му зеркалу, и осталась сверкающая глубиной полоска.

Ко открыла шкаф. В нем висело несколько платьев, юбок, брюк — небогатый выбор для жены богатого человека. Вся одежда была темных тонов, без украшений.

Ко выбрала себе темно-синее платье с высоким, как будто от военного мундира, воротничком. В ящике комода под зеркалом она отыскала иголки и нитки и подогнала платье по себе.

Потом примерила платье. Нельзя сказать, что оно сидело великолепно, но в нем не стыдно было появиться в любом скромном обществе, а уж тем более пред очи собственного отца.

Ко сошла к нему в кабинет.

И тут раздался звонок в ворота.

— Я открою, папа! — крикнула Ко и побежала к двери.

В тот момент ее посетила странная мысль: будто она на самом деле отыскала своего отца и теперь они будут жить вместе и даже вместе собирать марки. Почему бы им не собирать марки... И вот в этом ложном ощущении покоя Ко побежала к двери.

За дверью стоял Артур дю Гросси.

— О господи! — ахнула Ко. — Ты еще зачем?

— Пришел поздравить восстановленное семейство, — сказал он.

Артур был роскошно одет. Поверх золотистого фрака была наброшена белая атласная накидка, расшитая изображениями волчьих голов — герба клана дю Вольфов. На что ни Вольфганг, ни его приближенные прав не имели. В руке Артур держал букет цветов.

— Может, не надо? — жалким голосом произнесла Ко.

— Надо, — ответил Артур.

Он легко отбросил Ко к стенке. Из кабинета профессора доносился стук древней пишущей машинки. Артур поправил растрепавшиеся волосы и широкими шагами направился в кабинет. Ко кинулась за ним.

Артур подошел к профессору, удивленно привставшему при виде столь шикарного посетителя.

— Разрешите поздравить вас, — произнес он, — по поводу реюньона нашего семейства.

— Как вы сказали? Реюньона? Вы говорите по-французски?

— Немного, профессор.

— Тогда спасибо вам за букет, за поздравление и разрешите сказать вам: оревуар.

— Как вы сказали?

— Я сказал по-французски. До свидания.

— О нет, — улыбнулся Артур и, легким движением отстегнув атласную накидку, кинул ее на спинку стула. — Меня так легко не выгонишь, папаша.

— Что вы имеете в виду? — Профессор отступил немного, подавленный размерами и мощью посетителя.

— А то, что я ваш зять.

— Объяснитесь! — крикнул профессор.

— А чего объясняться. Я — муж вашей дочки.

Может, перейдем на ты, папаша?

— Прекратите это безобразие и покиньте мой дом! — завизжал профессор.

— Спокойно. Давайте сядем... Вероника, а ну, принеси нам вина!

— Вероника, никуда не уходи! — приказал профессор. — И скажи мне сама, что все это значит?

— Не надо вмешивать мою любимую маленькую женушку, — откликнулся Артур. — Если вы грамотный, то возьмите и читайте.

Артур протянул профессору лист бумаги, и Ко поняла, что это — копия их брачного свидетельства.

— Не может быть! — Профессор попытался разорвать лист, но Артур остановил его:

— Не старайтесь, профессор, вы же представляете, сколько мы сделали копий!

— Вероника, дочь моя, скажи, это правда?

— Да, это настоящий документ, но я надеюсь, что он не имеет силы... хотя бы потому, что я несовершеннолетняя.

— У нас на планете ты совершенолетняя! — отозвался Артур. — Документ составлен по всем правилам. Так что попрошу выделить мне комнатку на вашем чердаке.

И он весело засмеялся, показывая замечательную здоровую челюсть, в каждый из зубов которой был вставлен бриллианттик, чтобы улыбка получалась еще лучезарнее.

— Впрочем, комнатка мне не нужна, я надеюсь, что вы нам с молодой женой купите хорошую виллу, желательно с бассейном.

Ко вынуждена была признать, что Артур был шикарен и, наверное, на человека более эмоционального, чем профессор дю Куврие, он произвел бы оглушительное впечатление. Но профессор, который в свое время хладнокровно отказался выкупить у похитителей свою единственную дочь, который потерял жену только потому, что коллекция была для него драгоценнее любого человека, не намеревался поддаваться давлению.

Он взял себя в руки, возвратил Артуру свидетельство о браке и холодным тоном заявил:

— Покиньте мой дом. Желательно, захватите с собой и мою так называемую дочь. Я не желаю иметь дома предмет, который может послужить орудием шантажа.

Значит, ее он считает предметом и орудием... а впрочем, разве он не прав? Конечно же, князь использует ее как инструмент, как отмычку к сундукам господина профессора. Но не стоит расстраиваться, Ко. Ведь именно с этим преступлением мы и боремся. Вместе с исчезнувшим комиссаром Милодаром.

— Выгнать из дома собственного зятя? Ну уж это слишком! — деланно возмутился Артур.

— И ты тоже уходи, — профессор смотрел на Ко глазами холодными, без ненависти, но такими холодными и равнодушными, что Ко поняла: князь проиграл — никакой доли в коллекции ему не получить.

— И если вы будете сопротивляться, — продолжал профессор, — то я вызову полицию. Учтите —

мой замок находится под охраной. Любая попытка нанести мне вред будет своевременно пресечена.

— Глупости, профессор! — резко ответил Артур, подбирав со стула свою волчью накидку и набрасывая ее на плечи. — Кому нужно нападать на вас? Всему миру известно, что вы бережете свои богатства в сейфах банка. Чего я достигну, убив вас, — ничего, кроме опасности быть пойманым.

— И повешенным! — добавил, улыбаясь, профессор.

— Вместо этого я предлагаю дружбу. И мир. И охрану. Я буду жить неподалеку от вас, я буду охранять вас, развлекать...

— Вот это лишнее!

— У нас с Вероникой рождаются дети... вы будете гулять с внучатами. Неужели вам не хочется, чтобы крепкие шумные малыши носились по этим мрачным коридорам?

Вот этот текст Артура и был роковой ошибкой. Придумал ли монолог сам Артур или ему подсказали его умники психологи на «Сан-Суси», но образ крепких внучат, которые носятся по коридорам дома и рвут драгоценные марки, показался профессору настолько ужасным, что он мгновенно превратился в сгусток злобной энергии и набросился на Ко и ее мужа так яростно, что через минуту оба очутились на улице и вслед им из-за запертой двери неслись несвязные выкрики:

— Внуки! Бандиты! Разграбить... уничтожить... скорее смерть!

Артур стоял перед дверьми, и желваки нервно ходили под кожей скул.

— Ты хочешь смерти? — прошептал он. — Ты ее получишь...

— Завтра же отправляюсь к адвокату! — Профессор просунул угрожающий перст между прутьев решетки. — Дезавуирую отцовство. У меня нет дочери! Любой суд меня поймет!

Трах! — захлопнулось окно.

Дом молчал.

— Этого можно было ожидать! — сказал Артур. — Хотя князь будет недоволен. Он хотел бы, чтобы этот профессор пошумел, пошумел, а потом смирился и пустил меня в дом.

— Нет, так быть не могло, — сказала Ко. — Вы плохо знаете профессора.

— А ты лучше?

— Да, я с ним жила вместе. Хоть и недолго. Он лишен человеческих чувств. А если они и сохранились... где-то там, в самой сердцевинке... их надо откапывать терпеливо, долго и с помощью добрâ.

— На добро у нас нет времени. Мы должны действовать.

— Как действовать?

— Решать будет князь.

Они уселись в черную машину. Сзади сидел молчаливый силач, похожий на чугунный шкаф. Артур вызвал по радио корабль. На экранчике видео появился портрет князя. Его белые волосы были встрепаны. Он ел мороженое, и белые сливки стекали по подбородку.

— Он нас выгнал, — доложил Артур.

— И Веронику выгнал?

— Вы уже догадались, князь?

— Это логично. Как только он увидел твою наглую рожу и услышал, что ты намерен навечно поселяться в его домике, он перепугался за свою коллекцию.

— Я ему сказал про внучат.

— Это его не утешило?

— Наоборот. Он взбеленился. Именно после этого он выгнал Веронику.

— Естественно, — князь рассмеялся. — Конечно же — она представляет теперь наибольшую опасность, как человеческое устройство, из которого появляются дети.

Вольфганг заливался смехом, и слышен был смех других людей вокруг — видно, он ел мороженое в хорошей компании.

— Какие будут распоряжения? — спросил Артур.

— Какие могут быть распоряжения? — откликнулся князь, подмигивая Артуру. — Никаких. Отдыхай, мой дорогой. Будем ждать, пока профессор изменит свою порочную точку зрения. Будем ждать... наберемся терпения.

— Слушаюсь, — ответил Артур, усмехаясь в ответ. И Ко поняла, что оба лгут. Что-то задумали, какую-то очередную гнусность. Но какую?

— Князь, — продолжал Артур. — А что делать с Вероникой? Она же лишилась дома! Разреши нам снять номер в гостинице? Я хочу, наконец, осуществить мои супружеские права!

— Успеешь, — ответил Вольфганг дю Вольф. — Осуществишь. Все мы их осуществим. Я тоже люблю твою женушку, она такая сладенькая... А мне пора менять своих сладких девочек, пора набирать новую смену! Люблю молодежь!

— Хорошо, князь, — согласился Артур без обиды. Словно иного ответа и не ждал. — Куда мне ее девать? На корабль?

— Ни в коем случае! Девочка должна быть под присмотром. Вокруг должны быть надежные, неподкупные свидетели. Что ты предлагаешь?

— А что если поселить ее в гостиницу к директрице Аалтонен? Она все равно ждет завтрашнего рейса на Землю, — спросил Артур, продолжая отрепетированную игру.

— Отлично. Только спроси разрешения у почтенной дамы. Согласится ли она претерпеть неудобства?

— Разумеется, князь.

— И попроси ее не спускать глаз с твоей жены до утра.

— Слушаюсь, князь.

— Для надежности я велю поселиться в той гостинице нашей докторше Ванессе. Пускай побудет с женщинами. Может, ее медицинская помощь понадобится...

— И лишний глаз не мешает, — закончил за князя Артур.

— А сам возвращайся поскорее ко мне. Сыграем в шахматы. Чудесные шахматы я достал здесь. Пред-

ставляешь, белые из леденцов, а черные — из шоколада. Ты какими будешь играть?

— Вы все равно мне не оставите, — улыбнулся Артур.

Смеясь, князь отключил связь, а Артур произнес с отвращением:

— Не выношу сладости. Даже чай пью без сахара.

— Как я тебя понимаю, — согласилась его молодая жена.

— Ты слышала, что я отвезу тебя в гостиницу? Там у директрисы номер люкс. Из двух комнат. Переночуешь вместе со своей любимой учительницей.

Ко хотела возразить, что теперь не смогла бы отнести Аалтонен к числу своих любимых учителей, но машина быстро понеслась по улицам, и она раздумала что-либо объяснять своему мужу.

— Может быть, нам всем улететь? — спросила она.

— Зачем же? Мы еще поборемся в суде, — ответил Артур. — Ты его законная дочь, я его законный зять. И пускай он докажет обратное.

— Вам очень хочется отсудить часть его богатства? — спросила Ко.

— Разумеется, иначе зачем нам было все это затевать.

В гостинице, роскошном обиталище богатых туристов, директриса занимала обширный номер на четвертом этаже. Когда они позвонили в дверь, она открыла сразу — оказывается, князь уже предупредил ее о гостью, и директриса не стала возражать против вторжения. Более того, Ко показалось, что она была рада.

Артур добавил, что если князь и на самом деле решит прислать в гостиницу докторшу, она позвонит в номер Аалтонен.

— Сидите, — посоветовал Артур уходя, — не вызывайтеесь, в город не выходите, там к вам могут пристать темные личности — а потом выручать будет поздно.

— Мы и не собирались, — ответила директриса. Она была бледна, осунулась и выглядела лет на сто старше, чем обычно.

— То-то, — наставительно произнес Артур. — Нам нужно, чтобы у вас было железное, непробиваемое алиби. Так что не скрывайте того, что вы в номере, — можете заказывать в номер ужин, прохладительные напитки, требовать шахматы, домино и компьютерные игры, можете жаловаться на то, что барахлит освещение, звонить по телефону домой — и даже бить посуду...

— Этого еще не хватало! — возмутилась директриса.

— Шучу, — ответил Артур.

Ко не успела отклониться — он поцеловал ее в щеку.

Дверь закрылась.

Они остались одни.

* * *

— Боже мой, я так волновалась за тебя, — сказала директриса, усаживаясь на диван и показывая Ко место рядом с собой. — Эти люди готовы на все!

— А я беспокоюсь о судьбе профессора. Мне очень не понравилось, как князь договаривался с Артуром. Мне кажется, они что-то задумали, — ответила Ко. — Как бы мне отыскать комиссара?

— Как мне ни неприятно это сознавать, — ответила директриса, — но я полагаю, что комиссар следит за развитием событий, но не хочет, чтобы кто-нибудь об этом догадался. Боюсь, что он уже знает и о моей роли в этой истории.

Директриса приложила к глазам, кончику носа кружевной платочек и шмыгнула.

— Думаю, он не будет сильно сердиться, — постаралась утешить Аалтонен ее ученица. — Ведь вас шантажировали. Вы не хотели скандала для школы.

— Вот именно, для коулю, именно для моего Детского острова! Ты представляешь, какой был бы скандал, если бы открылось, что директрисой на острове служит бывшая сладкая девочка князя дю Вольфа! Но я все равно не вернусь на остров.

— Почему?

— Я уйду на пенсию и скроюсь где-нибудь. Потому что не имею морального права учить детей. Это будет мое наказание.

Ко не стала спорить с директрисой. Пожалуй, если та чувствует свою вину, ей и на самом деле лучше уйти на пенсию. Но если раньше она робела перед непогрешимой директрисой, теперь ей было ее жалко. Та оказалась слабым человеком, и груз прошлого раздавил ее.

Ко набрала код ресторана и попросила включить на дисплее обслуживания меню на ужин.

— Как ты можешь думать о еде? — упрекнула ее директриса. — Я бы вообще не смогла проглотить ни кусочка.

— Наоборот, — голосом умудренной жизнью путешественницы ответила сиротка. — Мне надо обязательно подкрепиться. Мы не знаем, что нас ждет в ближайшее время. Я же сегодня выпила лишь две чашки кофе.

— О нет! — госпожа Аалтонен уронила голову на руки.

Когда подносы с ужином, поднявшись из кухни, появились в комнате, Ко отнесла их в лоджию, где было прохладнее. Там дул искусственный ветерок и царила уютная полутьма летнего вечера, которая создавалась по земному времени, когда купол, превращаясь в темные очки города, темнел, пропуская лишь свет ярких звезд.

Госпожа Аалтонен вышла в лоджию посидеть вместе со своей воспитанницей, но когда та начала с аппетитом молодого животного уничтожать отбивную и хрустеть жареной картошкой, директриса не выдержала — ничто человеческое не было ей чуждо — и положила в рот ломтик помидора, потом листок салата, а потом взяла в руки ножик и вилку. И хоть Ко хотелось улыбнуться, она, разумеется, сдержалась и сделала вид, что полностью углубилась в еду.

Мягкий вечер, музыка, доносившаяся из близкого парка, выращенного марсианами, несмотря на пессимистические предсказания земных специалистов,

смягчили нервное состояние директрисы. И она заговорила нормальным голосом, обретя интонации вельможной дамы.

— Пожалуй, — произнесла она, — для меня самым неожиданным и невероятным испытанием была встреча с тобой. Ведь я летела сюда, угшая себя, что сейчас увижу Веронику и помогу ей воссоединиться с отцом. Я понимала, что с князем надо быть настороже и если он тебя просит о чем-то, то скорее всего это выгодно только ему. Но мне хотелось надеяться, что важнее всего воссоединить семью, а потом уж можно будет придумать, как справиться с Вольфом.

Директриса отрезала половину отбивной и задумчиво жевала ее. Прожевав, продолжила:

— Когда вместо Вероники я увидела тебя, замаскированную под Веронику, я была потрясена. За секунду мне надо было сообразить, что означает этот маскарад.

— Вы быстро сообразили, — сказала Ко.

— Перед моими глазами возник образ комиссара Милодара, и я догадалась, что вернее всего подмена Вероники — дело его рук. И я даже поняла, почему он это сделал.

— Почему?

— Потому что Вероника была влюблена в Артема, потому что она уже раскусила подмену, она была в панике... я же знаю Веронику, она милое, слабое создание — в качестве помощницы Милодара она не годилась.

— А я?

— Ты годилась. В тебе есть авантюризм. Ты стремишься к приключениям. Ты — трудный ребенок. А Вероника — ребенок, удобный для воспитания, мирный и послушный. Ну скажи, я права, что Вероника догадалась о подмене?

— Я заменила ее в последний момент — она была в истерике...

— А где она сейчас? Ах, впрочем, что я говорю — конечно же, Милодар спрятал ее в укромном месте — он опасается, что на острове есть его враги.

— И он прав...

— Если ты, Ко, думаешь, что я отношусь к его врагам, ты глубоко ошибаешься. Я преклоняюсь перед его способностями. И клянусь тебе, что я была бы и дальше его верной помощницей, если бы не прилетел проклятый князь и не напомнил мне о позорной странице моей биографии. Он привез пленки... пленки, где я, обнаженная, измазанная вишневым вареньем, танцую перед пьяными придворными и матросами... А потом он, он делает со мной... нет, тебе рано знать, что он делает с наивными девушками.

— Рано, значит, рано, — философски согласилась Ко, которая была убеждена, что образована по этой части, правда, лишь теоретически, куда более, чем директриса. Именно некоторая, как ни странно, наивность директрисы и привела ее к падению. Но не станешь же рассказывать пожилой женщине, в чем заключается женская мудрость и женская наивность.

— В жизни каждой женщины, — директриса принялась за мороженое и умиротворение расплылось по ее широкому розовому лицу, — наступает момент, когда она становится опасной не только для окружающих, но и для самой себя. Этот момент связан с паникой. Именно с паникой, дитя мое. В один прекрасный момент ты подходишь к зеркалу и понимаешь, что у твоих глаз появились морщинки, или видишь первый седой волос. И тогда на тебя как лавина обрушивается понимание того, что вся твоя жизнь устроена неправильно, что работа лишь убивает тебя, что твой муж или мужчина недостоин тебя, что жизнь катится слишком быстро и если не успеть схватиться за поручень последнего вагона, то поезд уйдет навсегда. И тогда ты готова выбежать на улицу и кинуться в объятия первого встречного подонка, который хорош лишь тем, что не похож на правильных людей, которые тебя окружают. Ну скажи мне, Ко, что могло заставить меня, отличницу, лучшую студентку консерватории, которая боготворила арфу, разломать за ночь чудесный и дорогой инструмент, бежать из общежития, и очнуться лишь в сомнительной гостинице, в объятиях пахнущего ликером и ка-

рамелью беловолосого красавчика и нестись несколько месяцев по притонам Земли и других планет, забыв обо всем — о родителях, о долгे перед людьми, о боге, — теперь я с ужасом и каким-то тайным восторгом вспоминаю эти вальпургиевы ночи — но это все было не со мной! О нет, это другая девушка неслась на лаутга по бурной реке. И я полагаю, что такой взрыв опасней всего для натур послушных, мирных, сдержанных...

— Для отличниц, — досказала Ко.

— И для таких, как ты, потому что ты всегда находила лахто в чужих ошибках.

Директриса задумалась.

С неба медленно спустилась муха в белом халате и уселилась на перила лоджии, в отдалении от директрисы, чтобы не испугать ее своим появлением.

— Добрый вечер! — приветствовала ее Ко.

— Ах! — воскликнула директриса, но Ко была готова к такой реакции и сразу спросила муху:

— Вы хотите кофе или чаю?

— Ничего, я уже пила чай, спасибо, — ответила темнокожая муха.

— Вы незнакомы, — сказала Ко. — Ванесса — наш доктор. Она очень хорошая. А это госпожа Аалтонен, директриса моего приюта.

— Я все знаю о директрисе твоего приюта, — ответила муха, и Ко почувствовала осуждение в ее слабеньком жужжащем голосе.

— Вот и хорошо, — сказала Ко. — А что нового слышно о нашем друге комиссаре?

— Комиссар занят срочными делами в Галактическом центре и не может прилететь.

— Пускай он пришлет сюда свою голограмму, — предложила Ко.

— К сожалению, на таком расстоянии голограмма получается нестабильная. Комиссар освободится завтра с утра и сразу же поспешит сюда. Так что вам надо продержаться до утра. Сможете ли?

— Мы постараемся, — сказала Ко и посмотрела на директрису.

— Боюсь, что от меня мало пользы, — сказала та.

— Но вред от вас бывает, — безжалостно прокужжала муха.

Директриса наступила. Она согласна была сама казнить себя. И даже позволила бы это сделать комиссару. Но не темнокожей мухе.

— Я буду находиться как можно ближе к тебе, Вероника, — сказала муха.

— Не Вероника, — поправила ее директриса. — Нежели вы до сих пор не поняли, что девочку зовут Ко?

— Я этого не поняла, — ответила муха. — Потому что не знаю, установлены ли здесь подслушивающие устройства.

И она, взлетев, растворилась в теплом синем воздухе.

— Ну, вряд ли, — смущенно сказала директриса. Она понимала, что совершила ошибку, но настолько уже устала совершать ошибки, что последнюю не захотела признавать. — Что-то становится холоднее, — произнесла она, хотя вечерний воздух был подобен парному молоку. — Давайте пройдем в номер...

Ко подчинилась.

Телефон зазвонил именно в тот момент, когда они очутились в комнате.

Директриса громко ахнула и прошептала:

— Не бери трубку! — будто от аппарата исходила страшная угроза.

Но Ко была уже у телефона. Она включила его. На экранчике появилось лицо профессора дю Куврие.

— Слава богу! — произнесла директриса с облегчением. Видно, она страшилась увидеть на экране кого-то другого.

— Ну вот, слава богу, — произнес профессор. — Я уж думал, что никогда тебя не отыщу, что они спрятали тебя, увезли с планеты и, может, даже убили.

Ко странно было видеть такое взволнованное лицо профессора и слышать столь нервные слова.

— Ты в порядке, ты жива? — спросил он.

— Да, спасибо, папа, — ответила Ко, вновь входя в роль Вероники. — А как дела у тебя?

— У меня? Дела? Мне страшно, мне одиноко, меня гнетут ужасные предчувствия, Вероника. Ты уверена, что тебе ничего не грозит?

— Не бойся за меня.

— Я был не прав, когда выгнал тебя. Я думаю, что тебя обманом выдали за этого... Артура. Скажи, что это так. Завтра же адвокаты Марса разведут тебя с этим подонком, по законам Марса ты несовершеннолетняя. Ты сейчас в гостинице?

— Да, я в номере директрисы моего приюта, госпожи Аалтонен.

— Беги от нее! Она в сговоре с князем и его младдцами.

— Не беспокойтесь, профессор... то есть, папа, она совсем не такая плохая. Она лишь хотела подтвердить правду, что у вас есть дочь.

— Я точно знаю, что она служит князю.

Директриса вошла в поле зрения аппарата.

— Вы имеете право так говорить, профессор, — сказала она. — Но клянусь вам, я сделаю все, чтобы... Вероника была в безопасности.

— Вероника! Я никому не верю, — перебил ее профессор. — Я не верю и тебе. Но хочу тебя спасти. Единственное место на Марсе, где ты будешь в безопасности, — это мой дом. Они не смогут взорвать его даже атомной бомбой. Я прошу тебя, я умоляю тебя — сейчас же беги ко мне. Пока они не спохватились. Мы с тобой не знаем всей глубины их дьявольских замыслов. Если они доберутся до тебя и директрисы, я ничем не смогу тебе помочь...

Профессор откашлялся. Он ждал ответа, и Ко никак не могла решиться, что ей следует делать. Тогда профессор продолжал:

— Мне плохо одному, я только сегодня понял всю глубину и пустоту моего одиночества. Вероника, приди ко мне, раздели со мной этот дом... завтра мы все сделаем, что надо. Но сегодня мы должны быть рядом, мы должны поддерживать друг друга.

— Поезжай к нему, — сказала директриса. — Мне тоже будет спокойнее.

И темнокожая муха, которая сидела на перилах лоджии, подтвердила:

— Иди к нему. Там надежнее спрятаться до завтра, когда приедет Милодар. Только никому не доверяйте, никому не открывайте. Я прилечу на рассвете.

— Я приеду за тобой, — сказал профессор.

— Ни в коем случае! — возразила Ко. — Я доберусь сама. Еще не так поздно. Мне идти минут десять.

— Тогда возьми напрокат флаер. Они есть на стоянке гостиницы.

— Я довезу тебя, — сказала директриса.

— Спасибо, — сказал профессор. — Теперь слушайте меня внимательно. Для того, чтобы одеться и получить флаер, вам понадобится десять минут, — продолжал он. — Еще пять, чтобы добраться до машины. Пять минут я даю вам на полет до моего дома. Значит, ровно через двадцать минут гостиничный флаер должен быть у моих ворот. Я открою дверь, если вас узнаю. Для этого я должен знать, как вы будете одеты. Я хочу узнать вас сразу, как только вы выйдете из флаера.

— Я в том же платье вашей жены, папа, — сказала Ко. — То есть моей мамы.

Директриса укоризненно покачала головой — ее педагогической натуре была отвратительна любая ложь. Кроме той, которую по необходимости производили собственные уста.

— Какого цвета? — спросил профессор. — У меня не такой большой экран, чтобы быть уверенным в чертах лица. Но платье я должен узнать.

— Посмотрите, платье темно-синее. — Ко протянула к экрану видеофона руку, чтобы профессор получше разглядел рукав платья.

— Синий атлас, — сказал профессор. — Серебряное шитье по воротнику. Теперь вижу. Записал и запомнил. Такое сочетание цветов на марке Суринама в шесть центов, посвященной третьей американской регате. Да?

— Может быть, — согласилась Ко.

— А в чем будет одета твоя директриса?

— Я в черном, — коротко ответила госпожа Аалтонен, и голос ее звучал несколько обиженно, словно профессор поставил под сомнение моральные основы ее манеры одеваться. — Скромный белый воротничок. Небольшая черная шляпа, низко надвинутая на лоб.

Ко подумала, что директриса слишком подробно описывает себя, — даже смешно, как пожилые люди иногда серьезно относятся к таким пустякам.

— Черный пенни, — коротко ответил профессор, и почему-то, словно и на самом деле Ко была наследницей дю Куврие, она вспомнила, что так называемая первая в мире почтовая марка — «черный пенни», наверное, ее придумали англичане.

— Черный пенни, — повторила директриса, не поняв, что имеет ввиду профессор.

— И чтобы не менять одежду! — приказал профессор. — Темно, освещение оставляет желать лучшего, мы не можем ошибаться. Враги не дремлют.

Ко улыбнулась.

— Я совершенно серьезен, — ответил на улыбку профессор, но не удержался и улыбнулся сам. — Теперь я включаю часы, — добавил он. — И через двадцать минут жду вас у ворот моего замка.

Профессор отключился, и дамы принялись приводить себя в порядок. К тому же черная шляпка директрисы куда-то задевалась, и прошло минут пять, прежде чем она обнаружилась в ванной, где, видно, и оставила ее сама хозяйка номера, возвратившись в расстроенных чувствах после разговора с Ко.

Ванесса пожелала удачи и сказала, что пролетит над замком через четверть часа, чтобы проверить, удачно ли произошла встреча с профессором.

Она бесшумно взмыла в воздух и, сверкнув под фонарями витражными крыльями, исчезла среди звезд.

— Ну, вы готовы? — нетерпеливо спросила Ко, видя, как мечется по комнате госпожа Аалтонен в поисках сумочки. Сумочка нашлась, и пришлось снова спешить к зеркалу, чтобы поправить шляпку.

Конечно, Ко могла бы пошутить, что директриса рассчитывает заполучить жениха, — не все же воспитанницам выходить замуж, но не посмела и правильно сделала, потому что госпожа директриса была близка к истерике.

Даже странно было, что визит к профессору, правда, драматически обставленный, настолько выведет ее из себя.

— Пошли, — поторопила ее Ко. — Время на исходе. Нам еще надо взять флаер.

Но судьба и дальше продолжала ставить им палки в колеса.

Когда Ко толкнула дверь из номера, оказалось, что она закрыта. Ко начала толкать дверь, затем стучать в нее — создавалось впечатление, что их заперли.

Госпожа Аалтонен первой догадалась позвонить вниз, к администрации. Тот сказал, что тут же посыпает наверх дежурного, и попросил дам не беспокоиться. Прошло еще минуты три, прежде чем появился дежурный. Он окликнул их из-за двери, у них ли захлопнулась дверь. Ко ответила, что у них. Тогда он вежливо спросил, желают ли господа, чтобы дверь была открыта.

— Желаю, и немедленно! — закричала госпожа Аалтонен.

Тут же щелкнул замок, и дверь отворилась.

За дверью стоял барбосного вида наглый лакей, который был настолько вежлив, что хотелось сразу отхлестать его по щекам, в чем вскоре призналась директриса.

— Заела собачка, — сообщил он. — Надо было приподнять дверь... вот так. Она и открылась бы. Как же вы не догадались?

Они не стали более слушать барбоса и побежали к лифтам.

Лифты проносились мимо, словно некий шалун катался в них с двадцатого до шестого подземного этажа, не желая останавливаться на четвертом. Пришлось бежать по лестнице — но для этого сначала надо было лестницу найти — она оказалась за углом коридора и вывела Ко и Аалтонен в полуподвал, который заканчивается тупиком.

Они вбежали на пролет выше, и, к счастью, оттуда вниз вел широкий парадный пандус для почетных гостей.

На этом пандусе директриса врезалась в какую-то молодежную компанию, потеряла равновесие и, споткнувшись на ступеньке, сломала каблук. Пока она стояла, держа каблук в руке и рассматривая его, словно Гамлет череп Йорика, молодежная компания — видно, туристы из какого-то весьма отсталого уголка Вселенной, начала тянуть Ко с собой, обещая необыкновенный ужин в ресторане. Когда директриса поняла, что Ко увлекает толпа бездельников, она кинулась ей на выручку, а каблук, хоть небольшой, но острый, послужил ей вместо кинжала.

Наконец они вырвались на простор вестибюля, но не сразу сообразили, где находится стойка.

— Что с вами? — поразился их виду портье. — Вам плохо? Вам нужна помощь?

— Нам нужен двухместный флаер напрокат, — заявила директриса.

— А вы проживаете в нашем отеле? — спросил портье, зачарованно глядя на то, как директриса выстукивает нервную дробь по стойке окровавленным острым каблуком.

— Я проживаю в номере шестьдесят, я только что разговаривала с вами, и вы посыпали лакея, чтобы выпустить меня из номера...

— Простите, — широко и дружелюбно улыбнулся портье. — Значит, вы разговаривали с бюро поломок и неприятностей. Пожалуйста, перейдите на ту сторону вестибюля и вон там, за колонной, вы найдете это бюро.

— Нам нужен двухместный флаер!

— Я не могу выдать вам флаер, — вежливо ответил портье. — Ваше нервное состояние заставляет меня заподозрить, что вы находитесь в состоянии алкогольного опьянения. Если вы будете так любезны, что пройдете в комнату медицинской сестры, которая мгновенно смерит вам давление и проведет тесты на нервное и наркологическое состояние...

— Бежим отсюда! — возопила Ко. — Мы найдем какой-нибудь флаер на улице.

— Я бы не советовал! — закричал вслед портье.

Но Ко уже бежала к выходу, а директриса хромала следом, размахивая каблуком и сумочкой.

— Стойте! — преследовал их голос портье.

Они уже почти достигли вертящихся дверей, и Ко с ужасом подумала, что сейчас не впишется в эти проклятые двери и они закружат ее, но тут вместо дверей образовался оранжевый шар, который рос, заполняя вестибюль громом и сиянием.

Ко и директрису отбросило назад ударной волной, и они, вместе со всеми, кто был в вестибюле, покачались ворохом осенних листьев к входу в ресторан.

Когда грохот и сияние смолкли, оглушенная и избитая Ко поднялась и стала искать директрису в крошеве стонущих, кричащих, ревущих людей.

Она угадала ее по черному разорванному платью и желтым, затянутым назад волосам.

— Вы живы? — спросила Ко.

— Мне надо умыться и сделать сидонта, то есть перевязка. Ты проводишь меня в номер?

— Простите, госпожа Аалтонен, — сказала Ко. — К сожалению, мне надо спешить к профессору. Он очень волнуется и ждет нас.

— Он ждал весь вечер, — директриса с трудом выпугнула из чужих рук и ног и с помощью Ко вышла на свободное место. — Он подождет еще.

— Вы оставайтесь, найдите медицинскую сестру, — крикнула Ко. — У вас ничего не сломано?

— Откуда я могу знать? — возмутилась директриса, перекрывая все растущий шум в вестибюле. — Пока меня не обследуют...

Ко видела, что директриса отлично стоит на обеих ногах, в одной руке держит сумочку, а в другой каблук — значит, конечности целы.

— Я вам позвоню! — крикнула Ко и побежала к выходу.

— Ты куда? — крикнула вслед ей директриса. — Я запрещаю!

А может быть, Ко почудился голос госпожи Аалтонен сквозь шум и крики.

Самое трудное было выбраться из гостиницы. Некто, подложивший бомбу в кругящиеся двери, неожиданно взрывчатки, и вход в гостиницу превратился в щель, в которой торчали перегнутые, закрученные листы пластика и арматуры. Возле двери на земле лежала молодая женщина, платье разорвано, грудь в крови. Над ней склонился пожилой мужчина. Он увидел, что мимо пробегает Ко, и крикнул ей:

— Вызовите врача! Неужели вы не понимаете?

— Сейчас будут врачи, — уверенно ответила Ко и начала продираться сквозь прутья и камни к выходу из гостиницы. Она изорвала остатки и без того полуслорвавшего платья, и вдруг ее посетила странная мысль: профессор может не узнать ее, если она появится перед замком почти голой и без директрисы.

Издалека донеслись сирены — к гостинице уже приближались машины — пожарники, скорая помощь... Над крышами домов к зданию неслись красные пожарные флаеры.

Где здесь стоянка? Вон там, справа стоят флаеры и машины. Ко побежала туда.

Первый флаер был заперт, второй — тоже. Неужели так не везет?

Странное жгучее нетерпение, смешанное с ужасом, заставляло Ко, забыв о себе, пытаться открыть машину за машиной... десятая или двенадцатая дверца отъехала в сторону. Ко прыгнула в машину, которая оказалась наземной, и погнала ее, не обращая внимания на знаки ограничения скорости, к дому профессора до Куврие. Она знала лишь общее направление, а план города на приборном щитке ничего ей не говорил. Но, к счастью, интуиция и небольшие размеры города ей помогли. Через несколько минут она уже оказалась на знакомой улице, а затем и перед знакомыми воротами.

Ко затормозила у ворот, выскочила из машины — клок подола зацепился за дверцу, синяя ткань маминого платья оказалась на редкость крепкой. Как пойманная за крыльшко оса, Ко билась, стараясь осво-

бодиться. Наконец, оторвав подол, она кинулась к воротам.

— Профессор! — закричала она, глядя в глазок камеры, стерегущей ворота. — Это я, Вероника!

Металлический забор, окружавший виллу коллекционера, был освещен четырьмя парящими в воздухе прожекторами, которые то поднимались, освещая пространство до дороги, то опускались ниже и светили ярко на ворота и кусты за оградой. Света этих схожих с воздушными шариками прожекторов придавала вилле праздничный вид. Сюда почти не проникал шум улицы и лишь вечерняя тишина позволяла услышать на расстоянии вой сирен и звон машин, сбежавшихся к гостинице.

Она толкнула ворота — ворота медленно отворились — к счастью, профессор ждал ее и значительное, может быть, на полчаса, опоздание его не рассердило.

— Я иду... папа, — крикнула Ко и побежала к двери....

Дверь в дом была полуоткрыта. Над ней горел фонарь, прихожая была освещена.

Ко вбежала внутрь. Ноги были как ватные — еще три минуты назад она думала, что опоздала... опоздала к чему? Чего она боялась?

— Профессор, — сказала она, — не сердитесь, что я опоздала и приехала в таком виде, — в гостинице произошел взрыв. Честное слово!

Так как профессор не отозвался и не удосужился выйти из кабинета, Ко почувствовала некоторую обиду.

Она вошла в кабинет.

В кабинете горела только настольная лампа и перед ней — экран, на котором были видны открытые ворота.

— Папа, — позвала профессора Ко.

Тот продолжал сидеть, склонившись над своими марками, будто заснул.

— Папа, — Ко дотронулась до его плеча.

Этого легкого прикосновения оказалось достаточно, чтобы тело профессора потеряло равновесие и повалилось на бок... Оно тяжело упало на руку Ко, и

от неожиданности девушка отпустила тело — головой вниз, профессор рухнул на пол, и остался так лежать.

Глаза его были полуоткрыты.

Профессор был мертв.

* * *

Ко ждала этого... конечно же, ждала именно этого, иначе почему она так стремилась сюда, так боялась за старого коллекционера?

— Прости, папа, — произнесла Ко.

Словно, если бы она успела, коллекционер остался бы жив.

Ко никогда в жизни не видела мертвых людей, а тут за несколько дней увидела двух убитых и сама попала в самый центр схватки, суть которой не до конца была ей понятна.

Ко осторожно положила еще теплую голову профессора на пол. Она уже поняла, что профессор убит из пистолета, — черный кружок с оплавленными краями и обожженная кожа посреди лба показывали, куда угодила пуля.

Глупо, но она не знает даже, как вызывают полицию или скорую помощь — а рядом с телефоном нет никакой записной книжки.

Ко стояла возле телефона, глядя на черный экран и рассуждая, как заставить его работать.

И тут она услышала шаги.

Шаги звучали в коридоре, со стороны кухни, она знала этот путь.

Ко обернулась.

Она ожидала увидеть кого угодно — Артура, сильнейшего князя, неизвестных ей бандитов, — только не двух женщин. Одна была полной, высокого роста, в черном длинном платье и черной шляпке. В руке она сжимала небольшую черную сумочку. Единственным инородным пятном смотрелся строгий белый воротничок. На женщине были большие темные очки и потому, хоть и поняла, что она ей кого-то напоминает, Ко ее сразу не узнала. Вторая женщина

была в синем старомодном платье со стоячим воротничком, пышные курчавые черные волосы шапкой поднимались над головой и обрамляли лицо...

Крупная женщина расхохоталась.

Хохотала она резким мужским голосом.

Затем она сорвала шляпку и парик из желтых волос, и Ко узнала господина князя Вольфганга дю Вольфа.

Женщина в синем платье последовала примеру князя и, стащив с себя пышный черный парик, оказалась Артуром дю Гросси. Даже полумрак комнаты, освещенной лишь настольной лампой, не мог скрыть озорного веселого блеска глаз этих ряженых.

— Что такое? — воскликнула Ко в полной растерянности. — Как вы здесь оказались, почему вы так одеты?

Князь хотел было разорвать на груди черное платье, но Артур остановил его:

— Не забывайте, нам с вами еще надо отсюда уйти, и лучше, если нас не увидят.

— Ты прав, мой мальчик, — согласился князь.

— Вы не ответили мне! — потребовала Ко.

— Милая моя женушка, — сказал Артур. — Счастье мое лукавое. Неужели ты не понимаешь, что этот скопидом и хитрец, этот жалкий трус вечером не впустил бы в дом меня с князем? Да он скорее бы удавился. А вот с тобой и госпожой Аалтонен он говорился.

— А вы откуда знаете? — Ко спросила и поняла сразу, что вопрос ее глупый.

— Мы знали о каждом вашем слове и каждом вашем вздохе, — ответил князь и, задрав юбку, вытащил из кармана брюк длинный мягкий леденец. Развернув его, он принялся сосать конфету.

— Перед тем как запустить тебя в номер к этой трусливой курице, — сказал Артур, — мы установили в номере жучки, а заодно прослушивали телефон...

— Но это же подло!

— Вопрос точки зрения, — сказал князь. — То, что подло для тебя, благородно для нас. Это называ-

ется военная хитрость. Вся жизнь — война, и мы с Артуром на войне.

— Вы знали о том, как мы договорились с профессором? — промолвила в ужасе Ко.

— Да, ты можешь считать себя виноватой в смерти своего как будто папы, Ко.

— Как? Как вы меня назвали?

— Не старайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле, — произнес князь. — Директриса выдала тебя в первые же минуты вашего разговора. Мы теперь отлично знаем, что ты не Вероника, а Ко. Что ты — жалкая служанка трусливого комиссара Милодара, который даже не решился прислать сюда свою голограмму. Мы ведь знаем все об этом типе.

Артур угодливо смеялся.

Потом сказал:

— А я уж и не знаю, женатый я теперь или нет. Ведь женился я на Веронике, а получил в жены Ко. Может, мне сейчас выяснить разницу?

— Нет, к сожалению, ты опоздал, — сказал князь. — Но не расстраивайся, мой мальчик, мы найдем тебе настоящую Веронику, которая, судя по всем документам, и есть твоя настоящая жена. И может, это и к лучшему — эта Ко уже выпускает когти. Она может оцарапать.

— Да куда ей! — ответил Артур. — Погляди на ее рожу. Непонятно, где она умудрилась так себя изуродовать.

Ко непроизвольно потянулась пальцами к лицу. Стало больно, пальцы были в крови — ее оцарапало во время взрыва в гостинице.

Только не показать, что ты их боишься...

— А зачем вам понадобился этот маскарад? — спросила она.

— Смотри, она еще не потеряла дара речи, — заметил князь. — Но не понимает простой вещи: ведь она уговорилась с профессором, что он откроет ворота для двух женщин — одна толстая, в черном платье, другая молодая — в синем. Значит, если мы имели полную информацию, нам оставалось одолеть у наших сладких девочек на «Сан-Суси» соответствующие платьица и кинуться сюда.

— И отдать приказ, чтобы вас с директрисой пока задержали, — добавил Артур.

— Боюсь, что они перестарались, — мрачно сказала Ко. — Они взорвали половину гостиницы.

— Ну вот! — рассердился князь. — Этого я всегда боюсь, когда имею дело с моими помощниками.

— Тогда нам надо спешить, — сказал Артур.

— Да, ты прав, мой мальчик.

Причмокивая — видно, конфета досталась очень вкусная, — князь критически оглядел Ко.

— Очень грязная и окровавленная. Не в моем вкусе. И Артуру тебя отдать не могу, — вздохнул он. — А то не получится наш замечательный план.

— Какой план? — спросила Ко.

Князь был настроен мирно.

— План получить наследство профессора. Оно так нужно мне! Иначе мне не начать справедливую освободительную войну против моих соседей. Мне нужны миллиарды профессора.

— Как же вы их получите? — не поняла Ко. — Ведь профессор убит!

— Мы получим не из его рук, — мягко сказал князь. — С самого начала в моем гениальном плане получения коллекции профессора дю Куврие предусматривалось уничтожение самого профессора.

— Но зачем?

— Затем, чтобы ты, его дочка, унаследовала законным образом всю коллекцию и все деньги дю Куврие...

— Я вас не понимаю! — воскликнула Ко.

— А на самом деле все просто, — заметил Артур.

Князь согласно кивнул и продолжал:

— Когда мы узнали, что у профессора пропала дочь, мы поняли, что если ее вернем, значит, деньги — наши. Первый блин был комом. Кларенс оказалась всем хороша, но не прошла испытания на генетический тест и сразу раскололась. Пришлось ее... — князь засмеялся, — сделать чучелом! Сама виновата.

Ко молчала. В этом для нее не было ничего нового.

— Тогда мы занялись поисками дочки всерьез, и дальнейшее тебе известно, — продолжал князь. —

Мы нашли Веронику, оказалось, что она и на самом деле дочь профессора, и больше того, в директрисе Аалтонен я узнал свою бывшую сладкую девочку. Знаешь, Ко, такие благовоспитанные арфистки легче всего и попадаются в мои ловушки.

Князь совсем развеселился и принял хрустель леденцом. За него рассказ завершил Артур. Он говорил быстро и спокойно. Как будто излагал урок.

— Мы знали, что профессор хранит коллекцию в банке. Достать ее даже мы не сможем. Значит, нужно было достать ему не только дочку, но и обеспечить ее связь с ним. Нам повезло, что Вероника была влюблена в физкультурника Артема. Артема мы убрали, заменили на меня. Сначала Вероника сомневалась, но потом мы сыграли свадьбу...

— Уже со мной, — заметила Ко. — Со мной, а не с Вероникой.

— К сожалению, мы не сразу догадались. Хотя это уже не играет роли.

— Почему вы так говорите? — вдруг испугалась Ко.

— Потому что мы — умные люди, а ты, если будешь умной девочкой, должна догадатьсяся. Первый этап нашей игры прошел успешно. Веронику отдали замуж за нашего человека. Второй этап тоже прошел успешно — с помощью Аалтонен мы доказали профессору, что он вернул себе настоящую дочь. После этого ему следовало удочерить собственное дитя. И это прошло удачно. А вот третий этап операции сорвался.

— Хотя мы к этому были готовы, — заметил князь. Он ходил по кабинету, брал в руки различные вещи, быстро крутил в пальцах и либо ставил на место, либо опускал в большой карман, пришитый к платью.

— Пустяков не бывает, — сказал он, перехватив злой взгляд Ко. — А ты здесь только кажешься наследницей.

И он продолжил обыск.

— Я думал, — сказал Артур, — что твой коллекционер пошумит-пошумит, но выгонять тебя из дома не станет. И мы договоримся, за сколько уступим

ему собственную дочку. И во сколько ему станет наш с тобой развод. Нам всего не нужно, но нам нужно окупить расходы.

— Вот именно! — сказал князь, и Ко поняла, что они с Артуром опять врут. Не собирались они отпустить профессора на волю. Замужняя дочка должна была стать якорем, который утянет на дно все его богатство. — К сожалению, он проговорился, что угром вызывает адвоката, чтобы отменить удочерение и выгнать тебя из дома. Может, мы и выиграли бы такой процесс. Но он очень дорого стоит. И потребует нескольких лет... Так что нам ничего не оставалось...

— Как убить моего отца, — подсказала Ко.

— Как оказалось, — не твоего.

— Вы с директрисой нам помогли. Вы подсказали нам, как надо переодеться, чтобы старый дурак решил, что к нему идут родственницы. Остальное было делом техники, — сказал князь, хрупая очередным леденцом.

— Мы предложили ему добровольно переписать все имущество на дочь, — сказал Артур. — Мы дали ему шанс остаться живым.

— Если он не пожертвовал коллекцию за маленькую дочку, то сегодня это пустой разговор, — сказала Ко.

— Пустой разговор, — согласился князь. — И он закончился смертью профессора.

— Но зачем такая жестокость! — Ко хотелось плакать.

— Потому что мы хотим, чтобы все было по закону, — сказал князь таким голосом, каким говорят с непонятливым ребенком. — Потому что, когда профессор умер, все наследство перешло к его дочери. К тебе.

— Вот вы и провалились! — Ко почувствовала радость, несмотря на то что ей грозила смертельная опасность. — Достаточно проверить мой генетический код, и все узнают, что ты, Артур, женился не на дочери профессора.

— Именно поэтому, — печально сказал князь, — мы должны сегодня же ночью и тебя уничтожить. Ты погибнешь в пожаре, который через несколько минут охватит этот дом. Понимаешь, почему?

— Почему? — тупо повторила Ко.

— Потому что с твоей смертью по закону, понимаешь, по закону вся коллекция переходит к твоему мужу, а моему племяннику.

И Артур на эти слова князя шутовски поклонился, как кланяются в исторических фильмах мушкетеры, елозя перьями шляп по полу.

— Ничего у вас не получится, — воскликнула Ко. — Комиссар Милодар будет здесь уже завтра!

— Мы знаем. Мы слышали, как говорила о том еще одна предательница — черномазая навозная муха! А я поверил, что она меня любит! — Князь был взбешен. — Мы ее раздавили, как клопа.

— Вы ее убили? — Ко знала, что князь опять лжет, но тем не менее испугалась.

— И теперь спешим покончить с вашей семейкой. Пока все пожарные возятся у гостиницы, мы поработаем здесь. — Князь сделал вид, что не услышал вопроса.

— Но вы не успеете...

— Это наше дело, — усмехнулся князь. — С моими связями и напором я проверну дело о наследстве через компьютер завтра утром за полчаса. Когда все опомнятся и примчится твой комиссар Милодар, мы будем в открытом космосе. Никто никогда ничего не докажет.

И князь сказал это так, что Ко ему поверила.

Операция, задуманная еще в прошлом году, в конце концов удалась, как и хотел того князь Вольфганг. И никто ничего не узнает...

* * *

Князь и Артур были взвинчены и, наверное, пьяны. Они подпрыгивали, кривлялись и выглядели комично в длинных платьях и париках.

— Керосин! — вдруг закричал князь. — Неси керосин, племянник!

Ко оглянулась: куда бежать?

— И не надейся! — Князь заметил ее движение. — К сожалению, мы не можем оставить тебя в живых. Ты ведь даже не Вероника. А мы обязаны наследовать... мы так любим собирать марки!

Вбежал Артур. В руке он держал канистру. Даже об этом они позабочились.

— Мы, к сожалению, обязаны осквернить твою божественную красоту, — сказал князь. — Нам нужно, чтобы ваши трупы обгорели так, чтобы их нельзя было оживить. Мы не имеем права рисковать. У нас родственники и обязательства перед державой.

— Князь! — взмолился вновь Артур. — Но может быть, я все же выполню супружеские обязанности? Быстро-быстро. Мне жаль, что она уйдет на тот свет девицей.

— В этом есть особая чистота, — возразил князь. — А я тебе достану еще десять жен, моложе этой. И нежнее... — и он расхохотался, одновременно пытаясь приказать Артуру, чтобы тот завершил свое черное дело.

— Лить или стрелять? — спросил Артур.

— Лей, а я буду стрелять, — ответил князь.

Он поднял пистолет и неверной рукой направил его на Ко.

Артур принял разбрзгивать керосин из канистры. Все было просто, противно и плохо пахло. И не могло относиться к Ко. Не могло, и все тут!

Что-то должно было произойти, чтобы прекратить это бесчинство.

Какое-то чудо! Ведь нельзя же, чтобы я погибла...

В коридоре послышались уверенные быстрые шаги.

И в тот момент, когда князь наконец прицелился в Ко, рядом с ней возникла директриса Аалтонен.

Мадам была облачена в обрывки черного платья, волосы ее на правой стороне головы обгорели, а на левой — растрепались, туфель, и то без каблука, сохранился лишь на одной ноге, зато в руке она сжимала свою черную сумочку.

— Немедленно! — закричала она с порога низким хриплым голосом учительницы. — Немедленно прекратите это безобразие. Как вы только посмели!

— Сладкая моя, — крикнул ей князь. — Отойди с дороги, ты мне мешаешь прицелиться. Ведь ты не хочешь, чтобы твоя неудачливая воспитанница мучилась перед смертью?

— Беги! — приказала госпожа Аалтонен своей воспитаннице голосом, не терпящим возражений. — Сейчас же, хэти!

И Ко, как оловянный солдатик, как собачонка, которой велят бежать от злого пса, кинулась из комнаты... Князь принял стрелять ей вслед.

Ко мчалась по коридору, затем выбежала на крыльце и помчалась к воротам.

— Стой! — крикнул князь. Она слышала его голос. — Стой, стреляю!

Она услышала выстрелы, и что-то страшной болью ударило и обожгло плечо.

Она потеряла равновесие, ее развернуло, она сблизилась с шага и даже смогла, сама того не желая, увидеть то, что происходит за ее спиной, — там на крыльце стоял князь и намеревался следующим выстрелом добить Ко.

Ко нагнулась и кинулась в сторону.

Мимо нее промчалась синяя молния выстрела.

И тут нечто темное, жужжащее и непонятное обрушилось на князя с неба, притом так неожиданно, что он потерял равновесие, сбил с ног выбежавшего на крыльце Артура и свалился по ступенькам вниз.

Ко поняла, что в ее распоряжении секунда, вернее — доли секунды. И, пригибаясь, она успела миновать ворота, прежде чем снова раздались выстрелы.

И тут она замерла — в лицо ударил яркий прожектор, и ей показалось, что все погибло. Она сжалась, метнулась к стене, и голос с неба, властный голос, который может принадлежать лишь полицейскому, прижал ее к месту:

— Всем стоять на месте! Никто не сопротивляется! Бросить оружие! Вы окружены, и сопротивление бесполезно!

И когда Ко окончательно поверила, что это полиция, она кинулась прямо в сверкающий глаз прожектора с криком:

— Скорее! Там госпожа Аалтонен! Скорее спасите ее!

Ко поняла, что ноги ее не держат, и опустилась на землю. Доктор-муха спустилась рядом с ней, прикрыла ее своими добрыми хрустящими крыльями и велела проглотить какую-то пиллюю. И притом успела шепнуть:

— Здорово я его сбила? Я давно мечтала отомстить ему за все!

— Ой, это были вы!

— Да, — сказал комиссар Милодар, возникая рядом. Он был окружен голубоватым сиянием, и Ко закономерно предположила, что это еще не комиссар, а лишь его голограмма добралась до Марса. — Эта скромная представительница нетрадиционной медицины общим весом шестнадцать килограммов, включая одежду, умудрилась сшибить с ног и оглушить двух мужчин общим весом двести шесть килограммов. Я отправляю эти данные в Книгу рекордов Гиннеса.

— Где директриса? — спросила Ко. — Она прибежала, а то бы я погибла...

— Видишь, ты сама признаешь, что дважды должна была погибнуть.

— Госпожа Аалтонен не виновата. Она расплачивалась за свои давнишние ошибки, — взмолилась Ко, уловив в голосе комиссара осуждение.

— Вот видишь, — сказал комиссар. — Лучше не делать ошибок с самого начала. Обернись.

Ко обернулась. Сквозь крышу вырвалось желтое пламя.

Пожарные вертолеты кружили над домом коллекционера, поливая его пеной.

Санитары вынесли носилки, на которых лежала директриса. Она была бездыханной.

Реанимобиль уже ждал ее.

— Что с ней будет? — спросил Ко.

— К счастью, мозг директрисы не поврежден, — сказал комиссар. — Мы сможем ее оживить.

— Пожалуйста, дайте ей молодое тело, — попросила Ко.

— Специально для того, чтобы сделать тебе приятное, — сказал комиссар, — я уже отдал такое распоряжение. Но не исключено, что она предпочтет свое собственное, немножко отремонтированное.

Милодар расхохотался, и князь, которого проводили в то время рядом, сплюнул на землю, чтобы выказать свое презрение.

— К сожалению, — сказал Милодар, — этот недодай пользуется дипломатическим иммунитетом.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Подожди до завтра, подумаем...

За князем полицейские вели Артура. У того на руках блестели наручники.

— Вероника! — возопил Артур. — Ко. Ты жена мне! Ты обязана взять меня на поруки.

Ко отвернулась. Он был ей противен.

* * *

Темнокожая муха Ванесса, к счастью, живая и здоровая, дала Ко десятичасовое снотворное. И потому Ко проспала в госпитале, в отдельной палате десять часов.

Когда она проснулась, то чувствовала себя отдохнувшей и бодрой.

Голограмма комиссара Милодара была первой посетительницей.

Милодар осторожно уселся на стул и сказал:

— Я принес тебе газету. Будешь читать или рассказать вкратце?

— Вкратце! — улыбнулась Ко. Комиссар был похож на сатира — кудри его туго завивались, лицо было темно-смуглым, глаза — светлыми и хулиганистыми. Никогда не дашь ему пятидесяти лет.

— Как обнаружилось, вчера в государстве, которое так тщательно готовил к роли мирового завоевателя князь Вольфганг дю Вольф, произошел переворот. Князь свергнут с престола и объявлен обычным уголовным преступником. Галактический центр признал

новое законное правительство и, обнаружив на территории Марса господина дю Вольфа и ряд уголовных элементов, сопровождавших его, посадил его в тюрьму, конфисковав корабль «Сан-Суси», а от себя добавило — и невероятные запасы сладостей.

— А как коллекционер? Как профессор? — спросила Ко.

— Его не успели спасти. Он погиб.

— Жалко. Он погиб из-за меня.

— Я знаю. Но погиб он не из-за тебя, а от своей собственной неосторожности. Он открыл двери двум мерзавцам.

— Одетым, как я с директрисой.

— Ко, не спорь, — ответил комиссар. — Надо было лучше смотреть. Князь и Артур вовсе не похожи на тебя и директрису.

— Мы видим, что хотим, — заметила Ко, которая за эти дни стала куда старше и даже умнее. — Ведь Артур увидел во мне Веронику.

— Тем более надо быть осторожными. Как вы с директрисой могли допустить, что ваш номер не прослушивается?

Ко промолчала. Комиссар был прав.

— А что касается госпожи Аалтонен, то решено не принимать против нее судебных действий, так как она оказалась жертвой шантажа. Но она сама, прия в себя, подала в отставку с поста директора Детского острова. И отставка была принята. Мы можем простить госпожу Аалтонен, но вряд ли можем доверить ей надзор над непредсказуемыми детьми. Правда, Ко? Кора?

— Правда.

— И она решила оставить себе старое тело.

— Наверное, она права.

— Какие еще вопросы, Кора?

— Почему вы называете меня Корой, комиссар?

Меня зовут Ко.

— Ты ошибаешься. А я всегда держу слово.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что тебя зовут Кора, фамилия твоя — Орват. Родом ты из поляков, которых еще в

девятнадцатом веке выслали под Вологду в ссылку. Родилась ты в небольшой деревне под городом Великий Гусляр. В той деревне и сейчас живет твоя родная бабушка Анастасия Тадеушевна Орват. К которой ты и отправишься на отдых, как только закончишь давать показания по твоему первому делу и врачи тебя отпустят на волю.

— А где мои родители? Папа и мама?

— Оба они — геологи. Твоя мама Алина Удалова, родом из Великого Гусляра. Отец — Максим Орват. Оба пропали без вести в экспедиции, подробности которой уточняются. Твоя мать сдуру взяла малышку в экспедицию.

— Что с ними произошло? Где они? Я хочу их найти.

— Не спеши. Искать их буду я. И в конце концов найду. Потому что моя прямая обязанность — заботиться о моих полевых агентах.

— Это кто еще — ваш полевой агент? — насторожилась Кора.

— Ты, моя крошка. Ты будущий полевой агент ИнтерГпола и уже прошла первые испытания.

— А если я не захочу?

— Захочешь, — уверенно ответил комиссар. — Я уже знаю про тебя больше, чем ты сама о себе знаешь. И знаю, что в глубине души ты создана для того, чтобы стать агентом ИнтерГпола и вести жизнь, полную риска и приключений. И если ты заглянешь себе в душу, ты поймешь, насколько я прав.

— Я не знаю...

— Тогда вспомни последние дни. Вспомни, как тебе было интересно распутывать дело о Веронике и коллекционере де Куврие.

— Интересно, интересно, интересно! — призналась Кора. — Значит, мне можно не возвращаться на Детский остров?

— Ты полетишь к бабушке Насте. Бабушка уже предупреждена о твоем существовании и печет пироги к твоему прилету. Она счастлива.

— О, я тоже! Спасибо! — И Кора, забывшись, вскочила и обняла комиссара, но ее руки прошли сквозь его бесплотное тело.

— Не хватай меня за печейку, — сказал комиссар, — мне щекотно. Поскорее принимайся за отчет и анализы. Скоро прилетает твоя подруга Вероника, и ты должна будешь ей все объяснить и помочь стать самой богатой невестой Галактики. Ты ведь последней видела ее отца...

— А потом?

— Отдохнув, возмешь курс на Москву. Пора поступать в Университет.

— А вы же сами сказали, что я буду агентом.

— Для того, чтобы стать агентом ИнтерГпола, моя девочка, ты должна учиться, учиться и еще раз учиться. Поняла?

Кора хотела возразить, но комиссар растворился в воздухе. Даже улыбки его не осталось.

— Мою маму зовут Алиной, — сказала Кора вслух, — а папу — Максимом. И я их найду.

Она подошла к открытому окну.

На Марсе стоял яркий солнечный день. Совсем близко, снижаясь, пролетела темнокожая муха и, приложив тонкую лапку к тонкому рту, послала Коре воздушный поцелуй.

НА ПОЛПУТИ С ОБРЫВА

Кора и Вероника были центром компании. Другие девушки там не прижились, если не считать Кломдидиди, покрытой тонкой короткой зеленой шерстью, нежной и робкой подруги охотника Гранта. Почему они прибились к компании, никто не понимал, а сам Грант объяснял одним словом: «Стая».

Кора и Вероника были похожи почти как близнецы, только Вероника — брюнетка, а Кора — светло-русая, хоть и с темными бровями. А глаза у подруг были одинаково синими.

Кора привезла с собой черный парик, а Вероника — русый. Когда было выгодно, они пользовались париками, то становясь неразличимыми, то заменяя одна другую на роковых встречах или просто свиданиях. Результаты бывали непредсказуемыми.

Но лето выдалось веселым и настроение под стать ему.

Сессию подруги сдали удачно, романы и переживания оказались в прошлом, здоровье и красоту у них никто не мог бы отнять, судьбы человечества их не интересовали. Пускай человечество само разбирается со своими судьбами.

Еще в мае, сдав историю искусств, они решили, что улетят в Крым, в Ялту или Коктебель и ровно месяц будут сладко бездельничать, по возможности, не отходя от моря.

И никто им не будет нужен, ни один мужчина, ни один мальчишка, ни один тридцатилетний старикашка. Истинным валькириям нужна тишина и свобода.

Тишина и свобода, которыми девушки пользовались первые три дня, на четвертый день им страшно надоели. За свободу приходилось отчаянно бороться, а тишина давила на уши.

Девушки пожертвовали тишиной и свободой, получив взамен королевские привилегии в небольшом изысканном обществе, которым себя окружили.

Общество состояло из двух поэтов, живших в палатке у скалы Дева, композитора-песенника Миши Гофмана, инженера-авиатора по имени Всеволод и охотника Гранта в сопровождении хрупкой возлюбленной Кломидиди, покрытой зеленою шерстью. Гофман присоединился последним, он был толстеньким, рыжим, зеленоглазым, с проблемами в личной жизни.

Члены компании жили в разных концах мирного, солнного Симеиза и встречались после завтрака на узком, заваленном каменными глыбами, но тем не менее уютном пляже, в конце которого сахарной головой возвышалась скала Дева, куда можно было подняться по бесконечной лестнице, круто выбитой в камне, а местами нависающей над пропастью.

В зависимости от настроения или каприза длинноногих повелительниц Симеиза пребывание на пляже могло быть заменено морской прогулкой в Алупку, поездкой за кумысом, походом за грибами или даже этюдами. Правда, на этюды ходили лишь дважды, когда был шторм на море, а хотелось показать спутникам и поклонникам, что современная женщина представляет не только физическую ценность. Обе красавицы были надеждой русской архитектуры и не намеревались это таить.

Июль выдался непостоянным, капризным, порой набегали облака, и весь день моросил теплый ленивый дождик, порой поднимался бурный ветер и зеленые, почти горячие волны накатывались на камни пляжа, порой вдруг устанавливалась ангельская погода, когда температура воздуха поднималась до биб-

лейских высот и даже ночью хотелось нырнуть в родничок, что журчал в скалах над повисшим на крутом склоне доме дамы Тамары Ивановны, которая сдавала подругам домик в вишневых зарослях.

Но в день, когда начинается это повествование, было умеренно жарко и умеренно ветрено. Так что даже можно было поиграть в нижнем парке в волейбол и потом охладить в море разгоряченные тела.

Кора уговаривала залезть в воду зелененькую возлюбленную охотника Гранта, но та, как смогла, объяснила Коре, что вчера видела в воде медузу, которая показалась ей невероятно страшным и отвратительным зверем. У возлюбленной был широкий вздернутый носик, большой губастый рот и желтые глаза. Шерстка на лице была нежной, как пушок, но на спине и руках становилась гуще и длинней. Ее было приятно гладить. Кломидиди начинала по-кошачьи мурлыкать, нежась от такой ласки, а охотник Грант говорил:

— Хватит, хватит, вы мне ее совсем избалуете!

Он был длинным, сутулым, жилистым мужчиной, на лице и на плечах розовели проплешины молодой кожи после недавних ожогов. Грант говорил, что попал в лесной пожар. Может быть... но девушкам хотелось представлять себе более драматическую причину ожогов, например след дыхания дракона.

Инженер-авиатор Всеволод Той сидел на плоском камне у воды, опустив босые ноги, и когда волна, подкатившись, гладила их пеной, блаженно улыбался, как кот. Вообще-то он был крепким человеком с покатыми тяжелыми плечами и мускулистыми ногами. Его лицо не соответствовало могучему телу — редкие брови были нарисованы природой слишком высоко над глазами, отчего он казался растерянным. Хотя был вполне в себе уверен.

Инженер читал большую старинную книгу, которую заказал вчера в Ялтинской библиотеке.

В Ялте и иных городках по побережью жило немало пенсионеров, сохранивших сентиментальную склонность к книгам. Может быть, такой пенсионер всю свою жизнь провел у дисплея и читал только с

экрана, но, приехав в тихую обитель, он заказывал в библиотеке копии старых книг и гулял по набережной с настоящей книгой под мышкой.

Вот и инженер, хоть не был еще пенсионером, но приближался к роковому, с точки зрения девушек, тридцатилетнему возрасту, заказал в библиотеке копию труда издания 1889 года «Археологические загадки Крыма», принадлежавшего перу господина Сладковского.

— Ах, — произносил инженер, ознакомившись с очередной загадкой, — вы не представляете!

Возглас этот ни к кому не обращался, потому что в такую погоду никому и дела не было до древних крымских загадок.

Сам Всеволод занимался изобретением и конструированием самых маленьких летательных аппаратов, тех, что могли подняться в воздух с помощью мускульной силы человека. Это были махолеты, птичелеты и подобные им хрупкие, как правило, сооружения стрекозиного вида. Инженер пообещал в ближайшие дни показать в действии свой новый аппарат, но ждал, пока его перешлют в сложенном виде из Коктебеля.

Так что пока он сидел у моря, касался пальцами ног теплых волн и читал тосклившую, с точки зрения спутников, книгу.

Поэтов звали Карак и Валик. Наверное, когда-то было кино или стихи про Карака и Валика, только первоисточник забылся, а аналогии остались. Поэты были худосочны, коротко острижены по моде, ходили в длинных полосатых шортах, именовали друг друга милостивыми государями и настолько были заняты собственными переживаниями и собственным творчеством, что опасности для дам даже в темное время суток не представляли.

Главную опасность для девиц представлял композитор-песенник Миша Гофман, который не столько сочинял новые песни, как напевал всем свои старые, с его точки зрения, известные и любимые произведения. Он был невероятной подвижности, толстым, рыжим и с рыжими веснушками. И ручки у него

были короткие и загорелые, а пальчики совсем ма- ленькие, но очень шустрые, и казалось, что ручек, а тем более пальчиков у него несколько десятков, по- тому что стоило скинуть с плеча или коленки одну ручку, на ее место появлялось еще штук пять, и все цепкие. Притом композитор тонко хохотал. Миша был старым, даже старше тридцати. Но его держали в компании, потому что он был очень свойским, знал массу веселых историй, со всеми был знаком и мог провести в ресторан или на концерт даже тогда, когда там не было ни одного свободного места.

— Любопытно, — сказал Всеволод, утыкая палец в страницу книги. — Здесь рассказывается о наших местах.

— Почитай вслух, — попросила Вероника, которой инженер очень нравился, потому что был суров, задумчив и очень умен. К тому же у него была красивая фигура и он мог заплыть за горизонт. Вероника дождаться не могла, когда он, наконец, начнет испытывать свой махолет, и заручилась его обещанием дать ей попробовать подняться в небо.

— Ты уже готова в него влюбиться, — с осуждением предупредила ее Кора прошлым вечером.

— Тебе он не нравится?

— Мне он нравится.

— Больше, чем надо?

— Вероника, мы же хотели провести месяц без личных переживаний! — возмутилась Кора. — Я знаю, чем это кончится через три дня. Окажется, что он недостаточно в тебя влюблен, посмотрел не тем взглядом на nudistку на соседнем пляже, читает, когда тебе хочется с ним обниматься, вообще женат и любит своих детей.

— Он женат? — в ужасе спросила Вероника, которая только эти слова и выловила из краткого монолога подруги.

— Он не женат, но это не меняет дела, потому что ты отыщешь другой повод пострадать.

— Зачем же мне страдать, если он не женат? — удивилась Вероника. Это означало, что она уже начала влюбляться в инженера-авиатора и скоро их

мирной жизни подойдет конец. Композитор-песенник вызовет инженера на дуэль, кто-нибудь из поэтов покончит с собой, охотник Грант утопит свою зеленую возлюбленную, и начнутся иные катаклизмы.

Ничего не подозревавший инженер, которому, как казалось Коре, куда больше нравилась она, нежели ее подруга, начал читать вслух, чуть повышая голос, когда волна набегала на берег и, шурша по гальке, уползала обратно.

— ...Некогда, — читал он, — скала Дева имела иную форму, нежели сегодня, и представляла собой завершение каменного гребня, берущего начало у нынешней нижней дороги. Там, где гребень скалы вливался в материк, располагалась прибрежная крепость, построенная еще до появления здесь древних греков дикими племенами тавров, обитавших на побережье Крыма. Крепость эта хоть и отличалась небольшими размерами и может именоваться скорее форпостом или наблюдательным пунктом, играла немалую роль в обороне полуострова...

Кора подняла голову, мысленно проведя линию от вершины скалы Дева в сторону берега. Инженер Всеволод, словно угадав ее мысли, заложил пальцем страницу и произнес:

— Это недалеко отсюда, надо будет обязательно сходить и посмотреть, что от нее осталось.

Далеко не все подданные королевства Вероники и Коры были покорными и заинтересованными слушателями Всеволода. Миша Гофман гулял довольно далеко, разыскивая в гальке выброшенные ночным штормом прозрачные камешки. Поэты, хоть и сидели рядом, играли в шахматы и вряд ли прислушивались, охотник Грант стоял у самой воды и взглядался в горизонт. Покрытая шерстью Кломдиди сидела у его ног, обняв руками щерстяные коленки, и тоже взглядалась в горизонт. Вероника дремала у ног Коры, подставив спину солнцу и накрыв голову бумажной шляпой. И неясно было, слушает ли она чтение или мысленно целуется с чтецом.

— Продолжайте, — милостиво повелела Коре, и инженер послушно в путь побег.

— Из этой крепости стражи видели первые греческие корабли, что медленно плыли на север, к таинственным гипербореям, всматривались в потрепанный парус «Арго», на котором прекрасная Медея убила своего брата...

Вероника услышала последнюю фразу и спросила:

— Зачем она убила своего брата?

Инженер смешался, но охотник Грант неожиданно откликнулся:

— Чтобы папа не догнал ее драгоценного Ясона.

Все удовлетворились пояснением Гранта, и инженер продолжал чтение:

— Форпост заглох в период упадка Боспорского царства, но был восстановлен крымскими готами. С этой крепостью связана малоизвестная крымская легенда, берущая начало еще в средние века. В ней говорится о том, как прекрасная дочь местного царька долгие месяцы ждала своего суженого, отправившегося за море добывать воинскую славу. И вот его корабль появился на горизонте. Не в силах более ждать, принцесса разбежалась и кинулась с головокружительного обрыва в море, но не разбилась, а превратилась в белую чайку.

На этом легенда закончилась и было непонятно, что же случилось дальше.

— Наверное, этот самый жених, — сказала Вероника, садясь, — погиб. Она потому и прыгнула.

— Аналогия со смертью царя Эгейя, именем которого названо Эгейское море, — сообщил охотник Грант. Все обернулись к нему, ожидая разъяснений. По молчанию Грант догадался, чего от него ожидают, и продолжал: — Его сын Тесей плавал на Крит и убил там Минотавра. Помните про нить Ариадны?

Все согласно закивали, даже зеленая Кломидиди, которая наверняка не знала о нити Ариадны.

— У них была договоренность, — сказал охотник, — если операция удалась, то корабль Тесея поднимет белый парус, а если Минотавр забодает Тесея, то парус должен быть черным. На радостях молодежь, которая плыла с Тесеем, перепутала паруса, а может, и вовсе забыла о договоре — папа уви-

дел с высокого берега черный парус и кинулся с обрыва.

— Ты думаешь, что у того жениха тоже был черный парус? — спросила Вероника.

Охотник не ответил. Но Вероника завершила свою мысль так:

— Не исключено, что в словах Гранта есть доля здравого смысла. Иначе зачем здоровой молодой девушке бросаться со скалы?

Вероника была отстающей студенткой и не ладила с литературой, но любила говорить изысканно и учено.

Инженер Всеволод с долей иронии поглядывал на хорошенькую синеглазую брюнетку, и та, перехватив его взгляд, зарделась. Ее тонкая белая кожа легко покрывалась румянцем — загореть же она еще не успела, да к тому же такая кожа плохо поддается загару.

— Вы что-то хотели сказать? — спросила она.

— Нет, — коротко ответил инженер и вновь углубился в чтение.

* * *

После обеда, который вкушали все вместе в молочном кафе над пристанью, они отправились на площадку за скалой Дева, где должны были находиться остатки форпоста или крепости, откуда кидалась в воду, превращаясь в птицу, несчастная девица. Подъем был пологим, незаметным, жару разгонял легкий ветер, который скатывался с гор, донося тонкие пронзительные переклики скалолазов, которые тренировались на обрывах.

Вероника отстала и потянула за собой Кору. И хоть мужчины приостановились, ожидая их, Вероника замахала им: идите, мол, дальше, вы нам не нужны. Кора подумала, как они сильно изменились с Вероникой с той поры, как обе жили в приюте для галактических найденщих на Детском острове. Теперь Вероника стала...

Кора не успела додумать, кем стала Вероника, потому что Вероника сама заговорила именно на эту тему.

— Как ты думаешь, — спросила она подругу, упервшись ей в лицо синими глазами, — тебе не трудно будет, так, между прочим, в разговоре, сказать ему, что у меня есть дворец в Люксембурге? Так, между прочим...

— Влюбляешься? — спросила Коря.

— Хочу, чтобы он ответил мне взаимностью, прежде чем ты его соблазнишь, — ответила подруга. — Я боюсь, что он меня не принимает всерьез.

— И ты решила, что если он узнает, что ты — первая невеста Марса, он сразу в тебя влюбится?

— Любовь — это чувство, — разъяснила Вероника, — и его не купишь. Я это проходила. Но удивить мужчину богатством можно.

— Удиви композитора Мишу, он любит дворцы в Люксембурге, — посоветовала Коря. — Со Всеволодом этот номер не пройдет, поверь моему жизненному опыту.

— Он у нас одинаковый, — заявила Вероника.

От основной дороги оторвалась тропинка, которая повела между скал, поросших дикой вишней и акацией, налево, к обрыву над морем.

— Мы правильно идем? — спросил рыжий композитор, который ненавидел пешие прогулки.

— Должно быть близко, — ответил поэт Карак, державший в руке планшет с наклеенной на него схемой из путеводителя. Конечно же, можно было искать крепость более цивилизованными методами, но если ты романтик, то не будешь вызывать летающий глаз из ялтинского информатория.

В кустах журчали пчелы, шмель вылетел подобно пуле навстречу Веронике, она кинулась на шею инженеру Всеволоду, но промахнулась. Коря оценила элегантную ловкость, с которой инженер произвел этот маневр и удержал девицу на вытянутой руке.

— Он очень грубый, — сказала Вероника, приблизившись снова к Коре. — Погляди, какие обезъ-

яные губы. И ноздри как у лошади. Мне кажется, что он по ночам страшно храпит.

Тропинка вывела их на обрыв — никакого форпоста не обнаружилось. Были лишь кусты, которые расступились, обнаружив старую железную скамейку, на которой сидела старушка и вязала. Правда, вид оттуда открывался изумительный: море поднималось до уровня глаз, но начиналось в невероятной глубине под ногами. Оно меняло цвет от серо-синего до серебряного и на горизонте сливалось с таким же серебряным небом. По этой почти невидимой границе полз прогулочный пароходик.

Компания стала бурно изъявлять разочарование тем, что никакого форпоста они не обнаружили. Претензии обращены были к инженеру Всеволоду, и громче всех их высказывала разочарованная в нем Вероника. Кора вздохнула: по многолетнему опыту дружбы с Вероникой она знала, что такое шумное и резкое неприятие мужчины означает, что Вероника в него уже втюрилась.

— Вы ищете Птичью крепость? — спросила бабушка в черном платье, отрываясь от вязания. — Давайте я вам ее покажу.

Она легко поднялась с лавочки, и никто ее не останавливал, не возражал.

— Я — местный мельник, — сообщила бабушка. — Мои предки жили в Феодосии. Теперь я на пенсии и работаю наблюдателем за птицами. Отсюда удобно наблюдать за птицами.

Бабушка показала на оставленный на скамейке прибор.

— Я фиксирую полеты членов птичьих семей, — сказала она. — Меня интересуют сухопутные хищники. Морскими птицами занимается мой коллега капитан Громобой. Воон там.

Она показала вниз, и все увидели маленькую шлюпку — как соринку в глазу моря.

— Капитан фиксирует чаек и бакланов.

— А они вас знают? — спросил охотник Грант. Кора увидела, как сжался его кулак. Охотник ничего не мог с собой поделать — ему хотелось стрелять в

птиц. Еще вчера композитор Миша сплетничал, что охотник Грант в порыве страсти перебил всех родственников своей Кломидиди и, только когда она прибежала их оплакивать, догадался, что уничтожил целое разумное племя. И его любовь к зеленой девушке была вызвана раскаянием и надеждой, что она родит от него новое поколение своих единоплеменников и таким образом он хоть в малой степени загладит экологическое преступление.

Бабушка провела примолкшую почему-то компанию назад по тропинке и показала узкий проход между пышными кустами акации. И когда они миновали этот проход, то оказались в узком коридоре, образованном стенами, сложенными из грубо отесанных каменных плит, — оказалось, что это — ворота в Птичью крепость.

Сама крепость была не похожа на крепость — это была пыльная каменная площадка размером с трехкомнатную квартиру, с разрушенными лентами каменных фундаментов. Со стороны, обращенной к морю, сохранился угол стены по грудь человеку и перед ним — неглубокая яма, из которой косо торчали две каменные плиты. Вот, пожалуй, и все.

Старушка словно почувствовала вину за ничтожество таинственной крепости, стала быстро говорить, что в окрестных кустах можно отыскать еще плиты, потому что сама крепость была куда больше размером, и еще в начале двадцатого века сохранялся нижний этаж одной из двух ее башен. Но никто не хотел лезть в кусты в поисках плит и башен, все сгрудились в углу крепости, глядя на небо и море, а бабушка все еще продолжала оправдывать крепость, сообщила, что с ней связано несколько легенд, которые как одна свидетельствуют об исчезновении людей.

— Знаем, — сказала Вероника, не сводя пристального взгляда с инженера Всеволода, — про княжну Ярославну на городской стене в Путивле, которая ждала князя Игоря, не дождалась, прыгнула вниз и улетела в виде вороны.

— Очень похоже на фольклор, — улыбнулась ста-
рушка, — к тому же это говорит о вашей начитан-
ности.

— А что? — насторожилась Вероника, которая
всегда боялась, что ее малое знание русской литера-
туры будет поставлено кем-то под сомнение.

— Я могу привести еще два или три случая такого
рода. Впрочем, они описаны в книге, которую ваш
друг так осторожно держит под мышкой. Вы ее в
Ялте заказывали?

— Да, — сказал инженер.

— Очень неплохая книга. В то время, когда Слад-
ковский ее писал, здесь жило множество племен и
народов, и каждый имел свои легенды. Все они пе-
реплетались одна с другой, и многие имели корни в
действительности. Как легенда о капитане Покрев-
ском.

— А что это такое? — спросила Кора.

— Эта история случилась здесь поздней осенью
1920 года, когда красные взяли штурмом перекоп-
ские укрепления и устремились к морю. Здесь, в
Крыму, скопилась большая армия белых, множество
гражданских лиц... и вот по мере того, как красные
двигались на юг, положение в Крыму становилось
все более отчаянным...

— Следовало заключить мир, — сказал поэт Ва-
лик. — Как Алая и Белая розы.

— Обе стороны в той войне так ненавидели друг
друга, что о мире и речи быть не могло до полной
победы одних или других.

— И кто победил? — спросил Карак.

— Красные, красные, — быстро сказал компози-
тор Миша. — И правили этой страной много лет.

— Конечно же, — сказала Вероника. — И что же
здесь случилось?

— Отряд Махно гнался за эскадроном капитана
Покревского от самого Бахчисарая. Капитан доска-
кал до этой крепости, и вот здесь, где мы стоим, его
настигли. Тогда он направил своего коня через па-
рапет — вон туда, в море! Конь послушно совершил
гигантский прыжок. И этот прыжок был виден мно-

гим... Капитан прыгнул, но не долетел до моря. Его конь разбился о камни... но без всадника.

— Он превратился в чайку, — сообщила Вероника. — Как та принцесса.

Вероника попыталась засмеяться, но ее никто не поддержал.

— Я пошла, — сказала бабушка. — И если вы не верите моему рассказу, то можете заглянуть в большой труд «Были и легенды Крыма». Ее написал Муслимов. Она есть в любой библиотеке. Там приводится легенда о капитане Покревском.

— Все же легенда! — торжествующе заявила Вероника, как будто одержала победу над невидимым противником.

Старушка пожала плечами и покинула компанию: она спешила фиксировать повадки местных орлов и соколов.

Остальные некоторое время стояли на месте бывшей крепости, а потом решили возвратиться к морю. Чтобы еще раз выкупаться перед ужином.

Так и сделали.

* * *

Кора встретила бабушку, наблюдающую за хищными птицами, тем же вечером, возле танцевальной эстрады. Туда, в парк, стягивались жители и отдыхающие Симеиза от мала до велика, независимо от того, умели ли они танцевать, либо их просто тянуло к людям, когда воздух становился синим и густым от гудения цикад, горизонт исчезал, съеденный темнотой, и мир съеживался до пределов ближайших фонарей.

Старушка сидела на скамеечке возле эстрады, наслаждалась легкой музыкой и не спеша обсасывала пышный ком мороженого, норовивший стечь по вафле конического стаканчика.

— Простите, — Коре присела рядом с ней. — Но, может быть, тот капитан упал в кусты у моря — там осыпь и кустарник.

— Ваша трезвая хорошенъкая головка не хочет мириться с легендами, — засмеялась старушка. — Я также была к ним скептически настроена. Тогда еще я отыскала сына одного из тех, кто гнался за капитаном. И легенда получила для меня неожиданное воплощение в виде старого горбатого пенсионера; он тысячу раз слышал эту историю от своего отца. Оказывается, когда этот капитан прыгнул на своем коне с обрыва, этот безумный поступок видели рыбаки, что скучали в лодках в бухте. Неподалеку от берега в тот момент проходил авизо — то есть посыльный корабль из Севастополя. И с борта этого корабля также был виден самоубийственный акт белогвардейца. Кстати, он был описан в севастопольской газете «Голос Тавриды» и в «Симферопольских новостях». И все в один голос утверждают, что до моря капитан не долетел и на камни у берега не падал. Десятки людей видели, как он буквально растворился в воздухе. Одно мгновение — он летит... Следующее — воздух пуст! Представляете?

— Нет, — призналась Кора, — не представляю.

— Единственное разумное объяснение, — сказала бабушка, хрустя стаканчиком, — это превращение Покревского в птицу. В орла.

Кора поняла, что бабушка предпочитает верить в легенду. Что ж, ее дело. Надо уважать или по крайней мере не высмеивать старческие причуды.

— Вы хорошая девочка, — сказала старуха. — Другая на вашем месте не удержалась бы от издевки.

— Мне уже приходилось видеть разные чудеса, — сказала Кора. — Это я только кажусь молодой. На самом деле внутри я старше вас.

— Чудесно сказано! — обрадовалась бабушка. — И сколько же тебе лет, моя старушка?

— Мне скоро будет двадцать. А моей подруге Веронике уже исполнилось.

— Вы студентки?

— Да, мы учимся в Суриковском институте. Это был такой древний живописец, хотя как художника я его не признаю.

— Я слышала о нем, — согласилась бабушка. — Он хороший колорист.

— Он никуда не годный колорист, — возразила Кора, — потому что подчинял художественные задачи задачам социальным, а это смерть для искусства.

— И Вероника учится с тобой?

— А где же еще? — удивилась Кора. — Мы с ней вместе жили в детском доме и вместе оттуда вырвались...

— Разве в наши дни есть детские дома?

— Для галактических найденышей.

— Ах, помню! Я где-то читала об этом. И кажется, одна из воспитанниц стала наследницей какого-то сказочного состояния.

— К сожалению, не я, — ответила Кора. — Но к счастью, — Вероника. Ее папа был самым крупным филателистом в Солнечной системе. Он погиб, а Вероника живет теперь на проценты с коллекции. Но ведь скучно просто так сидеть. Поэтому она решила стать самой обыкновенной.

— Правильно, — согласилась старушка. — Вот я, по происхождению, например, из семьи Романовых. И прихожусь правнучкой последнему претенденту на престол. То есть я живая носительница романовских генов.

— Так зайдите престол! Никто не будет возражать!

— Будут, — сказала бабушка. — Завистники всегда найдутся. К тому же престол стоит в Петербурге, а мне больше нравится крымский климат.

Бравый моряк из местных, возможно из севастопольского флота-музея, пригласил Кору танцевать и принял не в тант рассказывать ей о том, насколько она красива. Кора попросила его говорить комплименты в тант, но у морехода не нашлось музыкального служа.

Когда она вернулась к скамейке, наследница престола уже ушла, и Кора, оказалось, не знала ее имени. А ведь наследниц престола следует именовать по имени-отчеству.

Потом Кора отыскала инженера Всеволода. При свете фонарей его лицо казалось более суровым, чем

днем. Глаза спрятались под крутыми надбровными дугами.

— Вы не танцуете? — спросила Кора.

Музыка замолкла, цикады вопили хором, стараясь заполнить паузу. В кустах заверещала незнакомая птица.

— Я давно не танцевал, — сказал инженер. — Танцы изменились. Даже смешно. Между нами гигантская разница в возрасте. По крайней мере, с вашей стороны.

— Лет десять, — сказала Кора. — Я уже догадалась, что это вовсе не разница. Пушкин был куда старше Наталии Николаевны.

— И чем все это кончилось... — заметил инженер.

У него были красивые руки с длинными сильными пальцами, как у хирурга или взломщика сейфов:

Тут же, конечно, возникла Вероника. Словно поджидала в кустах.

— Всеволод не будет танцевать, — сообщила она подруге. — Мы хотели пойти к морю. Пошли, Сева.

Вероника засмеялась нарочито низким голосом соблазнительницы.

Кора презирала инженера, который тут же покорно позволил себя увести по темной аллее к морю. Темные аллеи — где-то ей попадалось такое название. Наверное американский фильм ужасов.

...Темные аллеи. Почему, когда тебе нравится мужчина, сразу возникает какая-нибудь пустоголовая Вероника, которая переползает с курса на курс только потому, что умеет мило улыбаться стареньким сладостолбивым доцентам или намекать на свое бешеное богатство пожилым дамам-преподавательницам. А сама...

Кора постаралась остановить в себе поток мелкой ненависти к подруге. Не нужен ей этот инженер, который еще толком не успел произойти от гориллы. И пускай он не изображает из себя интеллигента — у него это получается неубедительно. Так же неубедительно, как его уверения в том, что он умеет изобретать махолеты и птицелеты — аппараты девичьей Мечты...

Но от таких чувств инженеры не возвращаются. Они остаются на берегу моря в обществе твоей чернокудрой Вероники, которая, надо признать, первой заявила свои права, застолбила этот участок дикой растительности с сомнительными золотыми россыпями.

Опять появился моряк. Глаза у него пылали — он готов был переплыть Черное море ради любви такой девушки, как Кора. Но Коре не хотелось, чтобы случайные моряки плавали ночами по Черному морю. И она пошла домой.

Вероника заявила поздно, когда Коре уже удалось себя усыпить и даже сердце не билось от ревнивого бессилия. Надо отдать Веронике должное, она была достаточно уверена в себе, чтобы не придумывать подвигов, которых не было.

— Я ему говорю: послушайте, как бьется мое сердце, — доносилось сквозь сон... — А он убирает руку с моей высокой груди и рассказывает о том, насколько махолет экономичнее флаера... Я ему предлагаю искупаться в первозданном виде, а он отвечает, что не хотел бы меня смущать. У него начисто атрофировано чувство юмора. Ну что ж, впереди еще почти месяц. Неужели я не сломлю его сопротивления и не уложу его к себе на грудь, в лучших борцовских традициях?

Кора не ответила, ибо любой ответ был бы или груб, или неискренен.

Вероника ушла к себе и скоро погасила свет. Коре подумала, как она любит подругу, но больше, когда той не везет в любви.

* * *

С утра обнаружилось, что инженер Всеволод исчез. Уехал в Симферополь получать свои летучие игрушки. Обещал быть к вечеру, чтобы завтра их продемонстрировать друзьям. Он решил испытывать их над обширным склоном Ай-Петри, где воздушные потоки разнообразны и опасны, что и требуется для настоящего испытателя.

И день тоже не задался: ветер дул такой, что гнал по полого идущей к центру поселка улице листву и ветки, где-то выше он набирал звук, оттого гудел, как эолова арфа. Кора подозревала, что он гудит, как эолова арфа, хотя никогда ее не слышала и даже не видела.

Ветер был злым, горячим и сушил кожу, будто прилетел из какой-нибудь Сахары, которой нет дела до наших отдыхающих. На Веронику такая погода оказывала удручающее влияние. Когда же она, заявившись на пляж, не обнаружила там Всеволода, то тут же заявила, что забыла дома недосмотренную кассету и жить без нее не может. Она вызвала из Симферополя аэротакси, чтобы поскорее долететь до Москвы. Миша Гофман упросился ее сопровождать: его ждали в Москве творческие дела. Поступок Вероники в мгновение ока разрушил иллюзию замкнутости крымского мирка — он оказался лишь тем, чем был на самом деле, — продолжением настоящего мира, щупальцем действительности. И за это Кора была обижена на Веронику — ведь обещали друг дружке ни за что не мотать в столицу, иначе отдых не получится.

У моря было неуютно, о купании и речи не шло, зеленая возлюбленная охотника Гранта почему-то плакала, Кора решила, что она жалеет своих родных, убитых Грантом по ошибке. Потом Грант ее увел. Кора тоже потихоньку сбежала от остальных и пошла наверх, к Птичьей крепости. Бог знает, что ее туда влекло — может, просто хотелось посидеть с бабушкой, послушать ее низкий надтреснутый голос знатной дамы.

Наверху, на скамейке над обрывом, никого не было. Но лежала открытая книжка — аккуратный репринт «Опасных связей». Кора почему-то решила, что оставить его могла лишь старушка, имя которой ей так захотелось узнать.

Кора уселась на скамейке — небо было огромным. По нему неслись рваные, суматошные облака, будто спасались от ненастяя.

Пахло дождем, но облаков на него не хватило. Они лишь пугали ливнем.

— Кора, — раздался знакомый голос. — Давно не виделись, моя девочка.

Рядом с ней на скамейку уселся сам комиссар Милодар, начальник земного отдела ИнтерГпола, то есть ИнтерГалактической полиции, человек, от одного имени которого падали в обморок известные разбойники и наркобароны. Коварный, но справедливый, осторожный, но отважный, вездесущий, но неприметный, жестокий к врагам и не всегда справедливый к друзьям, Милодар был личностью удивительной, порождением сложностей, достижений и проблем двадцать первого века.

Кора была знакома с комиссаром, потому что росла на Детском острове, в приюте для галактических сирот, детей, подобранных или найденных черт знает в каких уголках Галактики и неизвестно откуда произошедших. Этих детей побаивались, потому что было неизвестно, почему и кто их подкинул нашей хрупкой цивилизации. И бывали случаи, когда опасения оказывались обоснованными.

Этот приют подчинялся ИнтерГполу, и потому Милодар сам курировал остров, подстегивая и воодушевляя работавших там психологов и генетиков. Три года назад, когда решался вопрос о наследстве Вероники, комиссару потребовалась добровольная помощь Коры. Кора в ходе этого приключения неоднократно рисковала жизнью, но вышла из испытаний с честью. Отпуская Кору на волю и даже выполнив обещание — установив ее настоящее имя и найдя ей бабушку Настю на Земле, Милодар пообещал (либо пригрозил), что их встреча — не последняя. Из такого материала, как Кора, и делаются агенты ИнтерГпола. День наступит, утверждал комиссар, и Кора добровольно или почти добровольно станет сотрудником ИнтерГпола. Но пока этот момент еще не наступил...

— А вы что здесь делаете? — спросила Кора Милодара. — Тоже отдохаете?

— Это было бы преувеличением, — признался Милодар. — Но я бы отдал месяц жизни за то, чтобы сейчас отдохнуть недели две.

— А разве у вас не бывает отпуска? — спросила девушка.

Она даже вдруг пожалела, что эту встречу не наблюдает инженер Всеволод. Хотя откуда ему знать, что скромного вида невысокий мужчина с копной курчавых, черных с проседью кудрей — на самом деле всемогущий комиссар Милодар?

— Покой нам только снится, — ответил какой-то цитатой комиссар.

Коре показалось, что воздух чуть шевелится над торчащей коленкой облаченного в шорты и футболку комиссара.

— Это вы или ваша голограмма? — спросила Кора.

— Есть вещи, которые не обсуждаются даже с агентом, — ответил Милодар.

Тогда Кора не стала обсуждать облик комиссара, а спросила:

— Если вы не отдыхаете, значит, вы на работе. И кого мы ловим?

— Мы никого не ловим, — ответил Милодар. — Мы встревожены.

— Чем?

— Возможной встречей с параллельным миром, — ответил комиссар. — Еще этого мне не хватало!

Он не стал уточнять проблему, но предупредил Кору:

— Ты мне можешь понадобиться, девочка.

Тут же вскочил со скамейки и поспешил к кустам, сквозь которые Кора увидела знакомую фигуру последней Романовой. Старушка скромно дожидалась комиссара, и тот на ходу крикнул ей:

— Ну куда пропала, Ксения? Не могу же я терять день из-за твоих причуд...

— Это не причуды, мой мальчик, а моя работа, — ответила бабушка.

Беседуя с ней, комиссар удалился по тропинке.

Оказывается, они знакомы! Как тесен мир, и никому, кроме Вероники, об этом не расскажешь. Впрочем, какой смысл ей говорить, когда она вся погружена в свои сердечные дела? Да и вряд ли комиссар обрадуется, если Кора будет рассказывать о встрече с ним. Ведь главный принцип ИнтерГпола — держи язык за зубами. И если бы можно было это нарисовать, наверное, язык за зубами стал бы гербом этой организации.

А старушка хороша! Наблюдательница за хищными птицами! Нет, она наблюдала за совсем другими хищниками! Но не пошутил ли Милодар? Если принять его слова всерьез, то окажется, что среди нас появились существа из параллельного мира? А кто это? Как их можно увидеть? И какова роль Ксении Романовой?

Кора поглядела в небо. В вышине, под самыми несущимися вдоль обрыва облаками, метались чайки. Бабушка наблюдала за хищными птицами... А может быть, эти птицы и есть вестники из неведомого мира?

Шуршали листья, где-то посыпались камни, ударили колокол в далекой церкви. Мир казался таким устоявшимся и надежным, а параллельных миров не бывает.

* * *

Все беглецы возвратились к ночи. Первой — Вероника, она купила в Москве настоящую греческую тунику, а также сандалии и диадему — центр греческой торговли на Арбате изготавливал их так, что без экспертизы от настоящих не отличишь. Почему Веронике показалось, что именно туника склонит к ней сердце сурового инженера, было неизвестно. В тунике она, правда, была очень хороша, но Тамара, квартирная хозяйка, отнеслась к ней критически и спросила, правда ли, что в древней Греции девицы не носили нижнего белья? Вероника поклялась, что это было именно так, что не помешало грекам создать великолепную скульптуру и

философию. Тамара вспомнила, что греческая скульптура вся раздетая, и ушла на кухню греметь посудой.

Инженер вернулся затемно, но позвонил из пансионата, в котором остановился. Подошла к телефону Кора, он не скрывал радости, что слышит ее голос, и Кора подумала, как неправильно путать резкость крупных черт с грубостью. Ничего грубого в лице инженера она не усмотрела.

На телефонный звонок прибежала Вероника — она, видимо, ждала его и не ложилась спать.

Она была в новой тунике, правая грудь обнажена, волосы собраны в пучок и спереди украшены диадемой. Кора была вынуждена с сожалением признать, что ее богатая подруга сказочно прекрасна. Она отошла от телефона, и настроение ее резко упало.

Вероника восхликала:

— Куда ты пропал, Сева! Мне столько нужно тебе рассказать!

Кора ушла к себе в комнату, ей не хотелось слышать, как Вероника обольщает инженера.

Понимая, что она преувеличивает уровень разврата своей подруги, Кора не намеревалась изменять формулировки. И если бы ей сейчас пришлось писать воспоминания о жизни в Симеизе, она бы написала о событиях той ночи именно такую фразу.

Кора улеглась, откуда-то прилетел комар невероятной хитрости и злобы, жизнь не удалась, и не мешало бы завершить ее элегантным самоубийством, кинуться с обрыва у Птичей крепости на глазах у всех знакомых. И на пути вниз желательно превратиться в чайку. Впрочем, нет, чайки слишком крикливы и наглы. Может быть, ей лучше превратиться в орла? В орлицу, которая может часами, почти не шевеля крыльями, парить над восходящими воздушными потоками. И ее дом будет располагаться высоко на обрыве, куда не заберется даже ловкий охотник Трант...

Так она и заснула, не решив, какой птицей станет, когда покончит с собой, а утром Вероника проснулась раньше и была возбуждена, радостна и суетлива, ну точно как чайка, несущаяся за пароходом, с

которого ей кидают кусочки хлеба. Туника была снова надета так, чтобы одна грудь была обнажена, и Тамара Ивановна, поглядев на нее, спросила:

— Чой-то ты сегодня такая разнузданная?

— Ты не понимаешь, так ее полагается носить, — ответила Вероника, с наслаждением вгрызаясь в арбуз.

— Наверное, чтобы младенца удобней подкладывать, — заметила хозяйка без очевидного юмора, но Вероника тунику поправила и отказалась от мысли произвести сенсацию на пляже, так как не была готова к выкармливанию младенца, а воображение у нее было хорошо развито.

Тамара не успела испортить Веронике настроение, потому что снизу закричал композитор Миша Гофман:

— Девушки, не спать! Петушок пропел давно! Через полчаса Сева начнет испытания своего махолета!

Тут словно кто-то сильно уколол Веронику — иного сравнения Кора отыскать не смогла — скорость ее движения увеличилась втрое, но пользы от этого было немного, потому что туника страшно мешала красить губы и одновременно завязывать длинные шнурки сандалий. Булавки, которыми крепилась диадема, дружно закатились под ванну... Кора ждать ее не стала, и Вероника неслась за приятелями в гору, припадая на босую ногу, туника обнажила все, что обнажать не следовало, но окутала шелковым туманом все пристойные части тела.

Когда Вероника, пылающая гневом, вбежала на площадку Птичьей крепости и затормозила, диадема слетела с головы, и в отчаянном прыжке ее поймала возлюбленная охотника Гранта, которая прыгнула за ней к обрыву и повисла на одной зеленой ручке, удержавшись за висячий корень. Бабушка Ксения Романова тут же кинула ей конец своего шарфа, за который с другой стороны уцепился охотник Грант, вытянувший возлюбленную на площадку. Ни Кломидиди, ни Грант не произнесли во время этого приключения ни слова, лишь взялись потом за руки в знак взаимного расположения.

— Спасибо, — коротко ответила Вероника, которая мало что заметила, потому что смотрела в небо, выискивая своего инженера.

Инженер пришел пешком — с тыла. Он поздоровался и сказал, что его маxолет собирают на шоссе, чуть повыше крепости, и желающие могут им полюбоваться. Будучи человеком воспитанным, инженер спросил бабушку Романову, не помешает ли он ее исследованиям, и та ответила, что, напротив, ей это интересно, а науке полезно знать, как реагируют коршуны на полеты маxолетов.

Инженер ушел на шоссе, и остальные, включая приведшую себя в порядок и соблазнительную до нельзя Веронику, отправились следом.

Там на обочине, в траве, лежали части хрупкой машины, верней, не машины, а типичной авиамодели, которые делают школьники и даже устраивают между собой соревнования. Разумеется, что бы ты ни собрал из таких планочек, оно человека не поднимет. Видно, иначе рассуждал молодой человек учного вида, который оказался ассистентом Всеволода и как раз в тот момент раскрыл плоский чемоданчик и вытащил из него паутинку, что поместилась у него в кулаке, как это делают фокусники. Затем он раскрыл костлявый кулак, и паутинка превратилась в занавес, которым можно было обклеить планочки.

— Мечта человечества, — сообщил Миша Гофман. — Я хотел бы воспеть момент, когда человек воистину превращается в птицу. Без этих вонючих или пожирающих кислород двигателей. Да здравствует Икар!

— Спасибо, — сказал серьезный инженер. — Сравнение с Икаром, Михаил Львович, я принимаю лишь из уважения к вашему песенному творчеству. В ином случае сравнение было бы мне неприятно и даже опасно ввиду ранней кончины Икара.

— О Господи! — ахнул композитор. — Я же в переносном смысле, в смысле общего героического образа.

— К тому же, — продолжал спорить с ним Всеволод, — я всегда уделяю первостепенное внимание

соображениям безопасности, потому что хочу довести свою работу до конца, и нет ничего глупее, чем сорвать ее, не учтя такого пустяка, как точка плавления воска при приближении к Солнцу.

Пожалуй, Вероника и тут не догадалась, что испытатель шутит, потому что она как фурия накинулась на композитора.

— Как ты можешь! — закричала она. — В такой жизненный момент!

Пока Миша отбивался от нее, инженер с помощником осторожно воссоздали хрупкую птицу, натягивая паутину, которая оказалась весьма прочной. Нашлась работа и зрителям, и все с удовольствием ею занялись, опять же за исключением композитора, который был ленив и к тому же живот не позволял ему свободно наклоняться, и Вероники, которая во всеуслышание заявила, что не может увеличивать риск для человека, которого она ценит и уважает, залезая своими неопытными руками в чрево его создания. Так она и сказала, Кора далеко не сразу поняла, почему у подруги возникли ассоциации с абортом, но потом решила, что Веронику порой подводит недостаток образования, которое она пытается компенсировать небольшим житейским опытом. Ах, если бы она поменьше сбегала с уроков с мальчиками на Детском острове!

Часам к десяти маxолет был собран, Всеволод разделялся до плавок, потому что в случае неудачного спуска мог упасть в море, а там любой костюм — лишний. Старушка первой пошла в крепость, откуда лучше всего было наблюдать за испытаниями, там у нее на скамеечке лежала видеокамера, которая фиксировала птичьи полеты. Остальные дождались, пока инженер Всеволод Той вертикально прижал к себе одно крыло, а его помощник сделал то же самое со вторым, и, покачиваясь от порывов ветра, они отправились вверх по склону. Там, за громадной кубической скалой, инженер прикрепил к себе крылья, и помощник его вышел на открытое пространство и долго стоял, ожидая, пока ветер утихнет. Наконец он дождался паузы и закричал:

— Давайте, Сева!

Всеволод выбежал из-за скалы и тут же сделал сильное движение руками. Крылья подхватили его, как ладони мужчины подхватывают котенка, и оторвали от земли. Инженер совершил плавательные движения ногами, а крылья служили ему как средство для планирования. Все же, даже несильно двигая ими, он понемногу стал подниматься вверх. Там, на верху, ветер дул иначе, и Всеволод направился к морю. Коре хотелось крикнуть, хорошо ли ему одному в такой вышине, не страшно ли. Но это было глупое желание, и оно, к сожалению, перекликалось с мыслями Вероники, которая сообщила окружающим:

— Наверное, я этого не переживу. Какое счастье, если Сева вернется живым. Это же безумие, правда, это безумие.

— Безумству храбрых, — сообщил композитор Миша, нашпигованный забытыми цитатами, — поем мы гимны.

— Очень впечатляет, — сказала Вероника.

— Кажется, эти слова принадлежат Лермонтову. Я когда-то хотел написать на них кантату.

— Погодите же! — огрызнулся вдруг долговязый, бледный поэт Карак. — Вы мешаете наслаждаться зреющим!

— Наслаждайтесь. Кто вам мешает! — обиделся композитор. — Я же только говорю, а не махаю руками, как некоторые.

Кора пошла к крепости — скоро Всеволод долетит до нее.

В крепости уже была бабушка из семьи Романовых, которая снимала полет Всеволода на видео. Коре сразу поглядела вниз, через парапет — на море. Там, среди белых барабашков, покачивалось зернышко тмина — вторая лодка с наблюдателем.

Кора юрнула взгляд в сторону кустов, посмотрела на скалы за осыпавшейся стеной — нет, комиссара Милодара нигде не видно. Сегодняшние события его не интересуют.

И тут махолет инженера появился из-за скалы. Он держал курс на крепость. Было очевидно, что Всево-

лод видит стоящую там Кору и направляется именно к ней, — Вероника пока задержалась у дороги, то ли выясняя отношения с композитором, то ли приводя в очередной раз в порядок свой туалет. Конечно, инженер мог направляться и к старушке, но вот он подлетел поближе и, мерно взмахивая громадными крыльями, крикнул:

— Кора, привет!

Тут уж никаких сомнений о том, что он видит именно ее, не оставалось.

— Привет! — Кора подняла руку, радуясь его достижениям. — Тебе хорошо?

— Хорошо! — Ветер донес ответ и тут же рывком умчал его вдаль. Инженер с трудом удержал равновесие, и его пронесло близко от Коры. Он смеялся и наслаждался птичьим полетом.

— Я готова в него влюбиться! — воскликнула бабушка из семейства Романовых. Но, кроме Коры, никто не услышал этого признания.

Площадка крепости наполнилась народом во главе с Вероникой. Все прибежали сюда. Но Всеволод уже взмыл так высоко, что казался орлом или коршуном, реющим над склоном горы.

— Спускайтесь! — кричала Вероника. — У вас устанут руки.

— Не беспокойтесь, — возразил ей ассистент инженера, — мы это предусмотрели. Руки лежат на специальных салазках.

Выждав паузу в порывах ветра, Всеволод решил еще раз спуститься к своим друзьям. Он начал снижаться кругами, и полет его был плавным и даже торжественным. По крайней мере, так казалось Коре.

Вот человек-птица, совершая очередной круг, приближается к обрыву, на вершине которого приотились развалины Птичьей крепости, вот он снова берет курс к морю, и под ним разверзается пропасть глубиной в сотни метров...

И тут случилось нечто ужасное!

Шквал или просто удар налетевшей воздушной массы оказался неожиданным для инженера, и он не успел развернуть крыло, чтобы взмыть на воздушной

волне. Ударив в крыло, волна завернула руку пилота, и Всееволод на секунду потерял равновесие. Этого было достаточно для того, чтобы ветер добрался до второго крыла и, переворачивая человека, отломал часть крыла, пустив по небу ключья паутины, словно носовые платки.

В какое-то мгновение громадная и уверенная в себе птица превратилась в непонятно куда стремящийся комок планок, тряпок и человеческой плоти... Комок еще двигался по инерции, но он был тяжелее той ноши, которую смогла бы выдержать воздушная стихия.

И новый Икар сначала вроде бы медленно, но с каждым мгновением набирая скорость, ринулся вниз, в полосу, где волны разбивались о камни у подножия скалы.

Одно тягучее мгновение — и чем его измеришь — долями секунды? — все стояли, ошарашенные виденным, словно прилипшие к камню, неспособные произнести ни звука... Но в тот момент, когда тело инженера, опутанное остатками машины, стремясь к смерти, пролетело мимо крепости, все ожили и с общим, неслышным их ушам криком кинулись к глыбам парапета, отделявшим крепость от бесконечного обрыва. И все увидели, как, медленно поворачиваясь, но притом набирая скорость, тело инженера летит вниз...

Но оно не долетело до воды и не подняло фонтан брызг...

Оно не долетело до прибрежных камней и не распласталось на них мягкой куклой.

Оно исчезло, не долетев до земли нескольких метров.

Некоторые видели в этой точке маленькую, но яркую вспышку.

Иные утверждали, что там возникло туманное облачко — так же мгновенно рассеявшееся.

Но все сходились в убеждении, что видели то место и знали тот момент, когда инженер исчез, как исчезли и остатки машины, которыми было опутано его тело.

* * *

Дальнейшее происходило как бы параллельными потоками, и Кора запомнила все отрывками — впрочем, такими отрывками события и возникали.

Сначала начала кричать Вероника.

— Не уберегли! — кричала она. — Не уберегли!

Уберечь мог лишь нескладный ассистент, и он сразу же полез через остатки стены, намереваясь кинуться следом за шефом и, видно, поискать его в воздухе.

Охотник Грант схватил ассистента за пояс и потянул на себя.

Бабушка Романова вызывала по рации комиссара Милодара.

Поэты побежали по тропинке к берегу, чтобы там отыскать останки воздухоплавателя.

Затем охотник Грант извлек из-за пояса тонкую нить и, привязав к ней грузик, кинул с обрыва. Катушка в его руке мгновенно раскрутилась. Его зеленая возлюбленная достала откуда-то перчатки и, лишь касаясь перчатками нити, полетела вниз, с обрыва. Кора увидела, как из-под ее ладоней вырывается дымок.

Лодка, в которой был напарник бабушки, достигла берега и носилась вдоль линии прибоя, выискивая следы Всеволода.

Через несколько минут, а может, и меньше, показался флаер комиссара Милодара, который пронесся над их головами и затем пошел вниз, почти касаясь обрыва. Он замер на узкой полоске, отделявшей скалу от моря, и все видели малосенькую фигурку комиссара, который о чем-то разговаривал с зеленою Кломидиди, затем повернулся к сидевшему в лодке наблюдателю.

Вся эта деятельность, к которой потом подключились морские спасатели и горноспасатели, ни к чему не привела. Крепость осталась верна себе: еще одна ее жертва превратилась в птицу.

Иного объяснения найти не удалось.

Хотя некоторые следы Всеволода обнаружились. Например, щепка от махолета и клочки паутины, зацепившиеся за камни и кусты на обрыве. Но не более того.

Через два часа комиссар Милодар поднялся к развалинам крепости, которые как бы стали местом сбора всех свидетелей этой трагедии, и сообщили, что, по мнению полиции, которая, разумеется, не прекращает поисков тела, воздухоплаватель Всеволод Той был унесен неожиданным сильным порывом ветра в море, а зрители упустили его из вида, потому что в тот момент им светило в лицо солнце, специально выглянувшее для этого из-за облаков.

Никто не поверил Милодару, тем более что мало кто догадался, какой организации он принадлежит. Но все предпочли сделать вид, что поверили, — ведь никакого иного объяснения, кроме мистического, никто предложить не мог.

Мистическое объяснение тем вечером предложила Вероника.

— Он вернется, — сообщила она доверительно, — он похищен духами горы. Эта легенда, которую рассказывала старуха, вовсе не легенда. Она и есть вестница духов. Ты видела, как она его еще вчера заманивала? Это все заговор темных сил, и я уверена, что мы должны найти в Симферополе Ахмета Восленского. Он управляет астральными силами. Я видела его рекламу на вокзале в Симферополе.

Кора устало слушала Веронику. Она понимала, что с Всеволодом случилось нечто ужасное, никак не связанное ни с астральными силами, ни с Ахметом из Симферополя... Она отлично помнила слова Милодара о параллельном мире, которые он обронил за день до трагедии. Она понимала, что наблюдатели, бывшие в крепости и на море, также искали разгадку явлений, которые могут быть связаны с легендами, а могут быть независимы от них. Но сейчас надо обязательно встретиться с Милодаром, который, улетая, приказал Коре ждать и молчать... Хорошо ждать и молчать большому начальнику, который занят ты-

сячью других дел... А здесь вся вторая половина дня прошла под гнетом случившейся смерти.

Компания в тот день распалась — как будто на самом деле ее цементировал Всеволод, а не две московские красавицы. Впрочем, кто сейчас может сказать правду?

Кора ждала появления Милодара.

Ей почему-то показалось, что тот придет вечером попозже.

Вероника заснула рано, она высыпала в себя чуть ли не смертельную дозу снотворного и теперь блаженно хранила за перегородкой. Но Коре не спалось, и она вышла в сад. В доме у Тамары бурчал телевизор и порой кидал отблеск цветного пламени на черную листву. Цикады звенели прямо в ушах, иногда снизу доносились удары волн — море раскачалось от ветра, и теперь, в безветрии, тугие валы мерно молотили по берегу.

Закрыв глаза, Коре вновь видела, как исчезает, вспыхнув холодным огоньком, Всеволод... Скорее бы приходил Милодар...

* * *

Кору разбудило нежное прикосновение — так мама будила ее, чтобы покормить... Господи, подумала Коре, просыпаясь, поднимаясь из глубин сна, я же не должна помнить, как моя мама меня будила...

Было темно. Луна освещала край столика у кровати и часы. Зеленые цифры секунд, равномерно возникая на циферблате, подчеркивали размеренность и спокойное течение ночи.

— Коре, вставай, — прошептала бабушка Романова. — Мы ждем тебя.

Кора попыталась резким движением сесть на кровати, но бабушка Ксения Михайловна удержала ее.

— Одевайся тихо-тихо и выходи. Никто не должен тебя заметить.

Кора натянула сарафан, сунула ноги в тапочки и ступила из двери на площадку перед домиком. Дверь

в комнату Вероники была приоткрыта. Вероника невнятно заговорила во сне.

Распогодилось, облака утихомирили свой бег, стали серыми и прозрачными — длинными тряпками они тянулись по черному небу, которое над морем на востоке начало розоветь. Вчерашняя непогода выгнала теплый воздух, и потому было зябко и сыро. Цикады молчали, видно, попрятались по норкам. Неверенно запела наверху птица и оборвала мелодию.

Небольшой флаер покачивался в воздухе перед самым домом — шагах в пяти. Отсвет от приборной доски очерчивал лицо пилота, который прищурившись глядел на Кору — наверное, ее светлый сарфан был ему ясно виден.

— Пошли! Не закрывай дверь. Ты скоро вернешься.

Следом за старушкой, которая была резва не по годам, Кора поднялась во флаер по лесенке, лежавшей концом на дорожке.

— Комиссар ждет нас у себя, — сказала бабушка.

Во флаере стало тесно. Зато он был совершенно беззвучным и его нельзя было ни толком увидеть, ни засечь приборами — резиновая игрушка.

Кора мечтала вычистить зубы, для нее это главное после сна.

— Потерпи пять минут, — ответила ее мыслям бабушка. — Там все есть.

Оболочка флаера была прозрачной, но в такую темень от этого было мало пользы: порой пролетали снаружи огни, цепочки огней, вспышки, порой наваливались тьма — что-то засияло под светом прожектора — на мгновение заложило уши, видно, изменилось давление. И тут же флаер замер, улегшись на бетон, и слышно было, как сзади с громким шорохом закрываются ворота. Они пробрались в пещеру Али-бабы.

Дверца флаера отошла в сторону, комиссар Милодар собственной голограммической персоной встречал их, стоя на бетонной площадке выбитого в горе антара. Почему-то Коре вспомнился какой-то роман Жюля Верна. Там герои обосновались в просторной

пещере, чтобы укрыть в ней воздушный корабль или базу подводных лодок.

В глубине пещеры, за стеной кипарисов, виднелась белая стена дворца. Туда и пошел Милодар, понимая, что гости последуют за ним.

Дабы удовлетворить любопытство Коры, он на ходу деловито разъяснял:

— Этот дом отдыха был построен в конце двадцатого века на месте часовенки при целебном источнике, открытом лично поэтом Пушкиным и затем забытом до двадцатых годов прошлого века, когда здесь обосновался руководитель крымского ОГПУ, превративший часовенку в место встреч с негласными агентами. Однако он был переведен с повышением в Самару, не успев никому рассказать о своей тайне, так как его там вскоре расстреляли. Часовня была вновь открыта партизанами в период немецкой оккупации. Партизаны рыли из пещеры ход к Керчи, на соединение с частями полковника Брежнева, но их выдал фашистам местный фотограф. В следующий раз пещеру открыли краеведы, которые шли по местам боевой славы в поисках железных крестов и эсэсовских кинжалов. Слух о пещере дошел до Симферополя. Здесь была построена спецвилла для отдыха руководства. Последние сто лет мы используем пещеру как секретную базу Галактической полиции. Отсюда я курирую операцию,ющую оказывать влияние на судьбу всей Галактики.

Рассказ Милодара подошел к концу как раз в тот момент, когда они, миновав аллею кипарисов, росших под искусственным светом, вошли в стеклянные двери белого дворца.

Офицер безопасности отдал им честь и исчез в коридоре. Милодар провел бабушку и Кору в гостиную, где вокруг низкого журнального столика у несожженного камина стояли обширные мягкие кресла и диваны, предназначенные для официально-дружеских бесед. Обивка кресел была старинной, лиловые розы на коричневом фоне. От кресел пахло пылью и давно выветрившимися отечественными духами «Красная Москва». В креслах сидели два вельможи,

настолько незаметной внешности, что Кора не узнала бы их, встретив через полчаса. Они дружно склонили головы, приветствуя вошедших.

Указав дамам на два свободных кресла, Милодар уселся на последнее свободное место и спросил:

— Кому чай, кому кофе?

В ответ раздался неразборчивый гул голосов. Подождав, пока все выскажут свои пожелания, Кора сказала:

— Полцарства за рукомойник и зубную щетку.

— Пройди по коридору, вторая дверь направо.

Когда Кора вернулась, в камине уже горел электронный костер, незаметные вельможи пили кофе, а бабушка — чай из большой фарфоровой чашки. Милодар передал чашку и Коре. Удовлетворенный тем, что обо всех позаботился, он заговорил:

— То, что люди имеют обыкновение пропадать, всем и давно известно. В любом мире, на любой планете статистика определяет точный процент таких исчезновений. Причины тому вполне реальные. Поисками пропавших лиц занимается полиция и находит столько, сколько положено найти. Остальные сгнивают, растворяются в воде или в кислоте. Каждому свое.

Незаметные вельможи согласно кивнули. Эта проблема была ими изучена.

— Однако современные службы безопасности внимательно следят за статистикой исчезновений, потому что любое увеличение числа пропавших должно вызывать подозрение. Теоретически уже давно доказано существование параллельных миров. Однако нам, несмотря на то что этой проблемой занимаются ведущие специалисты, проникнуть ни в один из параллельных миров не удалось. Мы, конечно, туда проникнем, дайте нам время, проникнем!

Незаметные личности согласно кивнули. Они верили в силу науки.

— Наука наукой, — продолжал комиссар, — а жизнь берет свое.

Произнеся эту странную фразу, комиссар допил кофе и поставил чашку на столик. Остальные гости

последовали его примеру. Лишь бабушка и Кора продолжали мирно прихлебывать чай, жалея о том, что на столе нет ни печенья, ни варенья, ни даже сахара.

— В нашем распоряжении находится совершенно секретное исследование доктора дю Грие, проживающего в Галактическом центре, который доказывает, что один из возможных параллельных миров находится с нами в контакте и, возможно, существует перемещение между нашими мирами.

— Не может быть! — вдруг воскликнула бабушка из семейства Романовых. Но Коре показалось, что в этом восклицании был элемент театрального действия: ей хотелось обратить на себя внимание.

— Может быть, — сурово произнес Милодар. — И как вы сами отлично знаете, Ксения Михайловна, одна из точек соприкосновения миров находится именно в районе поселка Симеиз, чуть ниже точки, условно именуемой Птичей крепостью. То есть, точнее говоря, в районе обрыва, соединяющего крепость с поверхностью Черного моря.

Никто на этот раз не удивился, словно проблема уже обсуждалась в этой компании.

Милодар подтвердил подозрения Коры, продолжив:

— О параллельном мире мы не раз уже совещались и провели большую исследовательскую работу. Даже более того, вчерашний эпизод нам был очень полезен.

— Какой эпизод? — спросила Кора.

— Вы знаете какой, — ответил Милодар. — Переход инженера Всеволода Тоя в параллельный мир.

— Значит, он не погиб? — обрадовалась Кора.

— У нас нет оснований подозревать его в этом, — откликнулся Милодар.

— Но если миры соприкасаются и он попал в параллельный мир, — сказала Кора, — значит, он мог разбиться там?

Все замолчали, обдумывая информацию.

Кора же представила себе два мира — наш и тот, неведомый. Они казались ей схожими с двумя мыльными пузырями, которые соприкасаются, и их разъ-

единяет лишь тонкая мыльная радужная пленка. И вот некто всемогущий пронзает стенку тончайшей иглой, настолько тонкой, что пузыри не лопаются. Хотя в масштабах Земли это отверстие может достигать нескольких метров в диаметре. Впрочем, любые сравнения в теоретической физике наивны и беспредметны, так как отверстие в то же время может быть не отверстием, а черт знает чем.

— Вернее всего, он не разбился, — ответил Милодар Коре и самому себе. — Вернее всего, наш инженер жив. Как живы и те, кто попал в параллельный мир раньше через тот же переходной туннель.

— Название условно, — уточнил один из незаметных вельмож.

— Разумеется, все условно, — согласился Милодар. — К сожалению, мы мало знаем и потому почти бессильны.

— Мы уже знаем, что они существуют и отказываются от контактов, — сказала бабушка. — А это уже тревожная информация.

— Почему они не идут на контакт? Откуда вы об этом знаете? — спросила Кора. Раз ее сюда пригласили, значит, им нечего от нее скрывать.

— По всем нашим расчетам, — сказал Милодар, — выходит, что обитатели параллельного мира отлично знают о нашем существовании. Более того, люди, которые попадают туда, попадают не случайно — требуется определенный расход энергии для того, чтобы человек перешел из мира в мир. Мы еще не знаем, как это сделать. Но они-то знают!

— Не слишком ли много выводов вы делаете из одного случая? — спросила Кора. Хоть ей и хотелось, конечно, чтобы инженер был жив, пускай даже в параллельном мире. Но она была рассудительной девушки и понимала, что теория теорией, а есть еще и равнодушная действительность.

— Почему из одного случая? — спросил Милодар.

— Но ведь только инженер Той исчез, когда падал возле скалы.

Тут пришла пора удивляться старушке.

— А как же та девочка, которая кинулась со скалы и превратилась в птицу? А как же капитан Покревский, который прыгнул из крепости вместе с коменем? А как же все легенды, которые связаны с исчезновением людей и превращением их в птиц?

— Но ведь это легенды! — воскликнула Кора. — И даже если что-то было, то тысячу лет назад. Мы-то тут при чем?

— Погодите, — остановил готовую ответить бабушку Милодар. — Порой мы говорим о чем-то, думая, что слушатель знает столько же, сколько и мы. А слушатель может не знать, что для обитателей параллельного мира пространственно-временные связи действуют совсем иначе, чем у нас. Это для нас девочка кинулась в море две тысячи лет назад. А для них... — Милодар неопределенно показал вверх, — наше время не существует. Для них что тысяча лет назад, что сегодня — все является единовременным.

— Но этого не может быть! — воспротивилась Кора.

— Почему? — Милодар пожал плечами. — Ты же веришь в путешествие во времени?

— Каждый школьник в это верит, — ответила Кора.

— Для параллельного мира соприкосновение с нами — одновременно соприкосновение со всей суммой минувшего у нас времени.

— Это не очень понятно, — сказала Кора, — но я не буду спорить.

— Правильно. Этим ты сэкономишь наше и свое время. Тебе достаточно понять, что все те документированные и отраженные в легендах случаи исчезновения людей в районе Птичьей крепости, вернее всего, являются следствием сознательной деятельности ученых параллельного мира, которые получили возможность как бы перетаскивать наших людей к себе.

— Вы уверены в этом? — Кора нашла слабое место в аргументации комиссара.

— Конечно, нет! — ответил за комиссара один из незаметных людей. — Мы ни в чем не уверены. Это

только теория. И нам ее надо подкрепить экспериментом.

Он замолчал, словно выговорился на неделю вперед.

— Мы обязаны поставить эксперимент, — подхватил эстафетную палочку Милодар. — Мы должны попасть туда, к ним, и понять, как они это делают, что они могут и зачем им это нужно. Затем мы должны дать возможность гражданам Галактической Федерации возвратиться домой.

Произнося этот монолог, Милодар встал на цыпочки, надул грудь и стал похож на настоящего трибуна.

— В ином случае нам может угрожать опасность, — тихо сказал второй из незаметных вельмож.

— То, что нам неизвестно, дает преимущество сопернику и потому угрожает нам, — пояснил первый незаметный вельможа.

— Мы обязаны послать туда человека, который все узнает и постарается возвратиться живым.

— Правильно, — согласился второй незаметный вельможа.

— Мы подумали, — сказал Милодар, и тут у Коры упало сердце: зачем он так на нее смотрит? — Мы посоветовались и решили предложить эту почетную задачу тебе, Кора Орват. И эта экспедиция в параллельный мир будет одновременно зачтена испытанием для тебя при зачислении в штат ИнтерГ-пола в качестве полевого агента.

— Мне? В параллельный мир? — тупо повторила Кора. — Это еще почему?

— Потому что ты — лучший кандидат для такой авантюры, — ответил Милодар. — Ты молода, пока еще не так боишься смерти...

— Я боюсь смерти!

— Не перебивать! Пока ты еще не так, как я, боишься смерти, ты легкомысленна, что свойственно молодости. Очертя голову ты кинешься в эту авантюру.

— Ни в коем случае!

— Во-вторых, ты, как ни парадоксально, обладаешь довольно холодным умом и трезвой головой, что странно для твоего возраста...

— Перестаньте меня анализировать! Как будто я какой-то подопытный кролик!

— Сравнение закономерно, — согласился комиссар, и незаметные вельможи закивали, соглашаясь. Им тоже казалось, что комиссар относится к Коре, как к препарируемому кролику, однако они не имели ничего против. — Но от этого оно не становится менее абстрактным. Мне сейчас плевать, кролик ты или гиена, меня волнует одно — судьба Земли. И учи, Кора, я предчувствую, что в ближайшие двадцать лет судьба Земли неоднократно будет находиться в твоих руках и не дай бог тебе ее хоть раз уронить на пол!

Кора чуть было не улыбнулась, потому что трагедия в устах комиссара умудрялась граничить с фарсом и лишь сам комиссар этого не замечал.

— Как же я это сделаю? — спросила Кора. — У меня нет махолета, и я не умею летать.

— Это пустяки, — отмахнулся комиссар. — Программу приманки разработают специалисты. Но в принципе все уже решено.

— Что?

— Тебе придется прыгнуть с обрыва.

— Как так?

— Прыгнешь с обрыва, и будем надеяться, что они там, в параллельном мире, тебя подхватят и перетащат к себе.

— Вы понимаете, что говорите, комиссар? — возмутилась Кора и с внутренним трепетом поняла, что никто в комнате ее не поддерживает. Даже бабушка Романова внимательно разглядывала мокрое пятно на потолке — видно, где-то в пещере протекало.

— Я отлично понимаю, — сухо ответил Милодар. — А тебе еще предстоит понять.

— Вы хотите, чтобы я кидалась с обрыва, как покинутая лицеистка, в расчете на то, что в каком-то другом, возможно, несуществующем, мире меня заметят, спасут и будут лелеять. А если у них мертвый час? А если они не успеют? А если их, в конце концов, и нет на свете?

— Все возможно, — произнес один из незаметных вельмож. — Все возможно.

И глубоко вздохнул, сочувствуя Коре. Но не более того.

— И почему вы не можете вызвать добровольца из рядов вашей отважной организации? Разве у вас мало добровольцев?

— Где они? — спросил заинтересованно комиссар.

— Вот, — Кора обвела рукой комнату, и незаметные вельможи тут же утонули в креслах — даже голов не видно. Старушка же зашлась в таком предсмертном кашле, что стало ясно: ей этой ночи не пережить!

— А я, — произнес Милодар, — не могу пожертвовать собой, потому что владею таким количеством государственных тайн, что на ночь меня приходится укладывать в сейф, чтобы не украли.

Когда никто не засмеялся, комиссар пояснил:

— Это шутка...

Но и это не вызвало смеха.

— А говоря серьезно, — продолжил Милодар, — обратиться к тебе нас заставляет серьезная реальность. Мы имеем основания полагать, что обитатели этого мира имеют возможность наблюдать за нами, по крайней мере в пределах перехода — скажем, на расстоянии километра от точки соприкосновения миров. Если мы не дураки, то и они тем более не дураки. И они понимают, что появление бабушки Ксении Михайловны с аппаратом по учету птичек и ее кузена в лодке с той же целью — не случайная акция любителей природы. Они могут заподозрить, что раскрыты и находятся под колпаком. Более того, они и меня уже видели раза два-три. Я беседовал с наблюдателями, принимал участие в экспериментах по контролю воздуха, гравитационных направляющих, магнитных полей этого места — ведь мы не первую неделю здесь работаем. И исчезновение инженера Всеволода Тоя — лишь точка, может быть, предпоследняя, в агрессивной деятельности параллельного мира.

Незаметные вельможи, высунувшие головы измякоти диванов, снова закивали.

— Но раз мы вели наблюдение за деятельностью параллельного мира, то, очевидно, параллельный мир вел за нами куда более пристальное наблюдение. И можно считать небольшим чудом тот факт, что я до сих пор нахожусь рядом с вами, а не ликвидирован противником.

— То есть не ликвидирована твоя голограмма, — заметил первый из незаметных вельмож, что заставило Милодара запнуться и перевести дух. Но затем он продолжал как ни в чем не бывало:

— Нам надо послать туда человека, который не вызовет подозрений в параллельном мире. Поэтому мы организовали приезд сюда Коры Орват, уже испытавшей нами некоторое время назад в деле об убийстве на Детском острове.

— Как так организовали мой приезд? — спросила Кора.

— Это потребовало некоторой ловкости с моей стороны, а также знания женской натуры.

Последняя из Романовых хмыкнула. Ей было весело!

— Я сама решила сюда ехать и меня никто не направлял! — воскликнула Кора.

— А если ты постараешься вспомнить, как готовился и происходил ваш отъезд сюда, ты обнаружишь, что к решениям тебя все время подталкивала твоя легкомысленная подруга, которая со свойственной ей глупостью делала вид, что ты все решаешь в вашем tandemе.

— Это было подстроено? — Кора готова была растерзать Веронику.

— Вероника и не подозревает, что находилась под моим влиянием, — скромно заметил комиссар. — Она была слепым оружием в моих лапах. Не осуждай девушку.

Кора не ответила. Она постаралась восстановить в памяти, как же планировалась, обсуждалась и решалась поездка в Симеиз, и, конечно же, не вспомнила

достаточно, чтобы поверить Милодару. Впрочем, теперь уже было поздно.

А комиссар между тем продолжал свой монолог:

— Для меня главное заключалось в том, чтобы Кора сама не подозревала о том, что оказалась здесь по моей воле. Она должна была вести себя совершенно естественно. Первые два или три дня гулять вдвоем с подругой по окрестностям, делая вид, что не смотрит на мужчин, которые ей с Вероникой все не нужны...

— Вот именно! — воскликнула Кора, и все засмеялись.

— Затем, — продолжал комиссар, — вокруг двух красоток образовалась самцовская компания...

— А охотник Грант? — возразила Кора, чтобы хоть в чем-то опровергнуть этого самоуверенного комиссара. — Он не имел к нам отношения.

— Не спорю. И должен сказать тебе, что исключение лишь подтверждает общее правило.

— Значит, все было подстроено!

— Все. Вплоть до деталей вашего поведения и первого визита в крепость на скале.

— Значит, у вас в нашей компании был шпион!

— Обязательно! Но не ломай голову, не догадаешься. Главное заключается в том, что ваша компания с точки зрения параллельщиков не вызывает подозрений. Так что ты можешь спокойно прыгать в параллельный мир. Они тебя не обидят. И ты спокойно совершишь подвиг.

— Я не хочу совершать подвигов!

— Кора, милая, — заговорила бабушка из семейства Романовых. — Комиссар на этот раз не шутит и даже не преувеличивает. В самом деле, ты — часть обширного и серьезного плана спасения нашей родной планеты, а может, и всей Галактической Федерации от почти неизвестного и, возможно, всемогущего агрессора. Параллельный мир с неизвестными нам целями нашупал место перехода. Он уже активно использует его, похищая земных людей. Не сегодня-завтра оттуда в наш мир могут хлынуть агрессоры, против которых мы не знаем противоядия.

— Но, может, они с самыми хорошими целями?

— Не перебивай старых! — рявкнул Милодар, но бабушка Ксения Михайловна подняла руку, останавливая комиссара.

— Ты задала правильный вопрос, девочка, — сказала она. — Но по законам космических контактов цивилизация, имеющая благородные цели, всегда первым делом старается наладить контакт. Капитан Кук вез с собой бусы для туземцев, а мы записывали биотоки мозга дельфинов. Если же цивилизация совершает действия, но не идет на контакт, значит, дело плохо.

— Плохо дело, — подтвердил один из незаметных вельмож.

— Но мы не можем позволить себе вызвать их подозрения, — продолжала старушка, которая явно была не просто наблюдателем за птицами. В те дни Кора еще не знала, что Ксения Михайловна в ее девяносто лет уверенно руководит Галактической службой безопасности, в которую, в частности, входит и ИнтерГпол.

— Мы вынуждены были разработать операцию по внедрению в чужой мир нашего агента. Разработка не завершена, но исчезновение инженера Всеволода заставляет нас торопиться. Боюсь, что время на исходе — мы можем ждать неблагоприятного для нас развития событий в любой момент. Вы, Кора, должны стать глазами и ушами Земли — вы должны узнать планы противника и сорвать их или хотя бы довести до нашего сведения.

— Ну уж ты слишком, — сказал второй незаметный вельможа, в котором Кора, конечно же, не могла узнать вице-президента Галактической Федерации по безопасности, серого кардинала Галактики. — Ты, Ксюша, переборщила. Так ты нашего юного агента запугаешь.

Его провокация возымела действие.

— Меня трудно запугать! — сообщила Кора.

— Мне приятно слышать, что ваш агент уверен в себе, — отметила бабушка.

— Мы испытывали Кору в трудных условиях, — самодовольно заявил Милодар. — Она смогла противостоять князю Вольфгангу дю Вольфу и его банде на борту «Сан-Суси». Это не каждому по плечу.

— А вам не было страшно? — спросил незаметный вельможа. Тот, второй, который был комиссаром обороны Галактической Федерации, о чем Кора тоже не догадывалась.

— Я даже об этом и не думала, — призналась Кора. — Но там все было ясно.

— Здесь тоже все ясно, — возразил Милодар, — ты проникнешь в параллельный мир...

— Нам, — перебила комиссара Ксения Михайловна, — хотелось бы получить ваше принципиальное согласие на опасный и рискованный подвиг.

— Земля ждет вашего решения, — поддержал бабушку комиссар обороны Федерации.

— Но неужели у вас никого больше нет?! — попыталась сопротивляться Кора. Впрочем, уже сдаваясь.

— Мы можем подготовить и послать другого агента, — терпеливо объяснила бабушка. — Но нам никогда не отыскать такой же, как вы, хорошеный цветок, бездумный и легкомысленный.

— Я — цветок? — грозно спросила Кора.

— Мы очень надеемся, что вы их в этом убедили. Более нелепое, пустое, глупое времяпрепровождение, чем у вас с Вероникой, придумать трудно, — заявил Милодар. — Когда я проглядывал пленки, мне становилось стыдно, что ты — мой потенциальный сотрудник.

— И что же вам так не понравилось? — агрессивно спросила Кора. — Разве я не имею права отдыхать?

— Кора, — взмолилась мудрая Ксения Михайловна, — не обращайте внимания на Милодара. Я знакома с ним тридцать лет — более невоспитанного, грубого и нечуткого человека мне видеть не приходилось. Если бы не его цепость, упрямство и умение интриговать, никогда не видеть бы ему такого высокого поста.

Кора полностью согласилась со старухой.

— Ладно, — сказала она. — Я постараюсь его простить.

— И я только хотел сказать, — заметил серый кардинал Галактики, — что у вас, Коры, будет замечательная возможность спасти отличного инженера и милого человека Всеволода Тоя. Думаю, что ваша подруга Вероника лопнет от зависти.

Кора подняла брови — такого глубокого проникновения в собственную душу она не ожидала ни от одного мужчины. А ей вовсе не хотелось, чтобы мужчины туда проникали.

— Это к делу не относится, — отрезала Кора.

— Правильно, — согласился проницательный кардинал.

— Расскажите мне, что надо делать, — сказала Кора. — Ведь прежде чем согласиться, я должна, по крайней мере, понимать, на что иду.

— На подвиг, — просто сказала Ксения Михайловна.

— Вам все объяснит комиссар Милодар, — сказал комиссар обороны.

* * *

На следующее утро Кора проснулась у себя в комнате и никак не могла сначала сообразить, что же произошло в действительности, а что ей приснилось. Сначала она предположила, что ей приснился трагический полет инженера Всеволода на махолете, но потом она услышала за стенкой приглушенные рыдания Вероники и поняла, что это, к сожалению, не так. Нет, сообразила Кора, ей приснились события ночные — визит Ксении Михайловны и беседы с Милодаром... но по мере того, как она просыпалась, все яснее становилось, что и ночную беседу с руководителями безопасности Галактики вряд ли можно считать сном. Неужели она живет в таком сумасшедшем мире и ей грозит путешествие в другой мир, не менее сумасшедшего? О нет!

Последний возглас вырвался из нее наружу. И настолько громко, что Вероника перестала рыдать и, забыв одеться, прибежала к ней.

Вероника была встрепанной, глаза красные, заплаканные — бедная девочка, подумала Кора, второй раз на моей памяти теряет возлюбленного! Как это трудно перенести.

— Ты что? Приснилось что-то страшное? — Вероника еще беспокоилась о ней!

— Извини, если я тебя разбудила, — сказала Кора. — Мне приснился кошмар.

— О Всеволоде, да?

— О Всеволоде.

— Ты думаешь, что он погиб?

— Я надеюсь, что он жив.

— Он превратился в чайку? — горько улыбнулась Вероника.

Кора дала Милодару слово, что никому из приятелей и друзей не скажет о предложении ИнтерГпола. А так хотелось успокоить Веронику.

— Я решила уехать, — сказала Вероника, не дождавшись ответа от Коры.

— Правильно, — ответила Кора.

— Ты поедешь со мной?

— Я поеду в Ялту, — сказала Кора.

Ну почему я должна скрываться! Зачем я дала слово?

И сразу вспомнились последние слова Милодара.

«Тебе захочется поделиться с кем-нибудь своей тайной. Скорее всего с Вероникой. Но прежде чем откроешь рот, пожалуйста, подумай, что от каждого твоего слова на самом деле, без шуток, зависит судьба Земли. Вероника может оказаться не Вероникой, вас может кто-то подслушать... я не знаю, что может еще случиться, я не волшебник, я не знаю, каковы возможности у наших противников. Умоляю тебя — впервые в жизни — умоляю никому не проронить ни слова...»

— Что ты потеряла в Ялте? — удивилась Вероника.

— Мне хочется еще побывать на юге... но не здесь.

— Может, мне поехать с тобой?

Ну вот, еще этого не хватало!

— Ты лучше иди в душ, — посоветовала Кора.

Вероника потянулась — она загорела за эти несколько дней, следы трусиков ослепительно белели на смуглых обнаженных бедрах. Кора вспомнила почти забытую картинку: она стоит в ярко освещенном таксицермистском музее князя Вольфганга лю Больфа и смотрит на чучело прелестной акробатки Кларенс, убитой князем... у нее была точно такая же фигура, как у Вероники...

— Не злись, — сказала чуткая Вероника. — Не поеду я с тобой в Ялту. Не буду вмешиваться в твою личную жизнь... Я лучше полечу на Марс, ты знаешь, что я строю там мастерскую. И в труде буду искать утешение.

— Если Всеволод найдется, ему дать твой адрес на Марсе?

— Еще чего не хватало! — Вероника надула пухлые розовые губки. — Я не прощаю мужчин, которые заставили меня страдать.

Вероника убежала в душ. Она быстро утешится, займется марсианскими делами, закружится в обрамлении поклонников — все же первая невеста Марса...

Ночью Милодар сказал, что попытка перехода Коры в параллельный мир будет предпринята через два дня. Но с утра события начали набирать темп.

Завтракали, как всегда, в кафе.

За соседний столик уселась Ксения Михайловна. Все стали с ней здороваться. Ксения Михайловна была печальна.

— Я была против спешки, — сказала она, когда Вероника отошла к общему самовару. — Но лететь придется сегодня.

Кора не поверила бабушке. Она уже догадалась, что лицемерие — достоинство шпиона. А старушка состояла в шпионках лет семьдесят.

Не дождавшись ответной теплой реакции от кро-лика, бабушка быстро прошептала:

— Отстанешь от остальных на большой аллее. Тебя будут ждать. Ясно?

— Ясно, — ответила Кора, в тот момент она их всех ненавидела и лишь гордость не позволяла ей улететь из Крыма первым же рейсом.

После завтрака все пошли к морю. В то утро никто не шутил, не смеялся, как будто инженер мог услышать и рассердиться.

Кора сказала Веронике, что забыла дома книжку, которую хотела дочитать, и, подождав, пока все скрылись за поворотом, медленно пошла обратно.

— Кора, — шепотом позвала ее скамейка. Милодар скрывался за ней в плотно сбитом из жестких листочек кусте. — Садись. Делай вид, что загораешь.

Кора уселась на скамейку. Сделать вид, что загораешь, было трудно, потому что скамейка стояла в густой тени.

— Есть указание Галактического центра, — продолжал шептать Милодар. — Операция считается срочной. Подготовка сокращается. В три часа мы совершаляем переход.

— Как так? — испугалась Кора. — Я не готова.

— Ждать нельзя.

— Но я совсем не готова.

— Сейчас ты поднимешься со скамейки и пройдешь направо по аллее до статуи Аполлона. Зайдешь за статую и остановишься. Ясно?

— А можно завтра? — заныла Кора в ужасе от неотвратимости операции. Будто ей сообщили, что поход к зубному врачу переносится с послезавтрашнего дня на сегодня.

— Вставай и иди! — приказал Милодар.

Коре ничего не оставалось, как встать и идти.

Она дошла до белой мраморной статуи Аполлона. Затем обошла ее. На аллее никого, к счастью, не было. За спиной Аполлона, который стоял на цветнике, был канализационный люк. По требованию интуиции Кора на него встала. И в тот же момент люк ухнул вниз. Она даже не успела протянуть руки, чтобы ухватиться за край колодца.

Как только крышка люка сбросила с себя наездницу, она, в нарушение законов гравитации, ринулась наверх и, заняв законное место, отрезала Кору от дневного света. К счастью, девушка не ушиблась, потому что на дне колодца ее подхватили крепкие руки невидимого в темноте мужчины.

Свет зажегся. Она стояла на бетонном полу тоннеля.

— С прибытием, — сказал толстенький, круглый композитор Миша Гофман.

— А ты что здесь делаешь? — удивилась Кора. — Ты же был в столовой.

— Извини, что не представился сразу. Мне только сейчас комиссар сказал, что ты трудишься в нашей фирме, — сказал Миша. — Я думал, ты штатская, просто телка.

— И ошибся, — произнес Милодар. — А в людях надо разбираться. Кора — наш постоянный сотрудник. Имеет благодарность командования за ликвидацию банды Карлуши дю Вольфа.

— Ну, прости, коллега, — повторил Миша. И взгляд его, прежде рассеянный и легкомысленный, теперь лучился товарищеским теплом. А Кора, которая совсем недавно с негодованием отвергала саму возможность сотрудничества с полицией, почувствовала это приятное тепло. Всегда лестно выглядеть значительной в чужих глазах, даже в глазах полицейского агента.

— Мальчики, девочки, — призвал к порядку Милодар. — Срочно идем в центр подготовки к полетам. У нас в распоряжении три часа. После этого Кора уходит в параллельный мир.

— Нет, — возмутился Миша Гофман. — Так поступать нельзя. Несмотря на ваши уверения, комиссар, я знаю, что Кора не готовилась специально к полевым операциям.

— Она создана для полевых операций!

— Я не позволю рисковать жизнью прекрасной девушки!

Кора тепло поглядела на Мишу Гофмана. И хоть песенник был значительно ниже ее ростом и толст,

Кора подумала, что не внешность определяет качества мужчины. Ведь и Тамерлан, и Наполеон были невелики росточком. А какие женщины извивались у их ног!

Милодар между тем быстро уходил низким туннелем. Туннель был выбит в скале, он наверняка нес разумную функцию, будучи коллектором для различных сетей — по нему тянулись разного рода кабели и трубы, — а кроме того, служил средством сообщения для работников разведок и секретных служб. Особенno он пригодился во время операции «Параллельный мир».

Однако центр управления операцией располагался не в узком и тесном туннеле, а дальше, в подвале виллы «Ксения», куда они и добрались метров через двести.

Подвал виллы «Ксения», как объяснил по пути Милодар, долгие годы использовался как склад магазина, занимавшего первый этаж виллы. Теперь ввиду опасности склад был незаметно переведен на третий этаж, а в обширном подвале расположились приборы подслушивания и подсматривания, которые держали под контролем как Птичью крепость, так и близкую к обрыву часть моря.

У компьютеров и экранов сидели сотрудники ИнтерГпола, и никто из них не обернулся, когда Милодар и его спутники вошли в зал. Лишь высокий стариик с бородкой, как у американского дяди Сэма, в голубом халате, строевым шагом приблизился к Милодару, протянул ему распечатку и сообщил:

— Здесь последние данные по напряжению поля и утечке масс.

Милодар сделал вид, что внимательно проглядывал цифры, затем положил лист на ближайший стол и обратился к старику:

— Это все приятно! Я бы сказал, убедительно. Но вы мне лучше скажите: можем ли мы посыпать нашего сотрудника на смертельный риск?

Голос Милодара дрогнул, и крепкими пальцами он схватил Кору за локоть и подвинул к высокому ста-

рику, словно тот был должен получше разглядеть страдалицу.

Но Кора уже начала привыкать к тому, что заявления комиссара Милодара всегда требуют эмоциональной корректировки и совсем не соответствуют тому трагическому содержанию, которое он в них вкладывает.

— Принципиальных перемен не произошло, — ответил старик. — Но присутствие постороннего мощного поля мы продолжаем измерять.

— То есть они не ушли, не закрыли дыру?

Старик с козлиной бородкой, словно охваченный сомнением, обернулся к мигающим экранам и минуты две внимательно их разглядывал, медленно продвигаясь вдоль их строя.

— Все нормально, — уверил он Милодара. — Они здесь.

— Для меня это как гора с плеч, — сообщил Милодар. — А то кинешь сотрудницу с обрыва, а они ее подхватить забудут.

— Кого это вы вздумали кидать, комиссар? — спросил старик.

— Она здесь, моя бедная девочка, — ответил комиссар. — Кидать будем ее.

— Может быть, обойдемся без такого жестокого способа? — спросила, криво усмехнувшись, Кора.

— Другого мы не видим, — ответил Милодар. — Обрати внимание, существует закономерность — наши соседи по-своему гуманны. Насколько нам известно, они еще не утащили у нас ни одного человека, который, скажем, вышел погулять по дороге. По крайней мере, нам такие случаи неизвестны. Они хватают и вытаскивают к себе тех типов, которые по той или иной причине оказываются на грани смерти.

— У вас только один пример — инженер Всея-
лод Той, — сказала Кора.

— Чепуха! Ты забываешь, чему тебя учили. Почти наверняка для тех, кто вытаскивает наших соотечественников, время не представляет непроницаемого барьера. Во взаимодействии наших миров им все равно — произошло ли событие тысячу лет назад

или только вчера. Им важно место действия. А вот время им безразлично. И это великое открытие!

— Не понимаю, — искренне произнесла Кора. — Я, правда, по физике в школе выше четверки не поднималась, но, наверное, мои школьные успехи здесь не играют роли?

— Разумеется, не играют, — согласился дядя Сэм. — Но, честно говоря, я не выношу отличников.

— Как я вас понимаю! — обрадовалась Кора.

— Ну что, наговорились? — спросил Милодар. — Тогда пойдем к медикам. Нам нельзя терять ни минуты.

Медики занимали соседний подвал. В подвале недавно находился склад парфюмерного магазина, в нем еще пахло мылом и шампунем. Стены были покрыты блестящей белой краской, и это было не очень приятно, потому что свет ламп отражался от неровностей стен и от этого в глазах мерцало.

Здесь снова возник Миша Гофман. На этот раз он был в одних плавках и лежал на хирургическом столе, направив к потолку огавший животик. Коре, не выносившей ничего медицинского, сразу стало страшно.

— Что вы будете с нами делать? — спросила она слабым голосом.

— Каждому свое, — ответил Милодар. — Я правильно говорю?

Хирург — громила с преувеличенным подбородком и утонувшими в глубоких глазницах глазами — молча кивнул и потом обратился к Мише Гофману:

— Будете терпеть или дадим наркоз?

— А больно? — спросил Миша.

Кора с некоторым облегчением подумала, что не она одна ослабла духом.

— Пошли, пошли, — Милодар потянул Кору в следующее помещение, где ее ждала неожиданная, но приятная встреча.

— Ax! — воскликнуло при виде Коры существо с громадными сетчатыми, словно у стрекозы, глазами, настолько тонкое в талии, что казалось — вот-вот

верхняя половина тела отделится от нижней и начнет самостоятельное существование.

— Ванесса! — И тут Кора поняла, что ее старая подруга, чернокожая муха Ванесса не даст ее в обиду.

Они обнялись с Ванессой, к неудовольствию Милодара, который не терпел задержек.

— Приступайте! — приказал он.

— Мы посовещались с профессором Пироговым, — сказала Ванесса, — и решили, что постараемся обойтись без имплантаций для Коры Орват.

— Еще чего не хватало! Ведь в этом-то и суть дела, чтобы мы получали через нее информацию.

— Если они достаточно развиты, чтобы пользоваться переходом между параллельными мирами, — загадел украшенный бакенбардами Пирогов, — то они, без сомнения, произведут анализ тела попавшей к ним сотрудницы и обнаружат наши приборы. На этом ее функции закончатся.

— Ничего страшного. Пока они будут проверять и анализировать, — возразил Милодар, — мы будем получать бесценную информацию.

— Но вы погубите агента! — воскликнула Ванесса.

— Этот агент пока не представляет ценности, — ответил Милодар, а когда все присутствующие, кроме Коры, на него зашикали и начали кричать о гуманизме и здравом смысле, Милодар махнул рукой и произнес: — Делайте как знаете! Все здесь умники, а отвечать мне придется!

Затем он ушел из комнаты, и Коре было слышно, как со своего одра Миша Гофман спрашивает его:

— Чего ушли, комиссар? Погодите, мне так хотелось задать вам несколько вопросов! А вы мне отвешите — или да или нет!

Но Милодар не остановился, и его шаги стихли в отдалении...

— Единственное, что мы сделаем, моя дорогая, — прошептала темнокожая муха Ванесса, — мы внедрим в тебя микроскопический датчик — чтобы знать, что ты жива, и представлять, на каком рассто-

янии и в каком направлении от нас ты находишься. Хотя, конечно же, эти показатели могут быть неточными: мы же не знаем, искривляется ли пространство в параллельном мире.

— Вот именно, — сказала Кора. — Так что, может, обойдемся без датчика?

— Он мал и сделан из костной ткани зубробизона, так что никакими исследованиями в твоем организме его не отыщешь. А может оказаться, что для твоего спасения необходимо будет знать, где ты находишься.

На этом Кора прекратила сопротивление и позволила произвести над собой экзекуцию — ей дали проглотить махонькую ампулу, в которой и скрывался костяной датчик.

В комнату заглянул Миша. Он был бледен, но бодр.

— Ты тоже будешь проникать в параллельный мир? — спросила Кора, ощущив укол ревности, — ведь это она должна была идти на подвиг ради судеб Галактики.

— Я как твой дублер-космонавт, — ответил Миша Гофман. — Если с тобой что-то случится, не дай бог, конечно, то я пойду следом. Мы же не можем оставить этот объект без контроля.

После окончания операции «заглатывание» Коре ввели комплексную сыворотку от всех известных вирусов и бактерий. Сделано это было на случай, если что-то или кто-то из них встретится там, за поворотом. Затем была сделана еще одна серия уколов — а именно: отныне и в течение месяца потребности Коры в сне, воде и пище будут в десять раз ниже, чем обычно, а жизненный тонус выше.

После этих процедур Кора на полчаса заснула, а очнулась от звука знакомого доброго голоса.

— Пора, Кора, — сказала Ксения Михайловна, склонившись над кушеткой.

Кора легко поднялась с жесткого ложа. Она чувствовала себя так легко и бесплотно, словно стала трехлетней, когда могла пропрыгать весь день без передышки и не почувствовать усталости.

— Я тебе расскажу сценарий перехода, а ты, пожалуйста, возражай мне, спорь — у нас с тобой есть полчаса, чтобы достичь согласия.

— А комиссар Милодар вернется? — спросила Кора.

— Комиссар Милодар улетел, — ответила бабушка. — И это, я думаю, хорошо, потому что он отрицательно действует тебе на нервы в стрессовых ситуациях.

Она лукаво улыбнулась, и Кора искренне сказала:

— Спасибо, Ксения Михайловна.

И тут Кора вспомнила, что она — взрослая, разумная женщина, которой предложили влезть в смертельно опасную авантюру, мотивируя это необходимостью спасти Землю и всю цивилизацию. А на самом деле нажимая на клавишу страсти к приключениям, обнаруженному в ее душе.

— Простите, — обратилась Кора к Ксении Михайловне. — Допустим, что я согласилась и попала в параллельный мир. То есть он существует и даже затягивает людей отсюда. И я туда попала. А дальше что?

— Дальше все просто, как в самом обыкновенном шпионском романе, — ответила бабушка из семейства Романовых. — Ты должна внедриться в тот мир, то есть по возможности понять, что же им от нас нужно, по возможности оценить опасность, которую представляет существование этого мира для Земли. Затем с помощью Миши Гофмана или сама по себе ты должна дать о себе знать. И главное, от тебя требуется вернуться обратно живой и дать возможность себя допросить и исследовать.

— А исследовать-то зачем? — спросила Кора.

— По некоторым причинам, о которых тебе самой положено догадаться. Во-первых, мы должны понять, не стала ли ты жертвой чуждых нам вирусов или болезней, не являешься ли ты биологической опасностью для Земли.

Кора поежилась. Собственная судьба казалась ей куда более печальной, чем еще час назад.

— Во-вторых, — продолжила бабушка железным голосом, — мы должны будем понять, не являешься ли ты агентом, возможно, не подозревающим того агентом чуждого нам мира, не превратилась ли ты в психологическую рабыню? Ведь это было бы опасно, не так ли?

— И если нужно, меня придется уничтожить? — спросила Кора почти серьезно. И ответ она получила совершенно серьезный:

— Нам бы очень не хотелось тебя уничтожать. Ты хорошая девочка.

— Все ясно, — сказала Кора. — Как я понимаю, моего мнения никто уже не спрашивает!

— Нам бы хотелось, чтобы твое решение было добровольным. А пока ты как ни в чем не бывало пойдешь со всеми обедать.

* * *

Кора пошла обедать со всеми в татарское кафе у нижней дороги.

Миша Гофман, душа компании, был печален, — он сказал, что его вызывают в Москву, где его срочное присутствие потребовалось на репетиции дня Военно-Морского флота. Охотник Грант пришел без своей девушки, сказал, что она простудилась. Поэты громко шептались: они задумали играть в буриме втайной надежде создать поэму о современном Икаре, который превратился в птицу.

Когда они вышли из кафе, у входа увидели толстую женщину в накинутой на плечи кашемировой шали. Женщина продавала пышные георгины.

— Ах, — произнесла Кора выученный по сценарию текст. — Какая прелесть!

Все согласились, что цветы и в самом деле — прелесть.

Согласившись, медленно двинулись дальше, рассуждая, куда пойти — к морю или погулять по горам. Такое поведение нарушило сценарий Ксении Михайловны, которая полагала, что кто-то из мужчин обязательно купит букет георгин у агента Мела-

нии Джонсон, специально доставленной с корзиной цветов из Никитского ботанического сада.

Но Ксения Михайловна надеялась на сообразительность Коры. И не ошиблась.

— Если никто из мужчин не догадается купить нам по цветочку, я это сделаю сама! — воскликнула она и забрала большой букет, по рассеянности забыв даже сделать вид, что платит за цветы.

Это сделал Миша Гофман, догадавшийся к тому времени, что покупка букета входит в генеральный план ИнтерГпола.

Несколько пристыженные мужчины остановились, не зная, то ли купить оставшиеся цветы, то ли возвратить Мише истраченные им небольшие деньги. Пока они размышляли, Кора продолжила игру.

— Вероника, — заявила она. — Я чувствую, что надо сделать с этим букетом!

И тут Вероника, словно прочтя мысли Коры, невольно подыграла ей.

— И я знаю! — сказала она. — Мы отнесем их в Птичью крепость и подарим Всеволоду.

— Вот именно! Подарим Всеводому.

Кора шла впереди, неся половину букета. На шаг сзади — Вероника, несла вторую половину. Затем, лениво беседуя о своих делах, шли мужчины.

— Если я сегодня исчезну, — произнесла удивительно чуткая Вероника, — они завтра обо мне забудут.

— Нет, — постаралась утешить ее Кора, — ты слишком красива. Тебя они не сразу забудут.

Вероника замолчала. Она не знала, то ли быть благодарной Коре за признание ее красоты, то ли обидеться на слово «не сразу», означающее в результате, что забвение неизбежно.

Солнце уже согнало с неба утреннюю голубизну — день обещал быть жарким, когда они вышли по тропинке к Птичьей крепости. Площадка, кое-где огороженная сохранившимися с древности каменными плитами, уже нагрелась, пыль, поднимающаяся от шагов, пахла сладко и горячо. Далеко-далеко внизу, синее в тени скалы Дева, замерло море.

Кора не посмела первой подойти к обрыву — это было чувство, заставляющее неопытного парашютиста искать темный уголок в чреве десантного самолета в надежде на то, что тебя не заметят и забудут.

Но краем глаза она не могла не видеть приставшую к компании Ксению Михайловну, еще вчера такую милую и добрую старушку, а сегодня невольно выглядевшую плачом, держащим в руках свернутую веревку.

Зато Вероника, не подозревавшая о том, какие чувства клокочут в головке Коры, смело прошла к самому обрыву и положила букет на каменный барьер, отделявший площадку от пропасти.

— Милый Всеивод, — пропела Вероника, устремив взор в голубизну бесконечности, — если ты астральным образом слышишь нас, то наши чувства и звуки речи доносятся к тебе на Валгаллу.

— Какая начитанная девочка, — счел нужным произнести Миша Гофман. Он-то знал, что такое Валгалла, проходил в хоровом училище на музграмоте. А так как в Детском доме музграмоту усердно преподавали всем детям, имевшим музыкальный слух, то Коре тоже знала о Валгалле. Впрочем, как и Вероника.

— Не перебивайте, — огрызнулась Вероника. — Любую песню можно испортить.

— В самом деле, молодой человек... — с укором произнесла Ксения Михайловна.

Кора понимала, что руководительница разведки заинтересована в том, чтобы наивная Вероника создала подобающую для эксперимента атмосферу.

— О, лети наш дар тебе, дорогой летчик, отыщи человека среди облаков и птиц, прижмись к его бесплотному сердцу...

Вероника схватила букет, стала выхватывать из него отдельные крупные цветы и метать их в пространство, как сеятель пшеницу.

— Но они постоянно дежурят? — почему-то спросила Коре, хотя эта проблема уже не раз обсуждалась прошедшей ночью. — Вдруг они не заметят?

— Там есть люди, — прошептала в ответ Ксения Михайловна. — Ты же знаешь, я проследила.

— Мне страшно.

— Я понимаю, но кроме тебя этого не сделает никто. А ну, пошла!

Последние слова лучше обращать бы к лошади, но Кора восприняла их покорно, как лошадь. Видно, ей дали какие-то лекарства, подавляющие волю..

Сейчас должна произойти случайность... веселая компания пришла к обрыву, чтобы почтить память исчезнувшего вчера инженера, но тут случилось не-предвиденное...

— Пошла! — повторила Ксения Михайловна, не боясь, что ее услышат.

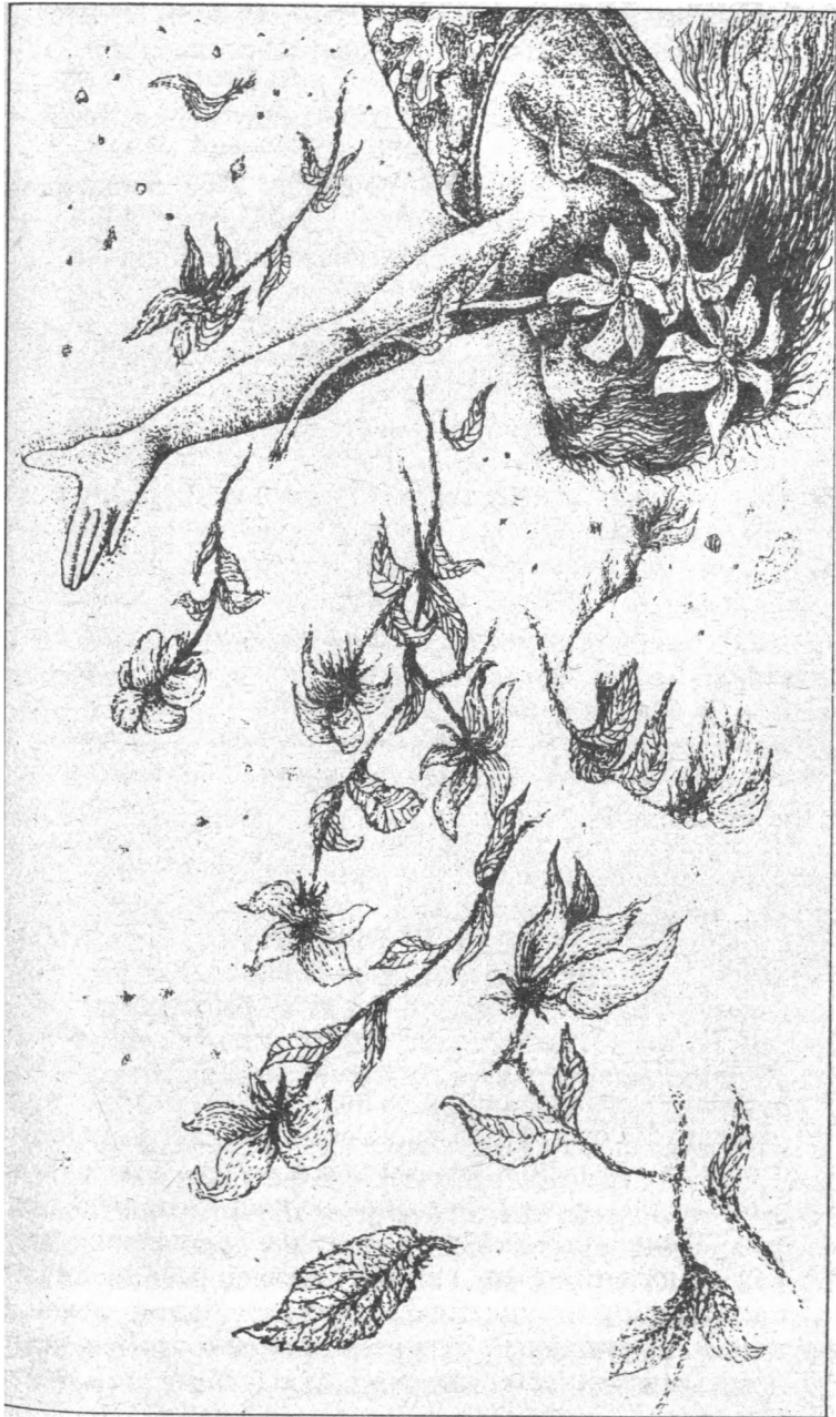
— Постой! — крикнула Кора, вспомнив заученные слова и действия сценария. — Дай мне кинуть. Я тоже хочу!

Она выхватила у Вероники последний цветок и легко вскочила на парапет — каменную плиту. Она кинула цветок далеко и сильно вперед так, чтобы самой потерять равновесие... но в последний момент инстинкт самосохранения оказался сильнее.

Тело ее, уже готовое сорваться с обрыва, начало конвульсивно дергаться на краю пропасти, стараясь удержаться, и, наверное бы, ничего из прыжка в преисподнюю не получилось, если бы не неловкий Миша Гофман, который кинулся сзади к Коре с криком:

— Остановись! Упадешь!

Одним прыжком он оказался возле ног девушки и постарался схватить ее, да так неудачно, что толкнул вперед — достаточно сильно толкнул, чтобы Кора окончательно потеряла равновесие и птицей полетела с обрыва, медленно поворачиваясь в воздухе, словно была не человеком, а ватной куклой, которую подхватил сильный порыв ветра и на мгновение задержал ее падение вниз, как бы стараясь вернуть тело к крепости... но безуспешно. И в страшной роковой тишине, охватившей от ужаса не только людей, но и птиц, и даже насекомых, она стала падать все быст-

рее, быстрее, стремясь к морю или камням, окаймляющим скалу у воды.

И уже подлетая к воде, тело Коры вспыхнуло ярким светом, настолько ярким, что все, кто в ужасе глядел на это роковое падение, невольно зажмурились. А когда открыли глаза вновь — через секунду, через несколько секунд, от Коры осталось лишь неясное и исчезающее на глазах сияние, вернее, воспоминание о сиянии.

Но море не всколыхнулось от удара о него тела, кровь не расплескалась по камням, оторачивавшим подножие скалы, — и только несколько чаек, испуганных падением девушки, отлетели подальше в небо, и неизвестно было, есть ли среди них дух Коры...

* * *

К счастью, Кора не успела толком сообразить, что погибает, потому что в ее сознании смешались убеждение в собственной безопасности, которое внушала ей Ксения Михайловна, и нормальный ужас человека, которогобросили с гигантской скалы.

Но по мере того (это заняло десятые доли секунды), как беспомощное тело Коры приближалось к гибели, разум, не в силах преодолеть внутреннего страха перед смертью и справиться с ускорением, отказался видеть и понимать действительность. А снова он включился лишь после того, как Кора разбилась о скалы, утонула в море или превратилась в птицу, — то есть после того, как с ней произошло Нечто...

Кора открыла глаза.

Она лежала на склоне холма или горы, а может, просто на склоне. Возле глаз росла подсыхающая, бурая трава, небо было обычным летним, может, чуть серее, чем положено. Воздух был жарким... нет, он был иным, чем у нас, на Земле, в него накапали каких-то не очень ароматных добавок, с чем придется мириться. Но в целом никаких особых перемен в мире не произошло — то есть параллельный

мир и на самом деле оказался миром параллельным, а не перпендикулярным и не перекошенным, как того можно было опасаться.

Затем Кора поняла, что ушиблась. Все же это было падение — не сильное, не болезненное, но она оцарапала локоть и ударила лодыжкой о камень.

Кора села, потирая лодыжку.

Вокруг было пусто. Никто на нее не смотрел, никто не кружил над ее головой, если не считать коршуна или подобной ему птицы, парившей высоко над склоном горы, похожей на Ай-Петри.

Странно, подумала Кора, я предполагала, что параллельные миры должны быть идентичны. Я ожидала очутиться в Крыму, в Симеизе, только в несколько ином Симеизе, и даже встретить своих друзей, а может, саму себя...

Кора села. Солнце было тусклым, будто где-то разыгралась пылевая буря. У ее ног пробежал муравей, совсем такой же, как на Земле, он тащил хвойную иголку, тоже подобную земной. Это как-то утешало. Хотя не исключало существования чудовищ.

Преодолев боль в лодыжке, Кора поднялась. Почему-то она не боялась. Может, потому, что стояла середина дня, лето, светило солнце и муравьи занимались своими делами.

Локоть почти не болел и не кровоточил, лодыжка поскрипывала, но умеренно.

Стоя, Кора огляделась.

Чем-то окружающий пейзаж напоминал крымский, но не пейзаж Симеиза, а более восточные берега, где горы теряют остроту и обрывистость и стекают к морю, как плюхи овсяной каши. Но море оставалось и в параллельном мире — и также ловило верхушками волн ослепительные зайчики Солнца.

Так как никто не спешил пригласить Кору приобщиться к красотам и достижениям нового мира, но никто и не нападал на нее, то ничего не оставалось, как самой пойти наверх, от берега.

Чем выше поднималась Кора, тем становилось жарче и тем злобней жужжали вокруг муhi и слепни, и тем больше ей казалось, что все происходящее с

ней — какая-то глупейшая шутка, злой розыгрыш — то ли рожденный с темными целями в недрах полиции, то ли придуманный кем-то из ее спутников по веселой компании.

Первым более-менее крупным существом, встретившимся ей при подъеме, оказался выглянувший из-под камня скорпион — в жизни она еще не встречала на побережье скорпионов. Скорпион был невелик, но напугал Кору до полусмерти, куда больше, чем прыжок с обрыва. Хорошо еще, что ее ночью снабдили одеждой, которая, чтобы не заметили окружающие, была точно такой же, как ее старая одежда, но отличалась прочностью и была приспособлена к экстремальным ситуациям. Туфли, например, внешне были теми же, что вчера, а на самом деле их шершавая подошва, подобно клейкой ленте, могла удержать Кору на вертикальной плоскости скалы или стены. Подошвы были рассчитаны на десять тысяч километров пути по самому отвратительному бездорожью.

Так что Кора, обежав скорпиона по широкой дуге и стараясь не приближаться к подозрительным камням, поспешила выше по склону в надежде выйти на дорогу или к каким-то людям, которые ей, наконец, все объяснят.

Этот путь привел к осыпи, широкой и светлой, поблескивающей под солнцем. Над осыпью вились мухи, и Кора решила обойти осыпь подальше, потому что если скорпионы, тарантулы и гадюки решили избрать себе убежище, то осыпь была для них оптимальным вариантом.

Но далеко она не убежала, потому что камни в осыпи привлекли ее внимание. Они явно были обработаны, и настолько интересно, что, несмотря на опасность, Кора осторожно подошла к осыпи поближе.

Вся осыпь, достигающая метров двухсот в длину и почти столько же в ширину, состояла из изваянных в мраморе, гипсе и бронзе человеческих голов, а также различных частей тела, принадлежавших большей частью одному человеку, хотя, впрочем, уверенности

в том не было. Пожалуй, более всего это было похоже на отвалы мастерской сумасшедшего скульптора, который никак не мог удовлетвориться своей работой и, доведя до совершенства бюст своего постоянного натурщика, приходил в бешенство, бил по нему молотком, а потом сбрасывал с обрыва.

Кора приглядилась к голове, которая сохранилась более других, — лишь на носу и волосах были сколы. Голова изображала человека средних лет, с низким выпуклым лбом, короткими, как войлочная нащепка, волосами, большими негритянскими губами и усами под округлым носом. Глаза этого мужчины были малы и глубоко спрятаны под кустистыми бровями.

Чуть далее она увидела лежащую статую того же человека во весь рост. Человек был облачен в некий форменный костюм или мундир и держал руки на животе. Живот выдавался вперед, так что руки проходили под ним, словно помогали телу поддерживать эту тяжесть, чтобы не сползла на колени.

Из груды одинаковых голов торчала рука, указующая в небо. Совершенно очевидно, что в государстве, куда Кора попала, произошла революция и освободившийся от тиарии народ сверг памятники душителю свободы. Такое не раз уже происходило на Земле, и до появления следующего мессии или диктатора население государства брело по опасной дорожке демократических свобод, когда монументы не возводились. Но то, что для Земли было давней историей, здесь, видно, произошло лишь недавно.

Россыпь статуй и голов убедила Кору, что все же она — не жертва шутки, а на самом деле оказалась в параллельном мире.

Когда Кора поднялась выше по склону, к тому месту, откуда изливался поток диктаторских голов, она обнаружила дорогу, правда, запущенную, кое-где заставленную камнями и заросшую травой, но тем не менее самую настоящую асфальтированную дорогу, которая куда-то вела.

Кора направилась по этой дороге на восток, к земной Ялте. Несколько минут она шла без всяких при-

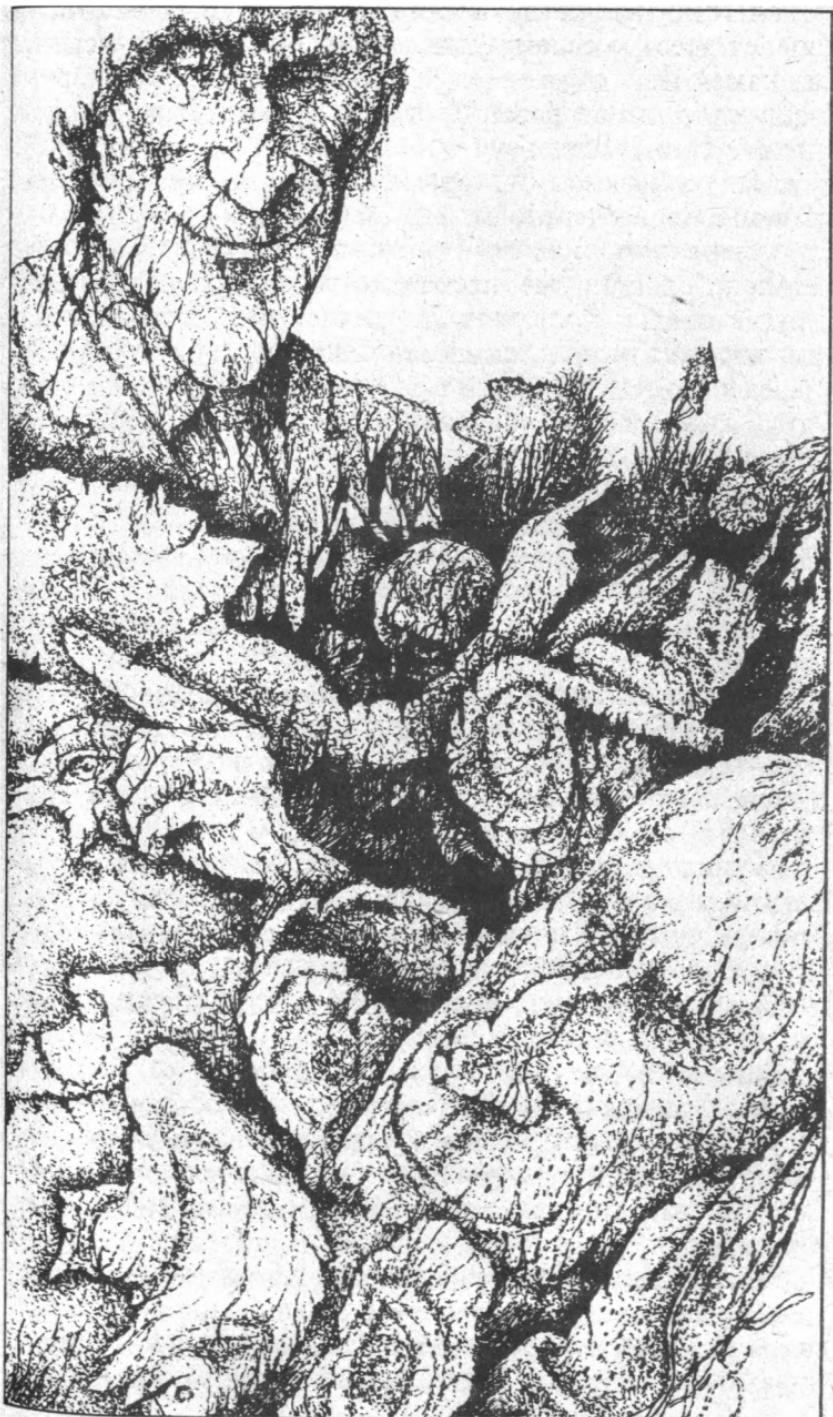
ключений, но когда дорога обогнула выдающийся вперед утес, к своему удивлению, она увидела осыпь из каменных голов и тел, однако на этот раз обнаружила, что все головы и бюсты принадлежат совершенно иному человеку — узколобому и тонкогубому. И что важно — вторая осыпь образовалась куда раньше первой, головы большей частью заросли кочалками и сорняками, были присыпаны пылью и землей, словно уже несколько лет солнце, ветер и другие стихии постоянно трудились над превращением этой свалки в каменную осыпь. Этот процесс оказался особо очевидным на третьей осыпи, до которой Кора добралась минут через пять. Головы бородатого, заросшего курчавыми волосами старика, что громадным холмом высились возле дороги и скатывались тысячами до самого моря, пролежали там, видно, многие десятилетия, и для того, чтобы разглядеть черты лица давнишнего диктатора, Коре пришлось, присев на корточки, соскребать ссохшуюся землю и отдирать плотный дерн.

Это уже было похоже на национальный обычай, и Кора рассчитывала, что через несколько шагов увидит еще одну осыпь и так, постепенно погружаясь в глубь веков, узнает в лице всех повелителей этой страны.

Однако на третьем повелителе все закончилось, потому что дорога выбежала в долину, горы расступились, и над Корой возник вертолет, который снижался, а навстречу ей по дороге, гоня тучу пыли, неслась зеленая машина, схожая с газиком, но в то же время не совсем газик.

Параллельный мир собрался встретить гостью, и Коре лишь оставалось надеяться, что встреча будет дружеской. Хотя в этом возникли сомнения. Во встрече чего-то не хватало — скажем, оркестра и неспешности, которая всегда сопровождает радостную процессию.

К сожалению, Кора оказалась права — в параллельном мире оказались достаточно суровые нравы: вздымая винтами пыль, вертолет обрушился на придорожный склон, и оттуда начали вываливаться сол-

даты в камуфляжных костюмах, тогда как подобные им солдаты выскакивали спереди из газика, и все это воинство мчалось к Коре, но, не добежав, герои рухнули в пыль, расставляя ноги и направляя на Кору стволы автоматов.

— Руки! — завопил кто-то в хриплый мегафон. — Руки вверх, а то стреляем!

Кора оглянулась, никого больше на дороге не уви-дела и поняла, что приказ относится к ней. Тогда она подняла руки, отчего чувствовала себя полной идиоткой — ты стоишь на Южном берегу Крыма, одетая по сезону, не вооружена даже микрофончи-ком, не говоря о газовой капсуле, а тебя штурмует взвод десантников.

Первым к ней осмелился подойти офицер — на нем была каскетка с пышным гербом, золотые вали-ки на плечах, пуговицы с гербами и сверкающие са-поги. К тому же он был снабжен висячими усами и красным носом, что выдавало возраст и жизненный опыт, чего не было у рядовых солдат.

— Руки вытянуть вперед! — приказал он.

Кора уже догадалась, что она попала в чужой мо-настырь со своим уставом, и покорно протянула руки, даже не задавая сакраментальных вопросов, которых от нее, видимо, ожидали: «Где я нахожусь? Что происходит? Как вы смеете?» Без лишних разго-воров и сопротивления офицер надел на Кору сталь-ные наручники и, толкнув в плечо, показал направ-ление движения — к газику.

Там ей выделили место между двумя потными во-нюючими солдатами в давно не стираных куртках и штанах. Офицер сел рядом с шофером, вертолет взлетел, а джип поехал за ним.

Машина была снабжена примитивными колесами, как в историческом фильме, и потому подпрыгивала на неровностях дороги, солдаты ругались, и некото-рые слова были Коре известны еще по детскому дому, но другие оказались совершенно загадочными. Но в любом случае первый и совершенно категори-ческий вывод Коры заключался в том, что парал-лельный мир оказался совершенно не таким, каким

должен был оказаться и каким ожидали его увидеть сотрудники полиции и разведки, так напуганные феноменом непрошеных соседей.

Даже неопытного взгляда Коры было достаточно, чтобы понять, насколько этот мир отстал от нашего мира технологически, и это придавало всей истории дополнительный оттенок тайны, которую следовало отгадать именно Коре, потому что ее помощник, а может быть и начальник Миша Гофман, еще проходил инструктаж на вилле «Ксения».

К счастью, если, конечно, это не дьявольская хитрость противника, разговаривали эти люди по-русски, и хотя их язык пестрел чужими, устаревшими, а то и просто непонятными словами, все равно в основе своей он был понятен, и значит (а это горячо обсуждалось на Земле перед отправкой Коры), параллельный мир, из которого похищают людей, по своей судьбе, истории и устройству близок Земле. По крайней мере, это облегчает работу наших агентов среди тамошнего населения.

Так рассуждала Кора, не обращая особого внимания на неудобства пути, неприятные запахи, пыль, грубые шутки солдат и даже их попытки использовать в своих интересах тесноту на заднем сиденье. А когда один из солдат слишком разошелся, Кора смогла изловчиться так, что он гулко стукнулся лбом в лоб солдата, сидевшего по другую сторону пленницы. Офицер заметил, что за его спиной идет локальная война, и высадил солдат из газика, заставив их бежать дальше пешком. Так что остаток пути Кора провела, развалившись на мягкое сиденье машины. Солдаты трусили рядом и объясняли ей особенности сексуальной жизни ее мамы, солнце палило, пыль проникала в легкие, наконец впереди показалась ограда из колючей проволоки, в которой был проезд, перегороженный шлагбаумом. Джип миновал въезд и замедлил ход перед длинным одноэтажным бетонным бараком, за которым возвышалось скучное четырехэтажное здание с маленькими окнами, забраными на нижнем этаже железными решетками.

Именно к этому зданию направился джип.

Стоило машине затормозить, как из стеклянной двери выбежало странное существо в длинном платье, платке с кокардой и мясницком клеенчатом переднике, из-под которого торчали носки солдатских сапог.

— Привезли? — закричало существо.

— Поймали, — ответил офицер, спрыгивая на асфальт, которым был залит плац между бараком и четырехэтажным домом.

— Кто это? — спросила Кора у солдата, который, запыхавшись, догнал машину.

— Медсестра, — ответил солдат. — Не подходи, укусит!

Остальные расхохотались.

— Слезай! — приказала медсестра Коре. Голос у нее был басовитый.

— Она мужчина или женщина? — спросила девушка.

— Кому как, — ответил солдат. — А ты выходи, выходи, раз велят.

Кора покорно вышла из джипа.

Медсестра сильно толкнула ее к дверям.

— Осторожнее, — предупредила ее Кора. — Я могу упасть.

— Упасть? Так я тебе помогу, — ответила медсестра.

От сильного толчка в спину Кора полетела вперед, в стеклянные двери, предусмотрительно открытые вахтером, и, пробежав пустой вестибюль, украшенный лишь синими волнистыми узорами под потолком и портретами самодовольного узкобого человека с напомаженным коком и бородкой, которая вроде бы когда-то именовалась эспаньолкой, врезалась в стену.

— Эй, принимайте пополнение! — крикнула медсестра.

Оглушенная, Кора оглядывала идущий от вестибюля широкий коридор, покрашенный в приютский голубой цвет. Двери его были когда-то побелены, в простенках стояли стулья, а над ними к стенам были приклеены плакаты, рассказывающие о нужном по-

ведении во время пожара или атомной тревоги. Плакаты были нарисованы плохо, примитивно, но доходчиво.

На стульях у правой двери сидело несколько человек в синих халатах, словно к зубному врачу. И Коре захотелось спросить, кто последний, несмотря на всю нелепость такого вопроса.

Однако Миша Гофман, который сидел на крайнем стуле, сам сказал ей:

— Я последний, гражданка. Вы будете за мной.

Композитор-песенник Миша Гофман, которого здесь оказалось не могло, потому что он еще оставался в нашем мире и даже способствовал падению Коры в мир этот, был облачен в синий больничный халат, из-под которого были видны кальсоны с развязанными белыми шнурками, свисающие, как усы сомов, по сторонам тапочкиных морд.

— Миша? — спросила Кора. — Это вы?

Странно было бы здесь заниматься играми в конспирацию.

— Да, — ответил Гофман, глядя в пол. — Мы с вами где-то встречались?

— Да, встречались, — сказала Кора и села на свободный стул. Напротив ее оказалась прелестная на первый взгляд смуглая брюнетка. В ее спутанных волнистых волосах горела маленькая диадема, а из-под больничного байкового халата, который был велик размеров на пять, из-за чего пришлось закатать рукава, выглядывала нежная узкая ножка в расшитом бисером башмачке.

— Здравствуйте, — сказала Кора.

Девушка захлопала глазами и ответила нечто на незнакомом языке.

Потом она принялась тихо плакать, но остальные не обращали на нее внимания.

Кора перехватила внимательный и настороженный взгляд соседа — тот был молод, худ, коротко подстрижен, его щеку пересекал красный безобразный шрам, который оттягивал вниз угол рта. Своебразие его туалета заключалось в том, что из-под халата

торчали плохо начищенные сапоги со шпорами, что роднило его с медсестрой.

— А почему мы сидим? — спросила Кора, не дождавшись какой-нибудь реакции от «больных».

— Ради бога, помягчите! — воскликнул Миша Гофман. — Не привлекайте к себе внимания.

— Сколько вам можно говорить! — раздраженно откликнулся пожилой мужчина в сильных немодных очках, отчего его глаза казались голубыми прудами. — Это не играет роли. Главное — не обращать на них внимания. Игнорировать!

— Вам хорошо игнорировать! — возмутился маленький, широкий в бедрах и ватный в плечах гражданин с тупым неподвижным лицом. — Вы с ними бесед не имели.

— Ах, оставьте! — отмахнулся очкарик. Он был лыс, коренаст, с красивыми губами и округлым подбородком.

Дверь рядом с Гофманом открылась, и оттуда выглянул дряблый сизолицый мужчина в белом фартуке, повязанном поверх голубого халата.

— Гофман! — приказал он. — Заходите.

Затем он окинул взглядом остальных и сказал:

— Прочих примем после обеда.

Но тут его взгляд упал на Кору, и сизолицый удивился.

— А вы тут что делаете? — спросил он.

— Меня привезли, — призналась Кора.

— Кто привез?

— Солдаты, — сказала Кора, изображая полную наивность. — Я шла по дороге, а меня нашли и привезли на машине.

— Так вы местная? — спросил сизолицый.

— Нет, я из Москвы. Я в отпуске.

— Господи, ну какая может быть еще Москва! Что за чушь? Вы мне скажите, вы включены в контингент или вы из обслуживающего персонала?

В полной растерянности Кора поглядела на Мишу Гофмана.

— Вот такой здесь бардак, — сообщил Миша. Под глазом у него чернел синяк. — Сами не знают, чего хотят. Но измываются над людьми.

— Помолчали бы, Гофман, ваша судьба вызывает у меня большие опасения, — сообщил сизолицый доктор. — Я бы за вас и двух резан не дал.

— Я молчу, но это мне не помогает, — ответил Гофман. — Я попал в атмосферу всеобщей подозрительности и террора.

— Другой атмосферы я вам предложить не могу, — ответил сизолицый. — Нет у нас другой атмосферы. Так что кроме Гофмана и новенькой все свободны.

Он почему-то погрозил Коре пальцем и добавил:

— Только чтобы туда вот, напротив, ни ногой! Ясно?

Кора почувствовала себя беззащитной, как всегда беззащитен человек в больнице, где нет знакомого доктора или хотя бы сестры, к которой можно обратиться по имени и как бы призвать ее покровительницей против духов болезней.

— Не волнуйтесь, девочка, — сказал ей лобастый очкарик с красивыми губами, — в данный момент их в самом деле не волнует ничего, кроме предварительного знакомства с вами.

Он улыбнулся так мягко и даже застенчиво, что Коре сразу стало легче.

Все посетители этой «поликлиники» поднялись и потянулись к выходу. Коре осталась в коридоре одна. На месте не сиделось. Она поднялась и подошла к двери, в которую сизолицый доктор не велел заходить. Раз он не велел, значит, за дверью скрывалось что-то интересное, а может, и важное для разведчицы Орват. Так что Коре прислушалась, но ничего, кроме нежасного рокота, не услышала.

Тогда она осторожно приоткрыла дверь.

За столом сидел еще один доктор. Грузный человек с убранными за уши длинными серыми волосами, неопределенного возраста, и у него был такой громадный мягкий обвислый нос, что придавал доктору сходство с морским слоном.

— Заходите, — буркнул доктор. — Раздевайтесь.
Он поднял голову. Увидел Кору и удивился.

— Я вас не знаю, — сказал он.

— Я тоже, — согласилась Кора. — Но доктор на-
против не велел мне к вам ходить. Почему?

Главное — казаться очаровательной дурочкой.

— Почему? — Морской слон быстро приходил в
ярость. Тяжелой тушей он поднялся над столом. —
А потому, что эти военизированные коновалы не
способны понять, зачем они здесь находятся, и ду-
мают, что будут мною командовать! Да Гарбуй их в
порошок сотрет!

И с этим криком, чуть не раздавив Кору, морской
слон вылетел в коридор, пересек его и ворвался в
кабинет к своему сизолицему коллеге.

Посреди небольшого кабинета стоял совершенно
обнаженный, голубой от холода или волнения Миша
Гофман, вытянув вперед руки и поставив ноги вме-
сте. Глаза его были закрыты. Сизолицый, не обра-
щая внимания на вошедшего, приказывал ему:

— Поднять правую руку, не раскрывая глаз подне-
сти ее к кончику носа. Ну вот, промахнулись! Сколь-
ко же можно! А теперь левую руку... и только по-
смейте мы промахнуться, я вас тут же спишу в об-
служивающий персонал и лишу усиленного пита-
ния... ну вот, лучшего я от вас и не ждал. Где у вас
нос? Нет, это не нос, а это ухо!

— Доктор Клерий! — прервал монолог морской
слон. — Вы успеете разобраться с этим неврастени-
ком. Но меня интересует, какое вы имеете право
хватать пришельцев, которые еще не прошли моего
обследования? Вы понимаете, что ваши армейские
интриги здесь не пройдут!

— Я сделал то, что считаю нужным. Девушку на-
шли наши сотрудники. Вы ее вообще проморгали.
Где был ваш Гарбуй? Опять политикой занимался?
Опять с президентом шептался?

— Не вам об этом судить!

— Нет, мне. За нами будущее. А вас мы отправим
на помойку истории.

— Прежде чем вы успеете отправить, вы побываете на кладбище! — сообщил морской слон и со страшным ревом кинулся на сизолицего.

Но тот был готов к нападению. Отшвырнув в сторону маленького Мишу Гофмана, он схватил металлический стул и помчался на морского слона, который выхватил из верхнего кармана мясницкого фартука отлично отточенный пинцет и стал остро, резко, горизонтально махать им, чтобы выколоть противнику глаза.

Кора и Миша убежали из кабинета и оказались в коридоре. Вслед им неслись отдельные вопли и рев докторов.

Уйти далеко им не удалось, даже обменяться фразами они не успели, потому что двери с улицы распахнулись и в вестибюле поликлиники загремели, затопали, тяжело задышали солдаты в боевой форме, бронежилетах и с карабинами в руках. Окруженный ими, шел человек высокого роста с очень маленькой головой, откинутой назад, будто владелец головы только что отшатнулся от неприятного запаха или вида насекомого. Плечи господина были очень узки, затем туловище плавно и постепенно перетекало в живот и бедра, составляющие нижнюю часть этого конуса, а ноги были на редкость коротки, словно обрублены.

В отличие от солдат он был безоружен, если не считать шпаги, свисавшей с золотой перевязи, пересекающей темно-оранжевый мундир, расшитый серебряными дубовыми ветками. На голове офицера набекрень сидела красная каскетка, украшенная пломажем из павлиньих перьев, которые все время задевали то за притолоку, то за люстру, а то и за потолок.

Натолкнувшись в дверях на Кору и Гофмана, усатый офицер на секунду задумался, затем сообщил:

— Тебя я знаю. Ты — Гофман, агент земных разведок, большой мерзавец. И я тебя задушу собственными руками. А вот девицу не имел чести... Я не имел чести или я имел честь?

— Мы не знакомы, — сказала Кора.

— Вот именно. Из этого я делаю вывод, что ты и есть наше новое приобретение, которое эти недоумки Гарбужа упустили, а мои соколы отыскали и привезли. Тебя солдаты привезли?

— Солдаты.

Офицер говорил хрипло, надрывно, напористо.

— Будем знакомы! — сказал он. — Полковник Рай-Райи, кавалер степени нежданного нападения.

— Кора, — ответила девушка. — Кора Орват, студентка Суриковского института.

— Степень имеешь?

— Степени не имею и не знаю, что вы имеете в виду.

— А то у вас как институт, сразу доктор или профессор. Слушать противно.

Вроде бы разговор шел по-русски, но собеседники друг друга не очень понимали.

— Чего я не хотел, — продолжал полковник Рай-Райи, — так это чтобы ты сперва попала в лапы молодчиков Гарбужа. Они из тебя вытянут, что им надо, а от нас могут и скрыть... Понимаешь?

Полковник показал на дверь, из-за которой доносилось рычание и звуки разбивающихся предметов — бой между докторами продолжался.

— Эти недоумки даже шпиона выследить не могут — хороши бы мы были, если бы оставили этого... — он показал на вздрогнувшего Мишу Гофмана, — на свободе. Откуда мы знаем, где его сообщники.

— Это трагическое недоразумение, — произнес Гофман.

— Я из тебя еще выбью добровольное признание, — пригрозил полковник Рай-Райи и, толкнув дверь сапогом, первым вошел в кабинет, где бились доктора.

Те не заметили, что появилось несколько зрителей, так как, разбежавшись по углам кабинета, метали друг в друга острые и тяжелые предметы. По лицам докторов сочились кровь, на лбах и темени вздувались шишки.

— А ну, стоять! — крикнул полковник Рай-Райи.

Первым опомнился сизолицый.

— Ваше постоянство! — воскликнул он. — Я больше с этой компанией работать не могу. Они ставят интересы своей науки выше интересов национальной обороны. Это потенциальные предатели.

— Я исполняю указания правительства! — загудел морской слон. — И лично господина президента.

С этими словами морской слон сделал широкое танцевальное движение ластом, и Кора увидела, что в углу, плохо различимый на фоне белой стены, стоит беломраморный бюст лысого человека с утиным носом и повязкой через правый глаз.

При словах доктора все присутствующие, кроме Коры и Миши, щелкнули каблуками и ударили себя кулаком правой руки по левому плечу.

— Все, хватит! — рявкнул полковник. — Начинаем допрос, пока не прискакал этот Гарбуй.

— Я полагаю своим долгом, полковник Рай-Райи, — пригрозил морской слон, — довести до сведения Председателя Высокой комиссии по Пришельцам, господина Гарбуя, что очередной опыт завершился блистательно и в нашем распоряжении имеется живой образец. — Он указал на Кору.

— А ну, отодвиньте его! — рявкнул полковник, и солдаты оттеснили морского слона за разбитый в докторском бою стеклянный шкаф с лекарствами.

— Кора Орват, сделай шаг вперед! — велел полковник.

Но тут он заметил Гофмана и приказал:

— А этого, разоблаченного, отправьте в камеру.

Полковник смотрел на Кору, как ему, видно, казалось, пронзительным взглядом.

— Ну, расскажи, — заявил он. — Как жила, почему к нам проникла. Кто тебе приказал?

— Я вас не понимаю, — сказала Кора. — Я никуда не проникла. Я гуляла, я хотела кинуть цветы в память об инженере Тоэ, но тут не удержалась и упала...

— Похоже? — Неожиданно полковник обратился к сизолицему.

— Мы составили такое же представление об этом инциденте, — сказал тот. — Они всей толпой стояли там, на точке сброса. Ближе всех к ней находился Гофман. На кинопленке видно, как он ее толкнул.

— Не может быть! Он такой милый дядечка! — воскликнула Кора. — Кроме того, я прошу объяснить, почему я была там, а он уже здесь, почему он был там, а я здесь и он здесь?

— Да, кстати, — повел усами полковник, — как вы это можете объяснить?

— Объяснение этому математическое, — сказал морской слон. — За ним можете обратиться к профессору Гарбу.

— Ну, ты у меня допрыгаешься! — возмутился полковник. — Никакой Гарбуй и даже президент тебя не спасет. Тут решаю я!

— Но и над вами есть власть, — твердо прогудел морской слон, и полковнику пришлось подождать минуты две, прежде чем он снова обрел дар слова и смог возобновить допрос Коры.

— Значит, ты у нас невинный цветочек, ничего не знаешь, ничего не видишь... — Полковник сказал эту фразу так, словно надеялся, что Кора с гневом кинется ее опровергать. Но Кора ничего не опровергла. И подумала, что когда-то, готовясь к зачету по истории искусств, просматривала альбом картин двадцатого века. И там ее юное воображение потрясло полотно «Допрос партизанки». Так героически стояла эта девушка, так бессильно злобствовали фашисты, окружавшие ее! И было совершенно очевидно, что ничего эти фашисты от нее не добьются. И вот теперь наступила ее очередь...

Но допрос закончился на какой-то обыденной и скучной ноте.

— Что ж, — произнес полковник. — Не то чтобы добрая, отзывчивая душа к нам пожаловала, но мы от любой не откажемся. Неизвестно еще, на что тебя можно будет пустить. Все пригодится в нашем хозяйстве. Считай, что тебе сказочно повезло: ты попала в наш мир, светлый, веселый, справедливый. Ты будешь приобщена к нашему передовому строю.

Твои физические данные обещают интерес к тебе со стороны нашего мужского пола.

Тут полковник позволил себе откинуть голову назад и немного посмеялся, а солдаты, стоявшие у стен комнаты, тоже посмеялись, но грубее, чем офицер. Сизолицый доктор Крелий ограничился улыбкой. Морской слон поморщился.

— А теперь садись, голубушка, за этот белый столик, возьми карандаш и бумагу, и напиши нам свою биографию: где родилась, кто родители, — ответишь на все вопросы анкеты. Доктор, у тебя анкета есть?

— Есть, ваше постоянство.

— И медицинскую сторону объясни: чем болела, какие вирусы в себе носишь, к чему есть иммунитет. Нам не хотелось бы устраивать эпидемии из-за грязных пришельцев. И не спорь. Не зря же мы вас тут в карантине держим!

Кора не стала спорить. В конце концов сведения, относящиеся к ее жизни на Земле, вряд ли принесут много пользы этому полковнику.

Вскоре полковник, пошептавшись с доктором Крелием, ушел. Анкета оказалась десятистраничной, половина вопросов были глупыми, а половина — очень глупыми. К тому же анкета была снабжена грифом «Крайне секретно. Разглашение влечет за собой наказание».

Что же удалось ей узнать за первые часы в параллельном мире? То, что здесь периодически низвергают кумиров, и, судя по бюсту президента, который глядел на нее из угла комнаты, этими кумирами были президенты или диктаторы. Значит, и ты, мой дорогой неизвестный друг, тоже скоро угодишь на свалку истории. Что еще? Да, здесь есть внутренние, и довольно острые, противоречия между неким неизвестным ей Гарбуем, который пользуется поддержкой президента и которому подчиняется доктор, похожий на морского слона, и военными в лице полковника и верного ему сизолицего доктора. Этого было мало... если не считать и грустной новости: неизвестно как попавший сюда раньше Коры Миша Гофман находится в опасности. Он разоблачен как земной шпи-

он, и с ним могут жестоко расправиться. На чем он мог попасться?

— Пришелец Орват, — сказал доктор Крелий, — поторопливайтесь с анкетами. Не вечно же мне тут с вами сидеть, прохладиться. А то в столовой все сохрут.

— А вы не здесь живете? — спросила хитрая разведчица Кора.

— Я живу на севере, — туманно ответил доктор. — Я здесь в служебной поездке из-за вас. Свалились на нашу голову!

— Мы не валились, — возразила Кора, понимая, что доктор прав: она-то, конечно, буквально свалилась в этот мир.

— Свалились, и теперь с вами разбирайся, а тут Гарбуй палки в колеса ставит со своей чертовой науки. Мы бы давно приняли меры, если бы не его саботаж.

— А кто такой Гарбуй? — спросила Кора.

— Спроси у Калнина, — таинственно ответил доктор Крелий. — У Эдуарда Оскаровича.

* * *

Кора беспрепятственно покинула четырехэтажное здание, где познакомилась с докторами и полковником Рай-Райи и вышла на залитый солнцем плац, разделявший большой дом и длинный одноэтажный беленый барак, в тени которого на газоне, протянувшемся вдоль него, в вольных позах расположились, видно, в ожидании ужина пришельцы с Земли. Слово «пришельцы» отложилось в памяти Коры — кто-то уже произнес его.

Двоих из них Кора уже знала. По Земле.

Вот сидит на корточках похудевший, словно месяц его не видела, серый лицом Миша Гофман, вчерашний шутник, трепло и записной весельчик. А рядом вытянулся во весь рост на траве и дремлет, смежив веки, инженер Той.

Дальше — еще несколько человек.

Их всех объединяет странность — та, что как бы вводит Кору в их компанию: на них синие байковые больничные халаты, из-под которых виднеется грубое казенное белье. Будто все они — пациенты старинного сумасшедшего дома.

Кора остановилась, оглядывая пациентов. Пациенты разглядывали ее.

— Зачем они все это делают? — спросила Коря.

Так как она не обращалась к кому-либо конкретно, то прошло с полминуты, прежде чем ей ответила кухонным голосом коренастая, средних лет смачная полногрудая баба с толстыми ляжками, белеющими из-под короткого халата. Была та женщина крашеной блондинкой, но с момента ее последнего визита в парикмахерскую минуло немало времени, и ее волосы, отросшие неровно, были двухцветными: ближе к голове бурыми, а к концам белыми. Спереди волосы были закручены валиком, а пряди сбоку распрымились соломой.

— Все изучают, — сказала она. — А потом дадут вид на жительство или не дадут. Проверка идет.

— Свежо предание, Нинеля, — сказал Миша Гофман, — да верится с трудом. Мы им нужны для какой-то зловещей цели. Но я никак не могу их раскусить.

— Правильно. Верить им нельзя, — согласился молодой человек с уродливым шрамом. — Никуда от этих сволочей не убежишь.

— Я бы посоветовал вам держать ваши высказывания при себе, господин капитан, — произнес с угрозой пожилой мужчина, ватный сверху, широкобедрый снизу. Его халат упорно распахивался на животе, показывая несвежие кальсоны.

Кора окинула их взглядом — так вот они, гордые жители гордой Земли!

— Больше всего вы похожи на стадо коров, которое ждет у бойни, — сообщила Коря.

— Коров не спрашивают, — отозвался, не открывая глаз, инженер Той, — а нас все время о чем-то спрашивают.

— Но вы должны действовать!

— Как? — заинтересовался Миша Гофман. — Может быть, ты подскажешь?

— Сначала мы должны создать какую-то организацию, — сказала Кора, — а потом принимать общие решения.

— Каждый из нас сквозь это уже прошел, — сказал Миша Гофман. — Но все оказывается куда сложнее.

— Это оттого, что вы спасовали!

— Кора, — лениво отозвался инженер Той, — не надо недооценивать и упрощать. Ты здесь полчаса, а я — уже скоро месяц.

— Чепуха! — возмутилась Кора. — Ты попал сюда за день до меня. Я только повторила твой маленький подвиг.

— Не было никакого подвига. Был порыв ветра, шквал, случайность, и, слава богу, они меня подобрали. И случилось это, может, месяц, а может, тысячу лет назад.

— Инженер прав, — сказал человек со шрамом. Его сапоги высовывались из-под больничного халата. — Почти все сюда свалились, месяц назад. Я делаю зарубки — как день, так зарубка.

— Этого не может быть, — решительно заявила Кора, — это нарушает все законы физики.

— Нет, гражданка, — ответила женщина Нинеля. — Не знаешь ты ни хрена законов физики. Не мы их придумали, не нам их менять. Но вот использовать их в интересах строительства социализма и борьбы с международной реакцией мы обязаны. Понимаете, гражданка?

— Хорошо, — сказала Кора, которая прогуливаясь вдоль ряда сидевших у стены, — тогда я хочу познакомиться со всеми. Надеюсь, вы не возражаете. Вы ведь, как говорите, давно здесь и знакомы. А я — нет.

— Мы — по-разному, — тихо сказал Миша Гофман.

— Вот сейчас и разберемся, — с суворостью двадцатилетней богини правосудия заявила Кора.

— Замечательно, товарищ! — вдруг обрадовалась Крашеная Нинеля. — Я тут у доктора Крелия лист

бумаги сперла. А карандаш у Журбы взяла. Так что вы допрашивайте, а я буду фиксировать в письменном виде. Я давно ждала, что к нам пришлют руководящее лицо.

— Ну, не будем называть это допросом, — смутилась Кора, — я хотела побеседовать.

— Молодец, — сказал человек со шрамом, — называть мы, конечно, не будем. Но как ни назови, все равно полезай в кузов, точно?

Кора не ответила ему, а пошла к краю ряда отыкавших людей, где лежал ватный в плечах толстобедый человек с жирным тупым лицом, каковые создаются десятилетиями заседаний и застолов, подлых подсидок и доносов.

Почему-то Коре показалось, что этот человек откажется ей отвечать, но тот приветствовал начинание, даже приподнялся на локтях, отчего халат совсем разъехался.

Он так и сказал:

— А я, господа, приветствую ваше начинание. Во всем нужен порядок. Без списков мы не можем создать общество и организовать сопротивление врагам отечества, лишившим нас свободы.

— Тогда вы говорите, а вон та... гражданка будет записывать.

— Я готова, — сказала воинственная женщина Нинеля.

Кора обернулась к широкому человеку с тупым лицом, но тот был далеко не так туп, как казался.

— А мне бы, — сказал он, устремляя взор маленьких острых глаз к Коре, — хотелось сначала узнать, кто это меня допрашивает. И про тебя, Нинеля, неплохо нам узнать. А то и в самом деле получается беспорядок. Я не имею возражений против переписи, но в любом благом начинании должен быть порядок.

— Простите, — сказала Кора, понимая, что ватный чиновник прав. Если ты просишь людей рассказать о себе, откроися сама. — Зовут меня Кора Орват. Я студентка...

— Погоди! — прервал ее чиновник. — Что за фамилия такая? Был у нас в уезде один венгр, но его звали Хорватом.

— Говорят, что я родом из поляков, — покорно ответила Кора. — Но вообще-то я русская, у меня бабушка под Вологдой живет, в деревне.

— Значит, будешь из крестьян? Отец что делает? — спросил чиновник.

— Еще чего не хватало! — вдруг возмутился молодой человек со шрамом. — У нас здесь не выборы гласных, а вы не полицмейстер.

— Нужен порядок, — буркнул чиновник, но настаивать на более подробном отчете не стал.

— Я студентка, — продолжала Кора, — учусь в Суриковском институте.

— Это еще что такое? — спросил человек со шрамом.

— Художественный институт, — пояснил инженер Той.

— Как сюда попала? — спросил чиновник.

— Я здесь на каникулах. Отдыхаю со своей подругой. В Симеизе. И вот нечаянно упала из Птичьей крепости.

— Нечаянно?

— Я могу подтвердить, — сказал Миша Гофман. — Я присутствовал.

— Значит, как и все, — заметил молодой человек со шрамом.

— Я записываю? — спросила помощница Коры.

— Погодите, — вмешался в разговор пожилой человек в толстых очках, отчего его зрачки казались громадными. — Вы не могли бы сообщить нам, Кора, когда этот... инцидент произошел с вами?

— Вчера, — ответила та. — Вчера, 27 июля 2094 года.

— Спасибо, — ответил человек в очках. Кора снова отметила для себя, как красиво и четко у него очерчены губы.

— Чепуха, — сказал чиновник. — Получается, что мы сюда попали в одно и то же время, а вот у

себя живем — в разное время. Это для меня загадка, неразрешимая загадка.

— Ну что, мы переходим к опросу? — спросила помощница Нинеля.

— Неееет! — пропел чиновник. — Так не пойдет. Мне желательно о тебе знать. Туманная ты личность. И сейчас спешишь на меня разговор перевести, чтобы тебя забыли.

Все стали разглядывать помощницу Коры, будто увидели впервые. Та совсем не была смущена общим вниманием. Даже выпрямилась, чтобы и без того пышная упругая грудь туже натянула ткань халата.

— Я сюда попала из далеких военных времен, — сообщила помощница. — По паспорту я Нинель Иосифовна Костяницина. Друзья зовут Нинеля. Русская, член партии с 1939 года.

— Какой такой партии? — спросил чиновник. — Партий у нас много, одна другой хуже.

— Браво! — воскликнул человек со шрамом. — Очень точное наблюдение.

— Партия у нас одна! — вдруг рассердилась Нинеля. — Так было, и так будет всегда. С другими мы, слава богу, разделались.

— Вот они говорят, — пожаловался чиновник Коре, — даже объясняют, а для меня все это — невозможное крушение основ.

— Прошли твои времена, управа, — огрызнулась Нинеля.

— Простите, — снова заговорил мужчина в очках. — В каком году вы перешли с Земли в этот мир?

Почему-то этот простой вопрос Нинело возмутил. Она даже толпнула толстой крепкой и крястой ногой и сжала руку в кулак.

— Как так перешла? — спросила она. — Что вы подразумевали, а?

— Ничего. Кроме календарной даты.

— А вот этого я тебе не скажу! Я своему долгу не изменяла. Если бы не обстоятельства, я бы с такими, как вы, иначе разговаривала.

— Скажи, скажи, — вдруг вмешался в беседу чиновник. — Твой долг оставь при себе. Я понимаю,

что Эдуард Оскарович хочет точно разобраться, ты ему не мешай.

— Ну ладно, ладно, — вперив в пространство желтые пуговицы глаз, буркнула Нинеля. Почему-то она не хотела признаваться, когда и при каких обстоятельствах покинула Землю. — Меня сбросили на парашюте в помощь партизанам. Но меня выдали. Немцы скинули меня с обрыва. Летом сорок третьего года. Вот я и здесь.

— Какие такие немцы? — спросил чиновник.

— Надо историю учить!

— Как же он будет учить, — сказала Кора, — если он, может быть, жил раньше.

— Они меня пытали, — сказала Нинеля, — но числа я не помню.

— Мне большого не нужно, — сказал Эдуард Оскарович. — Тысяча девятьсот сорок третий год. Разброс значительный.

— Все? — спросила строго Нинеля. Коре казалось, что она видела ее прическу и тонко нарисованные дугами брови в каком-то историческом фильме.

— Все, — согласился чиновник. — Все ведет к умопомешательству. Неужели России это суждено?

— Ваша очередь, — сказала Нинеля, — давайте поговорим про вас, гражданин Журба.

— Это слово мне, Нинеля, не нравится. Так вам и скажу.

— А какое же нравится? — спросила Нинеля.

— Можно — ваше превосходительство, ибо имею чин статского советника.

— Мамонт! — сказала Нинеля, обращаясь к Коре за поддержкой. — Он до революции жил.

— А разве вы об этом раньше не разговаривали? — удивилась Кора. — Вы же вместе живете здесь две недели.

Вместо Нинели, которая затруднилась с ответом, заговорил мужчина в толстых очках:

— Во-первых, мы сюда прибыли в разное время, в различных обстоятельствах. Я должен сказать, что некоторые находились в ненормальном состоянии — слишком сильной оказалась травма.

— Старик прав, — сказал человек со шрамом. — Я был убежден, что нахожусь на том свете. Честное слово.

, — А что сказать? Конечно же, я думал, что в ад угодил. Или в рай, считай как знаешь, — сказал чиновник. — Тем более что всю неделю сидел в отдельной комнате или камере — понимай как знаешь. Никого не видел, кроме этих мясников.

Кора поняла, что он имеет в виду медсестер.

— Мы только в самые последние дни соединились, — пояснил инженер Той.

— Почему? — спросила Кора, не ожидая что ей ответят. Но мужчина в толстых очках сказал:

— Они сами не знали, что делать. Они же не верили Гарбю. До конца не верили, что есть контакт с Землей. А теперь они оказались в положении мальчика, который вгрызся в слишком большой пирог. Отступать некуда, а наступать невозможно. И пока они не выяснят отношения между собой, наша судьба тоже не решится.

Тогда, охваченная сомнениями, Кора спросила:

— А все здесь знают, куда попали?

— Я постарался всем объяснить. Но не уверен, что все меня понимают.

Нинеля толкнула Кору в бок.

— Так мы до ужина проваландаемся. Давай, майор.

— Как?

— Ладно, пошутила. Но своих всегда угадываю.

— А у вас был чин? — спросила Кора.

— Сержант госбезопасности, — ответила Нинеля. — И не думай, что это чепуха.

— Я не думаю.

— Тогда веди допрос, раз я тебе инициативу отдала.

Кора обратилась к чиновнику. Тот ответил сразу:

— Всю эту абракадабру про параллельные миры я, конечно же, не принимаю, как иудейские штучки. Но нахожусь в недоумении, почему и стремлюсь к порядку. В настоящее время убежден, что попал в неволю к каким-то из наших соседей. Может, к немцам или к туркам. Точно не скажу.

— А когда вы родились? — спросила Кора.

Чиновник попытался затянуть халат потуже на пузе. Он продолжал:

— Я имел честь родиться в светлый день освобождения крестьян в государстве Российском, а именно 19 февраля 1861 года от Рождества Христова.

Чиновник обвел всех взглядом, в котором Кора неожиданно прочла гордыню: чиновник всю жизнь полагал себя отмеченным перстом Божиим.

— Дальше.

— Крестили меня Власом, Власом Фотиевичем, и в последнее время, до несчастья, имевшего место двадцать третьего июня 1907 года, я трудился на ниве управления государством, пользуясь почетом и уважением сограждан города Бабиловичи, Могилевской губернии, где состоял полицмейстером.

— И что же случилось? — подбодрила его Кора, видя, что чиновник загрустил.

— А случилось то, что, отдыхая в Ялте, в пансионе «Марина», было решено посетить Байдарские ворота, где встретить восход солнца с возлияниями и весельем. Мы взяли с собой дам, наняли экипажи... Господи, неужели все это было только вчера?

— Когда же это было? — спросила Кора.

Нинеля записывала. Быстро, мелко, подложив под лист бумаги квадрат фанеры из стопки, лежащей у стены, — видно, до появления пришельцев здесь намеревались начать ремонт.

— Когда? — спросил Влас Фотиевич Нинелью, к которой испытывал определенную близость.

— Через два дня после меня, мы с тобой считали, Фотиевич. То есть две недели назад.

— А я этого не понимаю, — упрямо заявил Журба. — Помню, как с Байдарских ворот ехали, кто-то сказал, что крепость покажет, — мы к крепости пошли, я над обрывом на перилах спьяну плясать начал. Я ведь как выпью — заводной... И полетел я птицей по чистому небу... — В голосе Журбы заурчали слезы.

Конечно, более отдаленное от птичьего племени существо, чем Влас Фотиевич Журба, было трудно представить. Но это было неважно — интереснее

для Коры был странный человеческий и даже русский феномен: все здесь присутствующие, независимо от того, насколько они могли осознать, что произошло, с самим фактом перемещения из мира в мир вполне смирились. Для одних в том была Божья воля, для других — произвол судьбы, для третьих — физический феномен, но никто не собирался бунтовать, восставать и бороться с Богом, судьбой-феноменом. Ждали. Ждали, пока Там решат, что делать дальше.

Когда Журба смахнул слезу, сопровождавшую воспоминание о его птичьем полете, хотя полет, конечно, был пьяным и безобразным, Кора, прежде чем обратиться к следующему, спросила:

— А в поездке — ну, в карете, в пролетке... вы были не один?

— Ни боже мой! — откликнулся полицмейстер. — Иннокентий Илларионович из Ялтинской городской управы...

Он оборвал себя, в глазах появилось загнанное выражение проговорившегося гимназиста.

— Не трать времени, Кора, — сказала Нинеля, — пошли дальше, а то до ужина прочикаемся.

Кора подошла к девушке, сидевшей на корточках, что выдавало ее, с точки зрения Нинели, восточное происхождение. Потому что она с убежденностью произнесла:

— Из татарок. Но эти... они с ней разговаривают, они ее Паррой называют. А так она языка не знает.

— Парра? — спросила Кора.

Девушка грациозно поднялась и встала перед Корой. Она была черномазой — это слово к ней подходило более других — с жирными, нечесанными волосами с воткнутым в них костяным гребнем. Смуглая кожа и мелкие черты лица, опущенные глаза как-то стушевывали лицо, делали его незаметным, прятали в сутолоке волос. Руки у девушки — а она была совсем молода — были слабые, с тонкими пальцами, они безвольно висели вдоль бедер. На безымянном пальце правой руки было тонкое золотое витое колечко. И Кора вдруг поняла, что эта де-

вушка не ее современница, что она пришла из далекого прошлого. Может, она и есть та самая древняя принцесса, которая первой превратилась в птицу?

— Вы меня понимаете? — спросила Кора по-гречески — когда-то она учila этот язык, увлекшись мифами Эллады, это было еще на Детском острове.

Парра подняла глаза. Глаза оказались карими, и лицо ее озарилось мгновением истинной потаенной красоты. Тут же ресницы опустились вновь. Парра не ответила.

— Она — готская принцесса, — сказал Эдуард Оскарович, который знал не только многое, но и то, о чем и знать-то вроде был не должен. — Это был такой народ, о котором известно мало, — готы Крыма. О них упоминает автор «Слова о полку Игореве».

Кора вздохнула. Она помнила название этого стихотворения, но о чем оно и кто его написал — представления не имела, — то ли болела в тот день, то ли прогуляла урок.

— И она тоже попала сюда недавно? — спросила Кора.

— Она не могла попасть давно, я же говорил вам, — ответил человек в толстых очках. — Они все попали сюда, когда активно заработала установка Гарбяя. И она стала вытягивать сюда всех, кто погибал или пропадал без вести в точке соприкосновения наших миров.

— То есть сколько лет этой девушке?

— Наверняка больше пятисот.

Сообразив, что речь идет о ней, Парра сказала несколько фраз Коре. Язык звучал красиво, звучно, но Кора не все поняла.

— Так и запиши, — сказала Кора, — готская принцесса.

— Я уже написала, — ответила Нинель. — И должна сообщить о том, что у этой гражданки есть отношения с Покревским.

— А какое нам дело до этого? — спросила Кора.

Она еще не знала, кто из присутствующих Покревский; оставался, правда, лишь молодой человек со страшным шрамом.

— Нам должно быть до всего дело, — сказала Нинеля. — Мы с вами комитет по управлению соотечественниками за рубежом. Моральный уровень наших товарищей должен быть на высоте. Ведь не на пустом месте сидим, а на глазах у враждебной общественности. А вернемся домой, и нас спросят: а как вы себя вели, не уронили ли достоинство советского человека?

Кора даже открыла было рот, чтобы ответить этой законсервированной красавице, но сдержалась. Ее функция — наблюдать, запоминать и понимать, что происходит. А кто с кем спорит, кто за кем наблюдает — это ее не касается.

— Господин Покревский? — спросила Коря, улыбнувшись притом и как бы ставя себя на сторону Покревского, который имел полное право дружить с любой готской принцессой.

— Я, — сказал молодой человек со страшным шрамом. Он продолжал лежать на земле, прикрыв глаза и разведя ноги в сапогах.

— Мне он не нравится, — сообщила Нинеля. — Сволочь недобитая.

— Вы мне тоже не нравитесь, мадемуазель, — ответил молодой человек. — Потому что вы шлюха.

— Ну вот, видишь!

— Расскажите нам о себе, — попросила Коря. — Что считаете нужным.

— Я ничего не считаю нужным, — ответил молодой человек, а когда Нинеля заорала, чего он, видно, и добивался, то молодой человек приоткрыл правый глаз. — Только не дотрагивайся, — закончил он свою речь. — А то отвечу действием.

— Можно, я его? — спросила Нинель. Она не была уверена в себе — признав главенство Коры и находясь в центре внимания, она предпочитала изображать подчиненную.

— Отставить! — рявкнула Коря и не узнала своего голоса.

— Слушаюсь — отставить, — сразу покорилась Нинеля. И в глазах загорелось странное тяготение к Коре, в которой для Нинели воплотился идеал хо-

зяйки. Ее можно любить, и ей можно подчиняться. Но Нинеля была схожа с дрессированной пантерой: послушна, пока видит хлыст. И не дай бог укротителю отвернуться!

— Расскажите о себе, — попросила Кора.

— Я нахожусь во сне, из которого не могу вылезти, — ответил Покревский. — Не знаю, каково остальным, но для меня случившееся — это смерть и то, что наступает после смерти. Я даже думаю — тут, в чистилище, и смешиваются души разные — мы собирались вместе — и жертвы, и палачи. И вчеращние, и завтрашние. Был бы я человеком глубоко верующим, я бы забился в угол и молился, вымаливал себе прощение за грехи, и просил бы о праве уйти отсюда, от этих монстров, — и Покревский обвел рукой присутствующих.

— Хорошо, — согласилась Кора, сказала громче, чтобы заглушить хруст зубов озлобленной атеистки Нинели. — Давайте сейчас не спорить — мы же хотим понять наше положение...

— Независимо от того, чистилище это или уже ад, — вмешался Эдуард Оскарович.

— Мое жизнеописание, — сказал Покревский, — умещается в двух строчках личного дела: служил в пятнадцатом гренадерском Тифлисском, был дважды ранен, в чине поручика перешел на службу к генералу Корнилову, совершил с ним Ледовый поход, а после смерти генерала примкнул к дроздовцам. Карьеры не сделал — опять ранили... — Покревский до-бронулся до шрама, — потом болел тифом... войну кончил ротмистром, командовал эскадроном. Когда большевики вошли в Крым, попал в засаду, спасался, прыгнул с утеса... попал сюда. Коня жалко. Конь меня столько раз спасал... А что касается этой девушки, несчастной и особенно одинокой, то прошу грязными руками к ней в душу не лезть.

— Мы учтем твое пожелание, — сказала Нинеля, вложив в голос столько яда, что воздух стал горьким.

— Значит, это было в двадцатом году? Осенью? — спросил Калгин.

— В ноябре, — ответил ротмистр.

— Записала? — спросила Кора.

— Записала.

Дальше сидел, вытянув длинные ноги, инженер Той.

— Ты все знаешь, — сказал он Коре.

— Пожалуйста, — попросила она. — Скажи, как все. Чтобы все знали.

— Хорошо. Всеволод Николаевич Той. Инженер. Попал сюда в 2094 году во время неудачного испытания махолета. Еще не во всем разобрался...

— В каком году, простите? — Это был голос Калнина. — Мы уже слышали эту дату.

— Он прав, — сказала Кора. — Я попала сюда на следующий день после него.

— А вот этого не может быть! — закричала вдруг боевая Нинеля. — Инженер твой здесь уже вторую неделю. Он сразу за мной прибыл.

— Ничего особенного, — сказал тогда мужчина в толстых очках. — На переходе между мирами действуют совершенно иные законы пространственно-временного континуума. И не столь важно, кто и когда сюда попал. Попадать сюда вы начали тогда, когда заработала установка. Она же вытягивает людей из точки пространства, а не из точки времени. Почему вас так волнует появление инженера днем раньше или днем позже, но совершенно не удивляет то, что принцесса Парра покинула Землю, очевидно, более полутысячи лет назад и прибыла вместе с нами? А уважаемый Влас Фотиевич вылетел из пункта «а» в пункт «б» за полвека до меня.

Кора дождалась, пока Калнин кончит говорить, и сразу же обратилась к нему со стандартным вопросом:

— А теперь расскажите о себе. Когда вы сюда попали и кто вы?

— Меня зовут Эдуардом Оскаровичем, — ответил тот. — Я физик, физик-теоретик. В сентябре 1949 года я оказался здесь в отпуске, из которого не вернулся. Не совсем по той же причине, как вы, но по причине близкой.

— Эдуард Оскарович, ваша фамилия! — потребовала вдруг боевая подруга Коры. Что-то ей не понравилось в имени физика.

— Моя фамилия Калнин, — ответил очкарик спокойно. — Но это вам ничего не скажет.

— Мне все и всегда говорит, — ответила боевая подруга. — И мне даже интересно, не приходились ли вы родственником комдиву Калнину Оскару, который проходил по делу военных вредителей в оборонной промышленности на процессе 56-ти в октябре 1938 года?

— А вы откуда знаете?

— Здесь вопросы задаю я, — ответила боевая подруга, и Кора вдруг испугалась, не слишком ли быстро та забирает власть, и потому решила сбить с нее спесь.

— Дайте-ка я проверю, что вы там изобразили, — сказала она.

— У меня почерк плохой.

— Давай, давай, когда велят, — вступил за Кору полицмейстер Журба, — должна быть проверка.

Как и можно было заподозрить, грамотность и каллиграфия не были сильными сторонами разведчицы Нинели. Строчки норовили уехать вниз, видно, стесняясь тяжелого груза многочисленных ошибок.

— Я потом перепишу, — сказала Нинеля. Молчание Коры казалось ей укором. — Ты не волнуйся, все будет как положено, протокол, выступления, анкеты.

— Ну, смотри, — строго сказала Кора и перехватила улыбку Эдуарда Оскаровича. Будто он все понимал. А чего такого? Ему лет пятьдесят — совсем старик. Наверное, уж набрался жизненного опыта. Революцию пережил и гражданскую войну. Только надо будет как-нибудь спросить, за кого он — за белых или за красных? Или он уже забыл?

Кора возвратила список помощнице, и та вздохнула с облегчением: организационных выводов и вывочки не будет.

Как ни странно, никто так и не поставил под сомнение право Коры задавать вопросы. Впрочем, девушка понимала одну из причин этого: все эти люди попали сюда из разных эпох и потому еще не осо-

знали движения времени и пропастей, разделявших их. За исключением Парры они говорили на одном языке, а как только их заставили одинаково одеться, они стали пассажирами ковчега, на котором сломаны часы. И тут трудно бравировать утонувшим прошлым.

— Расскажите нам, кто вы такой, — обратилась она к Мише Гофману.

Миша потряс головой, словно хотел отделаться от воды в ухе.

— Они его наказали, — сказала Нинеля. — Они его заподозрили в шпионаже и обработали...

Кора почувствовала, что все симпатии Нинели находятся на стороне сил порядка, тех, кто умеет и может обрабатывать.

— Вы не можете говорить? — спросила Кора, давая Мише лазейку.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Нинеля. — Другие докладывают, а этот сачковать? Не пойдет, мать его ети!

Лицо Нинели, скуластое, узкоглазое, угорское, и требовало маленького вздернутого носа, но нос почему-то выдался крупным и склонным к верхней губе. Волосы, валиком нависающие над покатым лбом, были плохо расчесаны и свисали двухцветными соусльками за ушами.

— Я не возражаю, — поспешил с ответом Миша. — Я отвечу. Я уже и им отвечал. Я песни сочиняю. Понимаете, я всего-навсего сочиняю песни и не знаю никаких ваших врагов!

— Миша, — кинулась к нему Кора. — Не волнуйтесь. Я же понимаю. Вас никто не укоряет.

— Кора, милая, — пояснил инженер Всеволод, — укоряют его местные власти преддерживающие. Как я понимаю, у них есть возможность наблюдать за нами в месте контакта наших миров. Мишу они уже видели, и тебя, и меня... Но Мишу заподозрили в том, что он не совсем тот, за кого себя выдает...

— Я пишу песни! — закричал Миша. — Хотите, я вам напишу песню? Веселую жизнерадостную песню...

— Не надо, — сказала Кора. — Все. Опрос закончен. Если, конечно, больше здесь нет пришельцев с Земли.

— Здесь нет, — сказал Всеволод. — За две недели мы бы заметили.

— Значит, — сказала Кора, протягивая руку, и понятливая Нинеля положила ей на ладонь лист с записями, — давайте подведем и без того очевидные итоги. Вот кто здесь собрались. Я, Кора Орват, попала сюда из конца двадцать первого века. Из того же времени здесь оказались еще два человека — Всеволод Той и Миша Гофман. Эдуард Оскарович прилетел из середины двадцатого века. Чуть раньше покинула Землю Нинеля.

— На шесть лет, — уточнила Нинеля, будто это играло роль.

— В начале века расстались с Землей Покревский и Влас Фотиевич. И, наконец, когда-то очень давно — принцесса Парра. Итого нас восемь человек. Правильно?

— Да, — подтвердил Эдуард Оскарович. — Здесь нас восемь человек.

— И мы хотим вернуться домой, — сказала Кора.

— Не знаю, — ответил Покревский.

— Как так? — удивилась Кора.

— Как только я вернусь домой, — сказал ротмистр, — красные воины бандита Махно догонят меня и порубят саблями, чего они чуть-чуть не успели сделать недели две назад. Но на этот раз со мной не будет коня...

— Где-то по большому счету он прав, — поддержала ротмистра Нинеля. — Меня ведь тоже догонят. А ведь лучшие смерть, чем когда пытать будут.

— А я хочу домой, — детским голосом сказал Миша Гофман. — Они мне делали так больно...

Наступила странная неловкая пауза. Оказалось вдруг, что именно возвращение домой, как казалось Коре, такое желанное, пропастью и разделило людей.

— Я лучше останусь тут, — сказал Покревский. — И Парре там делать нечего.

Парра вскинула голову на звук своего имени, робко улыбнулась ротмистру, и Кора поняла, что сплетни Нинели не лишены оснований.

Кора обернулась к Эдуарду Оскаровичу.

— Я ничего не понимаю, — сказала она. — Но может быть, вы как физик объясните нам, можем ли мы вернуться домой. А если вернемся, то куда?

— Еще никто не вернулся, — сказал профессор Калнин. — Я имею в виду людей...

— Неужели никаких опытов не делали? Ну, с птицами, с насекомыми?

— Есть такие предположения, — сказал осторожно Калнин. — Для этого вы должны представить себе время. Время как физическую реальность...

Но профессор не смог в тот раз развить свою идею. Через залитый вечерним теплым светом плац по траве к ним шла медсестра.

— Кто здесь будет Кора Орват? — спросила она.

— Я.

— К доктору Крелию на осмотр, — приказала медсестра.

Кора непроизвольно обратилась за поддержкой к остальным. Но никто не стал ее защищать.

— Ничего плохого не сделают, — сказал инженер Всеволод. — Всех осматривали. Такой порядок.

— Такой порядок... — вторила ему Нинеля. — Вы мне листок оставьте?

— Нет, он мне нужен.

* * *

Медсестра провела Кору в административный корпус, в кабинет сизолицего Крелия, где Кора уже бывала.

Доктор был благожелательно настроен и, очевидно, в самом деле собирался Кору исследовать. Но девушку удивило его поведение: вместо того, чтобы включить диагностический комплекс, должны осмотреть Кору и сделать все нужные выводы, он сам занялся ее изучением, как будто был тайным развратником, который под предлогом осмотра пользовался слу-

чаем, чтобы трогать, щипать и переворачивать пациентку. Будучи девушкой прямой, Кора спросила доктора:

— Вы всех женщин так изучаете или только молодых?

— Не понимаю, — возмущенно откликнулся доктор. — Что вас смущает? Я веду обследование по стандартной программе. И будь на вашем месте старенький дедушка, я бы вел себя точно так же.

И тут Кора сделала вывод о том, что медицина в параллельном мире значительно отстала от земной: она увидела в руке доктора небольшую треугольную бритву.

— Что вы намерены делать? — спросила она дрогнувшим голосом. Воспитанная на гуманных традициях медицины двадцать первого века, которая ставит во главу угла принцип «не разрежь», Кора оказалась лицом к лицу с медициной отсталого параллельного мира, представитель которого намеревался ее резать.

— Дайте мне палец и не устраивайте истерик. Дети в яслях — и те не боятся! — прикрикнул на Кору доктор. Кора в ужасе подчинилась приказу и протянула ему руку. Доктор крепко ухватился за безымянный палец, и Кора пережила одно из самых страшных жизненных испытаний: доктор полоснул бритвочкой по пальцу, и капля ее драгоценной крови показалась на коже.

— Зачем эта пытка? — прошептала Кора.

— Затем, — ответил доктор, — чтобы сделать вам анализ крови.

— Но разве для этого режут людей?

— Я вас еще не резал, — сообщил сизолицкий Крелий. Он принялся давить раненый палец, выжимая из него сок — каплю за каплей кровь своей пациентки.

Трудно и страшно пересказывать мучения, сквозь которые прошла агент ИнтерГпола Кора Орват в этой пыточной камере. Достаточно сказать, что, не удовлетворившись издевательством над пальчиком Коры, доктор воткнул ей страшную иглу в сгиб

руки — объяснив, что берет кровь из вены. Именно так! А затем... Кора увидела орудие пытки, именуемое здесь «шприц».

— У нас по соседству холера гуляет, — сообщил доктор, — мы всем прививки делаем.

Кора героически снесла и это. Она читала в книгах, видела в фильмах, как герои и тайные агенты подвергались пыткам и казням. Теперь же наступила и ее очередь.

— Вот и все пока, — сказал доктор, насытившись ее мучениями. — Завтра продолжим.

— Только не это! — проговорила Кора.

Она теперь поняла, какая невероятная пропасть разделяет наш цивилизованный, воспитанный мир от дикого, агрессивного параллельного мира, в который она угодила.

Правда, когда Кора, вернувшись в барак, стала за ужином рассказывать Нинели, какие пытки она пертерпела, то сначала Нинеля, а потом и другие ее соседи — Покревский, Эдуард Оскарович и даже полицмейстер Журба — подняли Кору на смех, утверждая, что и на Земле еще недавно к телам людей относились без должного пietета и кололи их, резали, кромсали в угоду медицине. Хотя, конечно же, это никак не спасало людей от страшных болезней и ранней смерти.

Какое счастье, подумала тогда Кора, что я родилась в современном мире! Ведь могла же появиться на свет в двадцатом веке и мучилась бы всю свою короткую восьмидесятилетнюю жизнь.

— А что со мной дальше будет? — спросила Кора, когда прошла боль.

— Вы у нас побудете, отдохнете, придетe в себя, — заурчал Крелий. — Потом мы найдем вам занятие по душе.

— Но я теперь свободна?

— Ни в коем случае! — возразил Крелий. — Пока что вы находитесь в карантине. Вы — источник очень опасных бацилл.

— И долго я буду томиться в этой тюрьме?

— Ай! — возмутился доктор. — Разве это тюрьма? Вы находитесь здесь в обществе ваших друзей. Вам будет интересно.

— Вы разговариваете со мной, как с идиоткой!

— Нами все остаются доволны, — возразил Крелий.

И он склонился над столом, где лежали записи, сделанные им во время обследования Коры. Он изучал, словно позировал для исторического полотна, на котором полководец, склонившись над картой, решает, куда же нанести решительный удар.

По сигналу, явно произведенному, но не замеченному Корой, в кабинет вошли две медицинских сестры в мясницких kleenчатых халатах.

— Обработать, — произнес Крелий, не поднимая головы, — и отвести в палату номер восемь.

Медсестры ловко подхватили Кору под локти, словно ожидали сопротивления, и вынесли из кабинета. В коридоре ее толкнули в направлении приоткрытой двери, за которой находилось узкое, уходящее в темную даль, помещение, перегороженное рабочим столом. За столом сидел медицинский работник в привычном уже мяснишком фартуке, а по обе стороны от него тянулись вглубь полки, установленные ящиками, коробками, бутылками и прочими предметами.

Человек ждал Кору, он поднялся из-за стола, согнутый и кривой, тускло поглядел на нее единственным глазом и закричал:

— Где я ей обмундирование добуду — размер сорок четыре, а рост шесть футов?

И тут же скрылся в проходе и начал вываливать на пол коробки, шуривать в них и оттуда, издали, доносился вопрос:

— Какой размер обуви?

— У меня своя, — догадалась Кора. — Не надо обуви.

— Положено, — заметила одна из медсестер.

Кладовщик уже мчался к ним по коридору, кинул на стол синий халат, кипу арестантского белья, чулочки, намотанные на картонку, и потребовал:

— Орват, расписывайтесь здесь. И здесь.

Все ее арестантские вещи он покидал в серый мешок с какими-то лиловыми печатями на нем, протянул мешок Коре и тут же спрятал тетрадку с подписями в ящик стола. А медсестры снова подхватили Кору и повлекли ее вдоль коридора прочь от кладовой.

— Да я сама дойду! — рассердилась Кора.

— Нельзя. Не положено, — откликнулась сестра. — Вы проходите как больная. На излечении.

— От чего? — спросила Кора.

Ей не отвечали — все втроем скатились вниз по лестнице, снова побежали по коридору. Здесь были окна под самым потолком. Окна, забранные решетками. На другой стороне двери. Вот и дверь восемь.

— Где ключ? — спросила сестра.

— Где ключ? — еще громче воскликнула вторая сестра.

Ключ был в дверях, и Кора на всякий случай повернула его и потом, вынув из замочной скважины, спрятала в кулаке. Он мог пригодиться.

— Не прячь, — сказала медсестра, толкая дверь. — Куда ты от нас сбежишь? Вокруг пограничники.

Комната, которая отныне принадлежала Коре, была невелика — три метра в длину, два в ширину. Как раз достаточно, чтобы в ней поместились койка, застеленная одеялом с вытканным на нем изображением тигра с ветвистыми рогами. Возможно, подобное экзотическое животное здесь водится. Кроме того, в комнате умещался унитаз и рядом с ним умывальник. Остальное пространство, очевидно, предназначалось для прогулок.

— А этот тигр? — спросила Кора. — Он здесь водится или вы его истребили?

— Этот выбрас, — ответила медсестра, — еще сохранился в труднодоступных местах, но далеко отсюда. Так что можете не беспокоиться.

— Вы меня радуете, — сказала Кора. — А то я боялась выходить на прогулку.

Медсестры повернулись и, потолкавшись в дверях, вылетели наружу. Параллельный мир удивил Кору. Она ожидала увидеть нечто другое. Хотя бы более

технологически оправданное и продвинутое. Судя по тому, что она здесь увидела, он отставал от Земли лет на сто с лишним. Тогда почему они затаскивают сюда людей, а не наоборот?

Интересно, Гофмана в самом деле разоблачили? Она же сама, как агент, должна молчать и делать вид, что ничего не случилось. В хорошую же компанию она попала!

Дверь широко отворилась, и в ней возник гигант с маленькими усами на маленьком лице. Полковник Рай-Райи напомнил ей Петра Первого в напыщенном и глупом варианте.

— Переодевайся, — сказал он от дверей, — а то мне надо тебя допросить, а ты в цивильном.

— Не нравится мне ваш халат, — ответила Кора. — От него плохим мылом воняет.

— Мне тоже многое не нравится, — сообщил полковник. — Но я комендант лагеря для особо опасных пришельцев и отвечаю за их безопасность и здоровье, — полковник развел длинными руками, которые заканчивались такими маленькими и изящными пальцами, словно принадлежали элегантной dame и были пришиты полковнику путем операций. Пальчики украшали многочисленные кольца и перстни.

— Выходите за дверь и побудьте там, — сказала Кора.

— Зачем?

— Затем, что я не люблю переодеваться при чужих мужчинах, тем более если это переодевание мне противно.

— Вы глупы и наивны, девушка, — сказал полковник. — Вам кажется, что ваше тело может представлять для меня какой-то интерес. Чепуха! У меня есть любовник, я с ним счастлив, и не исключено, что я на нем женюсь, если его тетя не будет чинить мне препятствий. — Тут полковника охватил безудержный гнев, очевидно в адрес тети его любовника, потому что он выхватил из ножен саблю, но не стал рубить голову Коре, а со страшным треском сломал саблю о колено.

— Не беспокойтесь, у меня протез, — произнес он с чувством собственного достоинства и уселся на край кровати. — Давайте, Кора, давайте, у меня еще масса дел, а надо проверить швы в вашей одежде.

— Какие еще швы?

— А вдруг та бабуся, которая делает вид, что наблюдает за морем из Птичьей крепости, вшила в швы письменные инструкции.

Они много знают, подумала Кора, ой как много!

— При одном условии, — сказала Кора, — я оставляю себе нижнее белье. Я не могу ходить в сиротском.

— Чепуха, — ответил полковник, — сколько вы проносите здесь свои трусики? Вам придется их стирать перед сном и сушить в камере. В эти периоды времени вы будете полностью беззащитны перед насильниками.

А черт с ним! Кора принялась раздеваться, уговаривая себя, что в камере никого нет. Полковник тут же занялся делом. Он хватал вещи Коры и начинал их мять, обнюхивать, царапать, гладить, потом складывал на краешке кровати и ждал следующего предмета.

Оставшись в одних трусиках Кора вздохнула с облегчением, ибо поняла, что полковник ни разу на нее и не взглянул — все его внимание было поглощено ее одеждой. Полковник оказался человеком долга.

— Все, — приказал он, — сдай мне все.

Кора подчинилась и тут же надела длинные розовые казенные трусы — сейчас бы сыграть в них в футбол, потом рубашку — откуда они вытащили такие неудобные и так плохо отглаженные вещи?

Убедившись, что все вещи Коры у него в руках, полковник коротко произнес:

— Все. Я пошел в лабораторию. Будем исследовать!

Зачем исследовать белье, он так и не сказал:

Дверь за ним закрылась. Кора подошла к осколку зеркала, прибитому к стене. Зрелище оказалось неутешительным. Халат был широк, но страшно короток, из-под него торчала грубо сшитая сиреневая ру-

башка без воротника, вместо него была продета веревочка. Господи, в нашем приюте на Детском острове, подумала Кора, за такую одежду рассчитали бы всех кастелянш и сама директриса приюта госпожа Аалтонен перешивала бы эти гадкие тряпки.

Без стука в дверь зашел доктор Блай, похожий на морского слона.

— Переоделись? — спросил он.

Доктор занимал все пространство двери. При тусклом полуподвальном освещении кожа его казалась серой и бугристой.

— Переоделась, — согласилась Кора.

— Давайте сюда ваше белье и всю одежду — ну быстро, быстро, мне надо нести это в лабораторию на обследование.

— Простите, но все у меня взял ваш полковник, с усиками.

— Рай-Райи?

— Кажется, так его зовут.

— Я так и знал!

Врач не скрывал своего разочарования.

— Не врете? — спросил он с пустой надеждой.

— Нет. Где здесь спрячешь? — сказала Кора.

— Прятать негде, — согласился Блай.

Врач ушел, а Кора направилась к двери, чтобы закрыть ее.

Но в дверях стояла медсестра в белом клеенчатом фартуке.

— Вы за моей одеждой? — спросила Кора.

— Мне надо отнести ее в лабораторию.

— Послушайте, мою одежду унес полковник Рай-Райи, потом за ней прибегал доктор Блай, теперь вы. Что в моей одежде особенного? Откуда в вас такое радение?

— Глупости, — ответила медсестра. — Каждый хочет с вас чего-то поиметь. На нашу зарплату разве разживешься импортом?

— Вы хотите сказать, что полковник взял мою одежду себе? — искренне удивилась Кора.

— Еще бы. Ваше белье денег стоит.

Тут раздался неприятный звон — как будто засыпал плохо смазанный будильник.

— На ужин, — приказала медсестра, — идите уж.

Медсестра показала Коре путь в столовую на первый этаж. Сама же не скрывала разочарования.

— Могли бы и предупредить, — сказала Кора у дверей столовой.

— Откуда мне знать, что они такие шустрые!

В столовой, покрашенной серой краской, тоскливой настолько, что никакая, даже самая изысканная, пища и в глотку бы не полезла, под портретом одноглазого президента уже собирались пленники с Земли.

Восемь человек.

Вот они: справа сидит мрачный, глядящий в про странство Эдуард Оскарович Калгин, он даже не заметил, что Кора пришла переодетой в форму больницы. Рядом с ним горбится, массирует свой шрам Покревский. Тот увидел Кору и кивнул ей. Дальше положил массивные кулаки на стол бывший полицмейстер Журба. Нинеля шепчет ему что-то, наушничает. Инженер знаками пытается разговорить печальную принцессу. Но принцесса не поддается его хитростям. Миша Гофман сгибает и разгибает алюминиевую вилку и поглощен этим занятием.

Кора прошла на свое место — его показала ей Нинеля, рядом с собой.

— Допрашивали? — спросила она.

— Нет, только доктор осмотрел. Мучил, не представляешь как!

— А Гарбя видела?

— Кого?

— Значит, Гарбя ты еще не видала.

Медсестра вкатила стол на колесиках, на нем, опасно кренясь, стояли миски и тарелки. Проходя мимо стола, медсестра ловко кидала миски, они ехали по плохо протертой деревянной поверхности и замирали перед едоком. Вторая медсестра шла следом и кидала перед людьми ложки. Все это походило на цирковой номер, Коре хотелось им аплодировать, но все воспринимали операцию серьезно, были заняты наступающей едой — только Коре не хотелось есть,

она появилась здесь недавно, и ее беспокоили другие проблемы.

Гороховый суп был невкусным, недосоленным. Журба крикнул:

— Где соль, мать вашу! Сколько раз надо об одном и том же просить!

Никто ему не ответил. И никакой соли ему не принесли, но когда минут через пять или десять снова появились медсестры, то они несли вдвоем большую кастрюлю. Медсестра поставила кастрюлю на край стола, а вторая принялась зачерпывать поварешкой густую кашу и метать ее в опустевшие миски.

Когда операция кончилась, медсестра достала из-под фартука большую открытую консервную банку, наполовину наполненную желтой крупной солью.

Все принялись есть кашу, и некоторые щедро ее солили. А так как первый голод, правивший этой маленькой колонией, был уголен, то люди начали разговаривать, повеселели.

— Что будет дальше? — спросила Кора у Нинели.

— Наверное, опять испытания. Они нас все испытывают, что мы умеем делать. Вчера нас по лабиринту гоняли. А может, допрашивать будут, беседовать.

— А ты кашу доедать будешь? — спросила Нинеля.

— Нет, не хочется.

— Давай я доем, — сказала Нинеля. — Чего ей пропадать?

— Конечно, бери.

Нинеля взяла миску Коры, отвалила почти полную ложку своему соседу Журбе, который заинтересованно глядел на нее, остальное съела сама.

Дверь открылась, но вместо ожидаемых медсестер в мясничьих фартуках вошел странного вида неподходящий человек, очевидной, но неприятной женственности.

У него были курчавые волосы, как у толстого мальчика, которого бабушка водит со скрипичкой заниматься к дорогому преподавателю. В нем было много от такого мальчика, даже в повадках. Только вместо бабушки за ним выступал полковник Рай-

Райи и еще один военный, неизвестный Коре. Новый гость был одет легкомысленно, в длинные шорты, белые гетры, белые матерчатые туфли, в белую же пропотевшую футболку с короткими рукавами.

Покачивая бедрами, мужчина прошел в дальний конец стола и уселся там на стул, услужливо подставляемый прибежавшей из другой двери медсестрой.

— Ну что ж, — сказал тонким голосом мальчик, оглядывая стол. — Нас можно поздравить?

— Да, товарищ Гарбуй, — громко сказала Нинеля. — Нашего полку прибыло.

— Ну, пока что не полку, а отдельного стрелкового отделения. Хотя вам простительно, Нинеля, вы военному делу не обучены.

Гарбуй щелкнул толстыми пальцами, и тут же полковник Рай-Райи положил перед ним историю болезни Коры. Она ее узнала. Гарбуй стал листать тетрадку, шевеля толстыми мокрыми губами.

— Все ясно, — сказал он наконец. — Не считая Гофмана и Тоя, вы у нас самая продвинутая во времени. Мы с вами еще не раз поговорим. И откровенно. Вы согласны?

— Согласна, — сказала Кора.

— И отлично. А то господин Гофман, Михаил Борисович, начал лгать и даже противоречить самому себе. А нам нужна правдивая информация, на основе которой будут приняты ответственные решения. Понятно? — За ответом Гарбуй обернулся к Коре.

Миша Гофман молча возил ложкой в миске, собирая остатки каши.

— Зря я его пощадил, — сказал полковник Рай-Райи. Как он ненавидел Мишу!

— Вы руководствовались гуманизмом, полковник, и я вас понимаю, — ханжески промямлил Гарбуй.

«Сейчас придет его мама, в очках, даст ему в руки скрипичку, и мы будем слушать, как он играет гаммы», — подумала Кора.

— Теперь к делу, — Гарбуй перешел на командирский тон. Ему нравилось говорить командирским тоном. Кора даже подумала, что ему раньше не приходилось командовать ни дома, ни в школе — всегда

находился какой-нибудь другой командир. — Сегодня у нас, товарищи, трудный, насыщенный день. Испытания распределяются следующим образом. Гражданка Орват, как новенькая, проходит лабиринт. Инженер Той остается со мной. Он будет проходить дружественный допрос о состоянии дел в малой авиации. Остальные продолжат курс благо-психологических исследований.

— Я протестую, — сказал Влас Фотиевич Журба. — Мы же понимаем, что опять начнете мучить, а мы люди немолодые, немощные.

— Без этого наука не может двинуться вперед, — снисходительно ответил Гарбуй. — Без этого вы бы не оказались в этом лагере, и тем более без этого вы не сможете возвратиться обратно к вашим друзьям и близким.

— Сладко поешь, — прошептал Эдуард Оскарович, и никто, кроме Коры, этого не услышал. Впрочем, толстый мальчик Гарбуй настолько переигрывал свою роль заботливого учителя, что, пожалуй, за редким исключением всем была очевидна лживость его слов и обещаний.

В дверях, куда покорно потянулись ворчавшие пленники, Кору и двух ее спутников ждали солдаты, которых привел Гарбуй.

* * *

Уже вечерело, тени стали длиннее, и ветер утих, отчего воздух прояснился и стали видны нависающие над берегом горные вершины, кое-где покрытые желтеющим лесом. Обернувшись, Кора уткнулась взглядом в плохо побеленные стены барака и мрачного четырехэтажного куба, где обитали и трудились доктора и иные начальственные люди, которые и ведали контактами этого мира с Землей.

Эти и другие, видно хозяйственные, здания располагались на обширной площадке, большей частью заасфальтированной, кое-где поросшей редкой травой. Вокруг тянулась металлическая сетка, а у единственных ворот стояла пропускная будка.

— А как ваш мир называется? — спросила Кора у солдата.

Тот ответил:

— Земля, как же еще! — Потом подумал и добавил: — Впрочем, вам это знать необязательно.

Кора согласилась с солдатом, тем более что ее внимание было уже привлечено к лабиринту, перед которым они остановились. Кора сначала и не сообразила, что видит настоящий лабиринт, потому что для нее это было литературное понятие — нечто вроде гигантского холма, внутри которого должен таиться могучий Минотавр.

Тут же лабиринт оказался бесконечной — в обе стороны — серой бетонной стенкой без отверстий, высотой около трех метров. Наверное, она тянулась на полкилометра, и в ней был лишь один разрыв — как раз к нему они и направились. Возле правого угла лабиринта возвышалась высокая ажурная вышка, схожая с тригонометрическим знаком. Наверху вышки была небольшая площадка, обнесенная перильцами. Там на стульях сидели два солдата. Между ними и перилами были прикреплены пулемет и большая подзорная труба.

При виде процессии солдаты замахали руками, приветственно закричали. Спутник Коры ответил коротким непонятным возгласом и сообщил ей, как новенькой:

— Они будут за вами наблюдать. Оттуда видно все, что внутри лабиринта. Если они увидят лишнее, то и выстрелить могут.

— Что вы под этим имеете в виду? — насторожилась Кора.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ответил солдат.

— Он сам не знает, — сказал второй.

— А зачем мне надо в лабиринт? — спросила Кора.

— Да вас же испытывают! — откликнулся первый. — Испытают и в бульон!

Солдаты рассмеялись.

Солдаты остановились перед разрывом в серой бетонной стенке, на которой сохранились следы деревянной опалубки.

— Вам, девушка, — сообщил солдат, — положено проникнуть внутрь лабиринта, забрать в центре его послание и вынести его наружу. Весь проход по лабиринту фиксируется камерами и пулеметчиками. Не выполнившие задание подвергаются наказаниям.

— А какое вам дело, прошла я или нет? — спросила Кора.

— Сказать правду?

— Скажите.

— Диверсантов из вас готовят. На Землю засылать будут, — искренне ответил солдат.

Он подошел к круглым часам, приколоченным к стенке, и нажал на красную кнопку. Часы зажужжали, и секундная стрелка тронулась в путь.

— Один час, — сказал солдат, — шестьдесят очков. Каждая дополнительная минута — еще очко...

— Пошли! — приказал второй солдат. — Время не ждет.

Он подтолкнул Кору внутрь лабиринта не сильно, но решительно.

Кора сделала несколько шагов внутрь лабиринта и остановилась.

Перед ней был коридор, точно такие же коридоры отходили вправо и влево. Стенки были бетонные, пол тоже бетонный, потолка лабиринту не полагалось. Это был бы самый скучный лабиринт в мире, если бы не небо, которое голубело над головой и показывало куски очень красивых кучевых облаков, которые проплывали в сторону моря.

Лабиринт состоял из бетонных перегородок и точно напоминал те лабиринты, которые принято рисовать в детских журналах, помещая в центре его кусочек сыра, а снаружи голодную мышку, которая этот кусочек сыра должна была скушать. Бывали, правда, и другие варианты — в центре сидела кошечка и поджидала мышку.

— Эй! — крикнула Кора, надеясь, что солдат не услышит. — А как у вас насчет Минотавра? Не поджидает ли он?

Солдат не откликнулся, и Кора решила, что здесь нет такой легенды, не выдумали. Вместо нее какая-

то другая, и вовсе не про лабиринт, а про подземную пещеру.

Вздохнув, Кора направилась по коридору направо, придерживаясь правой рукой о правую стенку, вскоре коридор загнулся внутрь и еще через двадцать шагов закончился тупиком. Если здесь нет Ариадны с клубочком, подумала Кора, дай мне, Господи, какой-нибудь карандаш или кусочек угля. Ползарства за карандаш, чтобы отмечать собственный путь.

Кора подняла голову — над ней, сбоку, будто плывя по небу, напротив течения облацов, располагалась площадка, с которой наблюдали за мышкой два солдата. Один смотрел, приложив ладонь ко лбу, второй наклонился к подзорной трубе.

Кора сделала шаг ближе к стене — башня пропала — значит, они видят далеко не все.

Но тут же она разубедилась в этом, потому что ей в глаза сверкнул зайчик — она поняла, что где-то над лабиринтом устроена система зеркал. Ну, ладно, сказала себе Кора, пускай смотрят. В конце концов лабиринт пройти нетрудно, только непонятно — зачем все это им нужно? Я же не подопытный кролик!

В ответ на ее мысли из-за угла вышел доктор Блай и вежливо пробасил:

— Не возражаете, если я пойду рядом с вами? Мне любопытно наблюдать за вашими действиями.

— Идите, — согласилась Кора. — Я как раз думала: зачем нужно это испытание? Неужели вы и ваши коллеги уверены, что мы больше похожи на мышей, чем на людей?

— Честно говоря, — ответил доктор, — эти испытания — следствие нашего собственного несогласия по поводу того, что с вами делать. Вы так неожиданно и решительно свалились на наши головы, что некоторые предпочли бы, чтобы вас вообще не было. Другие хотят использовать вас в корыстных интересах. Мы же стремимся понять, как достичь взаимной выгоды.

— Кто здесь «мы»?

— Мы — это разумные люди, не охваченные ма-нией величия. Замыслы генерала Лея могут привести

к гибели нашей собственной страны. Направо, пожалуйста.

— Что?

— Направо, а то мы с вами попадем в очередной тупик, — сказал доктор.

— Значит, вы не едины?

— Какое, к черту, единство! Месяц назад я и представления не имел о вашем мире, о параллельной Земле и даже о докторе Гарбуе. Я заведовал кафедрой психологии в университете. Вдруг мне позвонил коллега, вы его не знаете, и рассказал об удивительном открытии профессора Гарбуя — и о том, что существует параллельный мир и даже есть с ним связь! Конечно же, я бросил все ради того, чтобы участвовать в этом проекте. Ах, какой это был праздник знания, — доктор прикрыл глаза и повел висящим носом, будто вдыхая сказочный аромат. — Это был несказанный прорыв в науке. Как радовались мы, когда заработали приборы, позволяющие следить за точкой контакта между нами и вашей, второй Землей!

— Моя Земля — вторая? — спросила Кора.

— Разумеется, — ответил морской слон. — Затем мы начали разрабатывать переходник для безопасного перемещения между мирами.

— В обе стороны? — насторожилась Кора.

— Конечно! Правда, пока еще человек не воспользовался этим путем. Но мы направляли на вторую Землю насекомых, птиц и даже мелких животных. Все перешли к вам без повреждений. Все было готово к большим событиям, но две недели назад опыты были приостановлены.

— Почему?

— Потому что заработал экран наблюдения, появились первые пришельцы и все нарушили.

— Пришельцы — это мы? — спросила Кора.

— Разумеется. Так вас называют даже в официальных документах.

Кора кинула осторожный взгляд наверх — солдаты наблюдали за ними с вышки. Солнечный зайчик отразился от линзы подзорной трубы.

— Ничего, что они за нами наблюдают? — спросила Кора.

— На таком расстоянии они ничего не услышат. А раз они видят нас, то не беспокоятся: доктор допрашивает пациентку. Это здесь принято. Зато лабиринт — самое надежное место, чтобы поsekretничать.

— И что же случилось?

— Мы работали на вилле «Радуга». Вы не были там?

— Когда? Я здесь всего день.

— Это недалеко отсюда. Там был наш мозговой центр. Господин президент посещал нас по крайней мере раз в неделю. С проектом «Земля-2» у него были связаны важнейшие надежды.

— Какие же?

Доктор поглядел на вышку. Солдаты все так же глазели сверху. Он понизил голос.

— Я очень рисую, — сообщил он. — Но положение у нас сложилось драматическое. Трагическое. Опасное не только для всех вас, но и для нашей Земли. Поэтому я вынужден обратиться за помощью к вам, Кора.

— Но почему ко мне? Здесь есть люди старше меня, умнее меня.

— Человек, которому я доверяю, сообщил мне, что вам можно полностью открыться.

— Кто этот человек?

— Вы скоро его увидите.

— Тогда пошли к нему.

— Подождите. Прежде я объясню вам ситуацию. Мы не все знали, нам не все говорили... Но пока мы вели первые опыты и налаживали связь, мы были убеждены, что наши миры во всем подобны. В том числе в развитии. То есть мы полагали, что ваша Земля находится... ну, как бы в середине двадцатого века по вашему летосчислению. Мы не знали, не подозревали о парадоксе времени, о том, что при переходе время пропадает...

— А какую роль это играло для вас?

— Для меня, для других ученых — никакой. Но для президента — огромную.

— Почему?

— Потому что ваша Земля оказалась главной ставкой в борьбе за власть. Господин Гарбуй уверил президента, что Земля-2 ничем не отличается от Земли-1. Что с ней можно торговать, общаться, ее можно покорить...

— Покорить? Нас?

— Если как следует подготовиться к этому, если знать все заранее, если воспользоваться фактором внезапности — то почему бы не стать господином двух планет?

— И вы восприняли это всерьез?

— До тех пор, пока не начала работать установка и у нас не появились первые пришельцы. И тут произошла трагедия... Обнаружилось, что пришельцы относятся к разным эпохам. Самые поздние из вас живут в мире, который обогнал нас на полторы сотни лет, который освоил путешествия к звездам и такую военную технологию, что нашим бравым генералам и не снилось. И когда мы наладили наблюдение за вашей Землей, наши опасения подтвердились — мы увидели тот мир, в котором живете вы сегодня... Парадокс безвременья погубил нас. И разрушил все наши планы.

— Ну, ничего страшного, — постаралась успокоить собеседника Кора. — Еще не все потеряно. Если ваш мир докажет, что не имеет к нам враждебных намерений, мы будем рады сотрудничать с вами — и это будет всем выгодно.

— Во-первых, это невыгодно нашим военным, — возразил доктор. — Они уже изготовились завоевать Землю-2 и прославиться в веках. Отговорить их от такого намерения нелегко. Они скорее перестреляют всех наших миротворцев. Во-вторых, это опасно нашему президенту и профессору Гарбую. Президент поспешил присвоить себе звание «Господин двух планет». Гарбая он сделал своим первым министром по науке. А теперь что делать? Признать, что наш

мир — не самый прогрессивный и передовой во Вселенной? Признать, что кто-то может раздавить нас одним пальцем? И теперь, конечно же, президенту лучше протянуть время до выборов, добиться переизбрания, а потом уж решать, что делать с Землей-2. А пока молчать... Но вряд ли это ему удастся. Секрета сохранить не удалось. Генерал Лей знает, что случилось, и не намерен отказываться от своих планов — у него уже отмобилизована армия, чтобы захватить Землю-2. А если не Землю-2, то, по крайней мере, свою собственную планету. Как у нас говорят: «Пришла пора президента с горы кидать».

Кора сразу же вспомнила о завалах одинаковых монументов и бюстов вдоль горной дороги. И даже спрашивать не надо было: ясно, что туда свозили памятники предыдущим президентам.

— А у вас старых президентов не жалуют? — спросила Коря.

— За что же я буду жаловать своего предшественника, если мне куда выгоднее свалить на него все грехи и провалы, а также экономические трудности, растущую преступность, детскую смертность, коррупцию, махинации чиновников, плохой климат и засилье тараканов — во всем виноват мой предшественник! А ну, долой его бюсты!

— Без исключения?

— Говорят, лет сто назад у нас был один безгрешный президент, но он процарствовал всего полгода, не вставая с ложа.

— Значит, президент ваш, как человек неглупый...

— Неглупый — не то слово!

— Но военные не согласны?

— Разумеется, генералы не согласны. Ведь когда идут бои, то гибнут не генералы, а солдаты. Для генерала всегда найдется бомбоубежище с теплым сортиром.

— Значит, всякие испытания и лабиринты придуманы...

— Они входят в программу Гарбуя. То есть президента.

— Теперь мне все более-менее ясно. Но кто же рекомендовал меня как доверенное лицо? С кем вы хотите меня свести?

— Пошли, — согласился доктор. — Это ваш друг. Беседа с ним убедила меня в пагубности нашего пути.

Доктор повел Кору по коридору, они свернули в какой-то закоулок, где у стенки, обращенной к вышке, спрятавшись от зорких глаз солдат, сидел Миша Гофман.

Чего и следовало ожидать.

— Пришла, — сказал композитор-песенник. — Спасибо, доктор.

Доктор отошел на несколько шагов назад.

— Кора, — прошептал Миша Гофман. — На меня больше не рассчитывай. Они вкатили в меня столько психотропных средств, что моя голова работает на три процента. Я тебе чижика на фортепьяно одним пальцем не сыграю...

— Тебе надо обратно.

— Никуда мне не надо. Пойми, что я передаю тебе все полномочия — теперь ты здесь представляешь правительство Галактической Федерации. Но знает об этом только доктор...

— Внимание! — раздался голос издалека и сверху. — Замечено скопление элементов в центре лабиринта. Я требую от вас немедленно поднять руки и выйти на открытое место.

— Все, — сказал доктор. — Мы переоценили свои конспиративные способности.

— Вернее, недооценили возможности полковника, — ответил Миша.

— Расходитесь в разные стороны, — сказал доктор. — Они сначала стреляют, а потом выясняют, кто прав, а кто виноват. Прощайте. Они могут воспользоваться случаем, чтобы отделаться от меня. Мне же этого не хочется.

И доктор быстро пошел в сторону по коридору.

Но далеко уйти он не успел...

Вздымая пыль, по коридору бежали солдаты во главе с полковником Рай-Райи. Полковник был так

высок, что горизонтальные лучи солнца, освещавшие лишь верхние кромки стен, золотили его редкие, встрепанные от бега волосы. Он первым выстрелил в морского слона. Доктор схватился за грудь и пошатнулся.

Он рванул Кору за руку, и они упали на бетонный пол.

— Ничего, — пробормотал Миша Гофман. — Пули резиновые. Конечно же, резиновые...

Кровь текла между пальцев доктора, по его груди.

Полковник выстрелил еще раз. Доктор послушно и мирно улегся у его ног.

— А ну! — крикнул полковник, закидывая назад маленькую изящную головку и топорща усыки, как котик. — Вперед! По лабиринту к цели вперед!

Кора и Миша поднялись и побрали по коридору.

Доктор не шевелился.

* * *

...Кора шла по узкому коридору между серых бетонных стенок, сзади шаркал подошвами Миша Гофман. Доктор Блай лежал сзади мертвый, все оказалось чепухой. Хотя бы потому, что они находились в плена у цивилизации, которая настолько уступала галактической, что не могла угрожать Земле. Об этом следовало сообщить Милодару и Ксении Михайловне, но, с другой стороны, спешить не следовало, потому что сведения о параллельном мире Кора имела лишь самые предварительные. Она даже не выглянула за пределы лагеря для пришельцев.

Они трусili с Мишой по коридору, а сзади топотал полковник Рай-Рай и его молодцы. Не исключено, что они догонят и пристрелят Кору с Мишой.

— Стой! — вдруг предупредил ее Миша. Хоть он и был больным и слабым, но первым увидел подозрительную полосу впереди. Кора остановилась у самой полосы и попробовала ее носком туфли. Носок послушно углубился в видимость бетона.

— В сторону! — велел Миша. Они метнулись в боковой ход и успели увидеть, как их преследователи

промчались по главному коридору, а после этого послышался непонятный шум, плеск, крики, даже стены лабиринта зашатались. Похоже, что за поворотом несколько человек бились за жизнь, разваливая чудо местной архитектуры. Тут сердце Коры не выдержало, и она побежала на крики — благо бежать-то было два десятка шагов.

Длинного полковника засасывало в бетон в метре от той черты, что встревожила Мишу. Он был по месиву изящными, украшенными кольцами руками, молотил по головам своих тонущих солдат, пытаясь опереться на них, но солдаты уклонялись от его ударов и старались вылезти собственными силами, все более углубляясь в зыбучий бетон.

Кора бросилась на пол и протянула руку вперед — полковник сразу уцепился за нее. К счастью, вовремя пришел на помощь Миша — иначе бы полковник утащил Кору в трясину.

Солдаты держались за полковника и после отчаянного сопротивления трясины, громко чавкнув, отпустила всех.

Полковник выбрался на сухое место, затем, помогая друг другу, вылезли солдаты. Они матерились, полковник тоже матерился и грозился выяснить, какой идиот понаделал здесь ловушек. Люди нужны не для того, чтобы тонуть в болотах, а для боевых дел.

Сверху, с вышки, тоже увидели этот инцидент. Очевидно, в ловушках лабиринта положено было погибать обычным мышкам, а не кошкам такого ранга. С топотом солдаты побежали по коридорам, забегая в ложные тупики и ударяясь лбами и локтями о перегородки. К тому времени, когда они достигли пострадавших коллег, сверху, с железного блюдца, уже спустился на парашюте невысокий подтянутый человек в камуфляжном комбинезоне. Он был коротко пострижен, на лоб падала челка, глаза были дикими, наглыми, рот широкий, без губ, скулы тяжелые.

— Что вы здесь делали? — спросил он у полковника.

Полковник не мог ответить, потому что бетон, в который он был только что погружен, быстро засох

и сковал его члены, а также замкнул рот. Лишь дырки ноздрей позволяли дышать, да удавалось немного приоткрыть веки. Солдаты были не в лучшем положении, они тоже на глазах превращались в статуи погибшим воинам.

— Перестарались? — спросил человек с челкой у Кора.

— Не знаю, — ответила Кора. — Ведь это предназначалось для нас. А против нас все средства хороши.

— Теряем людей, — рассердился человек с челкой. Он приказал солдатам, которые прибежали с вышки и стояли вокруг по стойке «смирно», чтобы они вывели из лабиринта пострадавших, для чего придется проломить часть стен.

Стенки рушились на удивление легко, поднялась пыль, человек с челкой куда-то пропал.

О Коре и Мише Гофмане забыли. Миша Гофман спрятался в какой-то тупичок и там задремал, сидя на корточках, а Кора осторожно прошла еще немногого к центру лабиринта — ей было интересно, что за награда ждала того, кто одолеет задание.

До цели оставалось совсем немного, и путь был почти прямым, хотя Кора, конечно же, глядела под ноги, чтобы не ухнуть в очередную ловушку, построенную неизвестно для чего, — даже господин полковник считал это глупостью до тех пор, пока не угодил туда сам.

В центре лабиринта оказалось небольшое квадратное помещение, где в середине стоял каменный алтарь или стол — кому как покажется. На нем возвышался мраморный бюст президента, а перед ним стояла закрытая пластиковой пробкой, до половины наполненная бутылка, на этикетке которой было крупно написано «Вино розовое виноградное». Рядом стоял стакан. И лежала записка, придавленная обломком кирпича: «Поздравляем с выполнением задания. Надеемся, что вернетесь благополучно. Командование».

Кора постояла, посмотрела на награду, пить не стала, а записку взяла и спрятала в карман синего байкового халата. Пригодится для отчета комиссару.

Кора пошла обратно, глядя под ноги. Это ее чуть не сгубило, потому что как раз в десятке метров от центра лабиринта на нее свалился отрезок стены — бетонная панель, которая была плохо закреплена.

Кора, к счастью, отпрыгнула, но рассердилась на местные власти еще больше.

Из лабиринта Кора выбежала через разрушенный вход. На площадке, отделявшей его от жилых строений, никого не было. Солнце уже зашло, и вокруг благоухала розовая тишина заката, воздух был парным и неподвижным, но с гор уже наваливалась, наполняла собой небо вечерняя прохлада. Птицы молчали, цикад тоже не было слышно.

Кора спустилась на пролет по лестнице и полуподвальным коридором добралась до комнаты № 8.

Дверь к ней была открыта. Кора легла на койку.

В доме было тихо, только кто-то далеко играл на фортепиано.

Может, пойти в гостиную?

Нет, никого не хочется видеть. С этой мыслью она заснула.

* * *

В комнату кто-то вошел. Кора сквозь сон почувствовала движение.

— Кора, — хриплый шепот глухо отозвался в комнате. Она поняла, что спит поверх одеяла, так и не раздевшись. Окно под самым потолком не давало света — в него было видно лишь синее небо.

— Кто там? — спросила Кора.

— Тише, это я, Нинеля, пошептаться надо, не возражаешь?

— Иди сюда, — Кора почувствовала облегчение от того, что это Нинеля, а не какой-нибудь насильник.

Койка заскрипела. Нинеля была женщиной плотной, не то чтобы жирной, но крепко мясистой.

— Ты чего спать легла? — спросила Нинеля. — Может, заболела?

— Нет, устала.

— Тебя не ранило? Мы слышали, что ты с Мишкой в заварушку попала?

— Да.

— Доктора Блая убило?

— Я думаю, что он погиб.

— Жалко. Он понимающий был, не приставал.

— Его полковник Рай-Райи убил.

— Полковник дикий совсем. Его бояться надо. Он на меня глаз положил, очень я этого боюсь. Нет, ты не подумай, он мужчина видный и в другой обстановке чего еще желать-хотеть? Но здесь я всего боюсь. И главное, боюсь беспорядка.

— Мы здесь на виду, — прошептала Кора.

— Как кролики... или мышки.

— Ты имеешь в виду лабиринт?

— И лабиринт тоже. А почему полковник доктора убил?

— Я бы сама хотела узнать. Я ведь здесь один день и многое не понимаю.

Кора была не совсем искренней: доктор был сотрудником Гарбуя. Вернее всего, военные пользовались любым случаем, чтобы избавиться от чужих.

— Один день, а себя уже поставила выше всех, — сказала Нинеля. — А это правда, что ты в будущем живешь?

— Я же говорила.

— Нет, я тебе, конечно, не доверяю, — шептала Нинеля, — зачем я тебе буду доверять, если ты специально приехала к нам с провокационными заданиями, но ты мне, честное слово, понравилась — я тебе верить не буду, ты не обижайся, что я тебе верить не буду, но ты мне все-таки скажи, как у вас там?

— Мне трудно тебе рассказать, потому что между нами лежит много лет.

— А ты о главном, о главном, неужели не понимаешь, о чем я тебя спрашиваю?

— О чем?

— О победе коммунизма! Неужели тебе не ясно, что о победе коммунизма?

О Господи! — чуть было не воскликнула Кора, осознав наконец, какая гигантская пропасть лежит

между ними. Ведь Нинеля и Эдуард Оскарович — они пришли из особенного мира, почти литературного в своей придуманности, — из того источника, который десятилетиями после своей смерти питал вражду и войны не только в разных странах, так или иначе пораженных болезнью, но и на планетах, вроде бы не имеющих прямой связи с прошлым, но стремящихся повторить легковерие, ведущее к угнетению.

— Коммунизм вам построить не удастся, — сказала Кора без злорадства или издевки, как если бы ее спросил Александр Македонский, удастся ли ему захватить Китай, и она так же ответила бы Македонскому, что Китай ему не покорится.

— Так я и знала, что ты скажешь, — вздохнула Нинеля. — Я тебе, конечно, не верю, но ты мне все равно скажи, как это случится.

— Это случится, когда ты уже будешь старой или, может, даже умрешь.

— Ну я-то пока живая! Живая, а все уже случилось!

— Мы не знаем, какой сейчас на самом деле год идет на Земле, — заметила Кора. — Ведь мы из разных лет и столетий прилетели сюда, а случилось это почти одновременно.

— Ты так говоришь, будто нам лучше и неозвращаться, — сказала Нинеля.

— Всегда лучше вернуться домой, — возразила Кора.

— А может, тебе и не хочется в свое время возвращаться? — спросила Нинеля. — Может, ты хочешь к нам, в героическую эпоху построения социализма?

— Нет, в героическую мне тоже не хочется, — сказала Кора. — Вы очень дорого платили за героизм.

— А героизм дешевым не бывает, — сказала Нинеля: — Я тебе еще не сказала правду, почему я сюда попала. На самом деле я от несчастной любви к одному чекисту с обрыва кинулась. Это долгая история, только ты меня не выдавай.

— Я никому не скажу.

— И презирать не будешь?

— Тебя жалеть надо.

— А вот это лишнее. — Нинеля взяла себя в руки. — Жалость унижает человека. Так учил Горький.

— Зачем он вас так глупо учил?

— Помолчи, Кора, а то ты плохо кончишь. И светлое будущее под вопрос поставила, и великого писателя Горького не помнишь. Может, ты в будущем и в школе не учишься?

— Кое-как училась, — призналась Кора. — Компьютер меня учил, а я его обманывала. А что еще твой писатель Горький сказал?

— Он про тебя сказал: если враг не сдается, его уничтожают.

— Это он тебе сказал? Или Эдуарду Оскаровичу?

— Он всему миру сказал!

— Надо было громче говорить, — откликнулась Кора, — а то до нас не долетело.

— Больше я с тобой о политике не разговариваю. И ни слову не верю, поняла?

— Поняла, — улыбнулась Кора.

— Я сначала думала, что ты наша, помогала тебе. А ты — враждебный элемент.

— Никому я не враждебный элемент. И не надо меня уничтожать.

— Ну, спи тогда, — сказала Нинеля. — У тебя день был трудный. Я бы еще многое у тебя спросила, но боюсь.

Страшно и удивительно заглянуть в будущее. И неизвестно, верить ли, что будущее станет чужим, или сохранить свою веру в чистоте.

Нинеля поднялась с койки. Койка громко скрипнула.

Синь за окном чуть-чуть посветлела, а может быть, это Коре показалось.

Неуверенно запела какая-то птичка, оборвала песню, будто сама удивилась своему пению.

Если кто-нибудь придет еще, подумала Кора, убью на месте.

Но никто больше не пришел.

До самого утра.

* * *

— Подъем, подъем, подъем! — кто-то шел по коридору и кричал.

А снаружи гудела сирена.

Шум стоял страшный — будто нельзя людей разбудить по-человечески.

Особенно было обидно, потому что снился сладкий сон, в котором инженер Всеволод катал Кору на махолете, для чего ему пришлось крепко прижать ее к себе. Было страшновато, но очень приятно — внизу, далеко проплывали городки и отдельно стоящие здания неизвестной красивой страны. Махонькие человечки махали снизу махонькими ручками, узнавая Кору. Кора знала, что полет на махолете завершится вон на той зеленой мягкой лужайке, где их со Всеволодом никто не потревожит...

Потревожили! Сиреной!

Кора опустила босые ноги на остывший холодный пол.

По коридору топали сапоги, шлепали босые подошвы.

Дверь к Коре растворилась, залезла морда медсестры неизвестного пола и рявкнула:

— Тебе что, особое приглашение?

Кора натянула туфли — как хорошо, что она их сохранила! Умывальня и туалет обнаружились дальше, в конце коридора. Санузел был один на всех жителей этого коридора. У умывальника под портретом президента возился, медленный и уверенный в себе, Влас Фотиевич, совал палец в коробку с мелом и тер зубы.

Он обернулся — весь рот белый — к Коре и прогрычал:

— Зубного порошка нету.

— И туалетной бумаги тоже, — отзвалось из кабинки туалета.

Кора стала ждать своей очереди.

Потом пришла принцесса, но, увидев мужчину, сразу убежала.

— Дура, — сказал Влас Фотиевич. — Думаешь, терпеть будет? Сейчас за угол побежит. Они все, татары, такие. Ох, долго еще приобщать их к цивилизации.

Из кабинки вышел Миша Гофман, поздоровался с Корой и сказал:

— Извини, что задержал.

Влас Фотиевич принялся полоскать рот. Он отплевывался, урчал, притом не переставал говорить:

— Какие сегодня мучения будут? Вот уж не думал, что приму такой крест на склоне существования.

— Лабиринт, можно сказать, рассыпался, — сказала Кора.

— Значит, тесты, — сказал Влас. — Доктор Крейлий еще на той неделе грозился про тесты. Ты знаешь, что это за чертовщина такая?

— Ничего страшного, — сказал Гофман, оттирая от умывальника господина Журбу. — Задают вопросы.

Гофман был такой же заторможенный и вялый, как вчера.

— Зачем?

— Чтобы понять, кто умный, а кто дурак.

— Это и без вопросов видно, — засмеялся Журба и отошел к перекладине, на которой висело большое общее полотенце, и стал искать на нем место почище и посушке.

Вошел белогвардеец Покревский. Он был бледен, отчего уродливый шрам через лицо казался еще более красным и ярким.

— Уже очередь? — спросил он зло. — Это основная черта нашего режима — всюду устраивать очереди.

— Как мы проходили в школе, — вспомнил школьный учебник Миша Гофман, — царское правительство было погублено именно очередями за хлебом в феврале 1917 года.

— Откуда вам знать? — воскликнул ротмистр и направился к кабинке, но тут Кора поняла, что она пропустит все очереди, и кинулась к кабинке первой.

Внутри было густо насыпано хлоркой.
Хлопнула дверь. Кора догадалась, что ушел Миша Гофман.

— Не нравится мне этот Гофман, — сказал Покревский.

— Потише, ваше благородие, — откликнулся по лицмейстер. — Они могут быть заодно. Пошли снаружи поговорим.

Когда Кора вышла из кабинки, у крана никого не было. Она решила воспользоваться коробкой с мелом, почистила зубы пальцем и поразилась способности людей разных эпох одинаково приспособливаться к невероятным обстоятельствам.

— Доброе утро, — сказал Эдуард Оскарович Калнин, который вошел в туалетную.

Кора передала ему мел, а Эдуард Оскарович снял очки и начал протирать их с мелом.

— Знаете, что любопытно, — сказал Эдуард Оскарович, отставив очки на вытянутой руке и проверяя, хорошо ли они очистились, — если бы нас подержать здесь с полгода, получилась бы славная коммунальная квартира! Вы знаете, что это значит?

— Нет, а что это такое?

— Господи, как же это получилось! — воскликнул Калнин. — Мы одинаковые, но не имеем ничего общего.

И тут Коре показалось, что дверь чуть-чуть приоткрылась, — их подслушивали! Она подняла палец к губам, предостерегая Калнина.

— А я молчу! Хотя, впрочем, и не понимаю, кому здесь нужны доносы.

— Этот ужасный Гарбуй хочет все знать о нас и устроить вторжение на Землю.

— Не переоценивайте Гарбуя, — возразил профессор, — он пешка в чужой игре.

— Вы с ним знакомы?

— Разумеется. Он, подобно мне, сделал ошибочную ставку. История непредсказуема. Угадать будущее хоть один раз — это все равно что выиграть в лотерею миллион рублей или автомобиль «Победа»,

понятно? Если бы я мог избавиться от гипноза бессмертия вождя, если бы я хоть раз остановился и трезво поглядел на то, что Сталин — это старик, который всю жизнь губил свой и без того некрепкий организм водкой, вином и распутством, что не сегодня завтра он гикнется, я бы все мои действия построил иначе. Но я был под тем же гипнозом, под которым находилась вся страна.

— Вы хотите сказать, что Сталин не должен был умереть, но умер?

— Да.

— А что вы сделали?

— Как что? Попал сюда! Эмигрировал. Скрылся.

— Ой! — Кора была потрясена. — Значит, сто пятьдесят лет назад был человек, который догадался про параллельный мир и сюда перепрыгнул?

— До какой-то степени вы можете считать, что именно так.

Из кабинки вышел ротмистр Покревский и принял умываться. Он не прислушивался к разговору Коры с Эдуардом Оскаровичем. А если и прислушивался, то ничем этого не показал.

— А вы кто по специальности? — спросила Кора Калнина.

— Я физик. Физик-экспериментатор. Это вам что-нибудь говорит, моя дорогая прапраправнучка?

— Разумеется, — сказала Кора. — Вы делали атомную бомбу.

Снова зазвенел колокол, к нему присоединилась отвратительным звуком сирена.

— Зовут на завтрак, — сказал Эдуард Оскарович.

— А вы не очень молодой... — осторожно произнесла Кора.

— Я был профессором, — сказал Эдуард Оскарович. — И даже должен был баллотироваться в члены-корреспонденты Академии наук. Но не успел.

— Потому что перешли сюда?

Профессор ничего не ответил. Он смотрел на спину ротмистра, который дожидался, пока тонкая струйка воды наполнит горсть, и плескал в лицо.

Они пошли на завтрак.

За завтраком Кора оказалась рядом с Покревским.

— Мне не хочется есть, — сказала Кора, когда медсестра кинула перед ней миску с кашей, на кучке которой чуть набок сиротливо лежала котлетка.

— Мне тоже, — ответил Покревский. Но взял тарелку Коры и подвинул ее сидевшей рядом чернявой принцессе.

— Бессловесным животным хуже всего, — сказал он.

Птичка сказала что-то ротмистру.

— Вы ее понимаете? — спросила Кора.

— А чего ее понимать, — лениво ответил Покревский. — Она говорит, что эту дрянь есть не хочет, но из уважения ко мне слопает котлету.

Медсестра поставила перед Корой кружку с чаем. Чай был на удивление крепко заварен.

Но без сахара.

— Они на нас экономят, — сказала Кора.

— Воруют. Все тащат.

Покревский щелкнул пальцами. Медсестра принесла сахарницу.

— Вас слушаются?

— Меня боятся. Я этот долбаный лабиринт прошел с первой попытки и прикончил ихнего солдата, который изображал дракона или еще какую-то нечисть.

Так как Кора не ответила и ничем не показала своего восхищения или недоверия, ротмистр агрессивно спросил:

— Вы мне не верите? Конечно же, вы не верите! А я знаю почему — вы селениты. Вы знаете о таком писателе — Герберте Уэллсе?

— Я его любила, когда была девочкой, — сказала Кора. — У нас была одна кассета в библиотеке. «Война миров».

— А я цитирую книгу «Первые люди на Луне». Он ее недавно написал.

— Или очень давно... с моей точки зрения.

Принцесса положила маленькую тонкую ладошку на руку ротмистра.

— Ты ешь, — сказал тот. — Черт знает, сколько нам еще придется наслаждаться прелестями мирной жизни. Вы москвичка, Кора?

— Нет, я найденыш, — сказала Кора. — Я из приюта. Но моя бабушка живет под Вологдой.

— Что-то они сегодня не торопятся угостить нас скучным завтраком, — сказал Журба, сидевший напротив Коры. Но стол был широким и потому разделял, а не объединял сидевших по разные стороны.

— А на рассвете три вертолета прилетели, — сказал инженер. Он был ухожен, побрит, пострижен, казалось даже, что от него пахнет одеколоном. Покревский перехватил взгляд Коры и сказал:

— Он на особом положении. Как консультант по летательным машинам. А вы думаете, что аппараты тяжелее воздуха в самом деле завоюют воздушное пространство?

Кора поглядела на него в растерянности, потому что непонятно было, шутит ли он. Ведь он здесь живет уже несколько дней. Но взгляд ротмистра был чист и честен.

— Да, — сказала Кора. — И мы научимся летать между звезд, как учил ваш любимый Герберт Уэллс.

— Чепуха, — сказал Покревский.

Принцесса стала теребить его, заговорила, и ротмистр склонился к ней, будто стараясь выделить в щебете какой-то смысл. Лицо у него было белым, шрам — темно-красным, неровным, глаза очень светлыми и оттого дикими. Прядь волос все падала на узкий высокий лоб, и ротмистр нервно откидывал ее.

Сонно вползла в комнату запоздавшая Нинеля.

Медсестра словно поджидала ее в дверях. — метнула миску и чашку сразу, как только женщина села на свой стул.

— Поосторожнее, — сказала Нинеля. — Я этого не люблю.

Нет, она куда больше похожа на разведчицу, чем на самоубийцу от любви.

— Ой, Корочка, если бы ты знала, что было! — зашуршила она на ухо Коре.

— Что еще?

— Я от тебя ночью шла, а он меня подстерег. Ужас какой-то... какой мужик, я ни минутки ночью не спала, меня еще никто так не... не радовал!

— Ты о ком?

— Ну, ты же знаешь! Полковник Рай-Райи. Наш с тобой полковник.

— Ну уж не наш.

— С него бетон, оказывается, до полночи сбивали. Он рассказал. Чуть живой остался — налицо попытка превращения руководящего военного специалиста в статую.

Нинеля заразительно расхохоталась. И смех ее был таков, что все за столом обернулись.

А Нинеля попробовала кружку с чаем и крикнула медсестре, которая торчала в дверях:

— Этого еще не хватало! Холодным чаем будете пить. Сама пей эту бурду.

А так как медсестра не двинулась с места, то Нинеля смахнула со стола кружку. Кружка разбилась о бетонный пол, и большая темная лужа чая образовалась сзади стульев.

Все замерли. Оробели. Все-таки каждый чувствовал себя бесправным пленником.

Медсестра подошла к Нинеле и остановилась. Потом стала поднимать руку, намереваясь, видно, ударить ее, и Нинеля, понимая, что переборщила, стала клониться, уходя от удара, — и все это происходило как в замедленном кино.

— Ну-ну, — благодушно произнес полковник Рай-Райи, входя в столовую и прекращая назревавший конфликт. — Нинеля, сколько раз я тебе говорил, не спеши с выводами. Как говорится, близость — это еще не повод для знакомства.

И полковник рассмеялся, как бы приглашая всех остальных присоединиться к его веселью.

Затем прошел за свое место в торце стола и сказал:

— С сегодняшнего дня будем тренироваться по возвращению на исходные позиции. Хватит, нагостились, покушали нашего хлебушка.

Никто не понял полковника. Он пояснил:

— Великий эксперимент, который проводила моя держава, подходит к концу. Следовательно, мы благодарим иностранных участников эксперимента и готовим их к возвращению домой.

— Как так домой! — неожиданно вскинулся капитан Покревский. — Я бежал оттуда, предпочтя смерть. Да, смерть. А вы хотите вернуть меня! Человек может покончить с собой единожды, у человека бывает только одна смерть. А я уже мертв.

— Этот вопрос находится в стадии обсуждения, — сказал полковник. — Сегодня произойдет совещание на самом высоком уровне. Вами занимаются, и ваша судьба небезразлична. Но вы, друзья, тоже должны понять: у нас свои проблемы, и мы вам не няньки. Каждый сам зарабатывает себе на хлеб.

Допив чай, полковник вышел строевым шагом. Нинеля кинулась было за ним, подняв головку вверх в надежде, что ее погладят или потреплют по загривку. Не вышло. И хоть полковник вызывал у Коры омерзение, ей было приятно, что Нинеля унижена. Это создание было хуже полковника, потому что тот имел какие-то убеждения, а Нинеля — только преданность, притом она готова была ею торговаться, как картошкой.

— Это странно, — сказал Эдуард Оскарович.

Он поднялся из-за стола, держа в руке кружку с чаем, и пошел к окну. Он рассуждал вслух, и Коре было интересно, что же он скажет.

— Это странно, — повторил профессор. Он видел, что Кора подошла к нему, и не возражал против этого. — Мне казалось, что верх возьмет Гарбуй. В конце концов они признают его главой проекта. С точки зрения здравого смысла любое их действие против Земли двадцать первого века обречено на неудачу.

— А если они на самом деле решили отказаться от планов? — спросила Кора.

— Кстати, это любопытная мысль, — капитан Покревский стоял рядом, держа принцессу за ручку. Вид его был нелеп, потому что нельзя носить сапоги со шпорами под синим байковым халатом, который

мал тебе на два размера. Принцесса была похожа на его дочку-замарашку.

— Боюсь, что это практически невозможно сделать.

— Полковнику я не верю, — сказал профессор. — Хотел бы я знать, известно ли об этом Гарбую.

— А если мы вернемся, — задал самый важный для всех вопрос Покревский, — то куда?

— Первый вариант, — сказал Эдуард Оскарович, — все появляются на Земле в тот момент, в который исчезли.

— Но ведь они на земле уже погибли или почти погибли! — крикнула Кора. — Всеволод разбился на своем махолете, Покревский и принцесса бросились со скалы...

— Значит, им ничего не остается, как довершить начатое, — сказал профессор. — Долететь до камней и разбиться вдребезги.

— Вы с ума сошли! — рявкнул Журба. — Я-то за что? Я в пролетке ехал с компанией. У меня и мысли погибать не было.

— Не я придумал эту вероятность, но с точки зрения гармонии природы она самая удобная. Восстанавливается статус-кво.

— Ничего не понимаю! — сказала Кора.

— Здесь царит обычный бардак двадцатого века, — ответил Эдуард Оскарович, сердито блеснув очками. — И мы можем стать жертвами этого бардака, если хитрая голова Гарбуя не родит очередной мысли.

И как бы в ответ на слова профессора вместо полковника во главе стола уже восседал господин Гарбуй, как хороший толстый мальчик, который завершил экзерсисы на скрипичке, скушал тарелочку геркулеса с вареньем и вот отпущен бабулей поиграть немножко с уличными мальчиками и девочками.

— Мы с вами — коллеги, — сказал Гарбуй. — Мы все — ученые, которые собрались в этом отдаленном районе для того, чтобы выяснить, как функционирует мироздание. Великая задача, поставленная перед нами судьбой, требует к себе адекватного от-

ношения. Если кто захочет кофе, поднимите руку, вам дадут.

Почти все подняли руки. Гарбуй крикнул медсестрам, что наблюдали за сценой от двери на кухню:

— Кофе, попрошу всем горячего сладкого кофе!

Медсестры не пошевелились.

— Вы меня слышите? — крикнул Гарбуй.

— Нету кофе, — откликнулась одна из медсестер, вытирая сильные мужские руки о мясницкий фартук. Шапочка была у нее надвинута на самые глаза, из-под нее выдавались неровные пряди. Кора вновь усомнилась, женщины ли эти медсестры.

— Значит, кончился? — с надеждой спросил Гарбуй. — Тогда приготовьте еще.

— Не кончился, а нет, — ответила вторая медсестра.

Все смотрели на Гарбуя.

Он был готов смириться. И видно, ему выгоднее было бы смириться. Но восемь пар глаз, которые смотрели на него испытующе, заставили его вскочить так, что свалился стул, и мелкими шагами побежать к кухне. Гарбуй катился к двери, как тяжелый биллиардный шар, пущенный сильным ударом кия.

Гарбуй натолкнулся на медсестер, которые как бы незаметно сдвинулись, перекрывая вход на кухню, но он врезался в них, как колун в пень, разбросав их локтями и плечами, и исчез на кухне, откуда почти тут же донеслись протестующие голоса и грохот посуды.

Все ждали.

Через секунду или минуту — все равно никто не шевельнулся — Гарбуй выкатился из кухни с большим медным чайником в руке. Чайник был тяжел, он оттягивал руку.

Гарбуй прошел к столу и, левой рукой отодвинув принцессу, стал наливать кофе ей в кружку, но рука у него дрожала, струя хлынула мимо кружки, принцесса взвигнула, кинулась в сторону, упала на ротмистра, а Гарбуй отскочил, крышка чайника зазвенела, прыгая по бетонному полу, — горячий кофе

хлынул водопадом, разливаясь лужей, так что тем, кто сидел за столом, пришлось подобрать ноги.

— Ничего у вас не получится, господин советник Гарбуй, — произнес от двери незнакомый Коре генерал, пришедший в сопровождении полковника Рай-Райи.

— Что вы здесь делаете? — Гарбуй окончательно потерял самообладание. — Почему я не могу в спокойной обстановке встретиться с пришельцами?

— Лишнее это, — ответил новый генерал. — Вы только мешаете нашим планам.

У генерала было такое узкое лицо, что хватало одной черной густой брови на оба глаза, внутренние концы которых почти смыкались, потому что нос казался вырезанным из тонкого картона. Зато ротик у генерала был круглым, алым, очень удобным для засасывания червяков.

— Сначала я проведу беседу с жителями Земли, — торжественно заявил Гарбуй. — Я имею на это разрешение самого президента.

— Мы об этом не знаем, — ответил полковник. — Именно поэтому генерал дивизии Грай сам решил уделить время такой беседе.

— Тогда я могу предупредить вас об одном! — закричал Гарбуй. — Не верьте ни слову из того, что будут вам втолковывать эти генералы. Они хотят втянуть вас, нас и всю страну в дикую и кровавую авантюру.

— Вы ответите, Гарбуй! — завопил генерал.

«Толстый и тонкий» — кажется, у Чехова есть такой рассказ, подумала Кора. Но она была встревожена: конфликт между силами на этой Земле достиг критической точки, и возможно, он кончится открытой войной. А в таком случае в первую очередь пострадают беззащитные.

— Говорить мы будем не здесь! Я тут же сообщаю президенту о вашем самоуправстве! — Гарбуй быстро выкатился из комнаты, остервенело хлопнув за собой дверью. С притолоки упал кусок штукатурки и чуть не угодил по голове Нинели, которая взвигнула так, что узколицый генерал Грай закрыл ладонями уши.

— Тaaак. — Генерал прошел к столу и медленно обвел глазами стоявших вокруг стола пленников. — Наступает решительный момент. И нам не хочется, чтобы у нас под ногами болтались разного рода авантюристы.

Он говорил мягким, заговорщицким тоном, и Нинеля, которая внимательно прислушивалась к поведению начальства, прочувствованно откликнулась:

— Правильно! Как правильно!

— Не перебивать! — прикрикнул на нее полковник.

— Хорошо, лапочка, — прошептала Нинеля. Полковник поморщился, инженер неожиданно хихикнул.

Но генерал Грай не слушал пришельцев. Он намеревался изложить свою гуманную концепцию.

— Наше мнение, — произнес он, — это мнение не только министерства войны и мира, но и рядовых людей нашей страны, которые из-за карантина не знакомы с вами, но с интересом и сочувствием следят за каждым вашим шагом. Да, я честно скажу — разные были среди нас мнения. Например, известный вам профессор второго ранга Гарбуй, который, к сожалению, еще пользуется некоторым влиянием на любимого нами президента, намеревался навечно заточить вас в этом бараке. Да, именно так! — И генерал поднял узкую костлявую ладонь, останавливая возмущенный гул собравшихся.

— Но сейчас побеждает здравый смысл. Я должен вам сказать — давайте жить мирно, давайте жить дружно! Возвращайтесь домой. Несите слово дружбы и мира к своим правительствам и друзьям. Какие замечательные перспективы открываются перед нами.

Интересно, подумала Кора, а зачем он на самом деле к нам пришел?

И как бы отвечая на ее мысли, генерал Грай продолжил:

— Вы спросите, зачем я пришел к вам? Неужели эти же слова вы не могли услышать из уст любимого вами полковника Рай-Райи? Но я подозреваю, что полковник слишком близок к вам, чтобы быть поистине авторитетным.

— Нет, он ничего, — ответил полицмейстер Журба. — Он авторитетный. Если что, то вполне.

— Ах, я же не об этом! — обиделся генерал. — Я о гуманизме!

— Вот именно, — сказал Журба, который в свое время такому слову не обучался.

— Главное, — воскликнул генерал Грай, — чтобы вы поняли: скоро наступит светлое время вашего возвращения. Нам удалось наконец найти научное объяснение вашему появлению у нас и отыскать способ, как вас всех без вреда для здоровья вернуть домой. И потому я обращаюсь к вам с просьбой: не препятствуйте нашим медикам и специалистам готовить вас к переходу домой, совершив последние исследования, анализы и уколы — это нужно для вашего блага. Мы очень боимся, как бы вы не принесли на родину каких-нибудь опасных бацилл. Так что вас будут возвращать совершенно стерильными. Надеюсь на ваше сотрудничество.

Генерал откашлялся, орлом оглядел маленькую аудиторию и спросил:

— Вопросы будут?

— Будут, — сразу же ответил Покревский. Его главный вопрос не давал ему покоя уже несколько дней. — Куда вы нас вернете?

— Как так куда? На Землю-2, — ответил генерал, поражаясь тупости пришельца со шрамом.

— Не о том вопрос, не о том! — закричала вдруг Нинеля. — Вы скажите нам — в какое время мы попадем! Мы же здесь все из разных времен, неужели не понятно?

— Разумеется! — Очевидно, для узколицего генерала вопрос был неожиданным.

— Так куда мы попадем? — повторил вопрос ротмистр.

— Я так понимаю, что в сегодня, — ответил генерал без убежденности.

— А вот этого я не допущу! — сурово ответил полицмейстер Журба. — И полагаю, что среди нас еще есть такие, — он указал на жалкое чернявое лохма-

тое существо в криво сидящем синем халате — готовскую принцессу. — Куда вы ее денете?

— Так... А вы что думаете, полковник? — спросил Грай у своего коллеги.

— Есть разные мнения, — ответил тот. — С одной стороны, переходная рама Гарбуя настроена на наш день.

— А что с другой стороны? — спросил строго генерал.

— А с другой стороны — черт их всех разберет.

— Что у вас, кроме Гарбуя, физиков хороших нету? — разозлился генерал. — Я сегодня же подниму этот вопрос! Проводят операцию глобального значения, а оказывается, не знают простейшей вещи — куда вы будете забрасывать человеческий материал!

Последние слова недалекого, но воинственного генерала Коре очень не понравились. Она укрепилась в мысли, что гуманизм местных военных имеет под собой какое-то подлое основание. Она посмотрела на Мишу Гофмана. Тот глядел перед собой и как будто не слушал, о чем идет речь. Тогда Кора обернулась к Эдуарду Оскаровичу. И тот сразу же ответил — негромко, словно прочел мысли Коры:

— Они в самом деле не придали значения этой проблеме. А зря...

— Я требую возвратить меня домой! — вопил между тем полицмейстер.

— Какого черта я должен погибать дважды! Хватит одного раза! — вторил ему Покревский.

Это были два наиболее четко выраженных полюса интересов. Остальные в большей или меньшей степени примыкали к одной из этих партий.

— Кстати, я могу остаться и здесь, — сказал Покревский. — Дайте мне работу, я никакой работы нечураюсь. Мы с Паррой будем жить, никому не помешаем.

— Нет, нет и еще раз нет! — Генерал Грай поднялся и направился к выходу.

Полковник торопливо зашагал за ним.

— Почему вы мне не доложили, что у вас такой бардак? — спросил генерал на ходу.

— А у меня, простите, за плечами пехотное училище, а не университет, — огрызнулся полковник.

Военные, чеканя шаг, покинули комнату. Наступила тишина. Скорее от растерянности — каждый примерял к себе непонятное будущее.

— Почему же они так заспешили от нас избавиться? — спросил Эдуард Оскарович.

Он первым пошел наружу, на плац.

Инженер Всеволод последовал за ним.

— А я рад, что они хотят от нас избавиться. Независимо от их целей я скоро вернусь к своей работе. Соскучился.

— А вы уверены, что вам это удастся? — спросил Эдуард Оскарович.

— Надеюсь. — Инженер смотрел на небо так, словно надеялся увидеть там свой махолет.

— А вы как думаете, — тихо спросила Кора, — куда мы попадем?

— Насколько я знаю, — ответил Эдуард Оскарович, — Гарбуйставил уже опыты — живые существа, которых он отправлял на Землю, попадали в тот момент, которого Земля достигла к настоящему времени.

— Значит, у полицмейстера Журбы и принцессы мало шансов увидеть родных?

— Почти никаких. Если природа не сыграет с нами злой шутки.

— А вы сами, я забыл, — спросил Всеволод, — из какого времени?

— Из середины двадцатого века, — напомнил Калнин.

— Не хотел бы я загреметь к вам, — вздохнул инженер. — Дикое время. Ни материалов, ни технологии. Типичное средневековые.

— Пожалуй, оно миновало раньше.

— Я в переносном смысле. Стыдно было с такой технологией выходить в космос.

— Средневековые выражалось в ином.

— Я понимаю. Вы имеете в виду общественные отношения, — согласился Всеволод. — Но когда ваш Сталин умер, вы скоро вышли в космос.

— В каком году запустили первый спутник? — спросил Калнин.

Ответа инженера она не услышала, а сама, к сожалению, забыла — в школе проходили, а так забыла. Там еще был космонавт, который потом разбился на самолете...

Остальные тоже выходили из барака, но далеко от него не удалялись.

— А расскажите мне, — попросила Кора инженера, — что здесь было... в прошедшие дни?

— Из всех действующих лиц с нами общался только Гарбуй, — сказал Всеволод. — Полковник появился потом. Со всей охраной... Нас даже держали не здесь, а у самого моря, на вилле «Радуга».

— И нас было меньше, — сказал инженер. — Мы с поручиком.

— С ротмистром, — Покревский серьезно относился к своему чину. Будь его воля, подумала Кора, повесил бы Георгиевский крестик на синий халат.

Он погладил принцессу по плечу, и она прильнула к нему, запрокинув голову, смуглое матовое лицо и темные глаза в длинных ресницах. Красива она или нет? Разве красавицы водятся в богадельнях?

— А последними — вы и Эдуард Оскарович, — сказал инженер. — Вся компания. Интересно, кто будет следующий?

— Полагаю, что следующих не будет, — уверенно сказала Кора.

Облака плыли низко и медленно, от них исходила теплая, душная, угробная влажность. Чайки летали над помойкой в углу двора и выхватывали оттуда куски пищи и бумаги, как будто бычков из воды.

— Сначала они удивлялись нам, — сказал инженер. — А мы удивлялись им. Взаимная угадайка. Как собаки — знаете, они еще не знакомы и боятся друг друга, ходят кругами и косят глазом.

Покревский засмеялся. Принцесса, глядя на него, тоже улыбнулась.

— Несколько дней назад я был вшивым и отчаявшимся офицером погибшей армии, — сказал Покревский, как бы оправдываясь перед Корой. — И я добежал до смертной черты. А теперь рядом со мной есть женщина — ребенок, моя птичка... мы ни черта не умеем говорить, а все понимаем. Смешно, правда?

— Смешно, если учесть, что ей на пятьсот лет больше, чем вам, — сказал инженер.

— Поэтому я так испугался сегодня, когда узнал, что возвращение может оказаться разлукой. Безнадежной, — сказал Покревский.

Над площадкой прошел вертолет. За ним второй. Они снижались за колючей проволокой.

Кора прошла к лабиринту. Он так и остался полуразрушенным, словно его толгали слоны. Кому могли понадобиться эти опыты?

Эдуард Оскарович, который стоял в тени стенки лабиринта и, приставив козырьком ладони ко лбу, смотрел на опускающиеся машины, почувствовал, что подошла Кора.

— Сегодня все решится, — сказал он. — Мы попали палкой в муравейник, и все муравьи спешат первыми сожрать гусеницу.

— Вы говорите загадками, — сказала Кора. — Здесь все загадки. И лабиринт — загадка. Зачем эти игры?

— Вы когда-нибудь видели в музее одежду сибирского шамана? Да? Помните, сколько ненужных бранзулеток украшают его халат? Это игры в большую науку.

Калгин был напряжен и прислушивался к звукам, которые были для Коры неочевидны. Халат его был туго обмотан вокруг тела — ему достался широкий халат — и подпоясан веревкой, отчего у Калнина был вид католического нищенствующего монаха; низкое утреннее солнце отражалось в толстых линзах очков.

— Очевидно, некто, имеющий информацию о нашем с вами существовании, не заинтересован в том, чтобы делать ее достоянием гласности, и даже боит-

ся этой гласности. И если появилась опасность, что о нас узнают соперники, то он потеряет преимущество...

— Разве мы сами по себе можем быть преимуществом в борьбе за власть?

— Видите ли, я не успел сказать о борьбе за власть, но вы уже догадались, что мы можем стать орудием в этом.

— Почему?

— Не мы сами, нет. Но существование Земли. Существование нашего мира. Допустите, что некто хочет сыграть на страхе перед Землей.

— На страхе?

— Скорее, это партия президента, а значит, и Гарбуя. Иные, то есть военные, намерены кусаться, захмутившись.

Еще один вертолет сделал круг над лагерем пристельцев и пошел на посадку за загородкой.

Облака постепенно истончались и пропускали к Земле все больше откровенной солнечной жары. Уже образовались тени, и приходилось щуриться от яркого солнечного света.

Профессор смотрел мимо Коры. Туда, где из облака пыли возник севший вертолет с яркими опознавательными знаками на борту.

— Я думаю, — сказал профессор, — что мне лучше туда сходить и поговорить с Гарбуем. Меня все это тревожит...

— Тогда я пойду с вами, — сказала Кора.

— Еще чего не хватало! Неужели вы всерьез думаете, что я обременю себя девушкой, которую может сломать порыв ветра?!

— Простите, — сказала Кора, — но заверяю вас, что на Земле двадцатого века я была бы среди лучших специалистов по каратэ. Девушке надо уметь защитить свою честь.

— Дело не только в ваших умениях...

— Вот именно. Мне хочется понять, кто такой Гарбуй.

Профессор поглядел сквозь Кору и сказал:

— В конце концов ваша голова — вы ею и распоряжаетесь. Но я вам помочь не смогу.

— Спасибо за искреннее предупреждение, — сказала Кора. — По крайней мере, я знаю, на что мне можно рассчитывать.

* * *

Эдуард Оскарович не спеша оглядел окрестности. Пленники толпились в тени у стены лабиринта, никто не смотрел в сторону Коры и профессора. Охрана также не обращала на них внимания: пост на вышке над лабиринтом был снят, медсестры неизвестного пола сгинули в глубинах кухни и, как полагала Кора, утешали себя, допивая кофе.

— Может быть, — сказал Калнин, — даже удобнее гулять с вами по окрестностям. Разрешите?

Он взял Кору под руку.

Профессор несколько уступал Коре ростом, но был плотен, тверд и уверен в движениях, так что никак не казался невысоким или слабым.

— Возмутительно, конечно, что нас заставляют носить эти больнично-арестантские хламиды, — сказал Калнин. — Но это делается сознательно. Это любопытнейший психологический феномен. Получая стандартную одежду, желательно неудобную и уродливую, человек сразу съезжает вниз по социальной лестнице. Единообразие в одежде — символ рабства. Даже если эта одежда подобна синему кителю вождя.

Рассуждая так, Калнин уверенно прошел к зарослям акаций в дальнем конце плаца. Забор за кустами покосился, в нем были дыры, словно никому не пришло в голову проверить ограду.

Они спокойно вышли на склон горы. Там была протоптана тропинка, значит, они здесь были не первыми. Тропинка кружила, виляла, порой пересекая поляны, где царила густая жара. Эдуард Оскарович все чаще останавливался перевести дух и вытереть пот со лба большим чистым платком, само существование которого здесь было неестественным.

— Я веду вас таким неудобным путем, — сказал он, нарушив долгое молчание, — чтобы выйти к вилле «Радуга» сверху и получить возможность не спеша приглядеться к тому, что там происходит.

Крупные мухи нагло жужжали над головой, норовя вцепиться в руки, байковый халат казался жестким и тяжелым — о том, что он смертельно жаркий, и говорить не приходилось. Но профессор Калнин упрямо карабкался все выше, подражая барабашку.

Наконец они вышли на скрытую со всех сторон площадку, нависавшую над крутым склоном, поросшим колючими кустами, где гнездились сердитые осы, которые тут же начали делать предупреждающие круги над пришельцами. Но Эдуард Оскарович умел абстрагироваться от внешних раздражителей.

— Ну вот, — сказал он, — они все перед нами как на ладони.

Зрелище, открывшееся Коре, оказалось любопытным.

Вилла «Радуга» была построена на плоской широкой площадке, от которой к морю спускалась широкая лестница. Стиль, в котором была сооружена вилла, Коре был незнаком, да, пожалуй, и не мог быть знаком, но более всего вилла походила на рыцарский замок, родившийся в воображении кондитерского ученика. В нем были и башенки, и переходы, и отрезки зубчатых стен, и круглые окна, и стрельчатые окна, и квадратные окна, а также террасы и лестницы многообразного облика. Все это было выкрашено в различные кремовые цвета — то есть старание, с которым ученик-кондитер хотел сделать здание похожим на сладкий торт, было столь велико, что даже сейчас, через несколько лет после ремонта, пролетавшие мимо птицы по наивности кидались на виллу, надеясь отщипнуть кусочек. Следы этих заблуждений были видны на углах здания, исклеванных до бетона.

Перед виллой торчала громоздкая раскрашенная статуя «Юный президент побеждает льва».

— Там никого не видно, — сообщила Кора профессору.

— Вот именно, — согласился тот. — Они заседают в конференц-зале. И это к лучшему. Будем надеяться, что нам повезет.

С этими словами профессор достал из кармана синего халата небольшое зеркальце и принялся баловаться — пускать солнечные зайчики, стараясь попасть в одно из окон второго этажа. Это удалось ему не сразу, но все же он в конце концов попал в цель и торжествующе воскликнул:

— Знай наших!

Пока он занимался столь интересной игрой, Кора рассматривала окрестности виллы. Перед ней расстипалось ровное зеленое поле — газон размером с футбольное поле и оформленный как футбольное поле — с беговой дорожкой, белой разметкой и даже воротами. Но Кора была уверена, что все это — обман. Людям, которые владели виллой, поле было нужно как посадочная площадка.

На футбольном поле стояло четыре армейских вертолета камуфляжной окраски и один вертолет гражданский, серебряный.

Возле вертолетов лениво передвигались механики и охранники, стараясь не вылезать на солнце.

— Смотри! — радостно воскликнул профессор.

И в то же мгновение Кора была вынуждена зажмуриться, потому что ей в глаза запустили солнечный зайчик.

Кто-то подавал ответный сигнал из виллы. У профессора там нашлись друзья.

— Все в порядке, — сказал Эдуард Оскарович, — пошли вниз. Только прошу соблюдать максимальную осторожность. Мне бы не хотелось, чтобы по вашей милости мы погибли в двух шагах от цели.

Коре хотелось спросить, в чем же заключается их цель, но она побоялась, что профессор сочтет ее нетактичной.

Тропинка стала еще уже, кусты сомкнулись так, что приходилось проридаться сквозь них, оставляя на их колючках клочки одежды и собственной кожи. Жара в зарослях стояла недвижная и пахнущая гнилью.

Они вышли к задам виллы в том месте, где располагалась свалка. Ворота, в которые въезжали грузовики, вывозившие мусор, были приоткрыты. Стражей, то ли по причине отвратительных миазмов, царивших в этой жаркой котловине, то ли из-за того, что все были заняты в другом месте, не оказалось.

— Я бы мог дать им несколько полезных уроков по вопросам безопасности, — сообщил профессор. — Так легкомысленно вести себя в моем присутствии недопустимо.

— А вы разведчик? — с надеждой спросила Кора, которой хотелось бы иметь рядом с собой побольше сотрудников одной организации.

— Нет, я держусь подальше от этой сволочи, — неожиданно признался Калнин. — Но у меня есть голова на плечах, а это чего-то да стоит.

Притом профессор оставался мрачен, и голос его звучал сварливо, будто он говорил о несвежем жарком, поданном ему в ресторане.

Они прошли дорожкой, которая заканчивалась у дверей на кухню.

Профессор уверенно толкнул дверь, и они оказались в полутемной кладовке. Знакомый голос спросил:

— Хвоста за собой не привели?

— Кто полезет по горам в такой день? — сказал в ответ Калнин.

— Тогда подождите здесь три минуты, дайте мне уйти. Никто не должен видеть нас вместе.

— Знаю, — буркнул Калнин, — не надо меня учить.

Послышались быстрые шаги. Неясная тень мелькнула в дверях, тяжелые шаги удалились по коридору.

— Теперь наша с тобой очередь, — сказал Калнин. — Я знаю, куда идти. Я здесь уже был. Только умоляю: ничему не удивляйся, не подавай голоса... Ты, конечно, простужена?

— Кажется, нет.

— Это только кажется, что нет, а в решительный момент ты, конечно же, начнешь чихать.

— Мне подождать вас здесь? — обиделась Кора.

— Еще хуже — прошипел профессор. — Чтобы тебя заметил случайный лакей или охранник и когда тебя начнут спрашивать, откуда ты заявились, ты, конечно же, все расскажешь. Тут нам с тобой и смерть придет.

— Как в сказке?

— Как в сказке, только больнее, — поправил Кору Калнин.

Он провел ее темной узкой лестницей на второй этаж, затем коридором, где были навалены пустые ящики.

— Знаешь, что это такое? — спросил он Кору.

— Понятия не имею.

— Это ящики из-под продуктов, которые выписывают на нашу честную компанию. На всякий случай нас положено калорийно кормить и ни в чем нам не отказывать. Местное же военное начальство получает продовольствие, включая всяческие деликатесы, которых даже в столице не сыщешь, на шестьдесят человек — так что в некоторых официальных кругах в столице полагают, что нас здесь почти рота и мы отличаемся страшным аппетитом.

— И едят сами?

— И едят сами, с челядью и любовницами.

— А если откроется? Приедет комиссия...

— Сейчас здесь находится самая высокая комиссия, опять решают, что с нами делать. И может быть, сегодня наконец решат.

Они остановились на галерее, которая опоясывала утопавший в темноте зал. В дальнем конце ее располагалась, как догадалась Кора, будка киномеханика — где-то, когда-то она видела, как делали и показывали кинофильмы лет сто назад. Вот в эту кинобудку профессор и провел Кору.

Там было темно, пахло пылью, но жара сюда не проникала.

Калнин первым прошел к одному из двух квадратных отверстий в передней стенке кинобудки иглянул наружу.

— Еще не собрались. Обедают, — сказал он.

Он уселся на высокий крутящийся стул киномеханика, с которого он мог поглядывать вниз. Кора подошла к соседнему отверстию и увидела, что кинобудка расположена под потолком зала, небольшого, но просторного и высокого.

Внизу находился большой овальный стол, вокруг которого стояли удобные широкие кресла.

Пока Кора разглядывала этот зал, в нем зажегся свет и вошли две женщины в строгих черных костюмах. Они катили перед собой тележки. На тележках стояли сосуды с напитками и бокалы — по числу участников встречи — пять. Женщины принялись расставлять бокалы и сосуды на столе. Потом пришла еще одна женщина, принесшая корзину фруктов.

Затем наступила пауза.

Профессор выглянул в окошко. Никого в зале не было.

— Мы жили на этой вилле. У меня была комната в западном крыле...

— Я думала, что вы здесь две недели, как и остальные?

— Вы никогда не выделяли меня из остальных, — усмехнулся Калнин, — даже когда, движимая юношеской гордостью, решили составить списки обитателей нашего ирреального мира, стараясь ввести порядок в законы ада.

— Мне трудно оставаться без дела, — призналась Кора.

— Хотя не исключено, — заметил профессор, — что вы выполняли определенное задание службы безопасности. Я не знаю, как все это будет называться через сто пятьдесят лет после моей смерти, но безопасность останется. Могут закрыться университеты и исчезнуть консерватории, но служба безопасности останется. Вы со мной согласны?

— Да, — сказала Кора. — Ведь без безопасности нельзя.

— Иначе кто будет арестовывать, допрашивать, пытать и расстреливать, правда?

— Я не это хотела сказать! — воскликнула Кора.

— А чем же будет заниматься разведка в ваше время?

— А вы жили... простите, я записывала, но забыла — это было так давно!

Профессор поерзал на жестком крутящемся табурете, выглянул наружу, никого не увидел и тогда лишь ответил Коре:

— Я пришел сюда в августе 1949 года, но это ничего вам не говорит.

— А почему это должно говорить?

— Потому что в те дни мир находился на пороге атомной смерти. И если я не мог остановить это безумие, то знал, как убежать от него.

— Как?

— Убежать сюда, — ответил Эдуард Оскарович.

— Значит, вы, как и я, знали, что можно проникнуть в параллельный мир?

— Девочка моя, — искренне удивился Эдуард Оскарович и остро взглянул на Кору. — Вам не кажется, что вы слишком осведомлены для вашего нежного возраста?

— А вы, — отпарировала Кора, — слишком осведомлены для вашего древнего и отсталого времени.

— Может быть, с вашей, юной, точки зрения вы и правы, — сказал профессор. — Но я очень прошу вас учесть вот что: тысячу лет назад люди были не глупее нас с вами, а сто пятьдесят лет назад, когда жил я, люди были наверняка точно такими же, как и вы, только более напуганными.

— Почему?

— Очевидно, вы прогуляли уроки, когда вам в школе рассказывали о жизни страны Советский Союз. Она существовала с 1917 года.

— Под конец двадцатого века, — сказала Коре. — Я была здоровой девочкой и не болела. Прогуливать приходилось — но ведь это ничего не дает: если вы прогуляли уроки, то вечером у вас включается компьютер и принудительно заставляет пройти программу пропущенного дня.

— Как так принудительно? Насильно? Под угрозой побоев? — встревожился Калнин.

— Нет, ты сама знаешь, что должна, — объяснила Кора.

— Хорошо, вы мне еще расскажете об этом, — произнес профессор. — Но сейчас нам придется послушать вершителей наших судеб.

Кора ринулась ко второму окошку в стене.

— Полная тишина — мы не можем рисковать! — прошептал Каллин.

Сквозь небольшое окошко в стенке кинобудки Коре было видно, как не спеша в зал входили люди, по всему судя, только что обильно позавтракавшие и весьма уверенные в себе. Они проходили к креслам и занимали их. Эти люди чувствовали себя равными друг другу. За исключением одного — Гарбуя. Кора сразу почувствовала напряжение, исходившее от него. Он занял самое дальнее от Коры кресло и вцепился в его подлокотники так, что пальцы утонули в мягкой обивке.

Из пяти человек, собравшихся вокруг овального стола, трое были в сверкающих мундирах, двое — в скромной цивильной одежде.

В зале появились лакеи, которые развозили на тележках кофейники и чашки. Пока они разливали кофе по чашкам, в зале царило молчание.

Оно продолжалось и после ухода лакеев. Будто никто не хотел брать на себя первый рывок. Так бывает в велосипедных гонках на треке, когда соперники испытывают нервы друг друга, не двигаясь с места. Кто первый не выдержит и кинется вперед, обычно проигрывает. Но еще чаще проигрывает тот, кто прозевал рывок своего соперника.

Первым нарушил молчание седовласый грузный генерал с угрюмым голосом.

— Генерал Грай, — сказал он, скорее приказывая, чем прося, — вы только что побывали в лагере прещельцев. Каковы ваши впечатления?

— Ну что вам сказать, ваше постоянство, — ответил узколицый генерал Грай. — Общее впечатление они производят самое жалкое. Несмотря на то, что там подобраны экземпляры разных времен и соци-

альных условий. Так что по первому впечатлению — это не противник. Нет, не противник.

Генерал Грай даже вздохнул и возвел к потолку тонкие и длинные, как у гиббона, руки, показывая, что он никак не виноват в том, что попались такие ничтожные пришельцы.

Странно слышать, подумала Кора, когда тебя называют пришельцем, а себя полагают аборигенами.

— Значит, вы поддерживаете план, выдвинутый Генеральным штабом и Управлением военно-промышленного комплекса? — спросил седовласый.

— Так точно, ваше постоянство, — согласился генерал. — Но там возникла одна проблема, на которую нам почему-то забыл указать господин Гарбуй. И меня интересует: почему он забыл указать на эту проблему?

— Простите? — Гарбуй наклонился вперед. Он вел себя как послушный толстый мальчик, которого привели в гости к строгой тете.

— Мне открыл глаза полковник Рай-Райи. Оказывается, нет никаких гарантий, что полученные здесь образцы людей из параллельного мира при возвращении попадут в отрезок времени, который соответствует настоящему моменту на Земле-2.

— Никогда нельзя доверять штатским! — откликнулся седовласый генерал, который был вынужден широко расставлять ляжки, чтобы живот мог провалиться между ними и не закрывать обзора. — Хватит ждать! Хватит быть отщепенцами в собственном отечестве. История нам не простит промедления! Ты как, президент? Решил или в кусты?

— Ах, погодите, маршал Самсуний, — отмахнулся от него одноглазый президент, бюсты и статуи которого обильно украшали окрестности. В своем черном камзоле и брюках с белыми лампасами он казался вороненком, залетевшим на пир попугаев. — История всегда и все простит умному. История все простит победителю. Но в ней нет места тем, кто спешит и ставит под угрозу гигантские планы народа и любимого им правительства.

— Прав ты, Гурий-уй, прав ты, наш президент, — отозвался маршал Самсунай утробным голосом. — Неудачную войну мы можем и с Федерацией затеять. А нам нужна достойная, выгодная и победная операция, которая решит все проблемы, сразу.

— Вот в свете этого, — снова заговорил узколицый Грай, — мне кажется особенно опасной информация, полученная от полковника. Он ведь не с потолка ее взял.

Все обернулись к Гарбую. Послушный мальчик перекладывал на столе бумажки, словно если пасьянс из них выйдет, он сможет сказать замечательную речь. Но пасьянс все не сходился.

Профессор Калнин с негодованием прошелся Коре: «Ну что же он!» Видно, от поведения и позиции Гарбуя многое зависело. Но Кора пока не знала — что.

Наконец Гарбуй, отчаявшись, видно, отыскать самую нужную бумажку, отодвинул ворох листов в сторону, откашлялся и заговорил тонким голосом:

— Проблема, как известно...

Тут его голос сорвался, и ему пришлось начать речь на тон ниже.

— Проблема, которая стоит перед нами, непроста, — сказал он.

Третий генерал, уже знакомый по лабиринту, крепкий солдафон Лей с челкой на низком лбу, громко хмыкнул.

— Ты, профессор, время не тяни, — сказал он.

— А то мы найдем на тебя управу, — маршал Самсунай приоткрыл тяжелые веки. — У нас, у армии, терпение тоже не бесконечно.

— Вопрос не в вас, не в ваших амбициях и вашем стремлении к власти, — заговорил Гарбуй, и заговорил с неожиданной энергией и злостью. — Вы почтимо-то убеждены, как, впрочем, это случалось и за тысячу лет до вас, что стоит паровозу разогнаться, он сметет все на своем пути. Но паровоз едет по рельсам и никуда в сторону съехать не может. А когда впереди загорается красный свет, машинист должен знать, что паровозу пора остановиться. Впереди

может быть хвост товарного состава или вообще тупиковая ветка с обрывом в конце. Вы поняли меня, маршал?

— Я понимаю то, что мне диктует моя голова, — ответил фельдмаршал, дыша тяжело и часто. — И не пугай меня семафорами. На то и танки, чтобы скосить эти семафоры.

— Воля ваша, — сказал Гарбуй. — Тогда я ухожу, и разбирайтесь во всем сами. Когда сюда придут каратели с Земли, для каждого из вас найдется веревка.

— А вот это у тебя не выйдет, — сказал солдафон Лей. — И угрозы твои пустые. Я вообще не понимаю, почему президент держит возле себя эту истеричку.

— Это не истерия! — закричал Гарбуй. — Это попытка остановить, удержать вас от самоубийства!

— Не через такие пропасти перешагивали наши любимые гвардейцы! — счел нужным вставить слово генерал Грай.

— Хватит, — раздался голос одноглазого президента.

И все разом замолчали.

— Если кто-то пришел сюда еще раз изложить свою позицию, — сказал он высоким голосом подростка, — то он может сейчас же выйти в коридор, там ждут наши адъютанты и референты. Они с наслаждением выслушают вашу речь. Мы же собрались принимать решения. И для этого я попрошу высказать свои точки зрения представителей двух основных мнений в нашем руководстве. И сначала я предлагаю выслушать господина профессора Гарбую — руководителя проекта «Дубль». Затем мы послушаем, что нам скажет генерал Лей. Согласны?

— Нет, — выкрикнул маршал, — так не пойдет. Нам не нужен доклад, все и так ясно!

— Мы здесь все равны, — ответил президент, сдерживая гнев. — И если бы не профессор Гарбуй, мы бы здесь не сидели. К счастью, генералы годятся лишь исполнять.

— Не совсем так, твое постоянство, — возразил генерал Лей. Голос его был хриплым и сдавлен-

ным. — Маршал прав в том, что нельзя ставить на одну доску нас и всякого Гарбуя. Мы платим деньги, чтобы он думал. Будет думать неправильно, поменя-
ем на другого.

— У вас есть другой? — спросил президент.

Генерал Лей прорычал что-то невнятное.

— Говорите, — президент обернулся к Гарбую.

После некоторой паузы тот заговорил без бумажек, подсказок и плана — он уже совладал со своими чувствами или страхами.

— Я не буду углубляться в историю, — произнес он, и грузный маршал уже открыл рот, чтобы изде-
вательски откликнуться на эти слова, но президент успел поднять руку и ладонью в воздухе как бы за-
толкал обратно слова толстяка. Тот поперхнулся и смолчал.

— Но позволю себе напомнить, что именно мне удалось доказать, а затем и осуществить переход меж-
ду двумя параллельными мирами, то есть открыть окно из нашего мира, в мир, называемый Землей-2. Я не ждал и не жду благодарности от вас за мое открытие, хотя полагаю, что на Земле-2 его оценили бы очень высоко.

— На Земле-2 тебя бы давно повесили, — кратко заметил генерал Лей.

— Не надо меня тыкать, генерал, — ответил тол-
стый мальчик. — Каждый генерал сначала бывает сержантом, потом майором, потом генералом, а по-
том трупом или никому не нужным отставником на садовом участке.

— Да я же тебе глотку перегрызу! — взревел гене-
рал Лей.

— Продолжайте, уважаемый Гарбуй, — сказал президент, словно не услышал крика генерала. — Продолжайте, мы вас внимательно слушаем.

Гарбуй откашлялся, достал из кармашка расческу, привел в порядок свои редкие кудряшки. Кора поду-
мала, что он всю жизнь старается казаться старше,
чем есть на самом деле, но до старости будет казать-
ся мальчиком. Тут уж хоть бороду отпустай до пузза,
не поможет.

— В результате нашей деятельности, — продолжал Гарбуй, — нами привлечено через переход несколько пришельцев. Но я понимаю, что это — лишь начало пути. Всех перспектив этого достижения прimitивному уму не дано осознать. В настоящий момент существуют две планеты, сопряженные, как слипшиеся мыльные пузыри. И только мы знаем об этом феномене, и только мы можем его использовать.

— Тогда чего вы медлите? — завопил маршал. — Каждая секунда промедления смерти подобна!

— Не преувеличивайте, маршал Самсуний, — ответил Гарбуй. — Мы с вами уже не первый раз спорим об этом. Ну, соберете вы ударный отряд, ну, кинете его через переходник — и в конце концов неизбежно получите ответный удар.

— Вы отлично понимаете, — вмешался генерал Лей, — что спешить мы должны не из-за этой паршивой Земли-2, а из-за того, что с каждым днем растет угроза здесь, на нашей планете. Нам нужна экспедиция на Землю-2 не для завоевания, а для того, чтобы захватить там современное оружие, которого нет у наших врагов. Нам нужно оружие возмездия для того, чтобы добиться господства на нашей планете.

— Не кричите, Лей, — сказал президент. — Гарбуй еще не кончил.

— И лучше бы не кончал, — буркнул генерал. Он вспотел, кривая челка прилипла ко лбу.

— Цель у всех нас общая, — продолжал Гарбуй. — Цель наша — использовать наши знания для достижения выгоды. Пока мы полагали, что уровень развития наших планет равен, еще могла быть речь о военной экспедиции. Когда обнаружилось, что они обогнали нас на полтора века, любая экспедиция стала самоубийством. Путь, который предлагают наши генералы, — путь нападения, путь захвата, грабежа, авантюры — этот путь меня не устраивает. Он приведет к нашей гибели. Неужели вы думаете, что они сдадутся без боя? Теперь у нас один путь — осторожное проникновение, разведка, внедрение агентов. Терпение и еще раз терпение!

— Это саботаж, — заявил маршал.

— Это патриотизм, — возразил президент. — Я не намерен рисковать судьбами страны в угоду генеральской спеси.

— Чепуха. Мы проверяли пленных, — загудел Лей. — Они не обладают передовой идеологией. Они ее потеряли. Несмотря на машины и игрушки. Это вырожденцы и ничтожества. Их надо давить, как навозных мух. В истории не раз бывало, что дикие варвары покоряли изнеженных горожан.

— Мы тоже готовимся к тому, как использовать Землю. Но разумно. С пользой для дела, — возразил Гарбуй.

— К черту! Армия не намерена больше ждать! — зарычал маршал.

— То-то я вижу, — Гарбуй уже полностью владел собой и перешел в наступление, — что по наущению генерала Грая полковник Рай-Райи убил сегодня одного из крупнейших специалистов, моего помощника доктора Блайя.

— Не может быть! — Президент обернулся к генералу Граю.

— Это клевета, — ответил тот, рассматривая ослепительно начищенный носок сапога, в котором отражалась, правда, в искаженном виде, его узкая физиономия.

— Убит доктор Блай или нет? — тихо спросил президент.

— Это был несчастный случай.

— Еще один несчастный случай, и я останусь без помощников, — сказал Гарбуй. — В таких условиях я работать, разумеется, не могу. Потому что очень скоро очередь дойдет и до меня.

— Не исключено, — заметил Лей. — Обойдемся без сомнительных саботажников.

— Обойдется? — На этот раз президент поднялся и направился в неспешное путешествие вокруг стола. Он говорил на ходу, словно рассуждал сам с собой. — Они обойдутся. Они думают, что перед ними открыли люк в чужой блиндаж, откуда они могут

утащить связку гранат. И вот на таком уровне работают мозги военных руководителей страны.

Генералы насупились, но вытерпели эту выволочку.

— Да неужели вы еще не поняли, что на место каждого из вас я найду сотню таких же, если не лучше? А где я найду второго Гарбую?

— Что ж, ищите на наше место, — произнес маршал и начал выкарабкиваться из кресла.

Президент не останавливал его. Он с интересом наблюдал за его попытками.

— Вы уходите? — спросил он, когда маршал наконец-то выполз из кресла и завис над ним. — Тогда не трудитесь обращаться за пенсиею. Считайте, что вы отданы под суд за дезертирство в решающий момент для своей родины, идущей по пути трех добродетелей и шести достоинств.

Маршал рухнул обратно в кресло, которое, к счастью, не развалилось.

— Но вы же знаете, — заговорил генерал Лей, который, как Кора поняла, и был главным зачинщиком генеральского неповиновения, — что мы разработали свой план.

— Почему я не знаю о каком-то особенном плане военных? — спросил Гарбуй.

— Потому что существует военная тайна! — рявкнул Лей. — И ни одна нормальная армия не подпустит к своим тайнам грязного авантюриста.

— Вы кого имеете в виду? — спросил Гарбуй.

— А вы о ком подумали? — спросил генерал, и ухмылка растянула его узкие губы в щель, разрезавшую лицо пополам.

— Хватит, в конце концов! — закричал президент. — Прежде чем вы перегрызете друг другу глотки, я хотел бы выслушать господина Гарбую по самому серьезному вопросу. Как мне доложили сегодня, оказывается, не решено, в какое время попадет человек, отправленный на Землю-2.

— Я работаю при постоянном дефиците грамотных физиков и математиков, — сказал Гарбуй. — Некоторые проблемы пространственно-временных отношений остаются для нас загадкой.

— Зря деньги жрете, — пробурчал маршал.

— Но все же, судя по нашим расчетам, независимо от того, когда путник покинул Землю-2, вернется он туда сегодня... но полной гарантии нет.

— Когда она будет? — спросил Лей.

— Не раньше, чем через месяц.

— Поздно, — сказал Грай.

Гарбуй наступил. Реплика Грая ему не понравилась, как не понравилась она и Коре.

— До тех пор, пока мы не отправим двух-трех человек на Землю, — сказал Гарбуй, — мы не сможем сказать с уверенностью, в какое время они попадут.

— Нам надо, чтобы это было сегодня! — оборвал его Лей.

— Для этого требуются эксперименты. Для этого требуется время. Для этого требуются люди. А не пушки с усами! — взвыл в гневе Гарбуй. А так как усатым был только генерал Лей, то он и ударил кулаком по столу, заявил, что армия оставляет за собой право решать, и вышел из зала, грохоча сапогами.

Оба его коллеги вышли следом. Фельдмаршал — как только выковырнулся из кресла, а генерал Грай — чуть погодя, потому что нашел в себе силы пожать руки своим штатским собеседникам.

Когда шаги генералов смолкли и наступила тишина, которая наступает на большой, покрытой брускаткой площади после прохода военных колонн, Гарбуй спросил:

— Что они все-таки задумали?

— Пока я знаю об этом только в общих чертах, — сказал президент. — Как только узнаю подробности, обещаю вам рассказать.

— А не будет поздно?

— Надеюсь, что не будет.

— Господин президент, — проникновенно произнес Гарбуй. — Мы сейчас уподобляемся стае обезьян, которая разбирает ракету дальнего действия. Если ракета рванет, то не останется обезьянки, чтобы рассказать всем, какую гайку мы зря выворачивали.

— Я постараюсь запомнить ваши слова и при случае донести их до сознания военных, — ответил президент.

— Вы неискренни со мной.

— А почему я должен открывать перед вами душу? — удивился президент. — Не исключено, что нас сейчас подслушивают. Люди того же генерала Грая. Я держусь лишь до тех пор, пока устраиваю группировки, ненавидящие друг друга. Я не даю вам сговориться за моей спиной. Но соблазн ограбить богатую Землю может оказаться слишком сильным для страны, которая вместо колбасы питается в основном самой передовой в мире идеологией.

— Жители вашей страны, президент, — ответил на это Гарбуй, — не получат желанной колбасы. И погибать придется тоже им — я полагаю, что у генералов есть надежные бомбоубежища?

— Лучше, чем у меня, — сказал президент. — И даже на дачах, и даже под сортирами.

— Тогда скажите мне, почему ваши генералы так уверены в себе?

— Не могу. Честное слово, не могу, — сказал президент. — Мое преимущество перед вами и перед генералами заключается лишь в том, что я знаю больше, чем каждый из вас в отдельности. Так что я обязан в интересах нации и нашей самой передовой в мире идеологии трех благоденствий и шести достоинств хранить собственные и чужие секреты. Вы свободны, профессор Гарбуй.

— Что же мне делать? — крикнул Гарбуй вслед президенту. — У меня не хватает людей, моя жизнь в опасности! Я не уверен, что мне дадут проводить исследования и дальше.

— Постарайтесь, — ответил президент от двери. — Я мало чем могу вам помочь. Но ваша сила в том, что они тоже не уверены, что смогут сделать что-нибудь без вашей помощи. Так что я не беспокоюсь за вашу жизнь... Пока.

Президент покинул зал, а толстый бородатый мальчик сел в кресло, оставленное фельдмаршалом, и положил голову на руки. То ли заплакал, то ли задремал.

— Мы пойдем? — спросила Кора.

— Разумеется, — ответил Эдуард Оскарович. — Нам здесь нечего делать.

* * *

Большую часть пути до лагеря Кора и Эдуард Оскарович прошли молча.

Стояла тяжкая жара, ни один листочек не шевельнулся, жужжали слепни, и оводы эскадрильями крутились над путниками.

С площади футбольного поля возле виллы один за другим поднимались вертолеты.

Только когда тропинка стала пошире и пошла вниз, Кора спросила:

— Эта встреча ни к чему не привела?

— Ты рассчитывала, что узнаешь все секреты мадридского двора?

— Я ни на что не рассчитывала и рада тому, что узнала. А что у них за передовая идеология?

— В истории человечества было немало передовых, лучших в мире, единственных, неповторимых идеологий. Чаще всего их излагали в маленьких книжечках для рядового идиота. Здесь тоже нечто подобное. Передовая идеология позволяет правительству прибегать к самым жестоким мерам против собственного народа, объявляя любое недовольство подрывом основных идеологических принципов, а это уже пахнет костром.

Эдуард Оскарович был расстроен.

И он сам объяснил причину своего расстройства:

— Я так и не понял, что же будет завтра. Я боюсь, что президент сразу же кинет Гарбуя, как кость, своим псам, если запахнет жареным.

— Но разве они смогут все делать без него?

— Кое-что смогут. Он же работал эти полгода не один и был окружен помощниками. Наука здесь примерно на том же уровне, что и у нас, а лучшие умы идут в оборонку.

Эдуард Оскарович оборвал себя, и губы его шевельнулись. Он считал про себя..

— Но в конечном счете он прав: его задача сейчас — не допустить генералов до машины перехода.

— А она существует?

— Да, она существует, и это довольно простой механизм, — сказал Калнин. — Здесь переход между мирами существует объективно. Задача машины заключается лишь в том, чтобы следить за этой точкой пространства и в случае, если некто сорвался со скалы, успеть подхватить его и перенести к нам.

— И она может перенести человека обратно?

— Не надейся, что сможешь это сделать сама, — усмехнулся Эдуард Оскарович. — Тебе потребуются помощники. Если соберешься бежать, обязательно предупреди меня. Я или отговорю тебя, или составлю тебе компанию.

— Зачем тогда откладывать дело в долгий ящик?

— А я не спешу убежать отсюда, — ответил профессор. — И должен сказать тебе, что, насколько мне подсказывает жизненный опыт, ты тоже не спешишь. Тебя попросили побывать здесь подольше.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я давно наблюдаю людей и вижу, когда они ведут себя естественно, а когда притворяются.

— А я?

— Ты не очень умело притворяешься.

— Я еще только учусь, — попыталась отшутиться Кора.

— Это очень опасное учение, — сказал Эдуард Оскарович. — Мне не хотелось бы, чтобы ты потеряла на этом голову.

— Вы очень мрачный, — сказала Кора.

— К сожалению, у меня есть к этому основания.

Они вышли к склону, под которым располагались бараки их лагеря. Кусты расступились, и в лицо повеяло свежим морским ветром. Море было недалеко, и над ними проходило медленное, все нарастающее движение воздуха, как бы раскачивание его, отчего обеспокоились и перестали атаковать путников слепни и мухи, и, как бывает, когда отпускает зубная

боль, вдруг сменились мысли — надежда на то, что все кончится хорошо, пришла с морской свежестью.

— Конечно, — попыталась выразить сочувствие Кора, — вы попали сюда, когда в России было трудное время. Даже моего образования хватает, чтобы знать это.

— И что же вы знаете? — спросил профессор. Он уселся на большом плоском камне, вдыхая свежесть морского воздуха, и Кора была благодарна ему за эту передышку. Лагерь казался тихим и безплодным — по плацу медленно прошла медсестра, прижав к животу медный бак, да солдат у ворот закричал на бродячую собаку.

— То, что учили в школе, — сказала Кора. — А потом однажды мне пришлось путешествовать по Кольскому полуострову. Там есть специальная железная дорога для туристов, там все сделано так, как было при Сталине.

— Именно на железной дороге? — удивился Эдуард Оскарович.

— У нас есть специальные исторические дороги, гостиницы, туристические маршруты и даже курорты. У нас все помешаны на истории. Моя лучшая подруга Вероника на прошлых каникулах участвовала в штурме Иерусалима.

— Арабами? — спросил Эдуард Оскарович.

— Какими арабами? Что там штурмовать арабам? Нет, конечно же, крестоносцами. У нее даже контузия есть. Им всем выдали кольчуги и шлемы, и сухой паек — представляете? А потом надо было лезть в свою гостиницу по приставной лестнице. А какой-то придурок эту лестницу оттолкнул.

— Наверное, сарацин, — предположил профессор.

— Наверное, — согласилась Кора, которая не знала, кто такие сарацины.

— Так что же ты увидела на Кольском полуострове? — спросил профессор.

— Там есть большой маршрут. Вместо гостиниц — лагеря, вместо спальных вагонов — теплушек и вместо obsługi — BOXP. Вы знаете, что такое BOXP?

— Я знаю, что такое ВОХР, — сказал профессор. — А интересно вам в таких путешествиях?

— Ужасно интересно, там дают спирт и соленые огурцы. Только мне было не до развлечений. Мы ловили одного преступника. Поэтому мы в эту игру не играли.

— Странно, — сказал профессор, дразня соломинкой тарантула, который выглядывал из щели между камней, — как история издевается над нашими трагедиями. Ужас, убивший столь многих, для вас, наших потомков, становится только цирком.

— Ну, вы совсем не правы, — возразила Кора. — Никто не издевается. Люди хотят помнить и хотят понять, как нашим предкам приходилось жить на свете. Мы же привыкли, что обед не бывает без компота и мороженого. Так надо же иногда увидеть, что это еще не закон.

— Как в зоопарке... — Эдуард Оскарович не слушал Кору.

— Но почему вы тогда не переживаете за тех, кто штурмовал Иерусалим? — спросила Кора. — Они же тоже погибали?

— Почему мне нужно переживать за них?

— В жуткую жару, без воды, голодные, оборванные, все в язвах, они лезли на эти стены и потом, если не погибали в страшных мучениях, начинали убивать и грабить тех, кто жил в городе. Это что, не страшно?

— Откуда ты знаешь? Вы изобрели машину времени?

— Машина времени есть... в институте. Туда трудно попасть. Да и действует она только на несколько лет.

— Можно отправиться в прошлое или в будущее?

— Конечно, в прошлое. Ведь будущего еще нет!

— А если ты нарушишь что-то в прошлом?

— Поэтому у нас такие строгости... Я не все знаю, но нас учили, что если ты вмешаешься в ход времени, то просто исчезаешь... как будто тебя не было. Иначе бы пропали все мы.

Тарантул все-таки вырвал соломинку из пальцев профессора и утащил ее к себе в норку мучить и убивать.

Кора молчала.

— В конце концов, — сказал после паузы профессор, — эти крестоносцы добровольно отправились в поход. Никто их не тащил.

— Еще как тащили! Вы бы посмотрели, как их обрабатывали на митингах и собраниях, какие там были агитаторы и пропагандисты в каждом соборе, в каждом монастыре, на каждой площади. Люди думали, что идут к светлому будущему... Так что, если вы хотите сказать, что крестоносцы знали, на что идут, а вы, соратники Сталина или Гитлера, ничего не знали, я вам не поверю. Вы же уничтожали друг друга.

— От страха, — сказал профессор. — Нельзя судить человека перед лицом смерти. И вообще это пустой спор. Не может принц понять нищего, пока не побудет в его шкуре.

Кора пожала плечами. Ей было трудно согласиться с нищим.

— Полторы сотни лет назад вы догадались, что этим путем можно сбежать в параллельный мир?

— Да, — сказал профессор.

— Но как же вы могли? Ведь даже в мое время там, в Симеизе, работает целый научный институт, который старается понять, как это происходит.

— Если ты специалист и тебя посетило вдохновение, то в науке может произойти прорыв.

— Яблоко упало на Ньютона.

— Да, не хватало лишь последней точки. Теоретическое существование перехода между параллельными мирами можно было высчитать даже на уровне теоретической физики середины двадцатого века. Ньютон не имел аппарата — Эйнштейн уже мог бы дойти до этой мысли.

— И вы дошли?

— Не только дошли, но и сделали выводы...

Внизу, у ограды лагеря, их перехватил незнакомый, из новеньких, офицер, который начал кричать на профессора и грозил расстрелом — видно, сам не

знал толком ни своих функций, ни степени свободы пришельцев — черт их знает — может, лучше их держать в подвале или, наоборот, не обращать на них внимания? Последний вариант не удовлетворил бы никакого военного и был отмечен с порога, а нарушителей, несмотря на ворчание профессора и требование вызвать самого полковника Рай-Райи, загнали в тюрьму.

Под одноэтажным бараком, где содержались пришельцы с Земли, располагалось бомбоубежище, которое полностью повторяло наземную постройку. Вместо столовой там обнаружилась камера с железной дверью, каменным полом и низкими нарами. Единственная тусклая лампочка под потолком осветила еще одного обитателя подземелья — им оказался Покревский. На скеле ротмистра темнел кровоподтек, рукав халата был оторван и держался на нескольких нитках, волосы встрепаны и взор дик.

— Что с вами случилось? — кинулась к ротмистру Кора. — Вас били?

— Меня били, — согласился ротмистр. — И я лишен возможности снова покончить с собой.

— Но кто позволил себе такое отношение к вам? — возмутился профессор. — Мы являемся подданными другой планеты, и они не имеют права...

— Они взяли это право в собственные руки, — горько воскликнул Покревский и, улав на нары, закрыл голову руками.

— И все же вы должны рассказать нам, что произошло. И я обещаю вам, что не оставлю этот инцидент безнаказанным, — настаивал профессор.

— Тем более, — добавила Кора, — что за нами стоит Земля и вся Галактическая Федерация, в том числе комиссар Милодар. А с ним шутки плохи.

— Какая еще федерация, — воскликнул ротмистр, — за мной не стоит ничего. Я видел, как последний пароход взял курс на Стамбул! Врангель бросил нас...

— Рассказывайте, — сказал Эдуард Оскарович тоном, которому нельзя было не подчиниться.

— Утром я увидел... — Глухой голос ротмистра с трудом пробивался в щель между тофяком и губами. — Всю ночь ее не было... а утром она вышла из его апартаментов!

— Попрошу вас, — произнес профессор, — если можно, употребляйте имена действующих лиц. Порой вам известно нечто, скрытое от нас. Но вы не идете нам навстречу.

— Господи! — взвился ротмистр и уселся на нарах. — Неужели непонятно? Принцесса Парра вышла утром из комнаты полковника Рай-Райи. Как ни в чем не бывало!

— А может, ничего и не бывало? — осторожно спросил Эдуард Оскарович.

— Бывало! Вы бы видели, какая улыбка играла на ее блудливых губах!

— А вы? — спросила Кора.

— А я кинулся к ней, чтобы убить!

— И не убили?

— У меня не поднялась рука.

— А она? — спросила Кора, которой эта сцена привиделась в несколько комических красках, но следовало сдерживаться, чтобы не обидеть влюбленного Покревского.

— Она хотела! Как шамаханская царица. Вы читали?

— Я проходила. В детстве, — гордо ответила Кора. — Это написал один поэт в Азербайджане.

Профессор взглянул на Кору, чуть склонив голову, и если бы девушка увидела в тот момент его взгляд, она удивилась бы печали, присутствовавшей в нем. Профессор думал о своих отдаленных потомках. Очевидно, на пути цивилизации в будущее кое-чем приходится жертвовать.

— Это написал Пушкин! — воскликнул ротмистр, на секунду даже забыв о собственном горе. — Не может быть, чтобы вы считали его азербайджанским поэтом!

— Извините, — сказала Кора, не желая вступать в исторический спор. — Что случилось дальше?

— Простите, но если вы считаете Пушкина азербайджанским поэтом, я не могу продолжить.

— Я никогда этого не говорила! — возмущенно ответила Кора. — Азербайджанским поэтом был Низами, который родился в Гяндже в 1141 году, где и скончался на руках своей половецкой жены, выкупленной им из неволи в 1189 году. Сказка о шамаханской царице, обитавшей якобы в соседней с Гяндже Шемахе, была открыта среди рукописей Мадридской библиотеки лет десять назад. Неизвестная поэма Низами вызывала сенсацию среди специалистов и просто любителей поэзии, так как открыла человечеству новые грани таланта великого азербайджанского поэта. Если вы хотите, я могу прочесть несколько двустиший из этого шедевра, однако учтите, что я не сильна в арабском, на котором была написана «Шамаханская царица», и мое произношение будет несколько хромать...

Увидев обалделое выражение лица профессора, Кора получила искреннее моральное удовлетворение — пожалуй, впервые за это путешествие в параллельный мир. И она решила никому не признаваться, даже под пыткой, в том, что произнесенный ею текст она списала со шпаргалки на экзамене по литературе прошедшей весной и еще не успела забыть.

Ротмистр Покревский сел на нарах. Собственное горе даже потускнело перед невиданным девичьим талантом. Но Кора быстро вернула его к действительности.

— Продолжайте, ротмистр, — сказала она. — Рассказывайте, что было дальше.

— А что продолжать, — махнул рукой Покревский. — Я кинулся к полковнику Рай-Райи, чтобы вызвать его на дуэль на любом виде оружия — в конце концов, мне не привыкать к смерти.

— А полковник?

— Полковник вышел и в грубых выражениях потребовал, чтобы я убирался прочь. Тогда я поднял палку и крикнул ему:

«Защищайтесь, сударь!»

— А он?

— А он ничего не ответил, потому что из той же двери выскочила ваша подруга Нинеля.

— Из той же двери? — удивился профессор.

— Из той же двери! Она издавала нечленораздельные звуки, она налетела на меня как злобная фурия, она вырвала у меня палку и начала меня избивать, утверждая, что не даст в обиду своего любимого. Затем прибежали медсестры и притащили меня сюда... вот в таком виде. Но я же не мог поднять руку на женщину, даже если она хамка!

— Таинственная история, — сказал Калнин, — но полагаю, что не такая уж трагическая, как вам показалось. Если, правда, полковник не забавлялся с двумя девицами сразу.

— О, только не это! — воскликнул ротмистр и сжал ладонями виски, словно голова его раскалывалась от немыслимой боли.

— Тогда между ними происходило что-то совершенно невинное, — заявила Кора. — Поэтому Нинеля так на вас рассердилась.

— Нет, — твердо возразил капитан. — Там происходило нечто ужасное.

— Я вас пытаюсь убедить, — сказал профессор, — что принцесса умерла пятьсот лет назад, что вы погибли полтора века назад, что здесь лишь Кора — реальное живое существо. Мы же с вами — привидения, фантомы.

— Чепуха, — проворчал ротмистр. Но он был не уверен в своих словах. — Есть только этот день и этот мир.

За окошком перекликались часовые.

— Что на обед? — крикнул ближний, второй ответил неразборчиво.

Ротмистр молчал, лежа на нарах. Профессор все мерил камеру шагами. Кора задумалась — она пыталась заставить себя поверить в то, что здесь происходит что-то настоящее, реальное, что это ей не снится. Но убедить себя трудно, потому что память Коры, как и память Покревского, отказывалась перенестись в настоящее. Оставленный ими мир был слишком близок и куда реальнее этих бараков, этой

духоты и уж тем более буйства ротмистра из-за средневековой готской принцессы.

— И все же мне все это не нравится. — Профессор Калнин стоял у стены, запрокинув голову и впеврив взгляд в забранную решеткой щель окошка. — Генералы что-то задумали. Гарбуй прав, они что-то задумали. Ты обрати внимание — они не были реально обеспокоены, в какое время попадут люди при возвращении на Землю, — а это для их планов должно быть ключевым моментом. Если они решились на локальное вторжение и похищение военных машин и технологий — это хоть и звучит наивно, но значит, что их план предусматривает обойти эту опасность. Но как?

— Но может быть, это просто ловушка, игра — может, они и не собираются захватывать наш мир, потому что понимают, что могут лишиться своего?

Коре было приятно разговаривать на равных с профессором и чувствовать, что он не старается приспособиться к ней.

— Интересно, — сказал Эдуард Оскарович. — И почему?

— Потому что, — сказал вдруг ротмистр, — им нужна не война, в которой они могут потерпеть поражение, а лихая подготовка к ней. Нужен образ врага. Вы слышали об этом?

— Я понимаю, что вы хотите сказать, ротмистр, — согласился Калнин, — пускай будет такая подготовка к войне, что война нам уже не понадобится. Мы под шумок пересажаем всех смутьянов и заодно скушаем с хреном самого президента.

— А интересно, — спросила Коре, — президент это понимает?

— Мне интереснее, понимает ли Гарбуй. Если понимает он, то сможет убедить президента, — сказал Калнин.

Загремел засов, дверь отворилась — там стоял полковник Рай-Райи.

— Выходите, — приказал он, — обедать пора. Ротмистр Покревский отвернулся к стене.

— Все выходите, все, — приказал полковник. — Вас, ротмистр, это тоже касается. Но если вы все еще настаиваете на дуэли со мной, я не возражаю. Вот кончу сегодняшние дела, и после ужина сразимся на пляже.

— Вы не шутите? — Покревский вскочил во весь рост.

— Я вообще не умею шутить, — ответил полковник. — Но хотел бы для ясности сообщить вам, что сегодня все утро в моей комнате две женщины, которые вам известны, приводили в порядок мой мундир, почти погубленный вчера, когда я угодил в бетонную ловушку. Это я говорю не для оправдания, а для сведения некоторых нервных господ. Принцесса же слишком черна и грязна, чтобы меня соблазнить, и ни слова не понимает по-русски.

— Врете, — сказал ротмистр.

— А я полагал, что в вашей армии были приняты правила вежливости между офицерами. Так что вы, ротмистр, остаетесь без обеда за грубость старшему по званию.

Покревский сделал было движение к двери — во-первых, он был голоцен, во-вторых, понял, что ведет себя не самым лучшим образом. Но гордость заставила его остановиться. Так он и стоял — высокая фигура в синем рваном халате.

Но сердцу полковника не была свойственна жадность.

Когда они поднялись на второй этаж, он сказал:

— Покревский хотел меня убить и мог убить. Он был груб со мной, хотя я его пожалел — что мне стоило пристрелить его? Кто бы меня осудил за это? Разве что вы, профессор?

— И я в том числе, — согласился профессор.

В столовой уже собирались все остальные.

Маленькая кучка людей с Земли, совершенно разных и чужих друг другу.

Журба прогудел:

— Где же вы загуливаете, господа, разрешите вас спросить?

— У тебя, Кора сзади к платью трава прилипла, — крикнула Нинеля.

Она сделала в халате глубокий вырез и откромсала рукава — получилось платье-ублюдок, но, по крайней мере, оно соответствовало климату и демонстрировало нахальные груди разведчицы.

Кора послушно постаралась отряхнуть платье сзади, раздался хохот Журбы, ему вторила Нинеля. Миша Гофман криво усмехнулся. Принцесса Парра подвинула к себе миску и без помощи ложки быстро пила из нее суп. У принцессы был чудесный аппетит.

Под смех зрителей Кора дошла до стола и уселась на свое место. Медсестры снабдили пришедших мисками с гороховым супом. Полковнику, пожелавшему разделить трапезу с пленниками, вместо миски дали большую фарфоровую тарелку и добавили к гороху кусок грудинки. Ну что же, он здесь хозяин.

— Сегодня начнем, — сказал Рай-Райи, опустив свою миску, — собираться домой. — Затем он протянул миску медсестре за добавкой.

Так как все понимали: не зря же полковник сел за общий стол — слов его не пропустили. И поняли молчание как приглашение к вопросам.

— Возвращение добровольное? — спросил Эдуард Оскарович.

— Совершенно добровольное. Желающие остаться у нас могут остаться.

Полковник улыбнулся широко и бессмысленно — получилась гримаса, предназначавшаяся специально для профессора.

— Есть ли какие-нибудь гарантии, что мы останемся живы? — спросил инженер Всеволод.

— А какие могут быть гарантии? — удивился полковник.

— Я попал сюда, — ответил инженер, — потому что потерпел крушение в воздухе. Мой махолет сломался. Как мне теперь понятно, падая к земле, он был подхвачен вашим аппаратом и приземлился на мягкий склон по соседству с лагерем. Если вы вернете меня в точку, где произошло крушение, я из нее упаду на камни и разобьюсь. И этого я не желаю.

— А может, вы сначала на кроликах попробуете? — задумчиво произнес Журба.

— Зачем? — спросил полковник. Он сделал вид, что не понял.

— Кролика не жалко.

— А вас, думаете, жалко? — удивился Рай-Райи. — Почему это я должен вас жалеть?

— Да потому, что между людьми есть гуманизм, — ответила Нинеля. — Так учит партия. Мы не кролики, мы звучим гордо.

— Мы допрашивали вас и ваших товарищей, — полковник поднес ко рту миску и допил остатки похлебки. Потом закончил: — И поняли, что весь ваш гуманизм и медной монетки не стоит. В отличие от кроликов вы истребляли друг друга миллионами. Так что не вам говорить о жалости.

— Вы все путаете, — рассердилась Нинеля. — Мы уничтожали врагов в порядке исторической справедливости. Как классовых, так и агрессоров.

— Вот мы и уничтожим всех вас тоже в порядке справедливости. Должен ли я думать о вашем гуманизме, если я за ваш счет могу сделать жизнь моих людей лучше и сытней? Ну, отвечайте.

— А вот задавать такой вопрос вы не имеете морального права, — сказала Нинеля. Грейпфруты ее грудей согласно качнулись, и полковник замер, зачарованный этим зрелищем, благо верхние половинки грейпфрутов поднимались над вырезом в синем халате, как будто плавали в синем пруду. — Потому что наша человеческая жизнь не менее дорога, чем жизни ваших сотрудников.

Нинеля поправила халат, да так неудачно, что правая грудь вовсе оголилась, и полковник зашелся в кашле.

— Ладно, — сказал Рай-Райи, — наше дело военное — как прикажут, туда и стреляем. Пускай учёные изучают, начальство решает, а мы подождем этих мудрых решений. Что у нас сегодня по плану?

Полковник достал блокнот, открыл его на нужной странице и некоторое время шевелил губами, вникая в смысл слов.

— Ясно, — сказал он и хлопнул блокнотом. — Значит, так, проводим медицинский опыт на сексуальную совместимость наших пришельцев. Всем пройти в душевую, там оставить одежду и остаток дня провести без одежды в гимнастическом зале...

— Боюсь, что это старая программа, — в обалделой тишине произнес Эдуард Оскарович. — И если вы справитесь о том у господина Гарбя или господина Ляя, они выскажут вам свое неудовольствие.

— А что я могу поделать! — Полковник вскочил и закричал, словно призывал всех идти в атаку. — Что я могу поделать, когда приказов десятки, начальства в тысячу раз больше, чем вас, а я за все в ответе! Гарбя и его люди требуют, чтобы мы проводили исследования и опросы. Мое начальство требует готовить вас к диверсиям! А я как мышь в плоскогубцах! С меня весь спрос. Вы что думаете, мне нужно, чтобы вы голыми тут бегали и свальный грех по углам устраивали? Раздевайтесь по плану!

— Господин полковник, я вас призываю к разуму! — рассердился Эдуард Оскарович.

— Ладно, запишем, что провели. Этим ученым недолго осталось здесь командовать. Все свободны. А вы, госпожа Нинеля, останьтесь для разговора.

— Ну вот, еще чего не хватало! — воскликнула Нинеля с таким наслаждением в голосе, что Журба произнес:

— Эх, вкатил бы я тебе десяток розг!

— Помолчите, а то самому достанется, — отпариowała Нинеля.

* * *

Вторая половина дня оказалась насыщенной событиями.

Но поначалу ничто не предвещало перемен. Если не считать того, что тягостная жара постепенно превращалась в духоту, которая бывает перед сильной грозой. В небе все густели облака, и порой солнце отыскивало в них прореху, чтобы обжечь и без того

измученные жарой тела людей, но затем все заволакивало движением мрачнеющих туч, и уже погромыхивало где-то в немыслимой дали над морем, словно там, за горизонтом, разгорелся морской бой.

Движения неизбежно замедлялись, и каждый шаг приводил к одышке, к поту и звону в ушах. И тем более странным было увидеть, как стремительно пересекли двор полковник и следом два доктора, сизолицый Крелий и другой, незнакомый, с небольшим саквояжем, видно, прибывший недавно. Они исчезли в административном корпусе. На минуту снова наступила недвижная тишина, отдаленно загромыхало. Из барака вышел Эдуард Оскарович. Не заметив стоявшую в стороне Кору, он, делая вид, что прогуливается, направился к кустам, к известной ей тропинке. Кору посетил было соблазн последовать за профессором, но мысль о том, что ей придется карабкаться в гору сквозь колючий кустарник, была настолько отвратительна, что чувство долга тихонько свернулось клубочком где-то внутри нее и замерло, надеясь, что его не заметят.

— Будет гроза! — сказал кто-то так неожиданно, что девушка отшатнулась.

Это был инженер. Он снял халат и остался в длинных полосатых трусах. У него было гладкое загорелое тело с плоским жестким животом, без единого грамма жира. Коре было приятно смотреть на него. В руке инженер держал длинный прямой прут, который он очищал от коры.

— Видишь, — сказал он, — не могу остановиться. Занимаюсь тем, что подбираю материалы к новой модели. Глупо, да?

— Наоборот, — сказала Кора, глядя на склон горы. Ей показалось, что она видит, как карабкается по тропинке пожилой неповоротливый Калгин.

— Мне кажется, что если я построю махолет и поднимусь в воздух, я смогу улететь из этой чертовой страны. Только надо подняться повыше.

— Повыше у них летают истребители. Они не очень скоростные, винтовые, но на тебя хватит.

— Знаю, — согласился инженер. — Но все равно хочется взлететь. Ты как думаешь, нам удастся выбраться отсюда?

— Ты тоже об этом думал? — спросила Кора.

— Я все время об этом мечтаю. Мы же попали с тобой в какое-то средневековье. Я сначала решил, что они ищут пути к контакту, что они понимают, какое великое открытие им попало в руки. Я, наверное, неделю все сомневался... но понял, что попал в стаю павианов, у них свои интересы, а у тебя человеческие. Знаешь, чего им хочется? Им хочется завоевать Землю. В их павианьих головках никак не может вместиться тот факт, что павианам невозможно завоевать Землю людей, потому что они не умеют говорить.

— Сейчас у них другая идея, — сказала Кора. — Идея налета. Схватить и унести.

— Ты знаешь, кто-то должен пройти к нам, вернуться и сказать, чтобы эту дверь прикрыли.

— А нас захлопнут здесь?

— Ну кто нас захлопнет здесь! — рассердился инженер. — Конечно, нас сначала вытащат.

Инженер был устроен просто и правильно. В нем было сильно развито чувство справедливости, он хотел ее восстановить, а потом снова заняться своим маxолетом. Как, наверно, хорошо и просто иметь такого мужа. Он обязательно будет тебя любить и защищать, будет гулять с детьми и чинить дома и на даче все выключатели и тостеры. Потом ты от него убежишь...

— Главное сейчас наладить связь с нашей Землей, кто-то должен пробраться туда и предупредить, а то они и на самом деле натворят чего-нибудь. Но как это сделать?

— Наверное, надо снова броситься со скалы вниз, — предположила Кора.

— Не спеши, — остановил ее Всеволод. — Это слишком рискованно. Но я подумаю. Надо изучить то место...

Бормоча что-то под нос и забыв уже о Коре, он пошел прочь. Но через двадцать шагов остановился и, обернувшись, громко заявил:

— Какие мы с тобой дураки, Кора! Там, где мы появились, никакой скалы нет! Она есть только на нашей Земле.

— И что это означает? — спросила Кора.

— Это означает, — сказал инженер, — что, если отсюда есть ход к нам, он совсем иначе устроен. А как — я обязан догадаться. Я ведь изобретатель.

Когда инженер исчез, Кора стала снова вглядываться в кусты на склоне. Но профессора не увидела. Видно, он хорошо спрятался.

На площадке вновь появился Миша Гофман. На этот раз он шел быстро и, проходя совсем рядом с Корой, не повернув головы, быстро произнес:

— Если со мной что-нибудь случится, ты должна оставаться здесь как можно дольше. Не пытайся уйти самостоятельно, даже если тебя будут звать. Твоя задача все узнать...

Чтобы иметь возможность договорить, Миша присел, чтобы завязать шнурок на казенном ботинке.

— Меня требуют к докторам. Они мне не доверяют. Но я буду и дальше играть роль дебила.

Из столовой выбежала медсестра.

— Вот вы где, Гофман! — пробасила она укоризненно. — Ведь доктор вас ждет. Неужели это так непонятно?

— Я не хочу к доктору, — тупо произнес Миша, глаза его остекленели, в углу рта появилась слюна.

Медсестра жестко взяла его под локоть и повлекла к административному зданию.

«Бедный Мишкан», — подумала Кора. Она еще не знала, чем это кончится, но боялась за него.

Стало темнее. Плотная, почти непроницаемая для лучей света туча тяжело перевалила через стену гор и, набирая скорость, покатилась по склону к морю. Она толкала перед собой стену воздуха, та в свою очередь поднимала тучи пыли, веток, листьев и даже мелкие камешки.

Коре показалось, что со стороны административного корпуса донесся крик.

Но тут же все звуки были сожраны раскатистым и долгим громом, который вызывали молнии, пока еще не добравшиеся до вершины горы и лишь озарявшие черную тучу огненными зарницами.

Каково же профессору там, в горах? А что, если он заблудится?

Странно, как меняются человеческие отношения. Три дня назад она соперничала с Вероникой за сердце инженера Всеволода. Теперь он здесь, рядом, и сам тянется к ней. И нет соперницы. Но нет, инженер стал неинтересен — он был спутником для вольного отдыха в тихом месте, он был романтической принадлежностью махолета и олицетворением риска...

И оказалось, что ей интереснее всего немолодой очкастый профессор из середины прошлого века, которому давным-давно лежать бы в могиле. Они с этим профессором даже ни разу не заговорили на личные темы: не до этого. Она даже забыла расспросить, как же профессор здесь оказался — в самом ли деле вычислил дорогу сюда или шутит? И профессор тоже никакого особого внимания к Коре не проявлял — просто он был чудесный.

От шума ветра и пыли Кора не сразу увидела, что в ворота въехал, вернее ворвался, автомобиль, вроде джипа, синий с зеленою крышей.

Разгоняя радиатором песок и ветки, джип промчался к административному корпусу. Молния, сорвавшаяся с неба, ударила в землю рядом с джипом, будто природа была недовольна его появлением. Джип подпрыгнул, но не остановился. Он развернулся у входа в корпус и только тогда замер. Из джипа выскоцил генерал Лей. Порывом ветра с него тут же сорвало высокую фуражку, и он побежал за ней.

Фуражку несло к Коре, и той ничего не оставалось, как включиться в погоню.

Они с генералом настигли фуражку посреди плаца, и их руки столкнулись над добычей.

— Спасибо, — сказал генерал, глядя пронзительными светлыми глазами на коленки Коры. Та выпрямилась и сделала шаг назад. — Ты из этих?

— Да, я с Земли, — сказала Кора.

— Ага, вспомнил, — сказал генерал, — я тебя видел в лабиринте.

Вблизи он еще более казался солдафоном. Был он приземист, подобен горилле, его сильные широкие руки опускались до колен. Низкий лоб прикрывала челка, но глядевшие из глубоких глазниц глаза были живыми и умными, как бывают у обезьяны.

Они стояли друг против друга — генерал был ниже ростом, но широк и уверен в себе, так что Кора чувствовала себя тростинкой перед пнем.

— Ну и как? — спросил генерал, стараясь перекричать шум ветра. — Домой хочется?

— Не знаю, — ответила Кора. — Если это не опасно, то хочется.

— А ты чего боишься?

— Разбиться, — честно ответила Кора, — я до половины долетела, а если вы меня отправите обратно, то не исключено, что я пролечу остаток пути.

Генерал не стал отвечать, а крепко натянул фуражку, и в это мгновение в последний раз за тот день солнце смогло отыскать щелочку в тучах и прорваться лучом к земле. Этот луч упал на кокарду генерала Лея, изображавшую кулак в дубовом венке — знак гвардейского полка, полученный им в память о столетии разгона непокорных туземцев в горах То-дрей Нивилей.

Генерал пошел к административному корпусу, твердо ступая кривыми ногами кавалериста.

— А когда вы нас будете отправлять обратно? — крикнула вслед ему Кора.

Генерал остановился не сразу. Но остановился и обернулся.

— По очереди, — сказал он. — Ввиду неизвестности, куда вы попадете.

Кора кивнула.

— Начнем сегодня с господина Гофмана, подозреваемого в шпионаже, — сообщил генерал и ступил под козырек здания. Больше он не оборачивался.

Значит, Мишу уже сейчас готовят к возвращению домой. Но почему такая неожиданная спешка? Надо отыскать профессора. Он что-то может знать.

Она забежала в столовую и схватила халат, брошенный там инженером. Пусть послужит вместо зонтика.

И, убедившись, что ее никто не видит, а солдат у ворот спрятался в будку, она, пригибаясь, пробежала к началу тропинки. И через три минуты уже была в безопасности на заросшем кустарником склоне.

* * *

Кора отчаялась отыскать профессора. Она поднялась чуть ли не до половины горы, до того места, где тропинка раздваивалась и от нее начиналась узкая дорожка к вилле «Радуга».

Ветер налетал шквалами, и сверху было видно, как по морю гуляют два больших смерча, легко касаясь воды тонкими гнувшими пальцами.

Дождь было начался, взбил пыль, но тут же прекратился, словно еще не набрал дыхания.

И тут Кора увидела Калнина. Он стоял на тропинке, прижимаясь спиной к коренастой горной сосне, и потому его можно было бы увидеть, только подойдя совсем близко.

— Эдуард Оскарович! — окликнула она профессора. Профессор обернулся, синим отсветом тучи блеснули очки.

— Кто? Что нужно?
И тут он узнал Кору.
— Как вы меня испугали, — произнес он, потом улыбнулся.

— Я уж боялась, что не найду вас, — сказала Кора.
— Что-нибудь еще случилось?
— Приехал генерал Лей.

— Зачем? — спросил профессор и тут же добавил: — Откуда тебе знать.

— Я говорила с ним, — сказала Кора. — Он сказал, что нас отправляют домой. Но не всех сразу, а по очереди. И первым — Мишу Гофмана.

— Ты уверена?

— Совершенно. Потому что за несколько минут до прилета генерала Рай-Райи и два доктора провели Мишу в административный корпус.

— Может быть, какое-нибудь очередное обследование?

— Вы же слышали, как сегодня полковник отказался от обследований!

— К Гофману они относятся с опаской. Они полагают, что он мог быть специально заслан сюда.

— Чем он вызвал их недоверие?

— Очень просто, — ответил профессор, прижимаясь к стволу гигантского платана, чтобы на него не попали крупные капли начинающегося дождя. — У Гарбуя есть установка, позволяющая видеть то, что происходит по ту сторону... на Земле. Как я понимаю, наблюдатели засекли встречи Гофмана с посторонними людьми.

— А кто там посторонние?

— Все просто, Кора. Например, они знали, что ты и Всеволод приехали туда отдохнуть и даже на скалу попали далеко не в первый день и случайно, да и падение инженера было естественным. Они не такие дураки, как тебе кажется.

— А мне это не кажется, — ответила Кора. — Может, они хотят еще что-то узнать у Гофмана?

— Ничего хорошего это нам не сулит.

— Почему?

— Потому что, — сказал профессор, — я не могу понять, с чего они, построив какие-то планы, связанные с Землей, вдруг откажутся от них и обо всем забудут, отправив нас домой.

— Значит, мы им не верим? — спросила Кора.

— Разумеется, не верим.

— И вы здесь кого-то ждете?.. Только вы можете мне не говорить, если не хотите.

— Вряд ли у тебя большой выбор для догадок, — усмехнулся профессор.

— Это сам Гарбуй?

— Ты права, — сказал профессор. — Это сам Гарбуй. Он обещал прийти сюда к часу. Сейчас уже скоро два, а его все нет.

— Может, за ним следят?

— Все может быть. Но лучше бы он не опаздывал.

— Вы его так близко знаете? — удивилась Кора.

— Я его близко знаю, — согласился профессор.

— Может, мне уйти?

— Уходи, девочка, — сказал профессор. — Есть вещи, которых тебе лучше не знать. И я не хочу, чтобы Гарбуй заподозрил неладное.

Кора не стала спорить. Она быстро пошла прочь, надеясь успеть в лагерь до того, как начнется настоящий ливень. Профессору же она оставила халат инженера, который угнали из столовой.

После короткой настороженной паузы, когда ничего не шевелилось — ни листок, ни ветка, ни лепесток, ни насекомое, все замерло, даже волны перестали бежать по морю, хлынул настоящий ливень. Наконец-то!

Кора еле успела выбежать на плац и, за сто шагов промокнув до нитки, спряталась в столовой.

У окна стоял ротмистр Покревский.

— Самое время бегать по грибы, — сказал он.

Кора не ответила, она думала о профессоре, казнила себя за то, что оставила его одного в лесу. Никакой Гарбуй не придет в такую погоду.

— У вас не найдется чего-нибудь пожевать? — спросил ротмистр. Кора вспомнила, что ротмистр был отлучен от обеда за невежливое поведение. Лицо его хранило следы нападения Нинели.

Кора сказала, что у нее нет ничего съестного, и хотела было сходить на кухню, но в дверях стояла одна из злобных медсестер, которым досталось вчера, от них милостей ждать не приходилось. Покревский это тоже понимал. Но тут появилась принцесса. Она подошла к ротмистру и протянула ему кусок хлеба.

Как странно — у них нет общего языка, ротмистр с утра чуть не избил эту красавицу прошлых эпох, а сейчас она сама — ротмистр не стал бы просить у нее — догадалась, что он голоден.

— Не надо, — сказал Покревский, все еще злясь на принцессу.

— Перестаньте, корнет, — сказала Кора.

— Я ротмистр.

— А я думала, что корнеты — это молоденькие и очень обидчивые курсанты.

— Хорошо. — Покревский заставил себя улыбнуться, взял кусок хлеба у принцессы, и она смотрела, как он ест, стараясь не спешить.

— А Миша Гофман не возвращался? — спросила Кора.

— Откуда? — Покревский явно не видел его.

— Его отвели в административный блок.

Ливень хлестал по окнам, и снаружи не было ничего видно — Кора лишь угадывала силуэт джипа генерала Лей, стоявшего у двери в административный блок. Значит, генерал все еще здесь. Что ему там делать? Пережидает ливень? Впрочем, может, и на самом деле пережидает ливень?

И тут Кора увидела, вернее угадала, как отворилась дверь в административный блок и оттуда выскочил, борясь с дождем и ветром, человек в низко надвинутой фуражке. Он был коренаст и широк — генерал Лей.

За ним выбежал полковник Рай-Рай и вынес зонтик, которым пытался прикрыть генерала, но зонтик тут же поломало и вырвало из руки полковника. И пока он боролся с ним, генерал, придерживая фуражку, влетел в предусмотрительно распахнутую изнутри шофером дверь. Полковник подбежал к машине, но машина уже рванула с места и, обдав без того мокрого полковника грязью из-под колес, помчалась прочь.

Должно было случиться нечто чрезвычайное, чтобы заставить генерала выбежать из дома в такой ливень!

Полковник юркнул обратно в здание. Беззвучно для зрителей хлопнула дверь.

— Все-таки — у них очень развито чувство долга, — сказала Нинеля, подходя сзади.

— Что мы знаем! — философски заметил Покревский.

— Я на этом пострадала, — прошептала Нинеля Коре на ухо. — Мы с Райечком только устроились, как ворвался этот солдафон.

Интересно, что она тоже называет Лея солдафоном.

— Ты что-нибудь слышала? — спросила Кора.

— Нет, они сразу меня выгнали, — ответила Нинеля.

— И ты там не видела Мишу Гофмана?

— Нет, мы были в другой комнате.

— Значит, слышала?

— Они что-то делали. Он даже закричал, но потом больше ничего не говорил.

Пришел Журба, он жевал сухарь, видимо, припрятанный.

Выплюнув первую ярость, дождь шел густо, косо, чуть ли не параллельно земле, но не так бешено. И когда от леса появилась фигурка профессора, Кора сразу его увидела.

— Надо найти что-то сухое, — сказала она, — он может простудиться.

— Что же, интересно, заставило его отправиться в такую погоду за пределы лагеря? — подумала вслух Нинеля.

— А вам какое дело? — огрызнулась Кора.

— Мы здесь — сообщество земляных жильцов, — ответил за Нинелью Журба: — И как таковые должны противостоять проискам иностранцев, неужели вам непонятно?

— Понятно.

— А когда некоторые из нас, не поставив власти в известность, отправляются под дождиком гулять в лес, это вызывает у меня подозрение.

Профессор вошел, пошатываясь, его встретили возгласами: «Где вы были!», «Надо бы стакан водки»...

Профессор сказал, что пойдет к себе. Он был мрачен.

Значит, Гарбую он не дождался.

— Я вас провожу, — сказала Кора и повела профессора под руку. Никто не оспаривал ее права гулять с промокшими профессорами.

— Я сейчас уйду, — сказала Кора, впустив профессора в его кабинку. — Он не пришел?

— Значит, не происходит ничего экстраординарного, — ответил профессор. — И это утешает. А что у вас?

— Мишу так и не выпустили. Генерал Лей только что уехал. Даже не испугался ливня.

— Странно, здесь очень опасная в дождь горная дорога.

— Что-то происходит, — сказала Кора.

— Я всей шкурой чую, — согласился профессор. — Ну, идите, идите, вас хватятся. Пойдут сплетни.

«Какие сплетни? — хотела спросить Кора. — О вас и обо мне?»

Но, конечно же, ничего не сказала.

* * *

К ужину полковник Рай-Райи не вышел. Каша была недосолена, вместо мятного чая, которым здесь поили три раза в день, раздали какую-то бурюю жидкость, видимо, кофе для бедных инопланетных пришельцев.

Потом пришел один из офицеров — помощников Рай-Райи, принес отпечатанные на машинке протоколы допросов пленников — чтобы прочли и подписали. Вопросы, которые им задавали, были стандартными, и поэтому, даже сложив все протоколы вместе, невозможно было составить объективное представление об истории Земли или отношениях там. Сведения были подобны сообщению о том, что паровоз пускает пар, гудит и едет по рельсам. А вот как ходит поршень в паровом котле, из этих бумаг выяснить было невозможно.

— Если они захотят забраться к нам и утащить самолет или пушку, — пояснил Всеволод, — они смогут забивать ими очень большие гвозди или колоть очень крупные орехи. Понимаешь?

— Понимаю, — согласилась Кора, которая и сама, читая протоколы, пришла к подобному заключению. — И все же не считаю их полными идиотами. На что-то они рассчитывают. На предателей?

— Предатели появляются, как правило, когда твоя сторона противостоит сильному противнику. Когда ей грозит поражение. Когда есть за что предателя купить. А здесь?

— Страх, — сказал ротмистр Покревский. Он читал свой протокол, отмечая галочками на полях отдельные места. Потом принял вычеркивать строчки.

— Вы поосторожнее, — сказал Журба. — Всегда официальный документ. Власти могут составить о вас неблагоприятное впечатление.

— Вот Влас Фотиевич мог бы от страха стать предателем, — отомстил ему Покревский.

— Нет, — сказала Нинеля, которая ела вторую миску каши, предназначавшуюся, видно, Мише Гофману, — Влас Фотиевич от страха никогда бы предавать не стал. Только если по указанию свыше.

— Вот именно, — согласился Журба. — По указанию свыше я на все пойду.

— Это и есть страх, — заметил Эдуард Оскарович. — Только превратившийся в безусловный рефлекс.

— Тоже мне, академик Павлов, — фыркнула Нинеля, которая, видно, в свое время изучала газетные статьи о наших приоритетах в области условных рефлексов.

Офицер забрал протоколы, даже не посмотрев на них. Журба был разочарован.

— Ничего, — сказал он, — потом посмотрят и сделают надлежащие выводы.

Дождь успокоился, он лил мирно, как будто хотел растянуть удовольствие на несколько лет.

— Как в Макондо, — сказала Кора, подходя к окну.

— Там было жарко, — сказал инженер, который тоже читал Маркеса.

Остальные не поняли. Они были куда старше колумбийского писателя Маркеса.

Вошел полковник Рай-Райи. Вошел быстро, на-
ткнулся на стол и замер, выстукивая пальцами нерв-
ную дрожь по его краю.

— Тишина! — приказал он. — Важное сообщение!

Все подошли ближе. Лица были серьезными и на-
пряженными — судя по всему, добра ждать не сле-
довало.

— Тяжкая трагедия обрушилась на наше государ-
ство, на нашу родину, — отчеканил по-дикторски
полковник. — Сегодня на пути из отпуска в столицу
самолет нашего высокочтимого президента потерпел
аварию и разбился в горах. Подробности происшест-
вия разбираются правительственной комиссией. Вме-
сте с президентом погибли члены его свиты. До вы-
боров нового президента, которые состоятся через
месяц, во избежание беспорядков и сепаратистских
выступлений в национальных районах власть возло-
жил на себя чрезвычайный временный совет в соста-
ве командующего армией генерала Лея, начальника
службы государственной безопасности, корпусного
генерала Грая, а также господина Куфетти ар Рей,
правительницы автономной области Рей-колья.

Кора посмотрела на профессора. Он был бледен.

— А Гарбуй? — выкрикнул он. — Его там не
было?

— Советник Гарбуй пока жив, — осклабился пол-
ковник.

Остальные внимательно слушали, стараясь понять,
имеет ли отношение это событие к их судьбе, и когда
полковник кончил читать, Журба спросил:

— Чего же он поездом не поехал?

Никто ему, конечно, не ответил.

— Что, попал в грозовой фронт? — спросил Все-
волод.

— Мы надеемся, что это не было диверсией, —
ответил полковник.

— Кому надо, разберутся, — сказала Нинеля, —
для этого они поставлены. Наше дело — не вмеши-
ваться.

Кора вспомнила ухмылку генерала Лея. Теперь ни-
кто не помешает ему напасть на Землю — какой бы

глупой ни казалась эта акция, к каким бы жертвам она ни привела!

— Нам надо написать письмо! — воскликнула Нинеля.

— Какое письмо? — не понял полковник.

— Сочувственную ноту, как положено в таких случаях. Ведь здесь еще нет нашего посольства. Мы должны взять на себя его функции. Только у нас нет хорошей бумаги. Вы прикажете нам выдать хорошей бумаги?

— Вы озверели, что ли? — вдруг озлился полковник. Он стукнул кулаком по столу. — Не понимаете?

— А что? — спросил Покревский. — Что мы должны понимать?

— Что власть перешла к армии. К власти наконец-то пришли здоровые силы нации. Хватит армии находиться на вторых ролях, подбирая крошки со стола продажных политиков! Мы намерены навести порядок.

— Включая и Землю? — спросила Кора.

— Включая и Землю. Какие еще вопросы?

— А нас будут возвращать домой? — спросил инженер. — Ведь вы еще сегодня обещали.

— Как только я получу инструкции из центра, я доведу их до вашего сведения. Еще вопросы будут? А то мне пора идти.

— Я хотела спросить: где Гофман? Куда он пропал? — спросила Кора.

— Пришелец Гофман проходит специальные исследования на предмет возвращения на Землю.

— Он вернется сюда?

— Когда закончатся исследования. Больше вопросов нет?

Больше вопросов не было.

Профессор Калгин стоял у полковника на пути.

— Я хотел бы связаться с коллегой Гарбуем. Можно, я позвоню ему?

— Нет, нельзя, — ответил полковник.

— Почему? Он болен?

— Пока не закончится расследование обстоятельств гибели нашего возлюбленного президента, он

останется под стражей, так как был среди тех, кто последними видели президента перед отлетом из виллы «Радуга».

Полковник резко отстранил профессора и совершил необычное действие. Он подошел к высокому постаменту, на котором стоял бюст президента, опрокинул его на себя и, откинувшись от тяжести назад, поволок к выходу из столовой.

Кора вспомнила отвалы бюстов и статуй у горной дороги. Теперь на отвал будет больше.

Заговорили не сразу. Но шумно, бестолково.

— Это заговор!

— Они убили собственного президента! Как это отразится на нашей судьбе?

— Не говорите чепухи! Почему им нужно убивать президента? Вы же видели, какая гроза — кто просил его улетать...

— Но они нас отпустят?

— Может, теперь отпустят.

— А может быть, наоборот — именно теперь не отпустят.

— Плохо бунтовать в синих байковых халатах без пуговиц, — сказал Эдуард Оскарович.

— Чепуха! — возмутился вдруг Покревский. — У меня есть мундир. Я не намерен возвращаться в синем халате.

— Я пойду, — сказала Кора Эдуарду Оскаровичу. — Мне нужно увидеть Мишу Гофмана. Я боюсь, что они сделают с ним что-то плохое.

— Но там такой дождь... — растерянно возразил профессор, будто сам только что возвратился с горы.

— Подскажите мне, как проникнуть в административный корпус. Я же не знаю. Они меня схватят.

— Простите, но я всегда ходил туда через дверь, — ответил профессор.

— Кора, душечка, — сказала Нинеля. — Хочешь, я тебе подскажу?

— Ты знаешь?

— А я от полковника уходила, он меня вывел, он тоже не хочет портить репутацию.

— Не неси чепуху, Нинеля! — остановил ее Журба. — Блудница рода человеческого. Ты у меня в холодной насидаешься!

— Господи! — сказал Покревский. — Как вы мне надоели!

Подошла принцесса, защебетала, Покревский прислушивался. Кора подумала: как ей объяснить, что пора бы вымыть волосы? Дикие времена, дикие нравы! Вернее всего, принцесса не выдерживает психологического давления обстановки.

— Я сейчас не пойду, — сказала Нинеля. — Пускай сначала стемнеет и дождик кончится. Потом я тебе покажу, как туда пройти.

Профессор начал кашлять. Кашель был сухой, неплохий. Кора пошла на кухню. Медсестры ели курицу. Пахло соблазнительно. На Кору они даже не оглянулись. Кора поставила котелок, вскипятила воды. За это время никто не покинул столовую. Все ждали дальнейших событий. Смерть президента была каким-то образом связана с их судьбой, обязательно связана — и это понимали все. И понимали, насколько они беспомощны. Когда Кора возвратилась с горячей водой, Нинеля витийствовала — громко и агрессивно — видно, от неуверенности в себе:

— Я уверена, что нас не оставят, не бросят. Родина никогда не бросает в беде своих героев. Возьмем, к примеру, эпопею папанинцев, которых посадили на льдину. Я как сейчас помню восторг всей страны, когда их сняли с такой вот махонькой льдиночки, негде ножку поставить...

Кора подошла к окну, на улице начинало неуверенно темнеть.

— Пойдите, поспите, — сказал профессор.

— А вы?

— Я боюсь пропустить весть от Гарбуя. Он может прислать человека. Его судьба меня беспокоит.

Кора пошла к себе, прилегла и скоро заснула, безмятежно и глубоко; хорошо, когда тебе двадцать лет.

Проснулась она как от толчка. За окошком было черно. Занудно шумел дождик.

Кора поднялась, в раскаянии от того, что все на свете проспала, побежала в столовую. Там никого не было, если не считать инженера, который что-то чертил на листе собственных показаний, которые он не возвратил офицеру.

— Что-нибудь случилось без меня? — спросила Кора.

— Глупый вопрос. Ты ушла, если не ошибаюсь, часов в пять, а сейчас десять. Радио у нас нет, газет нам не показывают. Все сидят по каютам, ждут ужина, а вот будет ли ужин, я сомневаюсь, потому что медсестры так и не появлялись.

— Ничего, вскипятим чаю, а ты покажешь мне, как залезть в кладовку.

— Это неприлично, — сказал инженер и тут же углубился в рисунок очередного маколета.

Кора пошла к Нинеле. К счастью, Нинеля не спала, а раскладывала пасьянс из самодельных карт.

— Влас Фотиевич нарисовал, — сообщила она, — сейчас он спит, а мне дал. Они прошлую ночь с Покревским и инженером в преферанс дулись. Ты не представляешь — белогвардейская сволочь, полимейстер и твой дружок из коммунистического будущего. Компания!

— Нет у нас коммунистического будущего, эксперимент не удался, битва за урожай проиграна.

— Ну ладно, ладно, я это уже от Мишки Гофмана слышала. Пока они его не разоблачили. А сам рукам волю дает.

— А при коммунизме бы не давали?

— Там все иначе, там бы я никому не отказывала, потому что все люди друзья и братья с сестрами.

Нинеля не была лишена чувства юмора, и вроде бы поражение коммунизма не нанесло ей травмы. Хотя черт ее знает, где она искренняя, а где притворяется.

— Ты обещала провести меня к Мише Гофману.

— А он твой хахаль был?

— Не говори чепухи. Я просто беспокоюсь.

— А не стоит о нем беспокоиться, — посоветовала Нинеля. — Если он на обратном пути к нам попадет, им наши займутся.

— Пошли?
— Там дождик идет.
— Не успеешь промокнуть, старший лейтенант госбезопасности, — сказала Кора.

Нинеля вдруг напряглась.

— Ты откуда получила сведения?

— Из твоей анкеты, — сорвала Кора, которая никогда бы не смогла объяснить, почему она подарила Нинеле именно этот, а не иной чин. Что-то глубоко внутри подсказало ей... потом вспомнила: Кольский полуостров, железная дорога, тамошний командир — старший лейтенант госбезопасности...

— Не могла ты видеть мою анкету... — отрезала Нинеля и тут же спросила: — Значит, все дела хранятся, а вы операцию готовили?

— Так пойдешь или нет?

— Иду, иду, чего кричать! Сержант я, до старлея не дослужилась.

* * *

Нинеля и в самом деле просто и быстро провела Кору через незапертую дверь с обратной стороны административного корпуса. Дверь вела в подвал к мусоросборнику, оттуда лестница поднималась на второй этаж. Здесь они расстались — Нинеля не хотела рисковать.

В главном коридоре, разделявшем здание пополам, еле-еле светили плафоны. В боковых ответвлении было совсем темно.

Впрочем, это и помогло Коре. Миша содржался в подвале, и Кора сразу догадалась, где это, потому что ход туда перегораживал стол, за столом сидела мускулистая медсестра и спала, положив голову на скрещенные руки. Притом мирно похрапывала басом.

За спиной медсестры находилась стеклянная дверь, и Кора открыла ее.

Мишу она отыскала в тупике подвального коридора. Перед боксом был стеклянный тамбур. В боксе Миши горела яркая лампа без абажура, оттого казалось, что там проводят ремонт.

Миша сидел на продавленной койке на сером одеяле, скрестив ноги и покачиваясь.

Кора попыталась проникнуть к нему, но эта дверь была заперта.

Кора тихонько постучала в стекло. Миша услышал, поднял голову, удивился, потом обрадовался.

Он попытался подбежать к перегородке, но ничего не получилось, он согнулся в три погибели, схватился за живот. Лицо его исказила гримаса боли.

— Ты что, Миш, — спросила Коря. — Отравился?

Миша подошел к круглому отверстию в стекле, забранному частой сеткой.

— Нет, не отравился, — сказал Миша. — Они мне вколоили какую-то гадость, а теперь наблюдают, как я загибаюсь.

— Зачем? Не может быть!

— Как раз с ними и может быть. Вспомни лабиринт, вспомни другие идиотские и жестокие тесты. Ах да, тебя еще не было!

— Ты думаешь, что это испытание? Тест?

— А что еще? — спросил Миша.

И тут его вырвало. На четвереньках он кинулся к ведру, что стояло в углу палаты. Он опустился на колени спиной к Коре — завел руку за спину и жестом прогнал девушку.

За спиной Коры во сне забормотала медсестра.

Кора замерла.

— Я еще приду, — шепнула она в переговорное устройство. — Ты не бойся.

Но Миша, судя по всему, ее не слышал.

На цыпочках Коря миновала медсестру, которая уже почти проснулась, но, к счастью, жалела расстаться со сном.

Дальнейший путь вниз прошел без приключений.

Кора пробежала до барака. Испытание? Зачем такое испытание?

Так она и сказала профессору, который лежал у себя на койке.

— Его отравили! Его точно отравили! И вы знаете, что я подумала? А вдруг теперь, когда начнется зава-

рушка с переменой власти, они решили от нас отдельаться: нет человека — нет проблемы.

— Зачем?

— Они же тоже боятся. Судя по протоколам допросов, у них есть представление о том, что наша цивилизация обогнала их... намного. Так что замахиваться на нас все равно, что замахиваться на паровоз.

— Они об этом не думают, — усомнился Калнин.

— Но почему? Почему?

— Мне надо увидеть Гарбую. Если он жив, он, по крайней мере, что-то знает.

— Тогда я пойду с вами, — твердо заявила Кора.

— Зачем?

— Я скажу вашему Гарбую, что над Мишней Гофманом проводят эксперименты! Он должен их остановить. В ином случае пускай поможет мне вернуться обратно.

— Боюсь, что все это — не в его власти.

— Сначала вы уверяете меня, что он — изобретатель этой системы...

— Но президента убили! А без президента Гарбуй — только тень самого себя.

— А мы — подопытные кролики?

Профессор Калнин ответил неожиданно:

— Я оказался здесь, потому что не хотел быть кроликом, тем более мертвым кроликом.

— Если так, то вы, по крайней мере, живы.

— Пока жив, — согласился профессор.

Кора выглянула в окно. Дождь все продолжался. Было темно — хоть глаз выколи, ветер налетал волнами и пригибал к земле тонкие вершины кустов у забора из колючей проволоки. Там светили прожектора — лагерь с десятком беспомощных пришельцев тщательно охранялся. Хотя, впрочем, убежать оттуда было легче легкого.

— Сейчас совсем темно и ливень, — сказал профессор, словно рассуждая сам с собой. — Но если к утру дождик успокоится, я схожу к вилле.

В комнату без стука заглянула Нинеля и сказала:

— Быстро в столовку! Быстро, говорю! Там полковник чрезвычайное сообщение произносит.

Она затопала тяжелыми ногами по коридору.

— Надо идти. — Эдуард Оскарович, с трудом поднялся с кровати.

— Вы одеяло возьмите, закутайтесь в него, — сказала Кора. — А может, вам вообще не ходить?

— Нет, я любопытный, — возразил Калнин. — Белье я поменял, а в одеяле во мне появляется что-то от римского сенатора.

Все уже собирались в столовой. Полковник стоял во главе стола.

— Ну вот, — сказал он, криво усмехнувшись при виде опоздавших. — Спасибо, что почтили нас своим присутствием.

— Безобразие! — вслух произнесла Нинеля. — Люди стараются, а они ноль внимания.

Полковник постучал по столу небольшим кулаком, откинул назад маленькую усатую голову и сообщил, словно начинал торжественную речь на юбилее:

— Я рад сообщить вам, что только что закончилось заседание чрезвычайного Временного совета. На нем разбиралось много вопросов, как из области политики и экономики, так и военных. Создано переходное правительство, в которое вошел ряд известных военачальников. В частности, принято решение свернуть как экономически нецелесообразный, а политически вредный проект профессора Гарбуя по контактам с параллельным миром. Вы меня поняли?

— Нет, не поняли, — сказал Покревский.

— Вы будете отправлены обратно. В ближайшее же время. У нас нет лишних денег на бесперспективные направления в науке.

— И вы хотите отправить людей, не проверив сначала, что с ними будет? — спросил Калнин.

Полковник добродушно развел руками.

— Вы нас недооцениваете, профессор, — сказал он. — Есть доброволец, Михаил Гофман. Если мы убедимся, что он окажется в сегодняшнем дне, значит, предсказания Гарбуя подтвердятся. Тогда и вы полетите. Ясно?

Многое было неясно. Пришельцы начали было осаждать полковника вопросами, но тот резко повернулся

и покинул комнату. Кора так и не успела докричаться — что же в самом деле с Мишой и можно ли к нему пройти.

Но она знала, что проберется к нему до ухода с профессором к Гарбую. И если плохо, то попытается помочь. Сама еще не знает как, но постараится. Должен же быть выход для подопытных кроликов.

Через две минуты после ухода полковника — не успели даже пленники обсудить ситуацию — вошли две медсестры с большим ящиком. Хлопнули его на пол, и одна из медсестер сказала басом:

— Разбирайте, ваше.

Они отошли в кухню и оттуда посматривали, как пришельцы двинулись к открытому ящику, как будто к упавшей, но неразорвавшейся бомбе. Потом принцесса вдруг затараторила, и в слезы! Темной обезьянкой она вытянула из груды тряпок и предметов, наполнивших ящик, длинную одежду в блестках — тащила ее, отступая от ящика, и Покревский пришел ей на помощь, освободил подол длинной одежды от запутавшихся в нем ботинок, которые, как оказалось, принадлежали инженеру.

— Ребята! — воскликнул он радостно. — Нам же одежду варвары вернули!

И только тогда все сообразили, что местные хозяева не щутят и в самом деле решили отпустить пришельцев домой — иначе зачем бы им возвращать одежду и обувь и все вещи, что были с ними в момент перемещения.

— Мой сюртук! — рычал Журба, отталкивая Кору. — Надо проверить!

Он погружался в ящик, выбрасывая оттуда вещи — в поисках своего сюртука, он был страшен в упорстве и силе, употребленной на эти раскопки. Но из его деятельности прочие люди извлекали пользу — по крайней мере, Влас Фотиевич не дал людям устроить кучу-малу, навалиться на ящик одновременно. Вылетавшие оттуда платья, чулки, туфли, сумки тут же находили хозяев — не так уж много народа было в комнате. И когда все разобрали выкинутое Журбой и тот отыскал свой драгоценный сюртук и

полосатые брюки, оказалось, что в ящике еще остались вещи Миши Гофмана. Их взяла Кора — как бы наследница Гофмана — и никто не стал спорить.

Оттолкнув медсестру, Журба вышел на кухню, и та подчинилась. На кухне он стал громко петь народную песню, которую Кора в школе не проходила: «Эх, полным-полна коробушка, есть и ситец и парча!»

Какое счастье, что вы вымерли, подумала Кора, еще до того, как я родилась. Возвращайтесь лучше к себе!

Некоторые потянулись к своим комнатам, чтобы переодеться в тишине, другие спешили, переодеваясь прямо в столовой. Инженера, например, не беспокоили соображения стыдливости. Зато принцесса унесла все свои одежды, а их оказалось немало — в свою норку.

Но каждому хотелось одного — как можно скорее скинуть унизительный синий халат и серое арестантское белье. Причем халат не был таким унизительным еще час назад, потому что все были равны в унижении и не было из него выхода. А вот теперь люди снова стали разными — будто их уже выпустили на свободу.

Кора переоделась у себя в комнате. Ей переодеваться было несложно. Тем более что возвратили далеко не все — разворовали. Правда, у нее осталась куртка Миши Гофмана — он не обидится, если она наденет ее в ночной и утренний походы — они еще предстоят Коре. Так что пока Кора была девицей студенческого возраста и положения, отдыхающей в Симеизе, — одежда на грани сексуального риска, но не далее.

Переодевшись и с удивлением посмотревшись в зеркало, ибо за три дня отвыкла от себя настолько, что не сразу узнала, Кора поняла, что более оставаться одна не может, и хотела было пойти к профессору, но ноги сами принесли ее обратно в столовую.

И не только ее одну.

— Земляне и землянки!.. — так их назвал инженер Всеволод Той.

Он был одет просто, без затей, как одеваются славные изобретатели маxолетов, когда поднимаются в воздух над склонами Ай-Петри, все на нем было облегающим, упругим, хлопковым, шерстяным, с буфами, притом в обтяжку — человек-птица!

Покревский изменился в поведении и даже внешности. На нем был черный мундир, на левом рукаве нашит щит с черепом, под ним золотые шевроны, на груди Георгиевский серебряный крестик. Мундир был не нов, пропоролся в одном месте, на колене черные галифе протерлись. Фуражки у капитана не было — потерял, но погоны были, хоть без звездочек. Но главное — изменилась его выпрека.

Тут вошел, облаченный в полосатый пиджак и черные брюки, Журба — с радостным криком:

— Нашел! А ведь не хотели возвращать! Жулье!

Он держал в руке большой черный бумажник с золотой монограммой.

— Там деньги? — спросила Кора.

— Мало что осталось, — Журба сразу замкнулся.

— А ты спрячь, — сказала Нинеля, которая оказалась одета просто и грубо, в короткой суконной юбке, срезанных ниже колен кожаных сапогах, в гимнастерке без знаков отличия, но перетянутой солдатским ремнем. Она приподняла валик надо лбом, взбила локоны и изменилась, пожалуй, более всех.

Остальные, кто пришел в столовую, крутили головами от собеседника к собеседнице — как поворачивают голову за мячом зрители на теннисном корте.

Журба отошел к обеденному столу и, открыв бумажник, стал вынимать из него ассигнации, раскладывать их на столе и разглядывать, словно это было сладкое, давно желанное чтение.

Профессор пришел одним из последних. Он, как оказалось, почти не изменился. Он сменил халат на старый костюм, поношенный, домашний, в котором любил работать в кабинете.

Кора его удивила.

— Так будут носить? — спросил он. — Через сто лет?

— А что? — смущилась Кора. — Некрасиво?

— Нет, что вы! У каждой эпохи свои вкусы. Только на мой взгляд... несколько откровенно.

— Я не могу изменить моду.

— Не хочешь! — возразил Журба, не поднимая головы от своих бумажек. Он все замечал и не одобрял.

Последней пришла готская принцесса. Покревский ждал ее, все глядел на дверь, даже продвигался в том направлении, но что-то удерживало его от того, чтобы побежать за девушкой.

Ее появление было предварено удивленным взглазом медсестры — охранник увидел принцессу идущей по коридору.

Она вошла медленно — видно, хотела, чтобы ее разглядели.

Она настрадалась, может, более других — грязная маленькая цыганка, не понимающая ни слова, и один лишь у нее заступник — уродливый от страшного шрама, издерганный, худой белогвардеец, о котором принцесса не знала, что он белогвардеец, — он был ей непонятен, но заботился и даже защищал.

Принцесса остановилась в дверях и замерла, будто не решаясь шагнуть в столовую, где возле пустого исцарапанного деревянного стола стояли кучкой пришельцы, все выше ее, шумнее, разговорчивей, все связанные знанием общего языка — несчастные, украденные, но не такие одинокие, как эта смуглая девица.

Вернее всего, подсознательно — уж очень она была от них далека и вряд ли думала о мести или насмешке, — но она причесала свои тугие, черные, раньше забранные в неаккуратный узел на затылке волосы, распустила их по плечам из-под золотого венца, по сторонам которого свисали тяжелые, изысканные, с ладонь, подвески. И от этого лицо возникло в обрамлении золотой изысканной рамы и само как бы впитывало часть света, излучаемого золотом, усеянным драгоценными камнями. Какой-то золотой пудрой или краской принцесса Парра тронула веки и даже ресницы, серебром — губы и превратилась в создание ювелирное, искусственное.

Обрамленное золотой рамой лицо принцессы находилось, как в высокой чаше, в воротнике, переходящем затем в узкоплечее расширяющееся пирамидой к земле парчовое сиреневое платье, густо и тяжело поблескивающее растительным восточным узором. Пальцы принцессы были унизаны перстнями, но зоркий глаз Коры все же отметил: вычистить черноту под ногтями она не успела. Или не догадалась?

— Принцесса... ваше сиятельство, — произнес Покревский, делая шаг к принцессе и щелкая каблучками. Он не смог найти нужного тона или нужного соотнесения себя и своей несчастной возлюбленной.

Принцесса обернулась к Коре, как бы спрашивая у нее, что же ей делать дальше, когда утихнет гул восхищенных и удивленных голосов. И Кора поняла, что она ожидала иной реакции, иного поведения людей, а может, и иных людей. Только что все были не людьми, а синими халатами, то есть рабами и не житью. И тут оказалось, что у каждого есть свой костюм, своя повадка, свое правило поведения. Принцесса была как бедная девочка, которой купили настоящее платье и настоящие туфельки. Она, надев их, вышла во двор, а оказалось, что всем купили туфли — может, и попроще, другие, но всем новые.

— Черт побери, — сказал ротмистр.

— Я ее у вас уведу, — сказал инженер, и где тут была шутка, а где искреннее намерение, осталось не понятным для Коры. А Журба оторвался от своих бумажек и сказал:

— Чего только у вас не насмотришься. Дьявольское наваждение.

Он был недоволен этим зрелищем. Оно не входило в круг его понимания.

Наконец принцесса все же решила, что обстановка изменилась не настолько, чтобы отказаться от общества Покревского. И сделала шаг к нему, и это как будто выключило внимание окружающих. Каждый вернулся к своему делу. Люди собирались в обратный путь, как в номере гостиницы — только сувениров никто не приобрел.

Краем уха Кора услышала, как Нинеля, подойдя к Журбе, говорила ему:

— Влас Фотиевич, значит, возвращаемся?

— Возвращаемся, если не шутишь, — ответил тот.

— А что делаешь?

— Как видишь, — ответил полицмейстер. — Отчет пишу. Краткий отчет. Я понимаю: с меня градоначальник, господин Думбадзе, полный отчет попросит.

Нинеля присела на стул рядом с Калниным.

— Если нужно, ты подтвердишь, товарищ Калнин, что мы с тобой звания коммунистов не опозорили, а?

Нинеля замолчала, как бы оценивая заранее возможный ответ.

— А что? — спросил без улыбки Эдуард Оскарович. — У тебя есть основания для беспокойства?

— Это как понимать?

— Бывают некоторые люди, которые морально упали в глазах товарищей или отдались иностранцу. Все бывает...

— Вы что это, Эдуард Оскарович! — перепугалась Нинеля. — Кто это морально упал?

— Не я этот разговор начинал.

— Послушай, Калнин, — изменила тактику Нинеля, — а стоит ли нам с тобой вступать в конфликт, от которого радость получат лишь наши враги?

И Нинеля кинула выразительный взгляд в сторону принцессы и ее белогвардейца — очевидных классовых врагов.

— Я буду у себя, — сказал профессор Коре. — Вы меня разбудите или я вас?

— У меня вся надежда на вас, — сказала Коре, — я слишком люблю спать.

— А вы не чувствуете тревогу?

— Чувствую, но разве от этого можно впасть в бессонницу?

Калнин засмеялся.

— А знаете, какая у меня радость? — спросил он.

— Вы скоро будете дома!

— Нет, не это, не это! Меньше всего я стремлюсь домой.

И только тут Кора поняла, что никогда не спрашивала: а как жил профессор, где он был раньше, есть ли у него семья, дети? Чепуха — так давно знакомы... и тут же она поймала себя на логической несуразности: ведь она знает профессора лишь три дня. И общалась с ним за эти дни совсем недолго.

— У меня в пиджаке оказались запасные очки. Когда я сюда переходил, я взял с собой очки.

В тот момент Кора не обратила внимания на странную оговорку профессора, но когда вернулась к себе в комнату, ожидала, когда все уснут и можно будет пойти к Мише Гофману, задумалась, вспомнив слова Эдуарда Оскаровича. Что они значат? Как будто бы профессор знал заранее, куда идет и что ему понадобятся запасные очки... И опасался, что здесь не будет для него запасных очков. Странно... В пятидесяттом году он не мог предсказать собственный переход сюда — или понять суть параллельного мира. Не мог, и все тут. В то время, как и в течение последующих десятилетий, это понятие существовало лишь в умах фантастов и сатириков.

* * *

Даже лучше, что дождь еще лил — хоть и несильный, — от этого было темнее и часовые от невысокой вышки, что стояла у ворот, не могли видеть далеко. К тому же им мешал барак.

Было уже больше двенадцати — в бараке все улеглись спать. Только когда Кора проходила мимо двери в шестую конуру — там жил капитан Покревский, она услышала громкий быстрый шепот, сладкий стон. Значит, они были там вдвоем. Ну и слава Богу — кто знает, доживем ли мы до завтрашнего дня?

Почему эта мысль вдруг посетила Кору? Она об этом раньше не думала.

Прожектор повернулся — видно, часовой на вышке заподозрил неладное или услышал, как плеснула вода, когда Кора угодила в лужу. Кора присела на корточки — наверное, надо было кинуться к стене

барака, а она присела на корточки. Прожектор мигновал ее, не заметив.

Потом, пригибаясь, Кора добежала до административного здания. Но дверь, которую показала ей Нинеля, была на этот раз закрыта — видно, в ту ночь в доме не было приходящих любовниц. Кору охватило отчаяние: если окна первого этажа закрыты, то ей не проникнуть внутрь. Она шла вдоль здания и пробовала все окна по очереди. Раз ей пришлось снова присесть и прижаться к стене, потому что прожектор скользнул по ее платью, но ее скрыл розовый куст.

Неизвестно какое — десятое ли, двадцатое окно, когда и надежды не осталось, а было лишь тупое упрямство, вдруг поддалось, правда, отчаянно застрипело.

Кора перебралась через балкон.

Дверь в комнату, куда она попала, а там стоял письменный стол и по стене тянулись металлические шкафы, была заперта на задвижку. Выйдя в коридор, Кора не забыла запомнить номер комнаты — 16. Иначе пробегаешь здесь до утра.

Но в палате, где Кора была в прошлый раз, Миши не оказалось. Палата была пуста.

Кора начала обходить комнату за комнатой четырехэтажного здания, бредя по пустым, гулким коридорам, скучо освещенным тусклыми лампочками под потолком. Здание, не такое уж большое снаружи, в ночном путешествии увеличилось и стало бесконечным. Некоторые комнаты были заперты, и Кора стояла перед ними, то окликая Мишу шепотом, то прислушиваясь к человеческому дыханию. И чем дальше она шла, тем больше ее охватывало отчаяние потому, что ею владела уверенность, что ключ к тайне, к тому, что должно случиться завтра, должен ей передать Миша, — став жертвой какой-то страшной интриги, он обрел за это понимание ее.

Но Мишу могли увезли отсюда — она же не следила за входом в здание. Мало ли кто за этот вечер побывал здесь.

Раза два Коре приходилось останавливаться, замирать и даже прятаться.

На втором этаже был пост — видно, там находились кабинеты начальства. Кора чуть было не толкнула задремавшего часового. К счастью, он похрапывал, так завалив назад стул, что тот касался спинкой стены, и не проснулся при ее приближении.

Кора решила оставить обследование этого участка коридора на случай, если не найдет Мишу в ином месте, — надежд на этот начальственный угол было мало — она судила по дверям, обитым кожей, с черными табличками на них.

Во второй раз ей пришлось скрываться в туалете от двух медсестер, которые совершали обход.

Кора не сразу обнаружила ход в подвал. Дверь туда была очень мала, и Кора дважды миновала ее, прежде чем заметила в казенной полутьме.

Кора толкнула незаметную, покрашенную в бурый цвет дверь и по бетонным ступенькам спустилась вниз, где было сырое, но лампы светили ярче. Там пахло карболкой и какими-то лекарствами. И Кора сразу поняла, что находится на правильном пути.

Через несколько шагов по подвальному коридору Кора остановилась перед дверью, которая, на ее счастье, была заперта снаружи. Пройти дальше было можно, а вот выйти оттуда — нельзя.

За дверью коридор был белым, стенки выложены белой плиткой.

Затем была еще одна дверь — вернее, перегородка из небьющегося стекла, на которой время от времени вспыхивала электрическая надпись:

«Опасно! Смертельно опасно! Дальше хода нет!»

Миша здесь, понимала Кора. Она не послушалась надписи и повернула штурвал, которым отпиралась внутренняя дверь. Сразу зазвенела тревога, покатилась по подвалу звонком, загорелся красный огонек. Кора быстро прошла внутрь — если ее здесь сейчас застигнут, то ей некуда будет деваться. Впереди была еще одна стеклянная дверь, почти вся замазанная белой краской, лишь на уровне глаз был оставлен прозрачный кусок — как прорезь в старинном танке.

Кора остановилась перед прозрачной стенкой. За ней была ярко освещенная комната без окон, тупик,

слепой конец подвального коридора. Там стояла койка, покрытая серым одеялом. Миша лежал на одеяле, отвернувшись от Коры.

Кора постучала в перегородку.

Миша был неподвижен. И его неподвижность страшила.

И тут Кора увидела, что на полу у самой перегородки лежит разлинованный лист бумаги, вырванный из какого-то формулляра или блокнота. На нем было написано густо и неровно бурой краской, пятна этой краски остались на полу. «ЗАРАЖЕН ИСПЫТЫВАЛИ ВИРУС ГРОЗИТ ВАМ ЗЕМЛЕ».

На большее у Миши Гофмана не хватило сил. Кора поняла, что он писал своей кровью. Потом он смог забраться на койку, подогнуть ноги и отвернуться к стене.

И Кора поняла, что он без сознания, а еще вернее — мертв, и ей не докричаться до него.

Но и уйти было нельзя. Мише плохо. Как заставить охранников помочь ему, может, дать какое-то лекарство... О каком вирусе он торопился сообщить? Надо добраться до телефона, вызвать полковника, вызвать их начальство — они обязаны спасти человека.

Впоследствии Кора спрашивала комиссара Милодара, был ли Гофман телепатом. Милодар отмахивался, утверждая, что телепатии вообще не существует, это выдумка фокусников, но доктор Ванесса, приехавшая как-то в университет навестить Кору, сказала ей, что телепатия как атавизм, как система связи, которая помогала первобытным людям выжить, конечно же, существовала. И у некоторых людей эти способности могут просыпаться в особо критические моменты жизни. Видимо, именно это произошло с Мишней Гофманом, который, умирая в стеклянном подземном боксе, предчувствовал не только то, что Кора придет и прочтет его послание, но и, что было для него самым страшным: она не сможет осознать, каких трудов и какой боли стоило ему написать записку, которая заключала в себе страшную догадку,

касающуюся его собственной смерти и смерти всех людей...

Но в тот момент Кора кинулась поднимать, будить стражей, вызывать помошь. Она не думала, что своим порывом сведет к нулю последнее героическое действие Гофмана. И, почувствовав эту угрозу, Гофман смог послать вслед ей свою последнюю мысль:

ОСТАНОВИСЬ! НИЧЕГО НЕ ГОВОРИ УБИЙЦАМ! ЭТО СМЕРТЬ ДЛЯ ВСЕХ! СООБЩИ... КОМИССАРУ!

Может быть, слова были не такими или не совсем такими — но понимание слов заставило Кору замереть.

Миша запретил ей звать на помощь, и это был приказ. И Кора не могла ослушаться его — такова была сила сигнала, посланного мозгом Миши Гофмана, который тут же умер.

Кора смотрела на него, прижав к губам кулак.

— Прости, Миша, — сказала она. Она поняла, что Миша умер и теперь все зависит от нее, удастся ли ей выбраться из подвала и здания незаметно, чтобы полковник не догадался, что Кора видела. Главное — добраться до профессора Калнина, и он поможет ей...

К счастью, сигнал тревоги, который прозвучал из подвала, не поднял стражей. Может быть, им и не очень хотелось туда спускаться? Может быть, они знали о вирусе?

Кора на цыпочках поднялась на первый этаж.

Коридор, еле освещенный слабенькими лампочками, скрывался в полумраке. До открытого окна отсюда было недалеко. Но как раз когда она подбегала к комнате, в которой было это окно, по лестнице сверху приблизились тяжелые шаги людей в сапогах. Кора успела нырнуть в дверь и беззвучно закрыть ее за собой. Шаги проследовали мимо. Шли двое, они негромко разговаривали, словно боялись кого-то разбудить. Наверное, медсестры.

Кора выбралась через окно. Дождь совсем перестал, и даже первые, самые смелые цикады короткими фразами пробовали, не застудили ли они свои

драгоценные музыкальные инструменты. Трава была мокрой.

Чтобы не рисковать, Кора спряталась за кустом, росшим у здания. Прожектор светил на ворота, ее выхода не ждали.

Кора шла вдоль здания до тех пор, пока не поравнялась с углом барака. Теперь он прикрывал ее, и можно было смело бежать к своей комнате. Но вместо этого она остановилась у стены и с минуту просто стояла, превозмогая страшную усталость, — ноги отказывались сделать еще шаг.

Совсем рядом послышался громкий шепот.

Женский голос произнес:

— Ты бы руки не распускал, Влас Фотиевич. Ведь окажешь мне неуважение, а как вернемся домой, я сразу могу меры принять. За мной такая сила стоит — закачаешься!

— Ты чепухи не неси, крохотулечка моя. Кто их знает, здешних. Может, и у меня окажешься, подумай. Тогда я с тобой тоже строгость проявлю. Я ваших, революционеров, социалистов, на дух не переношу, виселица по вам плачет.

— Осторожнее, Влас, ох, осторожнее! Не знаешь ты, сколько мы таких, как ты, на тот свет отправили!

— Это за что же?

— А за то, что вы долг свой слишком выполняли.

— Ну и дурачье! — осерчал полицмейстер. — Мы вам — самые главные специалисты. В каждом деле нужен специалист. А то наберете кухаркиных детей, они вам всю державу расташат.

— Влас!

— Пятьдесят лет как Влас.

— Влас, ты где меня щекочешь!

— Я, может, не тебя щекочу, а будущую полицейскую силу, как бы смену мою на пути охраны порядка и законности.

— А ты не смеяйся!.. ну щекотно же!

— Еще не так щекотно будет.

— Нельзя, мы с тобой с классовой точки зрения враждебные элементы.

— Будешь сопротивляться, твоему начальству напишу, в каком ты разврате состояла с иностранным полковником. Твое начальство, как я понимаю, этого не выносит.

— Тише! Молчи! Ну, дам я тебе, дам... Только не под кустом, не здесь. Мы же с тобой не студенты какие — мы сотрудники правоохранительных органов.

— Ну то-то! Пошли тогда ко мне, обсудим, побеседуем.

Две темные тени, соединенные объятием в одну, поднялись и четырехногим существом побрали, целуясь, к бараку.

Кора пошла следом за ними.

Все перепуталось, и люди, и события...

Профессор сейчас спит. Не надо его беспокоить.

Кора понимала, что вряд ли можно спасти Мишку или помочь ему. Но оставлять это было нельзя. И хоть выходить из барака было еще рано и в горах в такую темень ничего не поделаешь, Кора все же не пошла к себе, а постучала к профессору.

К счастью, Калнин и не собирался спать.

Он сидел на койке, скрестив босые худые ноги. Он блеснул на вошедшую Кору объемными линзами очков и сказал:

— Садись. Ходила к Гофману?

— А вы как догадались?

— Я к тебе заглядывал, а там пусто. Значит, ты пошла к Гофману. Как он?

— Я очень боюсь, — ответила Кора. И сказала о том, что видела. И пересказала содержание записки.

— Как в готическом романе, — сказал профессор. — И как мало было шансов, что ты первой увидишь послание.

— Он приказал мне уйти. Вы не думайте, что я испугалась. Я хотела позвать на помощь, чтобы дали лекарства или что-то сделали! Вы не представляете, какое это чувство, — ты видишь и бессильна. Но он мне не велел. Вот тут, в мозгу, без слов...

— Я тебе верю, девочка, — сказал Эдуард Оскарович. — И если бы ты сделала иначе, ты оказалась

бы в том же подвале, Гофман был все равно мертв и они сохранили бы тайну. Теперь же у нас с тобой есть шанс. А то бы не было ничего...

— Мы должны с вами идти!

— Куда?

— Вы сказали, что можете поговорить с Гарбуем. Что он может прийти в лес...

— Я ни от чего не отказываюсь, Кора. Мы пойдем с тобой в лес в надежде отыскать Гарбую, — все правильно. Но только не сейчас. У нас ведь даже нет фонаря.

— Но мы медленно...

Кора сама оборвала фразу — она была наивной и даже глупой. Что они будут делать в ночном мокром лесу? Кого они будут там искать?

— На виллу «Радуга» нам не пробраться, — сказал профессор. — А Гарбуй не может стоять всю ночь и ждать нас. Я вообще не знаю, где он и жив ли. И в истории с Гофманом нам, боюсь, не разобраться... все равно надо ждать рассвета.

— А здесь нет телефонов?

— Здесь только телеграфная связь. В некоторых отношениях они отличаются от нас.

— Я пойду к себе? — Кора поежилась.

— Если тебе страшно одной в комнате, оставайся у меня. Спи на койке, а я устроюсь на полу.

— Спасибо, — сказала Кора. — Но я пойду к себе... мне все кажется, что могла бы сделать что-то для Миши.

— Мы сделаем для Миши куда больше, если сможем понять его предупреждение и воспользоваться им.

— Тогда я пошла?

— Иди, Кора. Постарайся заснуть. Завтра будет трудный день.

* * *

Калнин постучал в дверь Коре в пять утра. Еще толком не начало светать — лишь чуть заголубело небо. Он постучал костяшками пальцев, но Кора проснулась сразу — будто ни в одном гла-

зу, хотя заснула только два часа назад. Страшно было засыпать — она боялась, что ей будут сниться кошмары.

Профессор был в пиджаке, застегнутом на все пуговицы, и на шею он намотал полотенце. Заметив взгляд Коры, он сказал:

— Пускай некрасиво, зато горло болеть не будет.

Когда они вышли из барака, он добавил шепотом:

— Наверное, вам смешно, что я думаю о горле в такой момент. Но мне вовсе не хочется болеть, когда начинаются приключения.

Лицо его было абсолютно серьезным, и Кора не понимала, шутит он или подбадривает ее и в самом деле ждет приключений.

Дождя не было, но поднимался туман. В густом сумраке он казался плотным как светло-серая вата, и, сделав шаг вперед, Кора погрузилась в него по пояс.

— Ничего, — прощептала она, уговаривая большие себя, чем Эдуарда Оскаровича, — скоро рассветет, а сейчас в тумане нам легче уйти из лагеря.

— Если не поломаем ног, — разумно ответил профессор Калнин.

Ног они не поломали и даже отыскали дыру в заборе. А как только начали подниматься в гору, то выбрались из моря тумана. Начало светать. Как бы приветствуя победу профессора и Коры над силами природы, всполошились и начали петь птицы, поднявшийся свежий ветер принес в лес свежий шум листвьев; правда, от него было очевидное неудобство спутникам: он сбрасывал с деревьев дождинки и норовил плюснуть за шиворот.

Когда они поднялись к развилке, стало почти совсем светло и предметы, до того состоявшие из различных сочетаний серых цветов, приобрели разноцветие, и даже небо стало голубым.

Затем они свернули на узкую тропинку, что вела к вилле «Радуга», но спускаться к вилле им не пришлось, потому что Кора, зоркая и настороженная, вдруг замерла: в утренний шум леса вмешался чужой, животный звук.

Кора подняла руку.

Профессор понял и послушно остановился.

Стараясь не наступать на сучки, Кора выглянула на открытую полянку, и там, под сенью могучего дуба, свернувшись в комок, спал человек, накрытый плащом, и хралел так, что плащ от каждого его выдоха вздымался, словно воздушный шар.

— О господи, — произнес профессор. — Этот старый дурак обязательно простудится.

Он пересек поляну, и Кора не смела его остановить.

Он наклонился и потряс спящего за плечо.

Тот проснулся сразу, словно и не спал, а ждал прикосновения. Он сел. И Кора сразу узнала Гарбую.

Начальник проекта был накрыт плащом, словно мусульманская женщина платком, и его широкое розовое детское лицо тоже казалось женским.

Эдуард Оскарович словно и не удивился встрече. Он подождал, пока Гарбуй поднимется и задрожит от накопившегося в нем холода, пока проморгается и протрет глаза, а потом спросил:

— Давно нас ждешь?

— Я убежал, — сообщил Гарбуй. — Наверное, с минуты на минуту они начнут меня искать. Может, даже с собаками. А ты, как всегда, где-то отдохнешь.

— Я ждал вчера вечером. Кора может подтвердить.

— Зря ты приглашаешь посторонних, — поморщился избалованный мальчик.

— Это сейчас не обсуждается. Кора полезнее, чем я. Особенно сейчас.

— Вопрос о пользе абстрактен. Ты, например, умудряешься доказать свою бесполезность в самый неподходящий момент.

— Давай не будем сейчас спорить, — сказал Эдуард Оскарович, но, как почувствовала Кора, не от миролюбия, а от того, что момент был критическим.

— Я и не собирался спорить, — ответил Гарбуй.

Он стоял, широко расставив толстые короткие ноги, картино запахнувшись в плащ, как, наверное, делали поздние римские императоры, не уверенные в том, что их поддержат мятеjhные легионы. Влажные

колечки рыжеватых волос окружали его розовую лысинку нимбом, и в этой лысинке, как ни странно, тоже было нечто трогательное и детское.

— Чего ты боишься? — спросил Эдуард Оскарович.

— Я думаю, что военные решили меня убить, — ответил Гарбуй. — До сегодняшнего дня я держался наверху только силой и хитростью президента. Я был нужен ему для власти, и я был опасен военным. Теперь, когда они убили президента...

— Он был убит?

— Они устроили ему авиакатастрофу. Я знаю точно: со мной смог связаться его адъютант. Он предупредил меня, что я на очереди.

— И они хотели тебя убить?

Толстый Гарбуй подпрыгивал на месте, чтобы согреться.

— Они все же меня опасаются. Это не значит, что не убьют. Но никак не могли решиться, как лучше это сделать — чтобы не связывать мою смерть со смертью президента. Пока они рассуждали, я сбежал. Сегодня ночью.

Кора сделала несколько шагов в сторону моря, которое поблескивало сквозь ветви деревьев. Внизу виднелась вилла «Радуга». Около нее стояли два военных автомобиля, в них — солдаты, сверху они казались оловянными игрушечками.

— Они уже собираются, — сказала Коре.

Профессор подошел первым.

— Рано встали. Наверное, спохватились. У них нет собак?

— Ой, не знаю! — сказал Гарбуй.

— А они тебя охраняли?

— Нет, они думали, что я ничего не подозреваю.

— Так что намерение убить тебя — это твое собственное умозаключение?

— А вон те солдаты — это тоже умозаключение?

— Может, они встревожены тем, что исчез руководитель проекта?

— Не мели чепухи, Эдик, — отмахнулся Гарбуй.

— Я совершенно серьезен. Я убежден на двести процентов, что тебе сейчас ничто не угрожает.

— С чего ты решил?

Машины одна за другой поехали в сторону футбольного поля. Над морем на востоке небо начало золотиться от приближения солнца.

— Знаешь ли ты, что военные намерены немедленно или, по крайней мере, очень скоро отправить всех нас обратно на Землю?

— Но это же чепуха! Как и их идея отправить туда отряд коммандос за трофеями. Это все — детские игры.

— А тогда послушай, что тебе скажет Кора. Ей пришлось два раза за последние сутки разговаривать с Гофманом. Ты его знаешь.

— Я всех знаю. И что же вам сказал Гофман, миная леди? — спросил Гарбуй.

Удивительно, но его возраст угадать было невозможно. Щеки были надуты, на толстом лице не было ни морщинки, а в то же время он казался пожилым человеком.

— Гофман умер, — сказала Кора. — Поэтому мы так спешили вас увидеть.

— Как так умер? Что с ним произошло? Почему мне не доложили? — Мальчик рассердился, на секунду он забыл, что перед ним не подчиненные медики, а пришельцы из параллельного мира.

— Расскажи ему все, — попросил Калнин.

— Все?

— Все и подробно, и не трать времени даром.

Кора отметила для себя, что профессор перешел с ней на «ты», но это произошло естественно.

Видя, что Кора продолжает колебаться, Калнин добавил сердито:

— У тебя есть другие помощники? Спасители и избавители? Может, ты предпочитаешь обратиться к полковнику Рай-Райи?

Тогда Кора рассказала Гарбую о двух своих визитах к Мише Гофману, о записке кровью. Краем глаза она поглядывала на виллу «Радуга» и прервала рассказ, когда из нее вышли два медика в светлых фартуках, сопровождаемые офицерами. Офицеры несли за ними чемоданчики. Машина, в которую они усе-

лись, так же, как два первых джипа, взяла курс на лагерь.

— А теперь они хватятся: где наш любимый руководитель проекта? — произнес Калнин и, как показалось Коре, с издевкой.

— Помолчи!

— Они пока оберегают твой сон — ведь без тебя операция по возвращению беженцев к родным очагам может не состояться. Или ты уже подготовил кадры?

— Их еще готовить и готовить, — сказал Гарбуй и обернулся к Коре. — Рассказывайте дальше. Значит, вы решили, что Гофман мертв...

Окончание рассказа заняло еще минут пять. Коре пришлось дважды повторить последние мысли Гофмана — те, что она уловила без звука.

Солнце уже поднялось над морем и слепило глаза. Птицы перекликались, как на митинге. Кора подумала, что Миша, наверное, так и лежит там, хотя, может быть, те медики, что поехали в лагерь, сейчас колдуют возле него, выясняют причину смерти.

— Одного я не понимаю... — сказал Гарбуй. Но кончить свою мысль он не успел, потому что его перебил Эдуард Оскарович:

— Ты не понимаешь, какого черта им надо было травить Гофмана!

— Ума не приложу!

— Я в том вижу две причины, — сказал Эдуард Оскарович. — Первая проста, ты до нее додумался бы сам: им надо было выяснить, не отличается ли реакция человеческого организма, я имею в виду земной организм, на некий вирус от реакции аборигена.

— Речи о смертельных вирусах не шло, — сказал толстый мальчик. — А в чем вторая причина?

— Вторая — их убеждение, внущенное тобой, мой ангел, в том, что Миша Гофман — подосланный сюда агент из будущего.

— Они боятся?

— Они рассудили, что лучше пожертвовать им, чем мной или Корой.

— И эксперимент удался.

Гарбуй повернулся к Коре.

— Когда, вы говорите, ему сделали укол?

— Вчера он уже был болен.

— Эффективный вирус. Мы такого, пожалуй, не проходили.

— И не могли проходить, — ответил Калнин. — Надо было выбирать другой факультет.

— Значит, вернее всего сутки — инкубационный период и сутки сама болезнь. А что — неплохо придумано.

Кора переводила взгляд с одного ученого на другого, но не во всем могла уследить за ходом их быстрой беседы.

— Но бактериологическая война зависит от такого числа факторов, что рассчитывать на то, что она уничтожит население планеты... или хотя бы дезорганизует ее оборону, вряд ли приходится.

— Мы не знаем, насколько живуч этот вирус, — сказал Калнин. — Насколько быстро распространяется. Мы еще ни черта не знаем, и узнать это сможешь только ты.

— Ты что, всерьез предлагаешь мне вернуться?

— Там, где пехота не пройдет, — произнес загадочную фразу Калнин, но Гарбуй продолжил ее:

Где бронепоезд не промчится,
Тяжелый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица!

Вы можете продолжить? — спросил Гарбуй у Коры. Почему-то он развеселился, помолодел.

— Я не помню таких стихов, — сказала Коря.

— Наша далекая потомочка, — сказал Гарбуй, — не помнит таких стихов. И не знает, что это не стихи, а боевая песня. Значит, ты считаешь, Эдик, что мне надо вернуться?

— Если бы ты не заварил эту кашу, — сказал Калнин, — то не было бы и такой опасности.

— Только не надо мне говорить, что ты меня предупреждал.

— Я тебя предупреждал, — серьезно ответил Калнин. — Но ты не мог меня послушаться.

— Не мог, — согласился Гарбуй. — А они меня не шлепнут на подходе?

— Ты знаешь, что не шлепнут. Хотя потом, когда все образуется, они тебя обязательно шлепнут. Как твоего любимого президента.

— Помолчал бы, Эдик. Президент был светлым человеком.

— Особенно если не вспоминать, по каким трупам он пришел к власти.

— Это было двадцать лет назад.

— Срок давности истек?

Кора смотрела на двух пожилых мальчиков, которые вспоминали какие-то свои детские истории.

— Ну, ладно, я пошел, — сказал Гарбуй. — Ты расскажи Коре, что знаешь. Или не рассказывай. Ты вольная птица.

— Я не птица, я ворон, — сказал Калнин.

— Ты уверен, что мне следует возвращаться?

— Я думаю о другом, — сказал Калнин. Он снял очки, протирал их носовым платком, близоруко щурясь на Гарбуя. — Я думаю, как лучше всего вести себя нам с Корой.

— Вы должны вести себя так, чтобы нарушать их планы, но не дать им догадаться об этом.

— Спасибо за дальний совет, — усмехнулся Калнин.

— Возвращайтесь домой и ждите, что будет дальше, — продолжал Гарбуй. — А как только вы мне понадобитесь — придете на помощь. Надеюсь, вы понимаете, что я остался совершенно один.

— А что они собираются делать? — спросил профессор.

— К сожалению, я знаю не больше тебя. — Толстый мальчик заторопился. — Послушай, Эдик, я не хочу, чтобы они меня хватились. Уже семь часов.

— Ты прав, — согласился Калнин. — Но все же ответь мне, как они собираются выполнить свою угрозу? Как они будут доставлять вирус на Землю?

Гарбуй склонил голову, словно впервые увидел Калнина.

— Значит, ты не знаешь?

- Не знаю.
- И не предполагаешь?
- Подозреваю.
- Поделись с нами.
- А ты-то знаешь?
- Я убежден.
- И что же?
- Зададим этот вопрос девушке.
- Какой вопрос? — спросила Кора. В этой дуэли реплик она поняла суть спора.
- Каким образом вы намерены завоевать Землю, если вы куда более отсталая планета, чем Земля? И в вашем распоряжении не так много времени?
- Но в моем распоряжении есть вирус, — напомнила Кора.
- Вот именно!
- Тогда я переправлю вирус на Землю.
- Как?
- Вместе с носителем. С каким-то больным животным...
- Или?
- Или человеком!
- Ну, вот, — сказал Гарбуй, обращаясь к Калнину. — Устами младенца глаголет истина. Если у нас с тобой были какие-то сомнения, то теперь я их не вижу. Мы заражаем вирусом наших пришельцев...
- Поэтому нам вчера вернули нашу одежду, — вмешалась Кора.
- Вернули одежду? — Гарбуй и этого не знал.
- Да, вернули одежду и сказали, что нам пора домой.
- Черт побери, как же они заразят вас? — Гарбуй размышлял вслух.
- Существует немало способов заразить нас, — ответил Калнин. — Они зависят от того, каким путем передается вирус. Так что тебе надо доказать им, что ты ничего дурного не подозреваешь, но постаться узнать, каким образом вирус передается.
- Да, — согласился Гарбуй, — ты прав, Эдик. Они могут передать вам его в пище, через вентиляцию...

— Но так, чтобы не заразиться самим.

— Не ломитесь в открытые двери, — сказала Кора. — Мише Гофману сделали укол. Они заведут нас одного за другим в подвал и сделают нам уколы. Потом у нас будет несколько часов инкубационного периода, и нас забросят домой. И если они правы, то на Земле наступит хаос...

— Иди, — сказал Калнин.

— А что вы будете делать? — спросил Гарбуй Эдика.

— По крайней мере, я знаю одно, — сказал профессор, — в лагерь нам возвращаться пока нельзя.

— А как же остальные? — спросила Кора. — Мы должны их предупредить!

— Скажи, пожалуйста, о чем ты их предупредишь? — поинтересовался Калнин.

— Чтобы они опасались заражения вирусом.

— Но ведь пока Виктор не скажет нам, как распространяется и передается вирус, мы не знаем, о чем предупреждать! Не есть? Не дышать? Не давать делать укол? Как спастись?

— Значит, пускай они погибают, а мы будем жить?

— Если вы будете живы, — Гарбуй опередил профессора, который хотел возразить Коре, — то сможете помочь остальным. Мертвые вы никому не нужны, кроме генерала Лея, потому что вы источник смертельной инфекции.

— Так что же делать? — воскликнула Кора.

— Оставаться здесь и ждать вестей от меня, — сказал Гарбуй.

— Не совсем так, — поправил его Эдуард Оскарович, — мы пройдем триста метров в ту сторону, откуда видны лагерь и бараки. Важнее не спускать глаз с лагеря. Может быть, увидим что-нибудь интересное.

— Хорошо, — согласился Гарбуй.

— С богом, — сказал Калнин, — возвращайся скорее.

— Я постараюсь, — сказал Гарбуй. И ускорил шаги. Они смотрели, как он скрылся в зелени.

— Как будто смотришь кино, — сказала Кора, когда Гарбуй уже скрылся. — А Гарбуй его настоящая фамилия?

— Нет, — сказал Калнин, — его фамилия Гарбуз. Но когда он стал здесь большой шишкой, его имя переиначили на местный лад.

— Вы с ним учились? — догадалась Кора.

— Тебе хотелось бы узнать, как все произошло на самом деле? — спросил профессор.

— Разумеется!

— Я надеюсь, что для краткой версии времени у нас будет достаточно, — ответил профессор. — Только давай перейдем на ту тропинку, откуда можно наблюдать за нашим лагерем.

— А вы начинайте, сразу начинайте.

— Хорошо.

Они пошли обратно к лагерю. Утро уже расцвело, расщумелось песнями птиц, веселым ветром и косыми лучами солнца, бьющими сквозь листву. Над ними прошел на бреющем полете вертолет, потом еще один...

— Снова прилетели генералы? — спросила Кора.

Но профессор ничего не ответил до тех пор, пока тропинка не подошла ближе к склону и оттуда можно было посмотреть вдаль, в сторону моря. И тут они увидели, что на футбольном поле возле виллы «Радуга» стоят уже несколько вертолетов. Солдаты выгружают из них тюки и ящики. Еще дальше группа солдат собирала нечто вроде большого миномета. Солдат было много, и видно было, как вдали от берега поднимается еще отряд моряков в серой одежде с голубыми отложными воротниками, вырезанными волнисто, чтобы подчеркнуть флотский характер формы.

— Они собирают целую армию, — сказала Кора.

— Ты наблюдательна! — заметил профессор. — Но для чего?

— Я почти уверена, что они хотят все же отправить этих людей в наш мир.

— Значит, они не боятся вируса? Значит, у них есть противоядие?

— Может быть, ты права. Будем надеяться, что Виктор об этом узнает.

— Виктор Гарбуз?

— Виктор Филиппович Гарбуз, ровесник Октября.

— Что это значит?

— Это значит, что он родился в 1917 году. Мне так странно порой, каких обычных вещей ты не знаешь.

— А я должна знать, что такое ровесник Октября?

— Наверное, нет. Ты же помнишь, что такие дни Термидора или Мартовские иды?

— В Мартовские иды убили Юлия Цезаря. Я читала об этом роман Торнтона Уайлдера.

— Новый роман?

— Нет, он был написан в ваши времена. Может, вы даже были знакомы с этим писателем?

— Нет, не пришлось. Боюсь, что если он американский писатель и не очень прогрессивный, его у нас не переводили.

— Писатели бывают прогрессивными и агрессивными?

— Не мели чепухи! — возмутился профессор. — Писатели бывают прогрессивными и реакционными!.. Впрочем, ты лучше меня не слушай. А то получается, что мы говорим с тобой на разных языках.

— Это плохо?

— Для меня это замечательно. Для Гарбуза — не знаю. А для Нинели это, наверное, трагедия. Так что все или почти все согласны вернуться в свое время. А для меня сорок девятый год — смерть.

Они вышли на широкую тропинку, которая вела к лагерю, и профессор Калнин начал рассказывать о том, как физики Калнин и Гарбуз оказались в параллельном мире.

* * *

Путешествие до лагеря заняло десять минут, и этого оказалось достаточно, чтобы профессор Калнин рассказал Коре удивительную историю.

Эдуард Оскарович Калнин и Виктор Филиппович Гарбуз были ровесниками Октября. Оба были маль-

чиками из социально сомнительных семей: Гарбуз проходил из малороссийских мещан, а Калнин был из латышей. Оба мальчика увлекались математикой и физикой и умудрились поступить в Петроградский университет, закончив который в конце тридцатых годов расстались — Гарбуз поселился в Харькове — на Украине, Калнин работал у Иоффе в Питере. Жизнью они были довольны, потому что им позволяли заниматься любимым делом, а те, кому положено бдеть, в этом деле ничего не смыслили.

— В войну мы на фронт не попали, у нас обоих была броня, — говорил профессор, и Коре чудились какие-то бронированные машины, в которых ездили герои рассказа, к тому же не сразу можно было догадаться, что такое война. Первая, вторая или третья мировая? Очевидно, по датам получилась вторая, когда тиран Гитлер захватил половину России, но тиран Сталин его выгнал.

— После войны мы встретились и сдружились в почтовом ящике, в Симферополе. Вот отсюда и начинается рассказ. Почтовый ящик — это значит секретное военное место.

— Спасибо, — сказала Коря. — Господи, как это далеко от нас! И странно понимать, что желания и чувства этих людей, жизни которых должны были завершиться давным-давно, влияют на судьбу Коры и всей Земли.

— Сначала идея параллельного мира была чистой сумасшедшей математической абстракцией. Ее было так же легко доказать, как опровергнуть. Наши коллеги высмеивали нас, но для нас с Гарбузом это была игра, игра ума. И со временем эта игра обретала все более четкий математический аппарат. Мы начали верить в теоретическую возможность параллельного мира и даже готовили статью об этом...

Они вышли к заросшей кустами площадке, которая нависала над лагерем. Отсюда до ограды было метров сто и еще двести — до барака.

Сквозь листву было видно, что перед административным корпусом стоят два джипа. Из двери барака вышел инженер Той. За ним шагал доктор в мяснице-

ком фартуке. Воздух был по-утреннему чист и свеж — видно было далеко-далеко. Инженер Той направился к административному корпусу, который утром выглядел вовсе не зловещим, и трудно было даже представить, что где-то там, в подвале, лежит мертвый Миха Гофман.

— Мы подождем здесь, — предложила Кора.

— Да, отсюда хорошо наблюдать, — откликнулся профессор. И продолжил свой рассказ: — Витя первым догадался, что за нашими формулами может скрываться физическая реальность. Параллельный мир не только существует, но соприкасается с Землей и даже оказывает некоторое влияние на ее гравитационное поле. А еще через год мы вычислили точку со-прикосновения миров. Мы пытались поделиться своим открытием с нашими коллегами. Но явление, открытое нами, было столь грандиозным, нам настолько повезло, когда, пойдя на белку, мы случайно застрелили медведя, что нас всерьез никто не принял. Нас даже прозвали «не от мира сего». Смешно?

— Наверное.

— Ты боишься ошибиться? Я скажу что-то несмешное, а ты засмеешься?

— Нет, не боюсь, — Кора смотрела на лагерь, и ей хотелось быть там, независимо от того, что ее ждет.

— Потерпи, — догадался профессор. — Гарбуз скоро придет.

— Придет ли?

— Надо же на что-то надеяться. Нельзя быть самым слабым.

— И это вы мне говорите?

— Именно я. Ты позволишь мне закончить рассказ?

— Извините.

Внизу в лагере все было тихо. Коре показалось, что она слышит, как звенят миски на кухне, — но это было лишь воображением — до завтрака оставался еще час. И наверное, их еще не хватились.

— Как мы ни проверяли наши расчеты — а ты пойми, что у нас даже элементарной вычислительной

машины не было, — все сходилось на том, что в районе южного побережья Крыма есть точка соприкосновения миров. И если точно ее установить, то есть шансы наладить связь с этим миром, который, на наш взгляд, должен был во многом соответствовать нашему, но быть все же иным. Ты не представляешь, что такое радость большого открытия! Мы находились в эйфории. Мы написали в журнал, мы пытались втолковать суть дела коллегам, которые стали бегать от нас. Неизвестно, как бы все кончилось, но Выхухолев услышал об этом от Ларисы.

— Кто такой Выхухолев?

— Второй муж Ларисы. Лариса — бывшая жена Гарбуза. Она ушла от него к Выхухолеву, а тот понял, что под другим миром мы имеем в виду мир империализма и хотим туда убежать.

— Зачем? — спросила Кора.

— Ну ведь ясно!

— Да не ясно же!

— Все хотели убежать!

— Куда?

— Господи! — вскричал профессор Калгин с некоторым оголтелым весельем. — Разве ты не знаешь, что Земля делилась на два мира — на мир загнивающего капитализма и на мир победившего социализма.

— Кого победившего?

— Более тупой женщины, чем ты, Кора, я, к счастью, в двадцатом веке не встречал, — заявил профессор. — Ты не знаешь, какой чин был у добровольца госбезопасности Выхухолева, ты не знаешь, что мир победившего социализма необходимо постоянно защищать от мира разлагающегося капитализма, который так приятно смердит... но мы, к сожалению, все знали.

— Вы решили убежать?

— В тот момент мы еще ничего не решили, потому что не знали наших возможностей. Но мы понимали: шел к концу сорок девятый год и вера во всесилие и безгрешность режима начала давать трещины. Мотором, конечно же, был Виктор. Он всегда

был решительней меня. Мы оказались в расчетной точке. У нас были приборы, сделанные нами же. Мы определили точку соприкосновения миров, мы собрали местные легенды... Птичья крепость, птичья скала... Ты знаешь.

— Конечно.

— Ты ведь тоже шла сюда сознательно?

Кора кивнула.

— Мы провели там около двух недель... и что-то дернуло Виктора позвонить на службу. А там удивились: разве вас не взяли — всех ваших знакомых трясут. Виктор позвонил Ларисе, и та стала требовать, чтобы он сдался органам. Виктор понял, что она его предупреждает в меру своих сил. Мы не знали, когда за нами придут, — вернее всего, в ближайшие часы. Мы не стали даже возвращаться в комнату, которую снимали. Мы взяли с собой только приборы и расчеты... И кинулись бежать.

— Вы кинулись с обрыва?

— Зачем? — удивился Калнин. — Мы знали, как спуститься с него. Там есть точка, где соприкосновение происходит на выступе обрыва... нет, мы не самоубийцы.

— И перешли?

— И очнулись на берегу... Ни единой знакомой рожи вокруг. И я помню, как Виктор сказал: «Лучше полная пустыня здесь, чем полный лагерь у нас. Хуже не будет...»

Инженер Той возвращался из административного корпуса. Он шел, мирно беседуя с доктором, солдат шагал сзади. Картинка была идиллической, инженер был одет в свой летний костюм. Солнце уже начало греть. Правда, было очень рано — никогда еще их не поднимали так рано и не водили в административный блок на исследования... а может, ему показывали Гофмана? Зачем?

— Может быть, он уже... — произнесла Кора.

— Подождем, проведут ли следующего.

— Тогда рассказывайте, что было дальше, — сказала Кора.

— Вскоре мы встретили местного коменданта... А еще через несколько дней мы поняли, что мир здешний и мир наш имеют много общего. Сначала, когда мы как бы обживались здесь, пока борьба за нас, за наше открытие и за власть над Землей...

— Почему они претендовали на власть над Землей?

— Это продолжение их внутренней борьбы.

— Но вы бы сказали, что не хотите в этом участвовать.

— Как ты скажешь — мы же беглецы, беженцы, мы прнесли открытие и хотим, чтобы нас не посадили в тюрьму и не убили, как чужаков. Нам дали лабораторию на вилле «Радуга», мы смогли с помощью здешних инженеров построить приборы, позволяющие следить за участком Земли, где миры со-прикасаются.

— Они видят Землю?

— Конечно. Если сделан первый шаг, то следующие шаги даются легче. Мы соорудили цивилизованный переходник. Теперь не надо прыгать с обрыва, чтобы оказаться здесь. Достаточно открыть дверь.

Внизу из барака вывели Нинелью. Она была невыспавшейся, сонной, ее даже пошатывало. Одеться и причесаться как следует она не успела. Доктор подталкивал ее, Нинеля отбивалась и ругалась — благо ее слова не пробивались сквозь птичье пение.

— Они ее повели! — воскликнула Кора. — Ей грозит то же самое?

Профессор схватил Кору за рукав.

— Чем ты ей поможешь?

— Я ее предупрежу.

— О чем?

— Но нельзя же так вот... ждать.

— Самое разумное — ждать. Единственный путь для нас — ждать! — Голос профессора стал жестким. Словно его устами заговорил другой человек.

Нинеля, продолжая сопротивляться, скрылась в подъезде административного блока.

Прошло две или три минуты. Калнин молчал. Кора сама нарушила молчание.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказала она — Почему вы поссорились?

— В тот прекрасный день я понял, что всё происходящее неправильно. Что мы строим переходник между мирами, мы налаживаем наблюдение за Землей, мы начали получать...

— Наверное, потому, что вы ученые, а ученые совершают много страшных вещей, чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Где ты подслушала такую формулу?

— Сама придумала.

Профессор оторвал ветку от невысокой сосны и принялся отмахиваться от назойливой осы.

— Нет, ты не права... мы предпочли бы стать знаменитыми дома. Но нам не повезло. Мы родились и жили в такое нелегкое время, когда и великие открытия могли уничтожить и окружающих, и тебя самого. Только не надо преувеличивать нашу сознательность, Кора. Мы испугались, что нас арестуют и, может, расстреляют за то, чего мы делать не собирались.

— Вот это для меня самое непонятное! — призналась Кора:

— Многое у нас непонятно нормальному человеку. Сложись обстоятельства иначе, не исключено, что вот эта самая планета стала бы полем боев. Все было бы наоборот.

— Чудо!

— Ты живешь в мире, который уже, как я понимаю, переболел болезнью самоуничтожения. А я жил в мире, где один сумасшедший мог нажать на кнопку, и враждебные армии перебили бы не только друг друга, но и всех мирных людей.

— Как хорошо, что этого не случилось!

— Но случилось другое, — профессор победил осу — жалобно жужжа, она стала кружить над Корой. — Мы с моим другом Виктором неожиданно для себя попали в новый переплет. Представь себе — мы перелетаем сюда, чтобы отсидеться, найти убежище... А попадаем в ситуацию, похожую на ту, из которой умчались. Конечно, не совсем такую, но

достаточно неприятную. Правда, среди местных начальников нашлись умные головы, которые предпочли нам поверить. И первым среди них стал покойный президент.

— Вы тоже думаете, что его убили?

— Очень похоже. Он разбрелся именно тогда, когда стал последним препятствием на пути генерала Лея к власти.

— И что решил президент?

— Президент решил, что информация — самое ценное оружие наших дней. И он был прав. Он рассудил, что сама по себе дырка между двумя мирами, даже если она и существует, еще ничего ему не дает. И прежде чем использовать ее, надо узнать, как ее использовать.

— Он был прав, — сказала Кора, — я бы то же самое сделала на его месте.

— У тебя нет таких возможностей. В общем, первым делом нас засекретили, в лучших земных традициях. Затем расставили посты по всему побережью, превратили виллу «Радуга» в центр исследований, а нам дали по трехкомнатной камере с видом на море, пайку и спецодежду...

— Как так?

— Я шучу. Откуда тебе знать такие слова? И все было бы хорошо, наши исследования проходили успешно, и нашли мы здесь добрых коллег и почти соратников... но не уловили того неизбежного и мерзкого момента, когда нашим проектом заинтересовались военные. И чем дальше, тем больше. А когда в них созрела славная идея скинуть президента и взять власть в свои руки, наш проект «Земля-2» стал главной ставкой в политической борьбе. Для президента он был козырем за пазухой, а для военных — средством одним налетом решить все проблемы. Разумеется, я упрощаю и далеко не все могу тебе объяснить... Но главное то, что в один прекрасный день я проснулся и понял: больше я в это не играю. Дома в это наигрался. И не хочу я стоять на стороне тех, кто намерен убивать моих соотечественников — хороших, плохих, но соотечественников. Людей, в кон-

це концов! И я все выложил Вите Гарбузу. Но оказалось, что он не хочет видеть очевидного — он считает, что все отлично кончится, что они с президентом постепенно наладят союз двух миров, а если и придется как-нибудь долбануть по нашей родине, то туда ей и дорога.

— Вы снова преувеличиваете?

— Я снова преувеличиваю. Суть дела в том, что Витя испугался вновь упасть с облаков на землю. Он испугался, что его поставят к стенке местные герои. «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя, лиса, тем более уйду!» Он стал уговаривать меня, а еще больше — себя, что все обойдется, мирные силы победят, а милитаристы стыдливо уползут в свои норы... Но я не стал с ним спорить. И отказался участвовать в работе над проектом. Поздно, конечно, но отказался!

— Трудно было?

— Еще как! Но в результате я остался более-менее живой, в общем бараке с обещанием хранить тайну. А ребра срослись, и ссадины зажили. Нигде не любят дезертиров с трудового и научного фронта.

Он улыбался. Но очень печально.

— Понятно, — сказала Кора.

— Что понятно?

— Теперь мне многое понятно.

— У тебя в голосе звучит осуждение.

— Ничего у меня не звучит. Я смотрю на лагерь.

Там вели обратно Нинелю. Она шла спокойно и больше не ругалась.

— А давно вы здесь служите? — спросила Кора.

— Я же говорил, что ты меня осуждаешь.

— Я не переживала того, что переживали вы. Мы можем доверять Гарбузу?

— Он не дурак. После смерти президента он сообразил, что в любой момент от него могут отделаться. Как решат, что обойдутся без него, обязательно вздернут на сук.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Мы служим здесь... третий год.

— А на Земле прошло почти полтора века.

— Природа непредсказуема.

Профессор посмотрел на часы.

— Проголодались? — спросила Кора. Потому что сама она страшно хотела есть.

— Я забыл об этом, — ответил профессор.

— А все-таки вы сделали великое открытие, — сказала Кора. — Представляете — прошло сто пятьдесят лет, а ваше открытие никто не повторил. Это же удивительно!

— Спасибо.

— Если мы доберемся до Земли, то как минимум Нобелевская премия вам с Гарбузом гарантирована.

— А Нобелевские премии еще выдают?

— И они очень почетные.

— Я скажу Гарбузу. И передам, что маленькая хитрая девочка из двадцать первого века очень настаивает на том, чтобы он не уничтожал Нобелевский комитет и вообще население нашей планеты, потому что иначе некому будет вручить ему Нобелевскую премию.

Кора засмеялась.

— А вы хитрый!

Сквозь птичий гомон донесся звук колокола, который созывал в столовую.

* * *

Виктор Филиппович Гарбуз появился, когда они уже отчаялись его дождаться. Уже после того, как в лагере спохватились, что два пришельца исчезли. Сверху было видно, как их искали на территории, потом несколько солдат начали шуривать в кустах возле ограды, но высоко по склону в лес не углублялись: или не было приказа, либо чего-то опасались. Но ясно было, что поиски на этом не прекратятся — это только отсрочка, и если Гарбуз не появится, то придется уходить в горы либо сдаваться.

...Гарбуз спешил по тропинке так, словно бежало стадо Гарбузов.

Он пыхтел, наступал на ломкие сучья, бормотал что-то себе под нос, и когда Калнин окликнул его,

он от неожиданности вскрикнул и натолкнулся на ствол дерева.

— Ну, ты меня напугал, — сообщил он. — Нельзя разве было потише кричать? Они же услышат. — Рубашка его взмокла от пота и была застегнута неправильно, отчего спереди перекосилась.

— Если они хотели услышать, то уже услышали. За тобой не следили?

— Я не привел с собой хвоста, — сказал Гарбуз, припомнив фразу из какого-то исторического романа про революционеров.

— Тогда рассказывай, а то времени у нас мало.

— Почему?

— Потому что нас уже ищут. Видишь вон там солдат?

— Интересно, — сказал Гарбуз. — Вы уверены, что ищут именно вас?

— Ты даже сейчас спесив, как всегда, — усмехнулся профессор. — Ты не допускаешь мысли, что кто-то кроме тебя может пользоваться повышенным вниманием. Говори же, что ты узнал.

Гарбуз пригладил ладонью кудряшки над висками.

— В общем, ты был прав, — сказал он. И это признание далось ему с трудом. Оно разрушало остатки заграждений, которые он выстроил между собой, великим, и действительностью. — Они бессовестные сволочи.

— Очень приятно, — сказал профессор. — Я имел честь сообщить тебе об этом уже давно. Потому я сижу в бараке, а ты наверху.

— Если бы я не остался наверху, кто бы вам помог? — спросил Гарбуз.

— Он умеет обернуть в свою пользу любую ситуацию, — сказал профессор Коре.

— А вот впутывать женщин и детей в наши дела не следует, — обиделся Гарбуз. Даже покраснел от обиды. — Я же делал все, что мог, и даже больше для того, чтобы спасти людей. И прости, пожалуйста, но я рисковую своей жизнью.

— Боюсь, что остальные сю уже рискнули, — ответил профессор. — Только ты шел на все созна-

тельно, а они оказались твоими жертвами, ничего, кстати, не подозревавшими.

— Ты что, имеешь в запасе вечность? — спросил Гарбуз.

— Я не имею в запасе ничего. Что же ты узнал?

— Мои худшие подозрения оправдались, — сказал Гарбуз и шмыгнул носом, совсем как обиженный мальчик. — Этот мерзавец генерал Лей фактически захватил власть в стране. Но оппозиция ему велика, в том числе и внутри армии. Я уже стараюсь наладить с ней связи. И надеюсь, что мы сможем его сковырнуть.

— Да, Витя, это не твои игры! Какой из тебя, к черту, политик?

— По крайней мере, три года я находился в элите этого государства. И у меня неплохо получалось.

— Забудь, Витя, забудь об этом! — пытался урезонить его Калнин. — Ты был силен, пока за твоей спиной стоял сильный президент.

— Но в стране сохранились здоровые силы, которые не допустят этой авантюры с нападением на Землю.

— Я не знаю, где сейчас таятся твои силы, вернее всего, в столице или даже в столичной тюрьме. Но погляди вон туда, вниз, ты видишь, сколько здесь войск? Это что, соревнования по футболу?

— Ну, мы можем допустить, — голос Гарбуза дрогнул, — что они принимают особые меры по охране лагеря...

— Ты в это сам не веришь.

Гарбуз присел на поваленное дерево. И когда профессор спросил его, узнал ли он что-нибудь о вирусе, Гарбуз ответил не сразу.

— Вирус есть, — произнес он наконец. — Передается он лишь в активном периоде. То есть когда человек уже заболел. В инкубационном периоде он безопасен. Инкубационный период — сутки или менее, в зависимости от индивидуальных особенностей... Болезнь убивает человека за двое суток. Симптомы...

— Погоди. О симптомах мы еще поговорим, — сказал профессор. — Куда важнее сейчас понять, как можно первоначально заразить человека.

— Гофману сделали укол.

— Вот это и требовалось доказать! — Можно было подумать, что Эдуард Оскарович обрадовался такому решению. — Значит, они вводят раствор с вирусом в кровь, и ты становишься заразен для окружающих...

— Как только кончается инкубационный период. То есть через сутки.

— А я-то думал! — Профессор ударил кулаком по стволу сосны. — Я голову ломал — почему, когда инженер возвращался из административного корпуса, где ему наверняка ввели культуру вируса, медик шел рядом с ним совершенно спокойно... и солдаты остались в лагере.

— Ты думаешь, они уже начали? — удивился Гарбуз. — Не может быть! Мне дали слово, что вся эта операция назначена на завтра. Сам генерал Лей дал мне слово.

— Не может быть! Сам лично дал! И что же он сказал? — Калнин издевался над коллегой.

— Он обещал собрать Государственный совет и пригласить на него меня. В Государственном совете у меня есть союзники. Настоящие союзники, мы там дадим бой военным! И никаких вирусов...

— Поздно, — сказал Калнин. — Пойми же, что поздно.

— Но ведь переброску людей на Землю должен буду проводить я. Как же они, скажи на милость, надеются обойтись без меня?

— А они думают, что ты сделаешь все, что нужно.

— А давай не будем пререкаться... хотя бы сейчас! — взмолился Гарбуз, и Кора подумала, что он прав. — Что ты предлагаешь мне делать?

— Сломать переходную машину, — сказал профессор.

— Не будь наивным. Во-первых, я там не один. Их техники и специалисты разбираются в машине лучше меня.

— Но ты должен что-то сделать! — настаивал Калнин.

— А что представляет собой ваша машина? — спросила Кора.

— Сейчас не время проводить экскурсии.

— Я о другом, — сказала Кора. — Можете ли вы отправить в наш мир не только человека?

— А что же еще?.. Господи, как жарко здесь!

В лесу вовсе не было жарко. Утро не кончилось, с гор тянуло свежим ветром.

— Боюсь, что Кора вовсе не та, за кого себя выдает, — сказал профессор.

— А за кого я себя выдаю? — спросила Кора.

— За наивную отдыхающую студентку, — сказал Гарбуз. — По крайней мере, так считает генерал Грай.

Кора подняла руку, останавливая готового к монологу Калнина.

— К вашему сведению, — сказала она, — я и есть ненавидимый вами сотрудник безопасности. Я, правда, еще не штатный сотрудник. Наверное, потому ваши хозяева решили, что я глупая курочка.

— Этим должно было кончиться, — убитым голосом произнес Гарбуз.

— Нельзя бесконечно сидеть между двух стульев, — сказал Калнин.

О Коре они забыли. Она даже топнула ногой.

— Да прекратите споры! Скажите, можно ли через вашу установку передать весть на Землю?

Гарбуз промолчал, а Калнин ответил:

— В принципе ничего особенного в этом нет. Наша установка — практически окно на Землю, установленное в точке контакта. Мы уже перемещали некоторые предметы... Животных и птиц... и наблюдали за ними — переход ничем плохим не грозит.

— Тогда отправьте туда записку, — сказала Кора.

— Какую записку? — спросил профессор.

— В ней должно быть сказано: сегодня вечером или завтра утром на Землю попадут восемь пленников, зараженных смертельным вирусом двухдневной чумы. Примите меры к изоляции всех нас... Адре-

сат — комиссар ИнтерГпола Милодар или Ксения Романова.

Физики внимательно выслушали монолог Коры, затем Гарбуз сказал:

— С таким же успехом можно отправить записку с просьбой нас всех расстрелять.

— Что, возможно, и будет сделано, — сказал Калнин. — Причем я не могу винить вашего шефа, Кора. Он тоже несет громадную ответственность.

— Тогда я останусь здесь, — сказал Гарбуз. — По крайней мере, меня не расстреляют.

— Тебя, я думаю, даже и вирусом заражать не будут, — заметил Калнин. — Ты нужнее как коллaborатор.

— Не кидайся словами, Эдик! Ты бежал сюда вместе со мной, и начинали мы вместе с тобой.

— Но когда я понял, чем это может грозить Земле, я ушел...

— Умыл руки, Пилат двадцатого века!

— А что я мог сделать?

— Может, не будем выяснять отношения? — спросила Кора. — Лучше скажите, пошлете ли записку?

— Не знаю, — сказал Гарбуз. — Но только если меня ни в чем не заподозрят. А для этого мне надо вернуться. Вас же попрошу: оставайтесь пока здесь — я не хочу, чтобы вас заразили.

— А что дальше? Мы будем бродить по горам?

— По крайней мере... может быть, все обойдется и вы не станете кроликами.

Гарбуз говорил с трудом, лицо его побледнело.

— Нет, — сказала Кора. — Я решила. Я не хочу чего-то ждать. Я пойду к остальным.

— Ну зачем? Зачем?

— Чтобы быть с ними... — Кора никак не могла объяснить Гарбузу, почему ей надо оставаться с ними. Помощь пришла с неожиданной стороны.

— Девушка правильно рассуждает, — раздался резкий угробный голос. Обрамленный сосновыми ветвями, с пистолетом в руке, стоял генерал Лей. — Каждый должен выбрать свою сторону. И больше всего я не выношу мозгликов, которые носятся меж-

ду нашими и вашими, чтобы заработать побольше очков в этой беготне. Это плохо кончается, советник Гарбуй.

— Вы следили за мной?

— Разумеется!

— Я буду жаловаться в Государственный совет.

— Жалуйся! — усмехнулся генерал Лей. Он любовался собой — стоял на прогалине — два солдата на шаг сзади — руки в бока, ноги в сапогах широко расставлены — каскетка, надвинутая на лоб, скрывает челку. — А тем временем за твоей спиной будет стоять санитар с иглой. Понял? И как только ты начнешь кобениться, тебе сделают такой маленький уколчик... и некому будет ехать на Государственный совет и разоблачать своего благодетеля. Понял, мозглик?

— Не выйдет! — закричал в ответ Гарбуз, забывая о реальной ситуации. — Не получится! Честные люди узнают о том, что вы готовите!

— Если даже узнают, то тебя среди них не будет. Ты уже подохнешь... правда, возможно, и не здесь, а на родине. Я так и вижу картинку: к тебе бегут родные и близкие, а ты им кричишь в ответ: я смертельно опасен — застрелите меня, не подходите близко, спасайтесь сами! Представляешь такую картину?

— Я не намерен более с вами разговаривать! — отрезал Гарбуз.

— И не надо, — ответил генерал. — Извини, что пришлось самому тебя брать, — мне было интересно вспомнить молодость, когда я был полковым разведчиком. Спасибо, что вывел меня на Калнина и эту крошки.

Последние слова относились к Коре.

— Вам есть что сказать? — спросил генерал Лей Калнина.

— Нет, — сказал профессор.

— Я так и думал. Тогда нам придется разделиться. Государственного советника Гарбуя я почтительно приглашаю с собой, нам пора готовить аппаратуру к десанту. Как вы понимаете, мы отпускаем вас не

просто — мы отпускаем вас, чтобы вы могли рассказать своим властям о том, в каком могучем и ми-ролюбивом государстве вы побывали, как милостивы мы были к вам. Понятно? Идите, идите в лагерь, там вас ждут врачи.

— Зачем врачи? — быстро спросила Кора, которая заподозрила, что генерал Лей не слышал их разговора с Гарбузом и не догадывается, что они знают все о вирусе двухдневной чумы.

— Вас осмотрят, сделают уколы, чтобы вы не занесли каких-нибудь болезней на свою родину. У нас все как в передовом государстве — мы не скучимся на расходы. Идите, таков первый шаг нового правительства — правительства гуманизма.

— Спасибо, — сказала Кора.

Она с тоской посмотрела на близко подступающие к прогалине заросли кустарника, но тут же поняла, что убежать не удастся, — да и что это даст?

— Пошли, пошли, — прикрикнул на нее солдат, и ткнул ее в спину стволом винтовки.

Они с профессором, не оглядываясь, пошли вниз.

* * *

Калнин был так подавлен, что до самого лагеря молчал, а там солдат передал его ожидающему возле ограды и кем-то предупрежденному полковнику Рай-Райи, который и внимания не обратил на Кору, зато профессора повел сам, как важного гостя. Впрочем, они с профессором были давно знакомы...

Некоторое время Кора прождала решения своей участи в кладовке барака, за закрытой дверью. Потом заглянула медсестра. Ее фартук был забрызган грязью, она не скрывала злости.

— Выходи! — скомандовала она.

Кора надеялась кого-нибудь увидеть на пути по бараку и через плац. Но было пусто. Лишь со стороны моря раздавались команды — там маршировала колонна солдат. Высоко в небе прошел военный самолет... Становилось жарко, и Кору страшно мучил

голод — теперь, когда волнения встречи с Гарбузом, а потом генералом Леем остались позади, юный организм требовал пищи.

Но у грязной медсестры просить ничего не хотелось, а нормальных людей не встретилось до самого административного корпуса.

Там ее ждал медик. Он спросил имя, отметил его в тетрадке, как будто секретарь на приеме к дантисту.

— Один остался, — сказал он медсестре.

— Сам полковник приведет, он сказал, — ответила медсестра.

Речь, конечно же, шла о профессоре.

Только не в подвал, мысленно молила медсестру Кора. Только не в подвал, где был Миша! Как будто это что-то решало.

Ее все же повели вниз, в подвал, и Кора не могла бы даже дать отчета о том, что происходило с ней в последующие минуты, — как будто она заснула. Она понимала, что если ей сейчас введут вирус, она, вернее всего, обречена на смерть, мучительную и медленную, и в то же время ей было почти все равно, что с ней будет. Что будет, то будет... Ведь это ей кажется, это как будто кино, в котором беды случаются только с актерами, а она — зритель.

Ее провели к стеклянной перегородке — она уже побывала возле нее ночью. Но дальше путь лежал не прямо по коридору, а в комнату направо. Там уже ждал сизолицый доктор Крелий — как же она забыла его!

— Как приятно, — сказал он, — давно не виделись.

— Другого доктора убили, — сказала Кора, не желая вовсе обидеть Крелия, а лишь констатируя несчастье. — Его убили, а вы живой? Вас тоже убьют, потому что вы слишком много знаете.

— Не говори чепухи, — сказал доктор. — Никто никого не убивает. Это только в приключенческих фильмах бывает. С моим коллегой произошел несчастный случай.

— Нет, его убил садист-полковник, — сказала Кора, — я видела.

— Нет, вы не могли видеть! И прекратите этот бред! Вы мне мешаете.

— Чему я мешаю?

— Осмотрю. Неужели вам не известно, что сегодня же вы возвращаетесь в свой мир, что является гуманитарной акцией нового правительства?

— Гуманной акцией, — поправила его Кора.

— А у нас говорят — гуманитарной! — возмутился доктор.

Сейчас я доведу его до белого каления, и он откажется делать мне укол, подумала Кора. Но это сделать было не так просто.

— Закатайте рукав платья, — попросил доктор. — Мне надо смерить ваше артериальное давление.

— Не надо, — сказала Кора.

— Вы мне мешаете работать!

— А Миша Гофман умирал в соседнем отсеке. Вы потом осматривали его труп?

— Что вы говорите! Вы сошли с ума!

— Среди ваших пациентов сегодня был Михаил Гофман?

— Михаил Гофман скончался от лихорадки несколько дней назад. Вел его не я, а доктор Блай.

— Вот именно. Который умудрился погибнуть раньше, чем его пациент.

— Орват, я вас отказываюсь осматривать!

— Я могу идти?

— На все четыре стороны! — Доктор был разозлен и растерян.

Кора, почувствовав немыслимое облегчение, вышла в коридор и там столкнулась с полковником Рай-Райи.

— А вы что делаете? — спросил он. — Почему одна?

— Я была на процедуре у доктора Крелия, — сказала Кора, — он сделал мне укол и отпустил.

— Да? — Полковник был настроен недоверчиво. — Тогда идите...

Кора пошла вверх по лестнице, чувствуя взгляд полковника.

— Орват, стоять! — приказал полковник.

Кора, словно ожидала этого окрика, кинулась на верх. Полковник громко засмеялся.

Наверху лестницы стояла медсестра в грязном мяснишком фартуке.

— А не скажете ли вы мне, девушка, — полковник уже подошел к ней и положил длиннопалую руку на плечо, больно стиснув его: — А не покажете ли вы мне место укола?

— В руку, — сказала Кора.

— Место покажи!

Кора промедлила менее секунды.

Полковник кинул взгляд на чистый сгиб в локте и сказал:

— Так я и думал.

Доктор Клерий, словно почувствовав неладное, приоткрыл дверь и высунулся.

— В чем дело? — спросил он. — В чем дело?

— Вы забыли сделать укол этой молодой особе?

— Как я мог, — разыграл возмущение доктор, — если она убежала от меня. Я как раз шел вызвать стражу.

— Так сделайте укол!

— Госпожа Орват, добро пожаловать, — запел доктор. Голос ему не повиновался, дрожал... — нам надо сделать профилактический укол, дайте мне вашу прелестную ручку.

Он уже был не сизолицым, а темным, как грозовая туча — сейчас лопнет от страха.

— Нет! — стала биться Кора, — спохватилась, ожila — но опоздала, потому что полковник был готов к такой ее реакции.

— Ты знала! — закричал он. — Ты знала, признайся?

— Я ничего не знала!

Полковник навалился на Кору, прижал ее всем телом к столу. Он полковника пахло чесноком и потом.

Доктор набирал шприц и бормотал:

— Вы только крепче держите, крепче... я могу иглу сломать.

— Не уйдет, — отвечал полковник. — Ломай иглу!

Ему доставляло удовольствие прижимать Кору к столу, а ей не хватало воздуха... она почувствовала иглу — она чувствовала, как яд распространяется по ее телу, она сдалась... она была готова умереть...

— Ну вот и все, — сказал доктор. — Вот и ладушки.

— Жалко отпускать тебя, — сказал полковник. — Но надо. Придется искать другую.

Он отошел в угол комнаты.

Кора поднялась. Ее шатало. Она стояла, держась рукой за угол стола.

— Вы скольких обработали? — спросил деловито полковник.

— Была седьмая.

— И всем сделали укол?

— Разумеется, полковник.

— Так же, как ей!

— Она — исключение. Но я пытался поймать ее.

— Вижу, как пытался.

— Что вы делаете? Вы не имеете права...

Кора обернулась на негромкие выстрелы. Пули вбивали доктора в стену, посыпались стекла стеклянного шкафа с лекарствами. Доктор все не хотел умирать — он пытался подняться, вокруг было много крови, Коре стало дурно, и она побежала из комнаты — ей только казалось, что побежала, она вывалилась в коридор, и тут ее вырвало. Потом, пряча за пояс пистолет, вышел полковник и сказал ей так, словно речь шла о посадке рассады:

— Он все сделал. Все равно пришлось бы его убить. Мы не можем оставить свидетелей, не имеем права перед историей.

По знаку полковника медсестра спустилась по лесенке в подвал, взяла Кору за локоть и потащила ее наверх.

* * *

На этот раз Кору привели в столовую барака. Там она увидела взвешенного капитана Покревского, с синяком под глазом и поцарапанной

щекой, в дополнение к шраму. Капитан метался по комнате.

— Они увили ее! Но я до них доберусь.

— Ни до кого вы уже не доберетесь, — говорил ему инженер.

Нинеля тоже была здесь, но вот Журбы не оказалось.

Его, оказывается, тоже увили на «подготовку».

— Тебя обследовали? — спросила Нинеля.

— Обследовали.

— И укол делали?

Что делать? Вот он, момент, в который надо решить — говорить ли правду или нет.

Кора еще не успела открыть рот, как Покревский спросил ее:

— А что, если правда каждый вернется к себе, в свое время? Я больше Парру не увижу?

— Боюсь, что дело еще хуже, чем вы полагаете, — сказала Кора.

— Куда уж хуже, — произнес инженер.

— Вы знаете, что Миша Гофман умер? — спросила Кора.

— Ты откуда знаешь? — спросила Нинеля.

— Я знаю. Я видела его.

— Я его мало знала, — сказала Нинеля. — Болел, что ли?

— Ему сделали такой же укол, как и нам.

— Какой еще укол? — спросил Покревский.

— Какой сделали всем.

— И мне тоже, — сказал инженер.

— И мне. Это противостолбнячная сыворотка, — сказала Нинеля.

— Это страшный вирус, — сказала Кора. — Мы с вами стали оружием. Оружием этих генералов, которые хотят заразить Землю, — мы умрем, умрут миллиарды человек, а они потом захватят наши города.

— Ну, это ты слишком! — возмутилась Нинеля. — Чего ты на людей напраслину наводишь. Я хорошо знакома с полковником, можешь мне поверить, что

он мне такие нежные слова говорил... такие слова.
Неужели он скрыл бы от меня такую вещь?

— Твой полковник только что застрелил доктора Крелия, чтобы тот не проговорился...

— Своего застрелил?

— Для него нет своих.

— Слушай, Кора, — рассердилась Нинеля, и ее бюст взволнованно вздымался. — Ты кончай нам мозги затуманивать. Я не знаю, в чем твоя выгода и перед кем ты выслуживаешься, но я на любом суде подтвержу, что ничего, кроме хорошего, от местных товарищей не ощущала и в первый же момент они отправили меня на родину.

Покревский подождал, пока Нинеля кончит филиппику, и спросил:

— Они в самом деле рассчитывают захватить Землю?

— Обескровить, — сказала Кора. — Уничтожить как можно больше людей, дезорганизовать, чтобы мы не могли сопротивляться.

— Кто такие мы? — Профессор так и пришел с закатанным рукавом, без пиджака. Он присжал к сгибу локтя ветку.

— Люди. Кто вам сделал укол? — спросила Кора.

— Неизвестный мне доктор. В административном здании. Сначала они возили меня в виллу «Радуга», они предлагали мне работать дальше над переборской войск на Землю. Им нужно расширить окно, но они не надеются на моего друга Гарбуза. Он в плохом физическом состоянии, у него стенокардия...

Никто, кроме Коры, полностью не вник в смысл слов профессора.

Но Коре было ясно, что профессор Калнин отказался сотрудничать и потому стал одним из смертников.

— Профессор, — обратился к Калнину инженер Той. — Кора сказала, что вам ввели вирус, который смертельно опасен. Это так?

— К сожалению, это именно так.

— Вранье! — закричала Нинеля. Она на самом деле теперь уже испугалась и, крича, как бы колдовала, шаманила, чтобы ее страхи не сбылись.

— Значит, все равно помирать, — сказал Покревский. — Так я бежал от смерти, даже думал, что любовь встретил...

— Еще не все потеряно, — сказала Кора. — В моем времени, а Всеволод Николаевич подтвердит, — она показала на инженера Тоя, — можно произвести оживление практически мертвых людей. Вы не представляете, какая у нас медицина.

— Какая бы ни была, — сказал профессор Калinin, — у нее есть свои пределы.

— Поэтому я и сказала всем о том, что с нами случилось. И у меня есть совет.

— Я знаю, — сказал Покревский, — покончить с собой здесь, и тогда им некого будет посыпать. Я согласен.

— Может, это и красивая идея, — ответила Кора, — но учтите, что двое зараженных, Парра и Журба, вернее всего, уже находятся на Земле. И они ничего не знают. Каждый их шаг увеличивает опасность.

— Что же тогда надо сделать? — спросил инженер.

— Я думаю, что каждый из нас должен помнить: если он окажется в нашем времени...

— Если бы да кабы... — зло заметила Нинеля.

— В нашем времени вы должны тут же сообщить тем, кто нас встретит, что вы опасно больны. И потребовать, чтобы вас немедленно отправили в госпиталь.

— А они сразу начнут нас отстреливать, — сказала Нинеля.

— Вряд ли, — сказал инженер, — я могу подтвердить, что там нас должны ждать...

— Нас пока не ждут, — сказала Кора. — Поэтому от нас зависит, насколько быстро нас изолируют.

— Хватит этой изоляции! — воскликнула Нинеля. — Я лучше останусь здесь. Меня полковник любит.

— Вот чего не советую, — отзвалась Кора. — Ты для полковника — смертельная опасность. Пока, первые сутки, ты еще не так опасна, а после ты будешь буквально излучать заразу.

— Когда это случится? — взвыла в ужасе Нинеля.

— Будем думать, что завтра утром.

— У нас много времени в запасе, — сказал профессор. — Это меня тревожит.

— Почему? — удивилась Кора.

— Представь себе — зачем посыпать нас на Землю, если они подозревают, что мы можем догадаться, и тогда все идет прахом.

— А почему они должны нас заподозрить? Никто нам не говорил о вирусе.

— Значит, врана? — обрадовалась Нинеля. — Значит, это все липа? Ну, признайся?

— Нет, это правда, — сказала Кора.

Полковник Рай-Райи стоял в дверях.

— Хорошо, что я решил послушать, о чем вы беседуете. Вы чуть не сорвали нам всю операцию.

— Почему? — спросил Покревский.

— Мы и на самом деле думали, что вы ни о чем не догадались. Теперь же на Земле вы тут же сдадитесь, чтобы вас расстреляли. И вас благополучно расстреляют и сожгут трупы. И мы не сможем выполнить наших планов.

— Я же говорила! — воскликнула Нинеля.

— Не подходи, — предупредил ее полковник. — У тебя такой бурный организм, что, может, ты уже заразная.

— Миленький, ты что несешь?

— Отойди, стреляю!

Нинеля отпрянула и начала рыдать.

— Что же будем делать? — спросил доктор.

— Будь моя воля, — сказал полковник, — я бы расстрелял вас тут же. Но у руководства может быть другая точка зрения. Так что я оставляю вас здесь, и мы немного подумаем.

— Погодите! — окликнула полковника Кора. — А нельзя нам чего-нибудь поесть?

— Вы же завтракали!

— Мы с профессором не завтракали!

— Поглядите на кухне, она не заперта, — отмахнулся полковник и быстро ушел из столовой.

— Ну, вот, — сказал инженер, — такие взрослые и такие неосторожные. Я вам и одного шанса из ста теперь не дам.

— Боюсь, что вы правы, — согласилась Кора. — Мы следы, и нас надо замести.

— Нет, — заявила Нинеля, — Райчик что-то придумает. Вы не представляете, какой он умный. Он нас убивать не будет, потому что он меня любит.

— Мы сами себя убьем, — сказал Покревский. — Я думаю, что чем скорее, тем лучше.

Кора пошла на кухню. Там лежало несколько хлебов, в баке была вода.

Кора поставила бак, который заменил чайник. Нашла коробку с травяным настоем. Из столовой слышались голоса, но она их не слышала. Она устала и хотела спать.

И когда они напились чаю, Кора улеглась на скамейке в столовой и заснула.

* * *

Проснулась Кора от того, что в комнате появились чужие люди — сквозь смеженные веки она видела, как солдаты уводили пришельцев — не грубо, а деловито и равнодушно. И так как в том не было ничего страшного, а времени прошло немало — за окном уже темнело и голод опять был первым чувством, посетившим Кору, когда она проснулась, — и всем надоело ждать, то люди прощались и расходились.

— Может, до встречи? — сказал Покревский.

— Если чего, не сердитесь, — ответила Нинеля, — хоть вы мне, конечно, классово чуждый элемент.

— Смотря где встретимся, — равнодушно ответил Покревский. — Или ты меня к стенке, или я тебя.

Никто не говорил о смерти, болезни, вирусе — словно это была выдумка Коры.

Кора села на скамейке — чуть не закричала — так онемела нога — и сказала:

— Если увидите людей, предупреждайте, чтобы не подходили!

— Ладно уж, — сердито ответила Нинеля. — Опять ты тут каркаешь!

Конечно, они не хотят об этом думать!

— Сколько времени? — спросила Кора, словно на руке ее не было часов.

— Седьмой час, — сказал профессор.

Его тоже не позвали.

Инженер попрощался с Корой и профессором и сказал, криво усмехнувшись:

— До встречи.

— Вы-то знаете, что ничего страшного не будет, — сказала Кора.

— Именно я и опасаюсь больше всего, что нас раздумали посыпать туда. На Землю.

— Что вы говорите? — удивился профессор. — Что вас заставляет так думать?

Солдат потянул инженера за рукав.

— Сейчас, — сказал тот миролюбиво, — только два слова скажу... Раз они поняли, что мы догадались о вирусе и их плане, то им нет смысла отправлять нас туда. Зачем? Чтобы мы предупредили всех об опасности и провалили план? Так что теперь все зависит от того, куда нас поведут. Если отправят по дальше от виллы «Радуга», значит, решили пустить в расход. И это логично. Им хватит и тех, кого они уже послали. Те же — невинные агнцы. Они сейчас обнимаются с соотечественниками.

— Их всего двое, — сказала Кора, будто это что-то меняло.

— Хватит, — сказал солдат, — пошли. Машина ждет.

— Так что на их месте я бы нас ликвидировал или дал возможность мирно помереть от чумы... — закончил инженер.

И быстро пошел к выходу, не оборачиваясь, словно уже был не знаком с Корой и профессором.

Но Кора не оценила генерала Лей.

Не успела закрыться дверь за инженером, как вошли еще две медсестры.

— Пошли, — сказала первая и показала пальцем на Кору.

Этого надо было ждать, но расставание с профессором, такое окончательное, испугало Кору.

— Не надо, — взмолилась она. — Пожалуйста, можно мы останемся вдвоем?

— Нельзя, — сказала медсестра. — Скорее.

Она потащила Кору за руку. Девушка стала отбиваться — это было нелепо, потому что той на помощь пришла вторая медсестра. Они подхватили Кору вдвоем и вытащили в коридор.

— До свидания, Кора, — сказал Калнин вслед. — Я надеюсь. Всегда остается надежда.

К своему крайнему удивлению, через три минуты Кора оказалась в собственной камере. Дверь захлопнулась.

Все что угодно — но этого она не ожидала.

Она уселась на койку. Господи, почему в такой момент можно хотеть есть?

Ведь завтра этому организму не понадобится никакая пища. Как он не понимает? Кора искренне злилась на свой желудок. Потом легла. Время текло медленно и состояло из звуков — они доносились сквозь окошко под потолком, забранное решеткой и находившееся вровень с землей.

Далеко-далеко раздался гудок — наверное, парохода. Какая-то птичка присела на ветку куста возле решетки и спела Коре небольшую песенку. Раздались голоса — в отдалении ссорились солдаты из-за того, что один из них не хотел идти за одеялами... Но никто не подходил к окну, чтобы разъяснить будущую судьбу Коры.

Наверное, думала Кора, я должна сейчас прокручивать в памяти свое детство, вспомнить сладкие картины Детского острова... Потом пришло страшное понимание: в ней живет и размножается вирус — болезнь... вот сейчас внутри ее рушатся бастионы, прорываются плотины — злобная посторонняя сила врывается в домики и храмы, уничтожая мирных обитателей... что за бред у меня в голове? А что должно быть, если мне всего двадцать лет и я еще не

начинала жить на свете, а меня хотят убить! Кому-то нужна власть, кто-то боится остаться без добычи — я у кого-то стою на пути. Почему же мы, кролики, всегда стоим на пути у волков? Надо бы взбунтоваться... показать свои длинные передние зубы... Кора снова задремала и проснулась ночью от головной боли. И головная боль была такой особенной, тягостной и чужой, что она с обреченной ясностью поняла: началась болезнь.

Она постаралась подняться — так хотелось пить. Но слабые ноги держали ее с трудом. Она пошла к двери, оперлась о нее, чтобы перевести дух, и потом стала стучать в дверь. Но ее удары глохли — дверь была обита поролоном и обтянута пластиком...

— Пить! — закричала Кора.

Но ей только показалось, что она кричит.

Почему болезнь началась так рано?.. Кора побрела к окну — окнокрыто. Кто-то услышит и придет. Кто-то остался на свободе. Он придет...

И пока Кора брела по стенке к окошку, она поняла, что профессор был прав: ее оставили умирать, как оставили умирать Мишку Гофмана. Она оказалась ненужным для опытов кроликом. Что за опыт, если кролик догадался, что его заразили? Пускай лучше подыхает в одиночестве.

— Помогите! — закричала Кора в открытое окно.

Там было тихо. Лагерь спал...

Кора ощупью возвратилась на койку. Она еще не сдалась, но была близка к этому. Надо дождаться... дождаться...

И она снова забылась.

В следующий раз она пришла в себя от резкого света, удариившего в лицо. Свет убежал — это был луч фонарика.

— Проверьте ее, доктор, — послышался глухой голос полковника.

— И проверять не надо, — ответил незнакомый голос. — Вторая стадия.

— Тогда несите ее.

Кору стащили с постели — она понимала, что руки людей, кладущих ее на носилки, затянуты в рези-

новые перчатки, — они ее боялись! Она была страшно заразной.

— Пожалуйста, — прошептала она, — дайте мне пить... вы понимаете — пить.

— Скоро напьешься, — ответил полковник Рай-Райи. — Приедешь домой к мамочке и первым делом попросишь напиться... А ну, несите ее!

Кора почувствовала, как носилки поднялись и стали покачиваться. Ее несли вверх... потом щекам стало прохладно от ночного воздуха... ее несут... куда несут? Почему так темно?

— Посторонитесь! — кричал кто-то спереди. — Подальше, подальше, особо опасный груз! Кому говорят — в сторону!

Здание административного блока было освещено очень ярко, и этот свет Коре был неприятен — отвратительный белый свет!

— Выключите, — попросила она, но никто не услышал. И воды не давали? А что они обещали? Они обещали, что мамочка напоит ее. А где мамочка?

Коре было дурно, и она мечтала о забытье, чтобы ничего не слышать и не чувствовать... Но как назло забытье не наступало, и она все слышала и видела.

Она даже разглядела тех, кто нес ее, — они были в длинных, до полу, блестящих балахонах, в масках и шлемах — ни одного сантиметра открытого тела.

Полковник, которого можно было угадать лишь по росту и манере запрокидывать назад маленькую головку, был запакован так же, как остальные.

Кору пронесли по коридору первого этажа.

Носилки поставили в большой светлой комнате, у стен которой находились измерительные щиты и щиты управления. Это был зал, подобный залу управления атомной или гидростанции прошлого века.

Несколько человек, в таких же балахонах и масках, встретили носилки.

— Все готово? — спросил полковник.

Врач сказал:

— Надо дать стимулятор мышечной деятельности, а то она рухнет там, и они сразу поймут.

— А с Покревским помогло?

— Покревский был почти здоров... то есть владел собой... мы вырубили у него память...

— Молодцы, молодцы! — загудел, подходя, генерал Лей — его тоже можно было узнать лишь по голосу. — Где у нас советник Гарбуй, который ждет, когда меня сбросят и повесят на первом сук? Где он, наш ангел? Пускай полюбуется, на что нам приходится идти из-за него.

— Почему из-за меня? — Гарбуз говорил из-за стеклянной перегородки, отделявшей от зала галерею второго этажа, подобно пульту телевизионного режиссера.

— Вы раскрыли им наш маленький секрет, советник. Так мы бы отпустили их здоровыми, чтобы они могли гуманно скончаться дома на руках у родных. А теперь мы отправляем их — на последнем издыхании... Это же не люди, а эпицентры страшной зары. Мне страшно за Землю!

— Перестаньте, генерал, — попросил его Гарбуз. — Мне горько слышать от вас такие слова.

— Какие?

— Слова человеконенавистника и зверя.

— Знаете вы кто, Гарбуй? Вы толстый мальчик из хорошей семьи, который так и не стал взрослым. Вы умудряетесь забирать себе все игрушки, но не хотите видеть, что вокруг умирают и голодают люди. Вам неприятно... Вы и с Земли убежали, потому что надеялись на конфетки. Ладно, вы их уже получили. Отправляйте девушку домой. У нас есть еще один кандидат. Ждет за дверью... Ну!

— Вы убьете меня, — сказал Гарбуз.

— Со временем ты умрешь сам. От стыда и нечистой совести, — ответил генерал Лей. — Я же тебя и пальцем не трону. На что ты мне? Даже пригодишься в будущем. Я о тебе столько знаю, что ты предпочтешь быть самым послушным государственным советником нашей великой страны! Я тебя сделаю начальником трофеиного управления! Ты будешь разбирать добычу с Земли — ты же отлично разбираешься в земных штучках... Ладно, действуй!

— Генерал...

— Не надо меня ни о чем просить. И пойми простую вещь — ты мне даже не союзник, а только по-путчик. Идем рядом, потом разошлись. И чем заниматься гуманизмом, ты мне покажи, что там происходит! У них. А то сколько времени прошло, как мы запустили первых, а ты от меня все таишь.

— Я не таил, — обиделся Гарбуз. — Мне нечего таить. Но результатов ждать рано. По словам ваших медиков. И по реакции Гофмана. Рано, генерал, не спешите стать президентом двух планет. Можете оказаться между ними.

Генерал поморщился, как бы терпя комара, которого скоро прихлопнет, но пока нельзя: гуманисты смотрят.

Укол, сделанный Коре, подействовал. Она чувствовала себя немного лучше. Настолько, что смогла поднять голову, когда по приказу Гарбуза техники зажгли большой экран, глядящий сверху, под пологим углом, на Симеиз, и, как она почти сразу догадалась, на ее родной Симеиз, на Землю-2.

Что-то странное творилось там.

Там снимали кино?.. Кино, которое называлось, наверное, «После войны». Или «После налета»... Почему-то на скамейке, на той самой, возле памятника, лежала молодая женщина, свесив безжизненно руку к земле. Еще два тела были видны на открытом месте, в конце аллеи. Вертолет «скорой помощи» стоял на площадке, совсем рядом, но был безжизнен и неподвижен, люк был открыт, но никто не появлялся оттуда, чтобы помочь пострадавшим. Вдали на перекрестке мелькнула еще одна «скорая помощь», местная, наземная, она медленно проплыла по экрану и исчезла...

Сцена была почти бесшумной, раздавалось лишь шипение.

И сквозь это шипение прорвался вдруг торжествующий, звериный рык генерала Лея:

— Я ж тебе говорил, мать твою! У них сопротивляемость низкая. Они там вокруг уже дохлые, а мы время теряем! Зла не хватает!

— Я не предполагал, — промямлил Гарбуз.

— Предполагал — не предполагал! Немедленно готовить передовой отряд! Не терять ни минуты! Ты меня слышишь?

Но даже если растерянный Гарбуз и слышал, помочь он генералу ничем не мог. Генерал рванулся прочь из зала перехода, Гарбуз закричал ему вслед:

— А что делать с Орват?

— С кем?

— С Орват и с Калининым? Они же заражены, но еще не отправлены!

— Пристрели, — посоветовал Лей.

Но в дверях замер, обернулся и добавил:

— Пристрелить их всегда успеем. Срочно отправляем на Землю-2. Каждый вирус в сроку, усек?

Генерал низким голосом рассмеялся своей шутке и исчез, хлопнув дверьми.

Кора продолжала наблюдать за тем, что происходило в Симеизе, и понимала, что и в самом деле произошла некая ошибка в расчетах инкубационного периода. Он оказался короче, чем думали здесь. И поэтому эпидемия застала Землю-2, то есть нашу Землю — сколько же можно говорить, как они того хотят! — застала нашу Землю врасплох. Но неужели и Милодар не принял мер... И тут Коре с ужасом поняла, что совершенно неизвестно, сколько же прошло времени на Земле с того момента, как она ее покинула. При относительности временных переходов, когда Гофман, ушедший позже Коры, оказался там раньше ее, могло пройти всего пять минут... и тут гости, больные гости.

— Простите, — Коре понимала, что времени терять нельзя, — давайте, в самом деле, отправьте нас туда.

— Не советую, — сказал вдруг Гарбуз. — Я знаю один маленький секрет: здесь известно лекарство от двухдневной чумы, вакцина. По крайней мере, не помрете... а там, сами видите!

— Может, я смогу кого-то предупредить, объяснить, что происходит.

— Чепуха. Вы опоздали.

— Тогда скажите: где вы можете достать вакцину?

— Не говорите чепухи! Вас же надо везти в Институт на Севере... и на это нужно получить разрешение генерала Лея.

— Тогда, значит, вы мне не сможете помочь? Вакцина только для вас!

— Мы можем рискнуть. Мы спрячем вас, и как только основные военные действия переместятся к вам, мы вас тихонько отправим на север. Генерал Лей будет занят, и мы обязательно...

— Она померет, — сказал Калнин.

Он вошел сам. Его поддерживала медсестра, и он выглядел, как говорится, краше в гроб кладут.

— Что? — не сообразил Гарбуз.

— И я помру, — добавил Эдуард Оскарович. — Впрочем, тебя это уже не беспокоит?

— Неправда! Корват может подтвердить...

— Кора Орват!

— Не придирайся к пустякам. Кора может подтвердить, что я сам предложил ей остаться здесь. Как только первая волна вторжения минует, я перевалю вас в клинику, где есть противоядие от чумы. Я обещаю!

Кора слушала весь этот разговор, в ушах шумело, она не спускала глаз с экрана, на котором был виден Симеиз. Камера медленно перемещалась, и теперь показался пляж, пустой, лишь неподалеку от берега покачивался надутый оранжевый матрас, а на пляже была забыта полосатая простыня...

Море было пустым. Неизвестно, насколько далеко распространилась эпидемия. Надо как можно скорее найти Милодара и ему все объяснить!

— Отправьте меня туда! — закричала Кора. — Сволочи, убийцы!

— Ни в коем случае. Я не убийца! — гордо ответил Гарбуз, будто ему предложили отрубить Коре голову и даже дали ему топор, а он теперь пытается это тяжелое орудие отшвырнуть.

— Меня тоже, — сказал Калнин. — Я не верю тебе, Витя. Ты в самом деле не пристроишь нас в клинику, куда и тебя самого могут не пустить.

— Ну уж это слишком! — Гарбуз снова обиделся. Он все еще хотел казаться значимым. От хотел раздавать благодеяния.

Этот спор, пустой, хоть и вредный, был прерван полковником Рай-Райи в защитной одежде и с пистолетом в длинной лапке.

— Почему они здесь? — закричал он, размахивая оружием. — Почему не выполняется приказ генерала Лея? Саботаж! Пристрело!

Пистолет его недвусмысленно был направлен на господина советника Гарбуза, и Гарбуз понял, что никаких защитников ему не дождаться.

— Я готовлю... одну секунду...

Носилки с Корой поставили на салазки, Гарбуз возился у пульта и бормотал — Кора еще слышала это бормотание, а полковник, вернее всего, не слышал его совсем:

— Вы у меня ответите... все ответите. Вы не думайте, что я так уж одинок...

— Готово! — сказала одна из медсестер.

— Начался переход, — сказал Гарбуз громко.

Медсестра толкнула носилки, и они, набирая скорость, покатились вниз, к разверстому окну переходника.

На мгновение бесконечная тьма окутала Кору.

Кора полетела в бесконечность, в неизведенную глубину.

И оказалась в нашем мире.

* * *

Кора лежала недалеко от моря — слышно было, как накатываются на гальку волны и сползают обратно, шевеля камешки для сотворения ровного шума. Как будто она довершила свое падение с обрыва, но не разбилась, а, подхваченная сильными руками, улеглась на гальку.

Если не считать равномерного движения волн, стояла тишина, тишина смерти или молчаливого умирания. И тогда, поняв, что возвратилась на свою Землю, возвратилась, опоздав ей помочь и, возможно,

лишь для того, чтобы погибнуть вместе со множеством ни в чем не повинных людей, Кора, приподнявшись на руке, села и больно, в кровь, начала бить кулаком по камням,

— Сволочи! — закричала она. — Никакой им пощады быть не может. Скорпионы, отведавшие крови, каракатицы в погонах! Бандиты с челками! Гитлеры доморошенные!

— Погоди, — прервал ее голос, и тень упала на камни перед ней. — Красиво выражаясь, но энергия уходит в свисток! А ну, перестань разводить истерику!

Голос принадлежал Милодару, и комиссар сильно серчал либо делал вид, что серчает.

— Я так виновата, — с трудом произнесла Кора, потому что при виде возвышающегося над ней, руки в боки, комиссара ИнтерГпола из нее как будто выпустили воздух и одновременно исчезла возможность борьбы, страха, отчаяния.. Осталась лишь дурнота и сонливость... — Я ничего не сделала, комиссар. Я даже Мишу Гофмана не спасла...

— Значит, подтверждаешь? Я так надеялся, что эти, первые посланцы, чего-то перепутали.

— А эпидемия... двухдневная чума? — спросила Кора.

— Жалко Мишу, — сказал комиссар. — Тогда вставай!

— Не могу, — призналась Кора.

— Сейчас встанешь через «не могу», — пригрозил комиссар. — Ты у нас единственная из агентов, кто знает расположение тамошних помещений. Пойдешь туда.

— Не пойду, — ответила Кора. Несмотря на раскаяние и горе, она была в полуобморочном состоянии.

Рядом с ней стоял доктор... знакомый. Ага, она его видела дня три назад в подвале виллы «Ксения».

— Приведите ее в порядок, доктор, — сказал Милодар.

— Это невозможно, — сказал доктор. — Вы же видите, человек при последнем издыхании...

— Спасибо, — просипела Кора.

— Она не потеряла чувства юмора, — возразил Милодар. — Значит, будет жить. Но я объясню вам все самым простым языком. Мы не знаем, что они там сделали с телом Миши Гофмана. Может быть, он в коме, может быть, они заморозили его тело — может быть, мозг его не разрушен болезнью. Мы не можем оставить агента погибать, если остается хоть маленькая надежда перенести его мозг в другое тело.

— Ведите туда сотрудников, поговорите с тамошними военными, объясните им ситуацию...

— Доктор, вы сами не уверены в том, о чем говорите. Сколько это займет времени, при условии, что мы находимся с ними в состоянии войны и они считают, что Земля уже готова для вторжения. Мы должны отражать вторжение, а вы говорите: «Побеседуйте, втолкуйте, объясните!» Чепуха, доктор! У меня есть только одна надежда — Кора Орват.

— И как вы себе это представляете?

— Очень просто. Вы сейчас приводите ее в рабочее состояние. Заодно давайте ей все, что положено, от чумы.

— Она не справится.

— Кора, — спросил Милодар, — если мы сейчас тебя подправим, ты согласна пойти туда обратно? Ты только не бойся. Я буду с тобой.

— Я не боюсь, комиссар, — сказала Кора. — Я не смогу.

— Молодец, — сказал Милодар. — Носилки! Вертолет! Флаер! Даю вам, доктор, пять минут. Через пять минут мы вылетаем обратно в параллельный мир.

— Это невозможно, — ответил доктор, но уже начал обрабатывать Кору. Во флаере, пока перелетали на базу управления, Кору ввели в интенсивный сон. Три секунды сна были равны десяти минутам.

Пока Кора еще спала, ей полностью перелили кровь, сменили костный мозг и очистили внутренние ткани от вирусов двухдневной чумы.

Когда она пришла в себя, в глубокой уверенности, что проспала десять часов, и лишь голова гудела не столько от чумы, как от экзерсисов, произведенных медиками, но в целом, хоть и слабенькая, она чувст-

вовала себя готовой к любой борьбе за справедливость.

Она приподнялась на постели, медики отпринули, потому что не были еще готовы к столь быстрому ее выздоровлению, по подвалам виллы «Ксения» прозвенели звонки и проревели сирены, призывая к одру Коры комиссара Милодара и милейшую старушку Ксению Михайловну Романову, также готовую к завершающей фазе операции.

— Нормально? — Милодар вбежал в бункер. Был он одет странно и для Коры непривычно. Не будучи еще кадровым работником ИнтерГпола, она не подозревала, что каждый агент, инспектор или комиссар имел несколько форменных мундиров на различные случаи жизни. И сейчас ей пришлось увидеть комиссара Милодара в боевом мундире парадного толка, какой надевается лишь для ежегодного парада организации в Галактическом центре и символизирует победу над силами беспорядка. От светло-голубого, частично отражавшего свет, туго облегающего мундира с пышными буфами, украшенными горящими переливчатыми эполетами, до высокого головного убора, имеющего происхождение от треуголки Наполеона, но украшенного белыми страусовыми перьями и обильно расшитого золотом, до тяжелых на вид сапог с врезанными в подошвы выдвигающимися бритвами, способными распилить стальную дверь, до, наконец, орденов и знаков, украшающих грудь комиссара, он был мечтой солдафона, сказкой для недоигравшего в детстве фельдмаршала и источником трепета для тех, кто до старости останется в душе капралом.

— Побежали, — сказал Милодар Коре. — Пока переход открыт. Мы им не мешаем. С минуты на минуту они намерены двинуть в него войска. Генерал Лей на белом коне уже гарцуует на площади с их стороны.

— А мы куда? — еще слабым голосом спросила Кора.

— Ты знаешь — спасать и жестоко мстить! — воскликнул Милодар, который тоже недоиграл свою роль в детстве.

— Ах... — Кора поднялась, и ее повело в сторону. Медики подхватили ее, и этим воспользовались костюмеры, вбежавшие за Милодаром. В две минуты Кора была полностью облачена в мундир, подобный мундиру Милодара, однако, хоть она уступала ему в количестве нашивок и блесток, сама тонкая, с высокой грудью, фигура молодого агента еще более привлекала к себе внимание.

— Все! — крикнул Милодар. — Все, все, все! Побежали!

— Сколько времени? — спросила Кора, все еще опустошенная и дезориентированная. — Сколько прошло?

— С тех пор, как ты вернулась, прошло восемнадцать минут. Так что ты понимаешь — времени в обрез.

— Восемнадцать минут? Я думала, что часов десять.

— Эффект мгновенного сна, — заметил доктор.

Кора больше не тратила времени и усилий на разговоры — она поняла, что, несмотря на неутоленное желание свалиться и спать еще несколько дней, она сейчас пойдет и выполнит желание Милодара... Это же и ее желание! Если осталась хоть крохотная надежда отыскать Мишу и вернуть его к жизни, то она должна попытаться...

— Взгляни, — велел Милодар, когда они проходили мимо зеркала.

Кора остановилась, замерла, не в силах понять, что за сказочные, словно райские птицы и притом грозные существа глядят на нее — это же Милодар и она... Милодар подхватил Кору.

— Только не терять равновесия, когда будешь там! Они вошли в следующий зал.

— Приготовься, — приказал Милодар.

Впереди стояли два саркофага. Они стояли вертикально, торчком, и оттого, что так не бывает, у Коры мелькнуло странное сравнение с музеем в процессе эвакуации.

Створки саркофагов открылись.

— Идем, идем, — сказал Милодар.

— Зачем? — спросила Кора.

— Неужели ты думаешь, что мы отправимся туда в естественном виде, чтобы любой сбрендивший полковник мог нас пристрелить?

Милодар первым ступил в саркофаг. Коре ничего не оставалось, как, стараясь не шататься, последовать его примеру.

И тут с ее телом произошла странная перестройка, которая была куда как знакома Милодару и некоторым другим сотрудникам ИнтерГпола, которые заменили себя в ответственных и опасных местах собственными голограммами, но для Коры оказалась в новинку.

Она понимала, что с ней что-то происходит в этом темном саркофаге.

Будто она, подобно куколке, вылезает из своего твердого кокона и приобретает бабочкуну свободу движений и возможность воспарить над миром.

И когда передняя стенка саркофага растворилась, как дверца шкафа, и она оказалась на улице перед виллой «Ксения», то эта легкость показалась ей восхитительной.

Она посмотрела направо — там из подобного саркофага выскользнул такой же легкий и знакомый ей именно этой легкостью комиссар. Но она знала, что означала такая легкость у комиссара: это значило, что он — собственная голограмма.

Неужели и она голограмма тоже?

О чём она и спросила комиссара.

— Разумеется, — ответил тот, — я же предупреждал тебя, что люблю свою жизнь и надеюсь, что это — взаимно.

— А я?

— А ты тоже.

— Значит, я сейчас — моя голограмма?

— Разумеется.

— А где я?

— Как бы грубая физическая нечистая оболочка?

— Называйте, как хотите. Мне она нравится.

- Она осталась в хранилище.
— В саркофаге?
— Мы их называем гробиками. В каждом моем кабинете стоит по гробику.
— Значит, в меня теперь можно стрелять?
— Разумеется!
— А я могу проходить сквозь стены?
— Это опасно и неопытным сотрудникам не рекомендуется. Можно потерять часть своей субстанции в преграде, и тогда уж это не восстановить.
— Я могу остаться без пальчика?
— Ты можешь остаться без головки, — в тон ей, так же мягко ответил комиссар.
— Давайте тогда не будем думать о дурном, — сказала Кора. — Пошли?

И они помчались, чуть касаясь ногами земли, к обрыву, где был открыт переход между мирами и вот-вот должно было начаться широкомасштабное вторжение генерала Лея.

Центральная аллея Симеиза выглядела так же удручающе, как при взгляде с параллельной Земли. Так же на лавочках дергались, корчились умирающие люди, медики в белых халатах пытались им помочь, несколько санитарных машин приехали сюда, но горе заключалось в том, что и медики также не имели иммунитета против чумы и почему-то легко и быстро поддавались болезни.

— Господи! — расстроилась вслух Кора. — Неужели вы до сих пор не смогли принять действенных мер?

— А мы и не хотели, — ответил жизнерадостно комиссар.

— Но ведь люди страдают, умирают...
— Это тебя не касается, ими займутся специалисты. А ты должна спасти одного больного, моего сотрудника.

— Мне не очень нравится, комиссар, — ответила Кора, — что вы достаточно нагло делите мир на две категории...

— Моих агентов и прочих, — продолжил мысль Коры Милодар. — Но это и есть настоящий про-

фессионализм. Каждый мой агент должен знать, что я денно и нощно думаю и забочусь о нем. И если я перестал бдеть и заботиться, значит, этот агент уже не нужен или нужнее мертвый.

От такой наглости Кора умолкла и грустно молчала до самого переходника.

Чем ближе они подходили к обрыву, тем чаще им встречались тела больных чумой или уже умерших от страшного вируса.

— Какой ужас! — вырвалось у Коры. — Ну почему их не увозят?

— У нас не хватает машин и флаеров. Мы дали знать в Москву. Помощь идет!

— Только не перезаразите всю Россию, — заметила Кора, которая, конечно, жалела заболевших, да и о самой себе не знала, вылечилась она уже или нет, но еще больше жалела население, которое может так жутко пострадать.

Обогнувши флаер «скорой помощи», куда больные санитары втаскивали труп девушки, Кора в сопровождении Милодара оказалась над обрывом. Обрыв изменился. Вместо отвесной стены была сделана тщательно обработанная, крутая, но все же наклонная плоскость, обустроенная лестницами, как веревочными, так и вырытыми в скале. А само место перехода в параллельный мир было обнесено столбиками, лампочками, медной проволокой и светящейся полосой, не говоря уж о силовом поле.

— Держишься? — спросил Милодар.

— Держусь, — сказала Кора.

— Не забудь, что ты — голограмма и тебе ничто не угрожает.

— Ага, — откликнулась Кора, которая далеко не все понимала.

— Тогда скорее. Мы должны войти в мир хотя бы за минуту до того, как они вторгнутся к нам. Иначе начнется такая толкучка, что придется кого-нибудь убить. А где тогда гуманизм? Мне без строгого выговора не обойтись. И ты рас прощаешься с первой в своей жизни благодарностью от министра Галактической безопасности.

Работники ИнтерГпола, прижавшиеся к откосу вокруг входа в тот мир так, чтобы их не было видно, махали руками, кивали, подмигивали и подавали дружеские знаки Коре и Милодару, одобряя их и понимая, что товарищи идут на смертельно опасное ответственное задание.

Хлоп! — прорвалась пленка между мирами.

Хлоп! — еще раз прорвалась она за спиной Коры. Это прошел комиссар Милодар.

И тут Кора зажмурилась.

Она ожидала чего угодно, но не столкновения нос к носу с большим белым жеребцом, который двигался, понукаемый всадником, к переходным вратам.

А за всадником виднелись тупые рыла вездеходов и броневых машин, а еще далее угадывались нестройные колонны солдат в камуфляжных костюмах и противогазах.

Но куда более удивился и испугался незапланированного появления пришельца всадник на белом коне в парадном мундире и броневом шлеме, а именно лично генерал Лей — глазки как горячие точки, скулы под самый шлем и выражение лица самое хулиганское, только нос и рот скрыты маской.

И тут же выражение лица генерала изменилось. Им завладела гримаса обиды, которую испытывает ребенок, протянувший ручку за конфетой и увидевший, что куда более сильный мальчик, а то и взрослый, эту конфету уводит из-под его носа.

— Я — голограмма, я — голограмма, — дважды повторила себе Кора, прежде чем смогла совладать с собой и твердо встать на пути коня, выбравшего этот неподходящий момент, чтобы встать на дыбы и свалить на землю Завоевателя Земли.

От этого сразу остановились, взревев всеми моторами, танки и вездеходы, смешалась в кучу бравая пехота.

И произошло это не столько от неожиданного падения лидера, как от того таинственного и отвратительного для незащищенного глаза сияния, которое испускали мундиры Коры и ее низкорослого спутника.

Для любого солдата и офицера армии, вторгавшейся в неизведанный мир, к тому же обязанных маршировать в напяленной на нос защитной маске, вход в переходник был страшным испытанием: надо было шагнуть в темную неизвестность, и даже присутствие впереди бравого генерала на белом коне недостаточно успокаивало, потому что солдату известно, что генералы всегда каким-то образом умудряются возвращаться домой за пенсиеей, а солдаты остаются на чужбине под могильным холмиком, одним на целую роту.

Кора задержалась было возле генерала Лея, который пытался, отталкиваясь локтем от земли, вытащить ногу из стремени, но Милодар приказал ей по-французски, чтобы Лей не понял, бежать в административный корпус и выяснить, что там с Мишней. Оправдается ли слабая надежда на то, что человек, пораженный вирусом двухдневной чумы, проводит последние сутки жизни в глубокой коме, схожей со смертью, либо Миша уже погиб окончательно и оживлению не подлежит?

— Беги! — приказал Милодар по-французски. — Ты можешь это сделать быстрее всех. И если найдешь — сразу сигналь мне.

Кора обогнула генерала и затрусила к ближайшему танку.

Очень хорошо и утешительно знать, что тебе не страшны пушки. Но когда ты идешь на пушку и заглядываешь в ее дуло, то сомнения в силе голограммы тебя покидают.

Для солдат изготавливавшихся к завоеванию Земли армии она была существом совершенно сверхъестественным. Облаченная в сверкающий мундир, отражавшая и в то же время пропускающая свет фигура неслась к административному корпусу, и некоторые из солдат кидались в стороны, другие приседали от ужаса, одно из орудий вознамерилось было выстrelить, но замерло в молчании — лишь изнутри танка доносился шум драки.

Так, ножом сквозь масло, Коре пронизала колонну штурмовиков.

Справа остался длинный барак, в котором она провела немало горьких, но поучительных часов. В дверях барака стояли две медсестры. Они присели при виде Коры, не сообразив, что надежнее убежать внутрь. Кора, погрозив им кулаком, останавливаться не стала — с медсестрами разберемся потом.

Вот и административное здание.

Сверкающая фигура в мундире из далеких будущих фантастических романов, приблизилась к административному зданию, и стоявшие возле него медики и штабной народ, наблюдавший издали за началом победоносного вторжения, кинулись врассыпную.

Кора вошла внутрь.

К счастью, часовой на входе так перепугался, что не смог убежать.

— Стоять! — приказала ему Кора.

Часовой вздрогнул, вытягиваясь во фронт.

— Где находится тело убитого вами... — Глаза солдата были бессмысленны, — где лежит мертвый?

— Не могу знать.

— Где начальство? Ну, есть тут кто-нибудь?

— Не могу знать.

— Где? Твой? Начальник?

Солдат показал наверх. Объяснить словами он уже не мог.

Кора побежала на второй этаж, пробежала мимо открытых дверей — везде было пусто. Руководство операцией по завоеванию Земли шло не отсюда. Может быть, и тело Миши тоже эвакуировали?

До нее донеслись голоса. Они гулко звучали в пустом коридоре. Кажется, хлопнула дверь.

Оттуда, от входа. Солдат говорил с кем-то. Может, ее догнал Милодар. Кора побежала обратно. Там было пусто. Солдат тоже отсутствовал.

И все же Коре было трудно покинуть здание.

Хотя бы для очистки совести она должна спуститься в подвал, где ночью лежал мертвый Миша. Может быть, там найдутся какие-то следы.

Тишина. Все ушли на фронт...

Кора спустилась по лестнице в подвал и побежала по коридору к стеклянной перегородке. От движений

ткань ее мундира переливалась и бросала на стену разноцветные зайчики. Будто праздник уже начался.

Дверь в стеклянной перегородке была приоткрыта, далее царил беспорядок, словно только что оборвалась, так и не закончившись, срочная эвакуация, либо здесь побывали неопытные грабители.

Вторая версия оказалась куда ближе к действительности.

Стоило Коре шагнуть за перегородку, спереди словно забегали крысы — громкое шуршание, стук, что-то прокатилось по полу...

— Кто здесь? — спросила Кора.

И тут же из внутренней комнаты выскочили две медсестры в солдатских сапогах и мясницких фартуках, под которыми они таили мешки с баражлом.

При виде Коры они завизжали, подобрали длинные халаты и кинулись бежать, чуть не сшибив ее с ног.

Кора не обратила на них внимания, потому что увидела, что стеклянная дверь в самый последний отсек, где и умер Миша Гофман, была разнесена пульями или молотом, и — сначала она даже не поняла, что же это значит, но Миша лежал, как и в последний раз, когда она его увидела, а длинная, склоненная над ним фигура была занята странным делом — стаскивала с Миши ботинки...

Когда Кора ворвалась в отсек, человек, разувавший Мишин труп, уже услышал и осознал вопли медсестер и обернулся, держа ботинок в руке.

И хоть полковник Рай-Рай был в защитной одежде и маске, закрывающей нос и рот, Кора его узнала сразу, он ее — чуть погодя, потому что она допускала, что может встретить его здесь, а он был убежден, что живой никогда ее не увидит. Тем более никогда не увидит в роскошной и вернее всего — генеральской форме.

От ценного ботинка отказать было трудно — народ на параллельной Земле был нечист на руку, так что полковник ботинка не выпустил, но стал тащить из кобуры револьвер.

— Перестаньте, полковник, — медленно произнесла Кора, уже ощущая свою неуязвимость и по-

няв, что это животное ее боится. А любой женщине при встрече с противным мужчиной так приятно ощущать свою неуязвимость!

— Долой! — визгливо закричал полковник, и визг получился приглушенным из-под маски — глаза его, такие же черные, яркие, пронизывающие, тут же затуманились, он никак не мог расстаться с ботинком и вдруг, словно сообщал о погоде, сказал, протягивая Коре ботинок Миши:

— Натуральная кожа. У нас так уже не делают!

И когда Кора, ошеломленная этими словами, протянула руку, чтобы послушно пощупать ботинок, полковник начал стрелять в Кору, он стрелял часто, насколько успевал сгибаться указательный палец, нажимая на курок.

Разумеется, повредить Коре, которая фактически находилась на другой Земле, он не мог, но определенное взаимодействие зарядов с голографической субстанцией происходило, и оттого мундир, да и само тело Коры резко увеличили свечение, и Кора запылала искристым светом, так что ослепленный полковник стрелял зажмутившись и притом приглушенно верещал, словно не он стрелял, а Кора его поджаривала.

Разумеется, этот инцидент не мог остаться без внимания Милодара, задержавшегося у входа в чужой мир по государственным делам, связанным с ликвидацией вторжения.

— Что там у тебя, девочка? — спросил он, перекрывая грохот выстрелов и звон бьющихся колб и пробирок.

— Меня расстреливает один местный полковник. Садист и негодай.

— Зачем он это делает? — спросил комиссар.

— Он очень перепугался, когда я застала его раздевающим тело Миши.

— Значит, ты нашла его! — закричал радостно Милодар. — Он сильно мертвый?

— Я не могу подойти, полковник еще не расстрелял все заряды, — ответила Кора, которой стало щекотно от выстрелов, что было ложным ощущением,

на самом деле ей только казалось, что она чувствует щекотку.

— Бегу! — крикнул Милодар. — Только медиков везьму.

Тогда Кора, успокоившись за ближайшее будущее, направилась к Рай-Райи, будто желала принять из его дрогнувшей руки ботинок, а полковник, в полном отчаянии, расстреляв патроны, начал колотить Кору по голове рукояткой револьвера. Вот этого ему делать не следовало. Рука его свободно проходила сквозь голову и тело Коры, однако электрическое поле, существовавшее там, передало полковнику часть свечения и подняло его возбуждение до невыносимого состояния, о чем и сама Кора не подозревала.

С дикими глазами, тупо повторяя:

— Убью! Всех перебью, убью! — полковник приложил револьвер к виску и принялся нажимать на курок.

Кора как зачарованная смотрела, как после каждого щелчка барабан револьвера поворачивался на одно гнездышко — оно оказывалось пустым, снова раздавался щелчок, снова поворачивался барабан. И на шестом движении барабана оказалось, что одна пуля все же в револьвере затаилась...

Полковник рухнул со всего роста, опрокинувшись на койку, где лежал скрючившись, как замерзший младенец, Миша Гофман.

И именно в этот момент в подвал вбежали два наших медика в бронекостюмах, с самодвижущимися носилками на воздушной подушке, похожими на атомную бомбу.

— Какой из них? — глухо спросил первый из медиков через опущенное забрало шлема.

— Верхнего оставьте. Я спрошу комиссара, стоят ли нам его оживлять.

— Не оживишь, — ответил медик, — он же себе мозг разворотил.

— Правильно, — согласилась Кора. — Может, вы проверите Мишу Гофмана? Милодар сказал, что, по нашим исследованиям, человек на второй день этой чумы впадает в кому... значит, можно успеть.

— Мы дома посмотрим, — ответил медик.
Крышка носилок откинулась, манипуляторы осторожно перенесли внутрь Мишу.

Все произошло мгновенно — снаряд упал, набирая скорость, а за ним помчались медики.

Кора посмотрела на Рай-Райи.

Он был совсем не страшен. Мaska сползла с губ, и рот приоткрылся. Усики над верхней губой казались наклеенными.

И тут Коря поняла, что ей Рай-Райи не жалко, хотя бы потому, что и самому полковнику такое по-нятие было неизвестно.

Она вышла из пустого административного здания.

Пока она шла по коридору, то думала: а почему они тут занимались грабежом? Ведь куда слаже по-грабить Землю? Но телевизор с маленьkim черно-белым экраном, что стоял у проходной и показывал переход на Землю-2, видно, уже давно показал, что величие нашествие провалилось. И наверное, полковник, прежде чем побежать за Мишими ботинками, успел увидеть, как свалился с коня сам генерал Лей.

Сейчас на экране была совсем уж странная сцена.

Генерал Лей сидел на походном складном стульчике. Напротив него на барабане восседала голограмма комиссара Милодара, хотя Лей не знал о существовании голограмм. И высокие стороны договаривались...

* * *

На улице, на ступеньках административного блока, горбился профессор Гарбуз. Как-то успел прибежать сюда с виллы «Радуга».

Увидев Кору, он, разумеется, удивился, а потом спросил:

— Здравствуйте. Вас так быстро вылечили?

— Нет, мне еще лечиться и лечиться, — ответила Коря. — Но мне надо было вернуться за Мишой Гофманом.

— Да, — сказал Гарбуз, — наломали мы дров. Вот что значит — не верить в прогресс.

— Но на вас, наверное, никто не сердится, — сказала Кора. — В крайнем случае, мы с Калниным замолвим за вас слово.

— Не знаю, насколько оно будет веским, — сказал Гарбуз. — Все утихло. Думаю, что идут переговоры.

— Да, я только что видела по телевизору, что наш комиссар уже говорит с генералом Леем.

— Значит, моя голова полетит, — обреченно произнес Гарбуз.

Он делился с подружкой своей бедой: будут пограть, потому что потерял ключи от дома. Будут пограть...

— Вы всем еще пригодитесь, — сказала Кора. — Это я точно знаю. Они еще за вас бороться будут.

— Вы так думаете? — У Гарбуза в глазах мелькнула надежда. — Ведь меня нельзя отнести к военным преступникам?

— Пошли, — сказала Кора, увидев, как к административному зданию катит еще один газик. — Может, это мародеры, а мне вас не защитить. Я ведь всего-навсего голограмма, собственная объемная копия.

— Неужели? Я об этом не знал. Расскажите принцип!

Гарбуз послушно побежал следом за Корой, и хотя Кора не могла ему толком объяснить принципы развития голографии за последние века, он извлекал из ее рассказа нужные себе детали и ахал от радости. Можно было подумать, что он бросает все и переходит в голографы.

Так, таясь за бараками и кустами, они добежали до перехода.

Обстановка там была тихой, мирной, но антураж — внушительным.

Насколько мог видеть глаз, к переходу стягивались и тормозили танковые части, моторизованная пехота и даже кавалерия. За неимением приказа следовать далее, части сдвигались, теснились, и потому Коре с Гарбузом было нелегко протолкаться к месту разговора Лея с Милодаром. Гарбуз жался к Коре, и та прикрывала его своим сиянием.

Наконец они оказались возле Милодара.

Гарбуз чутьем физика-практика сразу угадал в Милодаре настоящего шефа и зашатался, готовый рухнуть перед ним на колени. Генерал Лей, который вовсе не выглядел подавленным и уничтоженным, сказал:

— Ага, приперся! Не было бы тебя, не пострадали бы люди.

— Разумеется... — сразу согласился Гарбуз.

— Разве это он войска сюда привел? — рассердилась Кора, обводя руками воинственные армады Лея.

— Он нас спровоцировал, — быстро ответил генерал.

* * *

Когда Кора с Гарбузом перешли в наш мир, там их встретила Ксения Михайловна. Она помолодела, отлично себя чувствовала и выучила свой урок — оказывается, она уже читала какие-то труды Гарбуза. Тот оттаивал от глубокого страха.

Ксения Михайловна повела их в клинику, где под виллой «Ксения» приходили в себя пленники параллельного мира.

Никаких трупов, умирающих, «скорых помощей» и прочих ужасов зараженного мира вокруг не было.

— А где все... — начала было фразу Кора, но стручка улыбнулась и ответила:

— Тебе все лучше объяснит Милодар. Но принцип наших действий заключался в том, чтобы не нарушить ожиданий агрессора. Если агрессор видит то, что рассчитывал увидеть, он морально обезоруживается. И не происходит неожиданных нежелательных инцидентов. А нам они не были нужны. Пришлось пойти на инсценировку страшной эпидемии...

— Эпидемии не было? — Кора устала удивляться.

— Ну что же мы, с элементарным чумным вирусом справиться не можем? Это сделать куда легче, чем одолеть панику или парализовать тысячи вооруженных гвардейцев генерала Лея.

— Зачем же тогда...

Бабушка имела обыкновение не дослушивать вопрос и отвечать на него правильно:

— Важен был индивидуальный шок. Некто хотел войти на Землю на белом коне и потом стать в виде статуи посреди площади. Вот его-то и надо было сбить с коня. Для этого вы с Милодаром и оделись светящимися новогодними елками.

— Ах, да, — смущаясь Кора. — Я так и не переоделась.

— Переоденешься, — пообещала Ксения Михайловна. — Но сначала мы посетим бывших пленников.

Пленники, более-менее пришедшие в себя, томились в обширном подвале виллы «Ксения», обращенной в нечто вроде госпиталя для привилегированных больных.

Калгин кинулся к Гарбузу.

— Витя, как я рад! — закричал он высоким голосом. — Я так боялся, что ты сгинешь в этой заварушке! Хочешь чаю? Тут настоящий цейлонский. Ты не представляешь!

У отмытой и вычищенной, может, впервые в жизни, готской принцессы волосы оказались такими пышными, что от всего лица остались носик и сверкающие очи. Кожа ее оказалась матово-белой.

— Мне обещали снять шрам, — сообщил Коре Покревский, не отпуская руки принцессы. Вид Коры его не смущил, видно, потому, что сияние принцессы было куда более ярким.

Нинеля поахала весьма умеренно. Она спрашивала, и настойчиво, когда отсюда можно уехать. Почему-то в виде цели движения вдруг возник домик тети в Геленджике.

И тут Кора поняла: все, что говорила эта женщина и о своей службе, и о гибели, — вранье чистой воды, и ей кажется, что где-то таится судья или следователь, ждет ее все эти годы и теперь вот скажет:

— А теперь, известная ялтинская воровка и шлюха Нинеля, последуйте в черный воронок. Ждет вас Ванинский порт и борт парохода угрюмый.

Недоволен был лишь Журба.

Он сидел за столом, писал прошение на имя президента с просьбой обеспечить ему возвращение в славные времена государя императора и ялтинского градоначальника Думбадзе, а также вернуть имуществоное состояние и ответственный пост по состоянию на 1907 год.

Инженер Всеволод уже был готов возвратиться в старую компанию. Кора попросила его подождать, пока она поговорит с Милодаром и примет человеческий облик.

Она как раз прошла сквозь саркофаг обратно и возвратилась в свое тело, когда появился комиссар.

Он был доволен, потирал ладони, между которыми проскачивали маленькие молнии.

— Война кончилась? — спросила Кора, снимая с себя пышную униформу.

— Разумеется, — ответил Милодар. — Что и следовало доказать. Мы с бабушкой провели неплохую операцию.

— А что они сделают с генералом Леем и генералом Граем? — спросила Кора.

— Откуда мне знать?

— Как? Их не посадили в тюрьму? Не расстреляли? Они же убийцы!

— Они государственные деятели, и не наше с тобой дело вмешиваться в их внутренние дела!

— Но они же вмешивались!

— Во-первых, они еще дикие. Во-вторых, они не успели натворить бед.

— Успели.

— Небольшой вред... — согласился Милодар.

— А Миша?

— А что Миша? Все в порядке! Миша в коме! Его выведут из нее завтра или послезавтра. В Москве. И есть надежда, что он почти полностью восстановится...

Милодар старался не глядеть Коре в глаза, и она поняла, что дела Миши не столь хороши, как то хочет показать комиссар.

- Тогда я рада одному, — сказала Кора.
- Чему?
- Что убила полковника Рай-Райи.
- Этого быть не может! — закричал Милодар. — Ты была голограммой. Ты не могла...
- Я его достаточно попугала. Я его... спровоцировала.
- А вот это. — лишнее. Мой агент должен быть лишен всяких глупых чувств. Как учил один из моих давних предшественников: «У чекиста должны быть холодные руки и горячее сердце».
- Кто это был?
- Кажется, Савонарола, — неуверенно ответил Милодар.
- Это был Дзержинский, — ответила куда более образованная Кора. — И он имел в виду не руки, а голову. Го-ло-ву.
- Вот именно, — сразу согласился Милодар.
- Он прошел по комнате, окинув внимательным взглядом ценителя фигуру Коры и сказал:
- Иди в душ, напяливай старую одежду и присоединяйся к своей отдыхающей компании. И до конца каникул забудь о том, что было.
- А после каникул?
- После каникул ты и на самом деле обо всем забудешь.
- Когда Кора выходила из комнаты, она спросила Милодара:
- А что будет с ними? — имея в виду пленников.
- Вернее всего, останутся здесь. Ни одна машина времени не действует на полтора века, чтобы вернуть Журбу к его обязанностям. Ничего, пошлем его мелким начальником на отсталую планету. Будет довolen. Нинеля тоже найдет место... наверное, не на Земле, но найдет. С остальными просто.
- И с Гарбузом?
- Они с Калниным решили остаться здесь. Хоть генерал Лей и обещал Гарбузу золотые горы, тот понимает, насколько рискованна жизнь Джордано Бруно и при римском дворе.

* * *

Инженер Всеволод ждал Кору у выхода из виллы «Ксения». Он истомился.

— Мне каждая минута кажется вечностью, — сообщил он. — Мой ассистент должен привезти из Москвы сверхлегкие конструкции.

Они пошли пешком к морю, надеясь отыскать там отдыхающих.

— Ты знаешь, — сказала Кора, — комиссар говорит, что генералу Лею ничего не будет.

— Логично, — ответил Той, — нам в качестве соседа удобнее генерал пуганый, чем совсем уж невежественный.

Тут они увидели, что впереди небольшой кучкой идут их друзья.

— Эй! — закричала Кора. — Подождите! Нам вас не догнать!

Отдыхающие, видно, шли из кафе на море и не спешили.

— Господи! — закричала Вероника, бросаясь к Коро. — Как мне было плохо без тебя! Я не могу быть в одиночестве!

Притом она умудрялась не сводить выразительного взора с инженера Всеволода.

— Как в Ялте? — вежливо спросил охотник Грант.

Зеленая Кломидиди прижалась к нему. Она смотрела на Кору ласково, и та поняла, что Кломидиди рада ее возвращению.

Поэты Карики и Валик потребовали, чтобы все остановились и выслушали экспромт, который они сочиняли всю ночь в надежде на возвращение царицы бала.

— Конечно, вы у нас царица бала, — сообщил охотник Грант. — Глава стаи. Нам было грустно, что вас задержали в Ялте.

— Какая Ялта? — не могла понять Кора. Что они все несут? Они же видели, как она упала со скалы...

— Ксения Михайловна нам все объяснила, — сказал поэт Карики. — Как тебя кинуло порывом ветра в море, как тебя подобрал ее друг в свою

шлюпку и отвез в Ялту, чтобы вылечить от шока. И спасибо вам за приветы и виноград, которые ты вчера прислала.

— Конечно же, спасибо, спасибо, спасибо! — откликнулись остальные.

— А я... — начал было инженер Всеволод. Потом махнул рукой и сказал: — Значит, мы были с тобой, Кора, в одной лодочке.

Тут он увидел впереди на дороге своего ассистента, который опирался на пук длинных металлических прутьев — основы завтрашнего маколета, — и громадными шагами умчался вперед, к разочарованию Вероники, которая только-только собралась на нем повиснуть.

...Заручившись обещанием Всеволода вскоре присоединиться к ним, все пошли купаться. Вода в тот день была теплой, море спокойным, а ветер умеренным.

Содержание

Детский остров	5
На полпути с обрыва	275

Дорогие читатели!

Далее в серии
«Современная российская фантастика»
читайте:

Юрий Брайдер и Николай Чадович
«Клинки максаров»

Сергей Лукьяненко
«Императоры снов»

Андрей Лазарчук
«Транквилиум»

**По вопросам оптовых
закупок книг издательства
«Локид» обращаться
по ☎(095) 265-36-71 (Москва)
☎(095) 267-20-09
☎(0172) 24-31-15 (Минск)
☎(3432) 51-43-58, 53-16-82
(Екатеринбург)**

Крупным оптовикам предоставляется
эксклюзивное право на распространение
книг издательства в своем регионе.

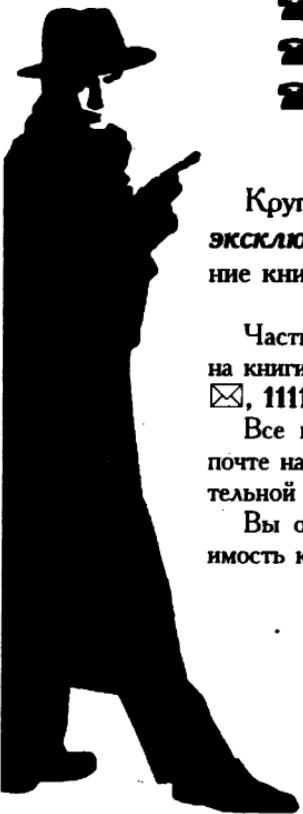
Частные лица могут направлять заказы
на книги серии по адресу:

✉, 111116, Москва, а/я 30, «Детектив».

Все книги серии будут рассыпаться по
почтке наложенным платежом без предварительной
оплаты по мере выхода их в свет.

Вы оплачиваете только отпускную стоимость
книги и почтовые расходы.

**СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)

НА ПОЛПУТИ С ОБРЫВА

*Книга первая
трилогии «Галактическая полиция»*

Редактор *Н. Беркова*
Художественный редактор *Е. Андреева*
Технический редактор *В. Котова*
Корректоры *Л. Вайнер, С. Цыганова*
Верстка *А. Галимов*

Издательская лицензия
ЛР № 063957 от 15.03.95 г.

Подписано в печать 08.11.95. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 25,4.
Тираж 26 000 экз. Заказ № 1211.

Издательство «Локид»
129110, Москва, ул. Трифоновская, д.56

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

«НА ПОЛПУТИ С ОБРЫВА» – первая книга из новой фантастической трилогии Кира Булычева, повествующей о невероятных, забавных, драматических приключениях агента ИнтерГалактической полиции XXI века Коры Орват. Мы знакомимся с Корой, когда она, юная девушка, пытается вырваться из специального приюта для сирот, чье происхождение окутано тайной. Здесь она впервые встречается со своим наставником комиссаром Милодаром и обнаруживает удивительные способности детектива. Эти способности помогают ей спасти Землю от нашествия из параллельного мира.

КИР БУЛЫЧЕВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

